

Беседы на Лубянке

**Следственное дело
Дёрдя Лукача
Материалы к биографии**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Беседы на Лубянке

Следственное дело
Дёрдя Лукача

Материалы к биографии

*2-е исправленное
и дополненное издание*

Москва • 2001

Редакторы-составители и авторы комментариев

В. Середа и А. Стыкалин

Составители Приложения Р. Мюллер и Я. Рокитянский

Комментарии к Приложению А. Дмитриева, Я. Рокитянского,

В. Середы, А. Стыкалина

Биографический очерк А. Стыкалина

Рецензенты

доктор филологических наук А. А. Гугнин

доктор филологических наук Ласло Иллеш

доктор исторических наук Ар. А. Улуян

Издание подготовлено при участии Архива Д. Лукача (Будапешт)

Опубликовано при финансовом содействии

Гамбургского института социальных исследований (Германия)

В сборник вошли уникальные документы, связанные с арестом известного венгерского философа Д. Лукача органами НКВД в июне 1941 г., а также другие архивные материалы о его пребывании в СССР в 1930–40-е гг. Книга содержит подробные научные комментарии и очерк жизни и творчества Лукача.

В настоящее издание включены некоторые новые материалы, выявленные редакторами-составителями в Центральном архиве ФСБ РФ после выхода в свет 1-го издания книги (1999).

ISBN 5-7576-0090-x

© Коллектив авторов, 2001

© Институт славяноведения РАН, 2001

© Архивы, предоставившие документы, 2001

© Документы, созданные Д. Лукачем – наследники Д. Лукача, 2001

Редакторы-составители и авторы комментариев
В. Серeda и А. Стыкалин

Составители Приложения Р. Мюллер и Я. Рокитянский
Комментарии к Приложению А. Дмитриева, Я. Рокитянского,
В. Середы, А. Стыкалина

Биографический очерк А. Стыкалина

Рецензенты

доктор филологических наук А. А. Гугнин
доктор филологических наук Ласло Иллеш
доктор исторических наук Ар. А. Улуния

Издание подготовлено при участии Архива Д. Лукача (Будапешт)
Опубликовано при финансовом содействии
Гамбургского института социальных исследований (Германия)

В сборник вошли уникальные документы, связанные с арестом известного венгерского философа Д. Лукача органами НКВД в июне 1941 г., а также другие архивные материалы о его пребывании в СССР в 1930–40-е гг. Книга содержит подробные научные комментарии и очерк жизни и творчества Лукача.

В настоящее издание включены некоторые новые материалы, выявленные редакторами-составителями в Центральном архиве ФСБ РФ после выхода в свет 1-го издания книги (1999).

ISBN 5-7576-0090-x

- © Коллектив авторов, 2001
- © Институт славяноведения РАН, 2001
- © Архивы, предоставившие документы, 2001
- © Документы, созданные Д. Лукачем – наследники Д. Лукача, 2001

От составителей

Фигура Дёрдя¹ Лукача (1885–1971), крупнейшего венгерского философа и литературного критика, деятельность которого повлияла на многие направления современной европейской мысли, на протяжении уже восьми десятилетий привлекает к себе внимание исследователей новейшей философии во всем мире. Библиография работ, ему посвященных, насчитывает не одну тысячу публикаций. Вместе с тем не все этапы жизненного пути Д. Лукача изучены с одинаковой полнотой. Особенно много «белых пятен» связано с длительным московским периодом творческой деятельности этого выдающегося философа (1929–1945 с перерывом в 1931–1933 гг., когда Лукач жил в Германии). И, пожалуй, наименее проясненным, вызывающим наибольшее количество предположений и домыслов эпизодом биографии Д. Лукача можно считать его арест в конце июня 1941 г. и двухмесячное пребывание в застенках НКВД, завершившееся неожиданным освобождением в конце августа.

При самом первом приближении к этому драматическому событию в биографии философа у исследователя неизбежно возникает множество вопросов, навеянных знанием исторического контекста, обстоятельств жизни, общественной и творческой деятельности Д. Лукача в 1930-е годы. В самом деле, был ли арест Лукача результатом возбуждения сугубо индивидуального следственного дела или же составной частью подготовки суда над группой иностранных коммунистов, работавших в Советском Союзе? Не был ли такой судебный процесс задуман еще до войны, но не успел состояться? Или, напротив, только с нападением Германии на СССР решено было на всякий случай интернировать всех «подозрительных элементов» из кругов немецкой коммунистической эмиграции (а Лукач только весной 1941 г. перевелся из КПГ в компартию Венгрии)? А может быть, истоки дела Лукача надо искать совсем не здесь, и его арест явился запоздалым отзвуком острой фракционной борьбы внутри венгерской компартии в 1920-е годы, в которой Лукач активно участвовал? С другой стороны, не было ли связи между арестом Д. Лукача и закрытием в начале 1941 г. известного журнала «Литературный кри-

тик», отстаивавшего неортодоксальную точку зрения в области эстетики и ставшего в конце концов совершенно нетерпимым для партийного руководства? Ведь роль Лукача в этом журнале трудно переоценить. Почему, наконец, один из крупных марксистов XX века не разделил участи многих погибших и был освобожден из тюрьмы? Учитывая международную репутацию венгерского философа, его известность в относительно широких кругах западной (отнюдь не только коммунистической) гуманитарной интеллигенции, не было ли хоть в какой-то мере принято во внимание соображение о том, что Лукач мог бы быть использован при установлении контактов с нею? Вопросов, как видим, возникает очень много. И только ознакомление со следственным делом Лукача, хранящимся в архивах бывшего КГБ и долгие годы недоступным для исследователей, позволяет прояснить до сих пор неясный момент в биографии философа, отбросить не подтвердившиеся версии, реконструировать всю историю с арестом Лукача в подлинном виде.

Как вытекает из документов, «дело Лукача» имело прежде всего венгерские, а не германские корни. Формальным основанием для его возбуждения явились показания некоего Иштвана (по документам НКВД – Степана) Тимара, арестованного в 1940 г. при пересечении границы и обвиненного в шпионаже в пользу венгерской разведки. Если исходить даже не из общеизвестной практики появления на свет подобного рода показаний, а только из некоторых фактов, противоречащих самой элементарной логике дознания, то нетрудно понять, что признания эти были выбиты, когда в них появилась необходимость. Иначе как объяснить, что арестованный в августе 1940 г. Тимар признался следователям НКВД в том, что должен был установить в Москве контакт с Д.Лукачем, Л.Рудашем и еще несколькими венгерскими эмигрантами, только весной 1941 г., когда арест Рудаши и Лукача, по-видимому, был предрешен? Почему 6 июля, через несколько дней после ареста Лукача и Рудаши, он был в спешном порядке приговорен к расстрелу? Подозрительно и то, что в истории венгерского рабочего движения конца 1930-х – начала 40-х годов (когда в подполье действовало лишь несколько сот коммунистов) ничего не известно о человеке с такой фамилией.

Впрочем, рациональной логики, как известно, в действиях сталинской репрессивной машины было меньше всего, хотя общая закономерность ее работы была очевидна уже и для современников и выражалась она наиболее концентрированно в придуманном большевиками термине «чистка» – в избавлении от потенциально опасных или просто подозрительных «элементов». Зная биографию Лу-

кача, можно с уверенностью сказать, что венгерский философ в сталинском государстве в сущности был обречен. Слишком хорошо в Коминтерне были известны его теоретические «заблуждения», участие во фракционной борьбе в венгерской компартии и в литературной полемике, закончившейся закрытием за полгода до ареста Лукача журнала «Литературный критик», в котором он играл видную роль. Свое дело, как можно видеть из документов, делали и добровольные помощники НКВД, поставившие органам компромат.

Как было признано следствием, показания Тимара о связи Лукача с венгерской разведкой, служившие единственной уликой, носили «общий характер», были «недостаточно убедительны и недоказательны». Для предъявления серьезных обвинений этих материалов явно не хватало. Но перед следователями стояла задача доказать причастность Лукача к шпионской деятельности, отсутствие же убедительных улик никогда не было для следственной практики НКВД непреодолимым препятствием. Дело предстояло фабриковать исходя из фактов биографии Лукача. Дело предстояло фабриковать большие связи в «старом мире», буржуазное происхождение, большие связи в «старом мире», сотрудничество в некоммунистических журналах, пропаганда в разные годы позиций, в той или иной мере расходившихся с официальной партийной линией – все это должно было послужить тем материалом, из которого шаг за шагом, кирпич за кирпичом выстраивалось дело о шпионаже в пользу иностранной разведки. «Напрасно вы пытаетесь выдавать себя за коммуниста, марксиста. В теории вы были идеалист, а в области практики – оппортунист, фракционер. А попросту – вы были на службе иностранных разведок – шпион», – такова «логика» рассуждений следователя, привыкшего видеть в любых отступлениях от генеральной линии, теоретических расхождениях и практических ошибках только и исключительно результат сознательной вражеской деятельности. Материалы «дела Лукача» выразительно раскрывают механизмы работы НКВД–НКГБ, показывают методы ведения следствия и фабрикации обвинений, позволяют представить и ощутить обстановку допроса во внутренней тюрьме на Лубянке.

Стойкое поведение подследственного, отвергавшего на допросах предъявленные ему обвинения, могло сыграть свою роль в его судьбе, но едва ли было единственной и даже главной причиной прекращения дела. Импульсы, как правило, исходили свыше и при отсутствии убедительных подтверждений можно лишь выдвинуть гипотезу о том, что только благодаря руководству венгерской компартии, нуждавшемуся в то время в услугах Д.Лукача для выработки программы действий в условиях войны Венгрии против СССР, выдающийся

философ-марксист не закончил свои дни в подвалах Лубянки, а росчерком пера всесильного Берии был восстановлен в своих гражданских правах. Это предположение неожиданно подтвердилось ставшими доступными для исследователей воспоминаниями Матяша Ракоши, написанными после 1956 г. в Советском Союзе и хранящимися в Архиве Президента РФ (основная часть мемуаров в 1997 г. опубликована в Будапеште).

По словам отставного генсека венгерской компартии, прибыв в ноябре 1940 г. в СССР после 15-летнего тюремного заключения в Венгрии, он был потрясен разгромом кадров венгерской коммунистической эмиграции, который устроили чекистские органы Сталина (с начала 30-х годов, а особенно в 1936–1938 гг., было репрессировано несколько сотен венгерских эмигрантов). Впоследствии, постигнув сталинский опыт, Ракоши сам насаждал те же методы в Венгрии: вместе с тем, учитывая, что из Советской России он уехал в 1925 г., можно поверить его изумлению и попыткам, возможно, слегка приукрашенным в мемуарах, в первое время хотя бы немного ослабить удары по кадрам венгерской партии (главным виновником репрессий он при этом называл Берию, а не Сталина). С деле Лукача и Рудаша, несколько ошибаясь в датах, Ракоши пишет следующее: «Непосредственно перед немецко-фашистским нападением, дней за десять до него, были арестованы Ласло Рудаш и Дёрдь Лукач, двое руководящих представителей венгерской коммунистической эмиграции. Международное положение было крайне напряженным, и арест вызвал довольно большой переполох среди венгерских товарищей в Москве, посчитавших, что это означает новую волну преследований.

Родственники арестованных, естественно, обратились ко мне. Мы ломали голову: что можно тут предпринять? Пока мы пытались что-нибудь разузнать, шли дни, разразилась война и что-либо предпринять в этих условиях мне казалось невыполнимым. В конце концов мне не осталось ничего другого, как вновь обратиться к Димитрову. Я сослался на то, что он лично знает арестованных, в течение долгих лет наблюдает за их работой и т. д. Дело осложнялось тем, что непосредственно перед войной Лукач ввязался в какую-то литературную дискуссию², которую официальные литературные круги объявили ошибочной, из-за чего его русские знакомые не хотели за него вступаться. [...] Тем временем я совершил непростительную ошибку, обратившись напрямую к Берии. Берия, которому я позвонил, услышав, по какому делу я хочу с ним поговорить, самым грубым образом отказал мне. “Я гляжу, вы специализируетесь на освобождении вражеских элементов!”, – сказал он мне среди прочего. Наконец, Ди-

митрову удалось доложить об этом деле Сталину. Сталин выслушал эту историю довольно мрачно и, заметив, что делает это под мое поручительство и ответственность, выполнил мою просьбу. Через несколько дней арестованных освободили, мне же один товарищ, хорошо осведомленный в чекистских делах (насколько я помню, это был Енё Варга³), сказал, что даром это мне не пройдет: Берия не простит мне, что вопреки его воле я добился освобождения Рудаша и Лукача»⁴.

Эту версию об участии Димитрова в акции по освобождению Лукача из Лубянской тюрьмы косвенно подтверждают и дневниковые записи самого Димитрова. В его дневнике, опубликованном в том же году, что и мемуары Ракоши, арест Лукача и Рудаша упоминается в записи от 12 июля 1941 г.: «Меркулов сообщил, что Лукач и Рудаш арестованы, потому что в январе 1941 г. [в действительности – в августе 1940 г. – *Ред.*] на границе был пойман венгерский разведчик, который заявил, что ему было поручено связаться с Лукачем и Рудашем. На суде он это подтвердил»⁵. Второй раз фамилии арестованных венгров упоминаются Димитровым в лаконичной записи от 1 августа 1941 г.: «Ракоши (венг[ерское] радио, об аресте Лукача и Рудаша и т. д.)»⁶. Если предположить, что Димитров, как описывает Ракоши, встречался по этому поводу со Сталиным, то появление 20 августа 1941 г. постановления о прекращении следствия и в самом деле связано с вмешательством двух деятелей Коминтерна⁷.

Поскольку в основе мировосприятия любого философа лежит его личный жизненный опыт, изучение следственного дела 1941 г. представляет интерес для исследователей философского наследия Д. Лукача. Вместе с тем ценность публикуемого документа этим не ограничивается. При всем обилии исторических источников, воссоздающих атмосферу конца 1930-х годов в СССР, едва ли что-то другое может сравниться в выразительности и достоверности (разумеется, не содержательной, а эмоционально-психологической) со следственным делом, документом, выхватывающим и отражающим правду времени во всей ее обнаженности.

Но каким бы впечатляющим документом ни было само по себе следственное дело, его нельзя в полной мере понять не только вне исторического контекста конца 1930-х – начала 1940-х годов, но и без знания предыстории, прежде всего без знания того, что связывало на протяжении многих лет философа Д. Лукача с венгерским и – шире – международным коммунистическим движением. Поэтому в приложении к основному документу, находящемуся на хранении в Центральном архиве ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ), публикаторы дают

большую подборку источников, связанных с пребыванием и работой Лукача в Советском Союзе в 1930–1940-е годы и выявленных в нескольких российских архивах – Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, до 1999 г. – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории), Архиве РАН и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Документы, включенные в Приложение, отражают в первую очередь не научно-литературную деятельность Лукача (подобные материалы, например, неопубликованные рукописи, извлеченные из архивов, могли бы составить не один том⁸), а именно биографию философа, его подчас драматические отношения с партийными и научными инстанциями, подробности повседневной жизни, на фоне которых разворачивалась его научная деятельность. Основная часть документов, вошедших в Приложение, взята из личного дела Лукача, которое составлялось в течение десятилетий отделом кадров Исполкома Коминтерна.

В качестве послесловия к настоящему изданию дается биографический очерк о Лукаче с особым акцентом на общественно-политической деятельности венгерского мыслителя, на протяжении многих десятилетий своего творческого пути никогда не чуждавшегося практической политики.

Документы публикуются с сохранением грамматических и стилистических особенностей оригинала. Материалы, представленные в архивных делах на немецком и венгерском языках, даны в переводах, выполненных Я.Рокитянским (с немецкого) и В.Середой (с венгерского). Все документы публикуются впервые и за единичными исключениями воспроизводятся полностью.

За помощь, оказанную в работе над сборником, составители выражают признательность руководству Центрального архива ФСБ России, предоставившего по ходатайству наследника Лукача Ф.Яноши возможность для работы со следственным делом, а также директору будапештского Архива Лукача Ласло Сиклаи, руководителям РГАСПИ К.М.Андерсону и О.В.Наумову, директору РГАЛИ Н.Б.Волковой, директору Архива РАН Б.В.Левшину, главному специалисту РГАСПИ Р.И.Парадизовой, сотруднику ЦА ФСБ РФ Н.Н.Воякиной и старшему научному сотруднику отдела документальной информации Архива РАН Л.Л.Заруцкой.

(1999)

*

Первое издание «Бесед на Лубянке...», несмотря на более чем скромный тираж (300 экз.), получило неожиданно много откликов в периодической печати и научных изданиях как в России, так и за рубежом (особенно в Венгрии, на родине Лукача, но также в Германии и Италии)⁹.

По материалам сборника были опубликованы и самостоятельные исследования, авторы которых – каждый по-своему – попытались осветить вопросы, оставшиеся без ответа в книге¹⁰, а также сделаны доклады на международных научных конференциях¹¹. В ряде откликов содержались критические замечания, за которые редакторы сборника весьма признательны рецензентам (в первую очередь – известному венгерскому исследователю творчества Лукача и переводчику данной книги на венгерский язык д-ру Ласло Иллешу).

Но не только желание исправить мелкие недоработки побудило нас подготовить 2-е издание книги. В начале 2001 г. редакторам-составителям удалось ознакомиться в ЦА ФСБ со следственными делами Иштвана Тимара и Ласло Рудаши. При этом лишний раз подтвердилось, что даже документы, рожденные в недрах Лубянки, – при должном подходе к анализу – могут служить источником достоверной исторической информации¹². Дела эти помогают лучше понять обстоятельства ареста в 1941 г. Д.Лукача и Л.Рудаши и пролить дополнительный свет на судьбы людей, по воле советских чекистских органов оказавшихся трагически связанными с главным героем «Бесед на Лубянке...» (в изложении либо отрывках из документов эти материалы вошли в комментарии к док. № 2 и 19 следственного дела Д.Лукача – см. с. 63–67, 75–76 настоящего издания).

За возможность провести дополнительные изыскания в ЦА ФСБ и помощь в работе авторский коллектив еще раз выражает руководству и сотрудникам архива искреннюю благодарность.

18 июня 2001 г.

В.Середа
А.Стыкалин

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Составители и авторы комментариев используют в данном издании наиболее правильное с точки зрения венгерского языка написание имени Лукача, хотя более распространенными являются варианты «Дьердь» или «Дьёрдь».

² Речь идет о дискуссии вокруг книги Лукача «К истории реализма» (М., 1939), в ходе которой эстетические воззрения Лукача были подвергнуты критике с позиций официальной ортодоксии.

³ Академик Е.С.Варга, о котором идет речь, по воспоминаниям людей, общавшихся с ним в 40-е гг., был знаком с Берией и иногда обращался к нему с просьбами о содействии освобождению осужденных венгерских политэмигрантов. В частности, по его просьбе, в 1945 г. из заключения был освобожден приемный сын Лукача Ф.Яноши (см.: *Életinterjú Jánosy Ferencsel // Medvetánc*, 1986/4–1987/1. sz. 246. old.).

⁴ *Rákosi M. Visszaemlékezések. 1940–1956. Budapest, 1997. I. köt., 37. old.*

⁵ *Димитров Г. Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 240.*

⁶ Там же. С. 243.

⁷ Согласно журналу записи лиц, принятых Сталиным в его рабочем кабинете, Димитров не встречался с ним ни в июле, ни в августе 1941 г. (см.: *Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина // Исторический архив*, 1996, № 2), хотя это не означает, что разговор не мог состояться в другом месте или по телефону. Более полные сведения о контактах генерального секретаря Исполкома Коминтерна со Сталиным содержит дневник Димитрова, из которого следует, что в период с 1 по 20 августа 1941 г. они встречались по меньшей мере три раза: 2 и 16 августа Димитров вместе со Сталиным, Молотовым, Маленковым, Берией и другими членами советского руководства пережил налет немецкой авиации в бомбоубежище Политбюро, а 4 августа имел разговор со Сталиным о подготовке восстания в Болгарии (см.: *Димитров Г. Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 243.*)

⁸ Примером может служить фундаментальный сборник работ Лукача, написанных в «московский период», который опубликовал по российским архивным источникам венгерский исследователь Л.Сиклаи. См.: *Lukács Gy. Esztétikai írások. 1930–1945. Szerk., előszó, jegyz. Sziklai L. Bp., 1982.*

⁹ См., напр.: *Виктор Арсланов. О любви к литературе (Зачем сыну миллионера вступать в компартию?) // НГ-Ex libris*, 2000, 16 марта; *Vittorio Strada. Accusato da un agente ungherese, rimase in prigione a Mosca per due mesi. Poi intervenne Stalin // Corriere della Sera*, 02 febbraio 2000; *Geréb Anna. „Maga provokátor, és kémtevékenységet folytatott a Szovjetunió ellen a külföldi felderítő ügynökségek javára” // Népszabadság*, 2000. febr. 12 (в данной рецензии, к сожалению, по ошибке не указано имя одного из редакторов-составителей книги – А.Стыкалина); *Ralf Zwengel. „Idealist, opportunist, fraktionmacher und spion” // Frankfurter Allgemeine Zeitung* 1.03.2000; *Д.Л. Беседы на Лубянке // Новое литературное обозрение*, № 46 (2000). С. 433–435.

¹⁰ *Сергей Земляной. Советский период в биографии Дёрдя Лукача // Русский Журнал*, 8.06.2000 (www.rus.ru); *Reinhard Müller. »Glück in dieser Katastrophenzeit«.* Georg Lukács in der Lubjanka // *Mittelweg* 36, Jg. 9, Heft 4, Hamburg, 2000. S. 28–48.; *Hajdu Tibor. Lukács György a Lubjankán // Mozgó Világ*, 2000, № 8.; *Sziklai László. „41-ben mégis lebuktam”: Lukács György vallatása a Lubjankán // Kritika*, 2000. dec., p. 33–37; 2001. jan., p. 38–40.; *Illés László. Egy letartóztatás utóélete: Lukács György vallomásai a Lubjankán [Bevezetés] // GULAG. A szovjet táborrendszer története. Szerk. Krausz Tamás. Pannonica Kiadó, 2001, p. 322–326.*

¹¹ *Alekszandr Sztikalin–Vjacseszlav Szereda: Lukács György a Lubjankán. In: GULAG. A szovjet táborrendszer története. Szerk. Krausz Tamás. Pannonica Kiadó, 2001, p. 117–120.*

¹² Важные источниковедческие наблюдения на эту тему см., напр., в статье: *Б.В.Ананьич, В.М.Панях. «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки*, М, 1999, № 2 (120). С. 338–349.

Следственное дело Д.Лукача (июнь–август 1941 г.)

1. Справка о передаче следственного дела Д.Лукача в архив

СПРАВКА

За арх[ивным] № 920393 зарегистрировано арх[ивное] след[ственное] дело в «1» томах по обвинению ЛУКАЧ Г.О. Дело получено из «17» отделения 1 спецотдела НКВД¹ СССР для хранения в архиве 1-го спецотдела НКВД СССР.

П[омощник]/оперуполном[оченного] 11 отд[еления]
1 спецотдела НКВД СССР

«11» XI 1941 г.

Некрасова^а

Машинописный подлинник, подшит в начале архивного дела без номера справки. Дело Р-19344 хранится в Центральном архиве ФСБ РФ.

2. Постановление об аресте

«Утверждаю»

Народный комиссар
госбезопасности СССР
(Меркулов^с)
27 июня 1941 г.

«Арест санкционирую»

Прокурор Союза ССР
(Бочков^д)
28 июня 1941 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(на арест)

Гор. Москва, 25 июня 1941 года. Я, оперуполномоченный 1 отд[еления] 5 Отдела 2 Управления⁴ НКГБ СССР – мл. лейтенант госуд. безопасности Черных – рассмотрев поступившие материалы о преступной деятельности Лукач Георгия Осиповича, 1885 г. рождения, уроженца г. Будапешта (Венгрия), венгерца, сына крупного банкира, члена КПГ⁵, гр-на СССР, члена бюро немецкой секции Союза Сов[етских] писателей^е, работающего научным сотрудником института философии Академии наук СССР и проживающего по улице Чкалова дом № 21 кв. 68,

НАШЕЛ:

^а Собственноручные подписи, а также данные, вписанные в машинописные документы от руки, выделяются курсивом.

^б Далее указываются только номера листов этого дела.

^с Проставлена виза: «Зам. И.Серов».

^д Проставлена виза: «Зам. Г.Сафонов».

^е Выделенное курсивом подчеркнуто в документе чернилами.

Показаниями арестованного в августе 1940 года, при нелегальном переходе госграницы, агента венгерской разведки Тимар Степана Бойловича^б – Лукач избличается как агент венгерской разведки, с которым Тимар должен был установить шпионскую связь посредством условного пароля. (Показания от 9/V-1941 года.)

В 1919–1921 гг. Лукач Г.О. принимал участие в фракционной борьбе в рядах КП Венгрии⁷. В 1928 году написал оппортунистические тезисы для съезда КП Венгрии⁸.

В этом же году, во время так называемого «венского провала» ЦК КП Венгрии, Лукач подозревался в связи с венгерской полицией⁹.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. 110 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Лукач Георгия Осиповича, проживающего по улице Чкалова дом № 21 кв. 68, подвергнуть аресту и обыску.

Оперуполномоч. 1 отд. 5 отдела 2 упр. НКГБ
мл. лейтенант госбезопасности
Зам. нач. 5 отд. 2 Управления НКГБ СССР
капитан госбезопасности

Черных

Журавлев

«Согласен»

Зам. нач. 2 Управления НКГБ
Союза ССР ст. майор гос. безопасности

Борщев¹⁰

Л. 1–2. Машинописный подлинник.

3. Постановление об избрании меры пресечения

«Утверждаю»

Народный комиссар
государств. безопасности СССР
(Меркулов^а)
27 июня 1941 г.

«Арест санкционирую»

Прокурор Союза ССР
(Бочков^б)
28 июня 1941 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(об избрании меры пресечения)

Гор. Москва, 25 июня 1941 г. Я, Оперуполномоченный 1 Отд[еления] 5 Отдела 2 Управления НКГБ СССР Мл. Лейтенант Госбезопасности Черных, рассмотрев поступившие в НКГБ СССР материалы о преступной деятельности:

Фамилия – Лукач

Имя и отчество – Георгия Осиповича

^а Проставлена виза: «Зам. И.Серов».

^б Проставлена виза: «Зам. Г.Сафонов».

Год рождения – 1885
Место рождения – Будапешт (Венгрия)
Профессия и специальность – литератор
Место работы и должность – Академия Наук СССР
Партийность – член КП Германии¹¹
Образование – высшее
Национальность – венгерец
Гражданство – СССР
Семейное положение – женат
Адрес: ул. Чкалова, дом 21, кв. 68

Нашел, что Лукач Г.О. подозревается в преступлениях, предусмотренных ст. 58-6 УК РСФСР¹² и принимая во внимание, что Лукач Георгий Осипович находясь на свободе может уклониться от следствия и суда руководствуясь ст. ст. 145 и 158 УПК РСФСР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда Лукач Георгия Осиповича избрать содержание под стражей, о чем в порядке ст. 146 УПК РСФСР объявить арестованному под расписку в настоящем постановлении.

В соответствии со ст. 160 УПК РСФСР, копию постановления направить Прокурору и передать начальнику тюрьмы для приобщения к личному тюремному делу.

Оперуполномоч 1 отд. 5 Отдела 2 Упр. НКГБ СССР
Мл. Лейтенант Госбезопасности Черных
Следователь Зам Нач. 5 отдела 2 Упр. НКГБ СССР Журавлев
Капитан Госбезопасности Борцев
«Согласен» – Зам. Нач. 2 Управления НКГБ СССР
Ст. Майор Госбезопасности

Настоящее постановление мне объявлено 1 Юлиа^а 1941 года Георг Лукач

Л. 3-Зоб. Машинописный подлинник.

4. Протокол обыска на квартире Д.Лукача от 29 июня 1941 г.

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Народного Комиссариата Государственной Безопасности СССР за № 815 от «29» июня мес. 1941 г. произведен обыск/арест у гр. Лукач Георгий Осипович в доме № 21 кв. № 68 по ул. Чкалова.

^а Так в документе. Вписано рукой Д.Лукача.

СССР
Народный Комиссариат Государственной Безопасности

ОРДЕР № 815

Июль 29 дня 1941 г.

Выдан

государственной безопасности
тов. *А. Осеву - Н. В. Кову*
на производство: *Ареста и обыска*

Лукач
Георгий Осипович

по адресу *Ул. Чкалова д 21*
кв 68

Народный Комиссар
Государственной Безопасности СССР

Начальник Третьего Отдела
НКГБ СССР

справка: *65* Арест санкционирован Прокурором СССР.
н. Савицкий

Ордер на арест Д.Лукача. 29 июля 1941 г. Л. 4.

При обыске присутствовали (указать служебное или общественное положение присутствующих): Яносси¹³ Гертруда Людвиговна, Яноши Анна Георгиевна, дворник дома Лунин Алексей Филиппович.

Согласно ордера арестован: Лукач Георгий Осипович.

Изъято для доставления в Народный Комиссариат Государственной Безопасности СССР следующее:

1. Паспорт № МIII 580714, выданный 26 о/м г. Москвы.
2. Членский билет № 566 Союза Сов[етских] писателей.
3. 2 сберкнижки счет № 749 касса № 148 на сумму 13087 р. 34 коп. и счет № 5696 касса № 5280/229 на сумму 11736 р. 67 коп.
4. Билет № 90 на право занятий в чит[альном] зале ин[ститу]та Маркса.
5. Пропуск в Дом Сов[етских] писателей.
6. Трудовой список.
7. Читательский билет Науч[ной] библиотеки им. Горького¹⁴.
8. Пишущая машинка «Рояль».
9. Сверток с заметками, собранными на письменном столе.
10. Две записных старых книжки.
11. Пачка писем и резаных заметок.
12. 12 шт. разных фотографий.
13. Пропуск № 3260 на право прох[ода] в Центр[а. ъную] поликл[инику] Наркомздрава.

14. Займ разный на сумму 3900 р. (см. опись займа).

15. 6 шт. книг на немецком языке.

16. 12 дел с разной перепиской¹⁵.

Обыск производил сотрудник НКГБ: Лосев А.М.

При обыске заявлена жалоба от: Яносси Гертруда Людвиговна.

1) на неправильности, допущенные при обыске и заключающиеся по мнению жалобщика в: *никаких претензий нет.*

2) на исчезновение предметов, не занесенных в протокол: *претензий нет.*

Примечание: пункт 10, 11, 12, 15 опечатаны сергучной печатью.

№ 1 в одном пакете. Пункт 16 и 9 опечатаны отдельно.

После производства обыска опечатано (характеристика опечатанной квартиры или комнаты):

Подпись лица, у которого производился обыск: Г.Яносси.

Подпись представителя домоуправления или других присутствовавших лиц: Яноши, Лунин.

Подпись сотрудника НКГБ, производившего обыск-арест: А.Лосев.

Все заявления и претензии должны быть занесены в протокол.

За всеми справками обращаться в комендатуру НКГБ (Кузнецкий мост, 24), указывая № ордера, день его выдачи, когда был произведен обыск.

Копию протокола получил: Г.Яносси.

29 июня 1941 года

Л. 8-8об. Типографский бланк, заполненный простым карандашом.

НКВД СССР

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Фамилия	Лукач
2. Имя и отчество	Георг Осипович
3. Год и место рождения	Родился в 1885 году Венгав, область (край) _____ район _____ село _____ гор. Будапешт
4. Постоянное местожительство (адрес)	Москва, ул. Ежово 92/1 кв 68
5. Профессия и специальность	Писатель
6. Последнее место службы и должность или род занятий	а) учреждение <i>Земляной штабграф.</i> Предприятие <i>работы на дому.</i> б) должность _____ в) звание _____ г) в систему какого Наркомага, или другого руководящего органа входит учреждение (предприятие) _____ д) если не работает—когда уволен _____ 19 ____ г.
7. Партийная принадлежность	а) в прошлом <i>с 1918г.</i> б) в настоящее время <i>К.Т. Венгав</i> лет № _____
8. Национальность	Венгеру
9. Гражданство (при отсутствии паспорта, указать какой документ удостоверяет гражданство)	а) гражд. (подд.) <i>СССР</i> б) паспорт № _____ кем выдан _____ <i>г. Москва</i>

Анкета арестованного. Л. 5-6об.

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
10. Образование (подчеркнуть и указать, что закончил)	Высшее, среднее, низшее
11. К какой общественной группе себя причисляет (подчеркнуть)	Рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кулаков, свободных профессий, служителей культа, индженеров, прочих.
12. Социальное происхождение (кем были отец и мать)	Из Сельхозхоз
13. Имущественное положение и чем занимался до 1929 года	а) имущ. полож. б) занятие Сельхозхоз
14. То же до 1917 года	а) имущ. полож. б) занятие Хлебопаш
15. Служба в царской армии и чин	Нет
16. Служба в белой армии (какой) и чин	Нет
17. Категория воинского учета (запаса)	Нет
18. Участие в к-р восстаниях и бандх (когда и где)	Нет
19. Судимости (состоял ли под судом и следствием, где, когда, за что, приговор)	Нет
20. Примыкала ли к антисоветским партиям и организациям (меньшевники, с-р, анархисты, троцкисты, правые, националисты и т. д.), где и когда	Нет

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
21. Состав семьи (о каждом указывать фамилию, имя, отчество, возраст, место работы и должность, адрес)	отец Умер
	мать Умерла
	муж
	жена Яноши Зартифта Иодфиевине 59 лет, домох. упр. у. Чкалова д. 21 кв. 6.
	дети Яноши Викра Георгиевна 22 года Учител. пр. по ул. Чкалова д. 21 кв. 18
	братья (сестры) Юган, умер 58 лет, брат Сестр. Мария Комер. 54 года где они находились в негнанд.
	Личная подпись арестованного Мухомея Георгиевича

5. Опись ценностей, изъятых при аресте

ОПИСЬ № 112

ценностей заключенного *Лукача Георгий Осиповича*

Согласно квитанции № 10909 от 29 VI 1941 г. приняты
облигации Гос. займа 2-й пятилетки (выпуска 4 года)
4 раза по 500 2000
Заем 3-й пятилетки (выпуск 2 года)
10 р. по 100 1000
Заем 3-й пятилетки (выпуск 3 года)
9 р. по 100
Всего на сумму три тысячи девятьсот рублей^а.

Л. 9-10. Бланк внутренней тюрьмы Главного Управления госбезопасности НКВД, заполненный от руки под копирку.

6. Квитанции о приеме на хранение документов и ценностей арестованного Д. Лукача

КВИТАНЦИЯ № 10931 29 VI 1941 г.

Принято согласно ордера 2 отдела ГУГБ НКВД
от арестованного *Лукач Георг Осипович*

сберкнижка № 794 с остатком 13 084 руб. 34 к.
сберкнижка № 5696 с остатком 11 736 руб. 64 к.

Дежурн. отделен. 10 отдела ГУГБ по приему арестованных:

КВИТАНЦИЯ № 15206

Принято от арестованного *Лукач Г.О.*

1. паспорт МШ № 580714
2. читательский билет 7635
3. читательский билет № 3260
4. членский билет № 566
5. билет № 90
6. пропуск
7. трудовой список

Дежурн. отделен. 10 отдела ГУГБ по приему арестованных

^а К квитанции приложен перечень номеров облигаций (л. 11).

1. Особые внешние приметы арестованного.....

2. Кем и когда арестован или откуда прибыл (номер ордера) *29/VI-41 Ард № 815*

НКВД СССР г. Москва

3. Направлен..... в тюрьму

4. Другие замечания.....

Должность, звание и фамилия сотрудника, опросившего арестованного и заполнившего анкету

мл. Кош. Вздога

Подпись

В.И. Кош

29. Июнь 1941 г.

1. Социальная принадлежность.....

2. Отрасль хозяйства, госаппарата, культуры.....

3. Управление..... отдел *9-й НКВД*

4. Политическая окраска.....

5. Характер преступления.....

Фамилия и подпись сотрудника
1-го Спецотдела

19... г.

КВИТАНЦИЯ № 1461

Принято от арестованного Лукач Г.О.

Пишущая машинка «Рояль» № р. 20934

Кладовщик:

КВИТАНЦИЯ № 16792

Принято от арестованного Лукач Г.О. 3 VII

Часы карманные б[елого]м[еталла] № 1122933.

КВИТАНЦИЯ № 11646

Принято от арестованного Лукач Г.О.

Наличных денег в сумме 0-50 коп.

3 VII-41 Принял зав. бюро:

КВИТАНЦИЯ № 1789

Принято от арестованного Лукач Г.О. 3 VII

Поясов от пальто матерч. 2 шт.

Галстук вязаный б у шелк. 1

Кошелечек с замком молния б у 1

Ремень брючный 1

Резинки для носок 1 пара

Кладовщик:

Л. 12-18. Бланки отделения по приему арестованных Внутренней тюрьмы
Главного Управления госбезопасности НКВД, запечатанные от руки под кофирку.

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

Допрос начал в 23 час. 00 минут. Окончен в _____ час. _____ минут.

1941 г. июля мес. 1 дня Я Сидоровичев Р. А. Служба _____

НКВД Бухарев допросил в качестве обвиняемого _____

1. Фамилия Лукач

2. Имя и отчество Георгий Георгиевич

3. Дата рождения 1885 г.

4. Место рождения в Будапеште (Венгрия)

5. Место жительства Машава, ул. Ташева д. 2/1 в 68.

6. Нац. и гражд. (подданство) Венгрия, СССР

7. Партийность (в прошлом и в настоящем) член В.К. Венгрии с 1919 года.

8. Образование (общее, специальное) Высшее, в 1906 году окончил

Университет (Академ. 97-505) в том же университете в 1909 году окончил дипломный курс (г. Будапешт).

9. Паспорт отобран при аресте.

(Когда и каким органом выдан, номер, категория и место присвоения)

10. Род занятий Гимазель

(место службы и должность)

11. Социальное происхождение Отец был директором буржуазного банка, имел свой дом

(род занятий родителей и их имущественное положение)

12. Социальное положение (род, занятий и имущественное положение):

а) до революции Гимазель

б) после революции Служащий - инженер-механик на фабрике.

Протокол допроса Д. Лукача от 1 июля 1941 г.

18. Состав семьи мать - Анна Георгиевна Давыдова,
(указав родственных, их имена, фамилию, адрес и род занятий)

5 человек, проживавшие по адресу: улица, дом № 10/11; отец -
Алексей Антон Георгиевич, 24 лет, студент Московского
университета, проживавший по адресу: Брай-Бульвар Москва
Особый 1940 г., где трудился редактором газеты, Виктор Яков
Михайлович, 54 лет, много лет работал инженером.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции не подвергался.

б) после революции арестовывался австрийскими властями

в 1930 г. в Вене, в 1932 году арестовывался повторно в Вене
австрийскими властями.

15. Какие имеет наг. или (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти

наград не имеет.

16. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете

С воинского учета снят в возрасте.

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в ка-

честве кого в 1919 г. был комиссаром Венгерской армии

армии.

18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда, в качестве кого)

не служил.

19. Участие в бандх, к.-р. организациях и восстаниях

не участвовал.

20. Сведения об общественно-политической деятельности

с 1919 по 1931 г. чл. ЦК В.Р. Венгрии, в 1920 по 1930 г. чл. ЦК
В.Р. Венгрии и руководителем газетной работы «Коммунистическая Борьба»

Примечание. Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, в последнем допрашиваемом.

Георгий Лукача

7. Протокол допроса Д. Лукача от 3 июля 1941 г.

Протокол допроса
ЛУКАЧА Георгия Осиповича

От 3-го июля 1941 г.
Допрос начал в 12 ч. 30 м.

Вопрос: С какого времени вы проживаете в Советском Союзе?

Ответ: На постоянное жительство в Советский Союз я прибыл в марте 1933 года.

Вопрос: До 1933 года вы были в СССР?

Ответ: Да, был.

Вопрос: Когда и сколько раз?

Ответ: Первый раз в СССР я приезжал летом 1921 г.¹⁶, второй раз – в декабре 1929 года и прожил до 1931 г. в Москве, в том же 1931 году выехал на жительство в Германию гор. Берлин, где и находился до 1933 года.

Вопрос: В связи с чем вы переехали на жительство в гор. Берлин?

Ответ: В Берлин я выехал в связи со сложившимися семейными обстоятельствами и, кроме того, я имел намерение проводить там работу в коммунистической партии Германии.

Вопрос: Что у вас были за семейные обстоятельства, заставившие вас выехать в Германию?

Ответ: В Москве я не имел квартиры, кроме того, моя дочь в то время училась в г. Вене, в связи с этим я и решил переехать на жительство в Берлин.

Вопрос: Почему вы решили поехать в Германию, а не в какую-либо другую страну?

Ответ: Местом своего жительства я избрал Берлин потому, что свободно владею немецким языком, знаю хорошо быт и нравы немцев и, кроме того, я был известен в руководящих партийных кругах коммунистической партии Германии.

Вопрос: Где вы жили до 1929 года?

Ответ: До 1929 года я жил в гор. Вене (Австрия).

Вопрос: С какого года вы проживали в Вене?

Ответ: В Вене я проживал с 1919 года, куда выехал из Будапешта в связи с разгромом Венгерской Советской республики¹⁷.

Вопрос: За период своего пребывания в гор. Вене вы выезжали когда-либо в Венгрию?

Ответ: Да, выезжал.

Вопрос: Когда и в какой город?

Ответ: В 1929 году я, ЦК Коммунистической партии Венгрии, посылался в Будапешт на нелегальную партийную работу.

Вопрос: Сколько времени, в этот раз, вы пробыли в Будапеште?

Ответ: В Будапеште, в 1929 году, я пробыл три месяца: февраль, март и апрель.

Вопрос: Какое задание вы получили от ЦК КП Венгрии перед вашей поездкой в Будапешт?

Ответ: В ЦК КП Венгрии, в тот период, существовал такой порядок, что каждый член ЦК должен был выезжать на три месяца в Венгрию и там руководить всей партийной работой. В 1929 году во время моего пребывания в Будапеште, происходили перевыборы руководящего состава касс взаимопомощи и я, как член ЦК КП Венгрии, должен был направить свою работу на то, чтобы большинство мест в кассах взаимопомощи обеспечить за коммунистами, но эта работа была провалена и большинство мест получили не коммунисты, а социал-демократы.

Вопрос: Почему была провалена работа по выборам в кассы взаимопомощи?

Ответ: Работа по выборам в кассы взаимопомощи была провалена потому, что ЦК КП Венгрии, в том числе и я, проводили неправильную политику в этом вопросе. Мы основной упор держали на отдельные профсоюзные группы и через эти группы хотели расколоть профдвижение и повести за собой лево настроенную часть рабочих. Это мероприятие нам провести не удалось. Впоследствии Коминтерн осудил такую тактику ЦК КП Венгрии.

Вопрос: Во время вашего пребывания в Будапеште там были аресты среди коммунистов?

Ответ: Да, были. В феврале м-це 1929 года полиция в Будапеште арестовала большое количество комсомольцев во главе с представителем ЦК КП Венгрии в комсомоле Шиленгером Ладислаусом¹⁸. Кроме того, были арестованы ряд партийных работников, работавших на нелегальной партийной работе. После моего отъезда из Будапешта там полицией были арестованы член ЦК КП Венгрии Вейс Фердинанд и его секретарша Шимон Елан¹⁹.

Вопрос: Почему в то время были такие провалы партийных организаций в Будапеште и отдельных коммунистов?

Ответ: Это объясняется тем, что в 1929 году внутри коммунистической партии Венгрии шла сильная фракционная борьба между отдельными фракциями, которая и способствовала провалу партийных организаций^а.

Допрос прерван в 16 часов 00 минут.

Записано с моих слов верно и мной прочитано – *Георг Лукач*

Допросил: следователь 1 отд. следчасти
НКГБ СССР сержант гос. безопасности

Пугачев

Л. 21–25. Машинописный подлинник. Рукописный черновик протокола – л. 26–29.

^а На полях карандашная помета: «Он сам был активным фракционером».

Тюремное фото Д.Лукача.

8. Протокол допроса Д.Лукача от 4 июля 1941 г.

ПРОТОКОЛ
допроса ЛУКАЧ Георгия Осиповича

От 4-го июля 1941 года
Допрос начат в 13 час. 00 м.

Вопрос: Ранее на допросах вы упорно не желали рассказывать следствию о своих преступлениях против партии и советской власти, предлагаем вам рассказать об этом сегодня?

Ответ: Преступлений против партии и советского правительства я никогда не совершал и показать мне по этому вопросу абсолютно нечего. За период моего пребывания в рядах компартии Венгрии у меня было ряд ошибок, на которые мне указывали, и я их исправлял.

Вопрос: О каких «ошибках» вы говорите?

Ответ: Я говорю о тех ошибках, которые я допустил в своей работе в 1920 году и в 1929 году.

Вопрос: Расскажите об этих «ошибках»?

От зет: В 1920 году я допустил ошибку ультралевачьего характера. В тот период я стоял на ультралевачьих позициях вообще и свои ультралевачьие взгляды пропагандировал в коммунистической печати в Вене (журнал «Коммунизм»²⁰) и Берлине (журнал «Интернационал»). В своих статьях я *доказывал*^a, что рабочему классу не нужно вести парламентскую борьбу с капитализмом, не нужно участвовать в кампании по выборам в парламент и не принимать участия в работе парламента. В одной из своих статей *В.И.Ленин* в очень резкой форме *критиковал мои выступления* – заявив, что они *ничего общего с марксизмом не имеют*²¹. Свою ошибку я осознал и в 1922–23 году встал на правильные партийные позиции. *Вторая моя ошибка* заключалась в том, что *в 1929 году* мне Центральным Комитетом компартии Венгрии было поручено написать тезисы ко II съезду КП Венгрии, который должен был состояться в начале 1930 года, тезисы я написал, но ЦК КП Венгрии и Коминтерном они приняты не были, как правооппортунистические²². Эта ошибка заключалась в том, что в написанных мной тезисах я указывал, что победа пролетарской революции в Венгрии возможна только через демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, тогда как в Венгрии в 1919 году была уже диктатура пролетариата и предлагать в тезисах партийному съезду положение о том, что Венгерская революция должна пережить форму демократической диктатуры пролетариата и крестьянства было бы движением не вперед, а назад²³. Как уже я выше показал, что тезисы были подвергнуты критике со стороны ЦК КП Венгрии и Коминтерна и приняты не были.

^a Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты в документе карандашом.

Допрос прерван в 19 часов 10 минут.

Записано с моих слов верно и мной прочитано – Лукач

Допросил: следователь следчасти НКГБ СССР
сержант госбезопасности

Пугачев

Л. 30–32. Неподписанный машинописный чистовик. Черновой рукописный вариант протокола с подписью Д.Лукача на каждом листе – л. 33–35.

9. Протокол допроса Д.Лукача от 6 июля 1941 г.

Протокол допроса Лукача Георгия Осиповича

От 6-го июля 1941 года
Допрос начат в 12 час. 45 мин.

Вопрос: За время вашего пребывания за границей вы арестовывались полицией?

Ответ: Да, арестовывался.

Вопрос: В каком году, где и за что вы арестовывались?

Ответ: Первый раз я был арестован полицией в гор. Вене в 1919 году (сентябрь месяц) за нелегальный переход австрийской границы. Просидел в полиции 3–4 дня, после чего был отпущен. Освободиться из под ареста мне удалось при содействии Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, которые в то время существовали в Вене и имели влияние среди рабочих Австрии. Второй раз я арестовывался венской полицией в апреле месяце 1928 года. В этот раз вместе со мной были арестованы и другие венгерские коммунисты. На следствии мне было предъявлено обвинение в том, что я являлся членом ЦК КП Венгрии и на территории Австрии проводил нелегальную коммунистическую работу. В то время я действительно был членом ЦК КП Венгрии, но на допросах скрыл об этом. Таким образом венской полиции не удалось документировать предъявленное мне обвинение и я по истечении 4–5 недель из тюрьмы был освобожден.

Вопрос: Кто еще из венгерских коммунистов был арестован венской полицией вместе с вами?

Ответ: В этот раз венской полицией были арестованы: БЕЛА КУН²⁴, быв. руководитель ЦК КП Венгрии, ЛИПАН^a Зольтан – сотрудник журнала «Уй Марциуш»²⁵ БЕЛА Секей²⁶ – функционер, беспартийный инженер МАЙЕРГОФФЕР²⁷ и БРАЕР Иллош – тех. секретарь ЦК КП Венгрии.

Вопрос: Кто из этих лиц был осужден австрийским судом?

Ответ: Австрийским судом были осуждены: Бела КУН, БРОЕР ИЛЛОШ, МЕЙЕРГОФФЕР. В отношении ЛИПАН Зольтан я сейчас не помню, был ли он осужден или освобожден до суда.

Вопрос: Почему вас не судили?

^a Правильно: Липпан.

Ответ: Следствием не было доказано, что я проводил нелегальную партийную работу как член ЦК КП Венгрии на территории Австрии, в связи с этим и был освобожден из тюрьмы^а.

Вопрос: Кто с вами сидел в камере в Венской тюрьме?

Ответ: В камере я находился один на протяжении всего периода следствия. По существующим законам в Австрии – подследственные сидят в одиночных камерах до окончания следствия и суда.

Вопрос: Как фамилия следователя, ведшего следствие по вашему делу?

Ответ: Этого я сейчас не помню.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что вы являлись провокатором и информировали полицию (в период вашего проживания за границей) о деятельности коммунистов. Предлагаем рассказать, когда и при каких обстоятельствах вы связались с полицией?

Ответ: Провокатором я никогда не был.

Вопрос: Кроме того, следствие располагает данными о вашей шпионской работе, которую вы проводили на протяжении многих лет против Советского Союза, расскажите подробно об этом?

Ответ: Никакой шпионской работы против Советского Союза я никогда не проводил.

Вопрос: Напрасно вы говорите неправду и пытаетесь уйти от ответственности, все равно имеющимися документами вы будете изобличены и в провокаторской и в шпионской работе.

Допрос прерван в 17 час. 00 мин.

Записано с моих слов верно и мной прочитано – Лукач

Допросил: следователь 1 отд. следчасти
НКГБ СССР сержант государств. безопасности (Пугачев)

Л. 36–39. Неподписанный машинописный чистовик. Черновой рукописный вариант протокола с подписью Д.Лукача на каждом листе – л. 40–43.

10. Гертруда Лукач-Яноши – В.М.Молотову²⁸

8 июля 1941 г.

ВЯЧЕСЛАВУ МИХАЙЛОВИЧУ МОЛОТОВУ
От Гертруд Лукач-Яноши,
проживающей по ул. Чкалова д. 22/23 кв. 68

Дорогой товарищ Молотов!

Прошу Вас содействовать^а скорейшему освобождению и реабилитации моего мужа Георга Лукача, арестованного 29 июня с. г.^а

^а Помета карандашом слева на полях: «Врет, наверняка».

Георг Лукач – известный венгерский писатель, философ и публицист, коммунист с 1919 г., активный участник коммунистического движения в Венгрии, Австрии и Германии, гражданин СССР. О его безупречной самоотверженной партийной работе хорошо знают руководящие деятели компартий Венгрии, Австрии и Германии (т.т. Ракоши, Герэ, Пик, Коплениг, Виден²⁹), а также зарубежные писатели-коммунисты, напр., Иоганнес Бехер³⁰ и Шандор Гергель³¹. О его глубокой преданности делу коммунизма и Советскому Союзу хорошо знают многие члены ВКП(б) (академики П.Ф.Юдин и Е.С.Варга, т.т. Е.Ф.Усевич, М.М.Розенталь, В.С.Кеменов, Ф.М.Левин, М.А.Лифшиц, Е.Н.Михайлова, Т.Л.Мотылева³² и ряд других). Я уверена, что арест Георга Лукача – результат либо клеветы, либо недоразумения, и что со временем дело разъяснится и мой муж будет освобожден. Однако, я решаюсь Вас, товарищ Молотов, просить о содействии скорейшему освобождению Лукача. Я при этом исхожу не только из того, что для моего мужа этот арест является тяжким и незаслуженным ударом, не только из того, что в его возрасте и при его состоянии здоровья такой удар небезопасен для жизни, – но исхожу главным образом из того, что как раз в данный момент Лукач может быть особенно полезен Советскому Союзу и международному коммунистическому движению.

Имя Георга Лукача широко известно за пределами СССР. Он пользуется несомненным авторитетом среди левой, антифашистской интеллигенции Запада – в частности, Англии и Америки. Об этом свидетельствует ряд фактов (положительное упоминание о Лукаче в книге Томаса Манна³³ «*Betrachtungen eines Unpolitischen*»; сонет в честь Лукача, написанный Иоганнесом Бехером; дружеское письмо к нему от Арнольда Цвейга³⁴; ряд имевшихся у него писем от английских и американских интеллигентов – писем, ныне находящихся в распоряжении следственных органов, и т. д.).

И пером антифашистского публициста, и личным влиянием Георг Лукач может содействовать мобилизации симпатий зарубежных интеллигентов к СССР, может воздействовать на колеблющихся, чтобы побудить их включиться в антифашистский фронт народов.

Освобождение и реабилитация Георга Лукача – в интересах нашего общего дела. Вот почему, товарищ Молотов, я считаю себя вправе рассчитывать на Вашу помощь и заранее Вам за нее благодарна.

Москва, 8. VII.^с 1941

Г.Яносси, жена Г.О.Лукача

Машинописный подлинник на 2-х листах. Приложен к делу в отдельном конверте. На 1-м листе письма карандашная резолюция Молотова: «В.М. Для с/ч [следственной части]». Дата поступления в следчасть НКГБ неизвестна.

^{а-а} Подчеркнуто чернилами – по-видимому, в секретариате В.М.Молотова. Остальные подчеркивания сделаны в машинописном тексте автором письма.

^б «Размышления аполитичного» (1918).

^с Явная описка в дате. Должно быть: VII.

11. Постановление о предъявлении обвинения от 12 июля 1941 г.

«Утверждаю»
12 июля 1941 г.
зам. Нач. 1-го отд. следчасти НКГБ СССР
ст. лейтенант госбезопасности (Либенсон)

Форма № 3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о предъявлении обвинения)

Город Москва, 1941 г. июля 12 дня

Я, следователь 1-го отд. 1-го отдела следчасти НКГБ СССР сержант госбезопасности Пугачев, рассмотрев следственный материал по делу № 3085 и приняв во внимание, что Лукач Георгий Осипович достаточно изобличается в том, что являлся агентом иностранной разведки, в пользу которой работал на протяжении длительного периода, –

п о с т а н о в и л :

Руководствуясь ст. ст. 128 и 129 УПК РСФСР, привлечь Лукач Георгия Осиповича в качестве обвиняемого по ст. ст. 58 п. 1а УК, о чем объявить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении.

Копию постановления, в порядке ст. 146 УПК РСФСР, направить Прокурору.

Следователь *Пугачев*

«Согласен» Нач. отд-ния

Настоящее постановление мне объявлено 12 июля^а 1941 года

Подпись обвиняемого: *Георг Лукач*

Л. 44–44об. Типографский бланк, заполненный от руки. Визы об утверждении в начале и в конце документа отсутствуют.

12. Протокол допроса Д.Лукача от 13 июля 1941 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Лукача Георгия Осиповича

От 13 июля 1941 г.
Допрос начат в 00 ч. 30 м.

Вопрос: Вам предъявлено обвинение в том, что вы на протяжении ряда лет занимались шпионской работой в пользу иностранной разведки. Признаете ли вы в этом себя виновным?

^а Так в документе.

Ответ: Нет, не признаю. Сотрудником какой-либо разведки я никогда не был и шпионской работы не вел.

Вопрос: О вашей причастности к шпионской работе следствие располагает достаточным количеством [материалов] и, сколько бы вы не заявляли о якобы своей невинности, все же под тяжестью улик вам придется говорить о шпионской работе.

Ответ: Я еще раз заявляю, что шпионом я не был.

Допрос прерван в 2 часа 00 мин.

Записано с моих слов верно и мной прочитано – *Георг Лукач*

Допросил: следователь 1-го отдела следчасти
НКГБ СССР сержант госбезопасности

Пугачев

Л. 45–46. Машиннописный подлинник.

13. Протокол допроса Д.Лукача от 13 июля 1941 г.

ПРОТОКОЛ допроса ЛУКАЧ Георгия Осиповича

От 13 июля 1941 года

Допрос начат в 12 часов 50 м.

Вопрос: Вы знакомы были с Рудаш Владиславом³⁵?

Ответ: Да, с Рудаш Владиславом я был знаком.

Вопрос: Когда и где вы с ним познакомились?

Ответ: С Рудаш я познакомился в конце 1918 или начале 1919 года в г. Будапеште (Венгрия) в здании ЦК Компартии Венгрии. Насколько мне помнится, в этом же здании помещалась и редакция центрального органа КП Венгрии – «Красная газета»³⁶, редактором которой являлся Рудаш. Кроме того, Рудаш был членом редколлегии журнала «Интернационал»³⁷.

Вопрос: На какой основе у вас произошло знакомство с Рудаш?

Ответ: Знакомство у меня с Рудаш произошло на почве совместной партийной работы. В то время Рудаш был членом ЦК КП Венгрии и редактором «Красной газеты». Мне часто приходилось бывать в ЦК по вопросам пропагандистской работы, там я встречал Рудаша и в одну из этих встреч познакомился с ним. Точно я сейчас не помню обстоятельств знакомства с Рудаш.

Вопрос: В начале вашего знакомства с Рудаш вы писали что-либо в «Красную газету»?

Ответ: Нет, в то время я никакого участия в «Красной газете» не принимал, а выполнял отдельные партийные поручения. Позднее, т. е. с февраля м-ца 1919 года, я сотрудничал в «Красной газете», но в это время редактором был не Рудаш – т. к. он ЦК КП Венгрии был направлен в Москву на 1-й конгресс Коминтерна, а Франц Ракош³⁸.

Вопрос: До поездки Рудаш на 1-й конгресс Коминтерна вы представляли тезисы своего доклада «О роли насилия в истории» для опубликования в «Красной газете»?

Ответ: Доклад назывался не «Роль насилия в истории», а тема была более узкой и носила название «Насилие как основа права». Тезисы этого доклада мной были представлены в ЦК КП Венгрии для утверждения, где они были рассмотрены и одобрены. С этим докладом я выступил в старом парламентском зале в Будапеште в конце января 1919 года. В своем докладе я опроверг теории социал-демократов о мирном переходе к социализму (путем эволюции) и доказал, что прийти к социализму без революции и насилия невозможно³⁹.

Вопрос: Ранее вы где-либо выступали с докладом на эту тему?

Ответ: С докладом о насилии и праве я не выступал, но в октябре м-це 1918 года я напечатал статью в одном из буржуазных журналов Будапешта – «Свободная мысль», где я выступал против насилия и разделял взгляды синдикалистов по этому вопросу, т. е. я отрицал пролетарскую революцию. В моей статье прямо не говорилось об этом, но раз я отрицал насилие вообще, тем самым объективно отрицал насильственный захват власти пролетариатом⁴⁰.

Вопрос: Чем объяснить такое положение, что ваши убеждения так часто менялись? В журнале «Свободная мысль» вы выступаете как синдикалист, отрицаете пролетарскую революцию, а спустя полтора-два месяца вступаете в коммунистическую партию и выступаете с докладом, в котором опровергаете выдвинутое вами же положение – два месяца назад – о насилии и пролетарской революции?

Ответ: Я объясняю это тем, что в тот период, т. е. октябрь 1918 г., я только начал приобщаться к политической жизни, многое не понимал в политике. Кроме того, падение австро-венгерской монархии произошло без насилия, и я в то время думал, что и к социализму можно прийти эволюционным путем, без насилия. Впоследствии я убедился в ошибочности своих взглядов и встал на коммунистические позиции.

Вопрос: Какую позицию вы занимали по вопросу о роли коммунистической партии в пролетарской революции в период Венгерской пролетарской диктатуры?

Ответ: В то время я не понял руководящую роль коммунистической партии в пролетарской революции. Дело в том, что в марте 1919 года произошло формальное объединение коммунистической и социал-демократической партий Венгрии в одну партию под названием «Социалистическая партия Венгрии». Такое объединение было ошибкой со стороны Коммунистической партии Венгрии, о чем II-й конгресс Коминтерна отметил в своем решении. В связи с этим объединением у меня появились ошибочные взгляды о роли коммунистической партии в пролетарской революции. Я рассуждал так: раз коммунистическая партия самостоятельно не существует, то основная роль в пролетарской революции должна принадлежать советам рабочих и крестьянских депутатов.

Вопрос: По этому вопросу вы выступали где-либо публично?

Ответ: Да, я по этому вопросу выступал в печати.

Вопрос: В какой печати вы выступали?

Ответ: После объединения коммунистической и социал-демократической партий объединенный ЦК «Социалистической партии Венгрии», в конце марта 1919 года, выпустил брошюру под названием «Документы единства» (название не точно), в этой брошюре была помещена и моя статья⁴¹. Основной смысл статьи заключался в том, что я отрицал в ней руководящую роль коммунистической партии в пролетарской революции и, как я уже выше показывал, [утверждал,] что основная роль в пролетарской революции должна была принадлежать советам рабочих и крестьянских депутатов. Впоследствии я и другие лица поняли ошибочность наших взглядов и практических действий.

Вопрос: Вы поняли свои ошибки после того, как венгерская реакция потопила в крови пролетарскую диктатуру?

Ответ: Да, после падения венгерской диктатуры пролетариата я и другие руководители Венгерской коммунистической партии поняли свои ошибки, заключавшиеся в том, что объединились с венгерской партией соц. демократов и не могли из этого объединения найти революционный выход. Мы допустили ошибку в крестьянском вопросе, произведя национализацию земли – не разделили ее между крестьянами, а начали создавать коммуны и совхозы.

Вопрос: Рудаш был в Венгрии в период венгерской пролетарской диктатуры?

Ответ: Пролетарская революция в Венгрии началась в марте месяце 1919 года, в это время Рудаш находился в Москве, на 1-м конгрессе Коминтерна и в Будапешт приехал, – насколько я помню, – в мае м-це 1919 года и был в Будапеште примерно до ноября месяца 1919 года.

Вопрос: А в ноябре 1919 года куда выехал Рудаш?

Ответ: В ноябре 1919 года Рудаш выехал в Австрию в г. Вену.

Вопрос: В связи с чем выехал Рудаш в Вену?

Ответ: В августе месяце 1919 года реакцией была разгромлена Венгерская пролетарская диктатура и все бывшие руководители советской власти и партии, в том числе я и Рудаш, перешли на нелегальное положение, а впоследствии эмигрировали в Австрию.

Вопрос: Когда вы эмигрировали в Австрию?

Ответ: Я эмигрировал в Австрию в сентябре 1919 года.

Вопрос: Будучи на нелегальном положении в Венгрии и проживая в то время в Будапеште, вы встречались там с Рудаш?

Ответ: Нет, в это время в Будапеште я с Рудаш не встречался.

Вопрос: А проживая в Вене, вы имели встречи с Рудаш?

Ответ: В Вене с Рудаш я не только встречался, но мы вместе работали и некоторое время жили на одной квартире по ул. Лауден в доме № 10.

Вопрос: Где вы работали с Рудаш?

14. Протокол допроса Д.Лукача от 15 июля 1941 г.

ПРОТОКОЛ

допроса ЛУКАЧ, Георгия Осиповича

От 15-го июля 1941 года

Допрос начат в 23 часа 15 мин

Ответ: В австрийской коммунистической газете «Краснос знамя» выпускалась, или точнее, печаталась страничка на венгерском языке, редактором этой странички был Рудаш, а я давал материал в эту страничку.

Вопрос: Рудаш арестовывался когда-либо венской полицией?

Ответ: Да, арестовывался, при переходе венгерско-австрийской границы в конце октября или начале ноября 1919 года. Сколько-то времени Рудаш сидел в тюрьме, но сколько, я сейчас не помню. По-моему, Рудаш был освобожден из тюрьмы в январе м-це 1920 года, т. к. в то время я вместе с ним сотрудничал в австрийской коммунистической газете «Красное знамя».

Вопрос: До какого времени Рудаш жил в Вене?

Ответ: Рудаш жил в Вене до февраля м-ца 1922 года, после чего выехал в СССР, где и проживал вплоть до моего ареста, т. е. до 29/VI-41 г.

Вопрос: Какие у вас были отношения с Рудаш за время вашей совместной работы в Венгрии и Австрии?

Ответ: Отношения у меня с Рудаш были только деловые.

Вопрос: Что вам еще известно о Рудаш?

Ответ: Как уже я выше показал, что Рудаш в 1922 году выехал из Вены в СССР и после этого я с ним не встречался до 1931 г. В 1931 году я работал в институте Маркса-Энгельса научным сотрудником. В том же 1931 году на работу в этот институт поступил Рудаш, и там я с ним несколько раз встречался. В июне м-це 1931 года я выехал в Германию, где пробыл до марта 1933 года, а после обратно вернулся в Москву. В период 1933–1937 гг. у меня с Рудаш было несколько случайных встреч на собраниях актива института философии. В 1937 или в 1938 году Рудаш был арестован и просидел в тюрьме до 1939 года. В 1939 году я Коминтерном был послан членом редколлегии венгерского журнала «Уй хонг»⁴², Рудаш в этом журнале сотрудничал, и мне с ним иногда приходилось встречаться на собраниях актива этого журнала. Последний раз я виделся с Рудаш в конце июня м-ца 1941 года на совещании актива журнала «Уй хонг».

Вопрос: За что арестовывался Рудаш в 1938 году?

Ответ: Этого я не знаю.

Вопрос: А при встрече с Рудаш он разве вам не рассказывал, за что арестовывался?

Ответ: Нет, Рудаш мне о своем аресте никогда не рассказывал.

Вопрос: На квартирах вы бывали друг у друга?

Ответ: Нет, ни я у Рудаш и ни он у меня на квартире не были.

Допрос окончен в 17 часов 00 мин.

Записано с моих слов и мной прочитано –

Допросил: следователь I отд. следчасти НКГБ СССР

сержант госуdarств. безопасности

Пугачев

14/VII-41 г.

Л. 47–55. Неподписанный машинописный чистовик. Черновой вариант протокола с подписью Д.Лукача на каждом листе – л. 56–66.

Вопрос: В период своего пребывания в эмиграции в Австрии вы имели связь с лицами из буржуазных кругов?

Ответ: Да, связь с такими лицами у меня была.

Вопрос: Кто эти лица?

Ответ: Министр финансов Австрийского правительства – профессор Юзеф ШУМПЕЙТЕР⁴³, крупный сотрудник министерства финансов Австрии – ШВАРЦВАЛЬД Герман; профессор юридических наук венского университета – Ганц КЕЛЬЗЕН и ряд других лиц.

Вопрос: В чем заключалась ваша связь с этими лицами?

Ответ: Связь эта заключалась в том, что я с названными лицами иногда встречался и по их приглашению – бывал у них на квартирах. В частности я раза четыре был на квартире ШУМПЕЙТЕР во время его пребывания на посту министра финансов Австрии (1919–1920 гг.). Я довольно часто бывал на квартире ШВАРЦВАЛЬДА. Жена ШВАРЦВАЛЬДА – Евгения ШВАРЦВАЛЬД устраивала у себя литературные вечера, на которых присутствовало много писателей, художников и др. лиц свободной профессии. Мои частые посещения квартиры ШВАРЦВАЛЬД относятся к 1919–1922 гг. В 1920 году я раза два встречался в венском университете с профессором КЕЛЬЗЕН Ганцем.

Вопрос: Когда вы познакомились с указанными лицами?

Ответ: С ШУМПЕЙТЕРОМ я познакомился в 1913 году в германском университете городе Гейдельберге, где я в то время жил, а он приезжал к своим знакомым – профессорам Гейдельбергского университета. Со ШВАРЦВАЛЬДОМ познакомился в 1919 г. через его жену, с которой я был знаком примерно с 1915 года. С КЕЛЬЗЕН Ганцем познакомился в 1913 году в г. Гейдельберге.

Вопрос: Сколько времени ШУМПЕЙТЕР был министром финансов Австрии?

Ответ: Точно я сказать не могу, но мне помнится, что ШУМПЕЙТЕР был на посту министра финансов 1919 и 1920 гг.

Вопрос: Почему вы поддерживали связь с ШУМПЕЙТЕР и другими, ведь ваши убеждения в то время и убеждения министра буржуазного правительства были далеко не тождественны?

Ответ: Поддерживая связь с ШУМПЕЙТЕР, ШВАРЦВАЛЬДОМ и др. лицами, я личной цели никакой не преследовал, а делал это с той целью, чтобы через ШУМПЕЙТЕР и ШВАРЦВАЛЬДА облегчить положение венгерской эмиграции. Во время эмиграции венгров в Австрию у многих из них

были конфискованы деньги и я при помощи ШУМПЕЙТЕР добивался возвращения этих денег обратно их владельцам.

Евгения ШВАРЦВАЛЬД в 1918 году открыла в Вене несколько общедоступных столовых, обеды в которых отпускались по выданным ей талончикам. Используя знакомство со ШВАРЦВАЛЬД, я устраивал венгерских эмигрантов питаться в ее столовых.

Допрос окончен в 2 часа 25 мин. 16.VII. 41 г.

Записано с моих слов верно и мной прочитано – Георг ЛУКАЧ

ДОПРОСИЛ: следователь 1 отд. следчасти НКГБ СССР
Сержант государственной безопасности (ПУГАЧЕВ)

Л. 107–109. Неподписанный машинописный чистовик. Черновой вариант протокола с подписью Д.Лукача на каждом листе – л. 110–113.

15. Постановление старшего следователя Кириллова от 22 июля 1941 г. о принятии дела к производству

«Утверждаю»

зам. н.ч. 2 отдела следчасти НКГБ СССР –
ст. лейтенант госбезопасности (Кушнерев)
22 июля 1941 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о принятии дела к своему производству)

Гор. Москва, 1941 года, июля «22» дня

Я, ст. следователь 6 отделения 2 отдела следчасти НКГБ СССР – лейтенант госбезопасности – КИРИЛЛОВ, рассмотрев материалы следственного дела № 3085 по обвинению ЛУКАЧ Георгия Осиповича и принимая во внимание, что по данному делу необходимо произвести дальнейшее расследование, руководствуясь ст. 110 УПК РСФСР, –

ПОСТАНОВИЛ:

следственное дело № 3085 по обвинению ЛУКАЧ Георгия Осиповича принять к своему производству.

Ст. следователь 6 отделения 2 Отдела Следчасти
НКГБ СССР – Лейтенант Госбезопасности *Кириллов*

Л. 67. Машинописный подлинник.

16. Протокол допроса Д.Лукача от 23 июля 1941 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ЛУКАЧ Георгия Осиповича

от 23-го июля 1941 г.

Лукач Г.О. – 1885 года рождения, уроженец
г. Будапешта, бывш. научный сотрудник
института Философии Академии Наук СССР

Допрос начат в 12 час. 30 мин.

Вопрос: Вы арестованы за предательскую работу, которую вы вели на протяжении длительного времени. Предлагаем вам приступить к показаниям об этой вашей преступной деятельности?

Ответ: Никогда никакой преступной работы против компартии и Советского Союза я не вел.

Вопрос: Неправда, вы были провокатором и вели шпионскую работу против СССР в пользу иностранных разведок.

Прекратите упорствовать и приступайте к показаниям?

Ответ: Провокатором в рядах компартии я не был и никакой шпионской работы против СССР в пользу иностранных разведок я не вел.

Вопрос: Напрасно вы пытаетесь уйти от ответственности. Вы все равно будете разоблачены. Скажите – после падения пролетарской диктатуры в Венгрии, где вы находились?

Ответ: После падения пролетарской диктатуры в Венгрии, примерно в течение месяца я находился в Будапеште, а затем нелегально переехал в Австрию – в Вену.

Вопрос: Что вы делали, будучи в течение месяца в Будапеште?

Ответ: Решением ряда руководящих работников компартии Венгрии я и бывш. работник Народного Комиссариата Внутренних Дел Венгрии – бывш. начальник политического отдела (некто вроде ГПУ) – Отто Корвин должны были остаться в Будапеште и организовать переход компартии на нелегальное положение.

КОРВИН имел связи с организациями компартии, меня же он использовал на пропагандистско-агитационной работе. Он дал мне темы для составления листовок, брошюр, бюллетеней.

Вопрос: С КОРВИНЫМ вы жили в это время на одной квартире или на разных?

Ответ: Нет, мы жили на разных квартирах. Связь мы поддерживали через курьера-связника.

Вопрос: Когда был арестован КОРВИН?

Ответ: Тут же вскоре – спустя дня два-три после падения пролетарской диктатуры в Венгрии – КОРВИН был арестован и затем казнен.

Вопрос: Как был арестован КОРВИН?

Ответ: Квартиры Корвина, где он проживал я не знал, и подробности его ареста мне неизвестны.

Об аресте КОРВИНА я узнал из печати. Впоследствии над КОРВИНЫМ и рядом других арестованных коммунистов венгерской контрреволюцией был устроен судебный процесс. Об этом судебном процессе и приговоре суда я также знал по печати, будучи уже в Вене⁴⁴.

Вопрос: Как же вам удалось избежать ареста?

Ответ: Я объясняю это тем, что полиция не знала, где я проживал в Будапеште. Впоследствии же я нелегально выехал в Вену.

Вопрос: Где вы в это время проживали в Будапеште?

Ответ: В Будапеште я скрывался на квартире вдовы моего университетского товарища Золои – Ольги Матэ-Золои⁴⁵. Адреса я сейчас не помню.

Вопрос: На этой вашей квартире были обыски?

Ответ: Да, однажды обыск был. Полиция искала фотокарточки БЕЛА КУНА, но ничего не нашла.

Ольга МАТЭ-ЗОЛОИ занималась фотографией, имела фотоателье и на нее поступил донос, что у нее имеются фотографии БЕЛА КУНА.

Вопрос: Во время обыска где вы были?

Ответ: Во время обыска я скрывался на чердаке.

Вопрос: При приезде в Вену вы были арестованы?

Ответ: Да, я был арестован, но просидев под арестом два-три дня, я был освобожден.

Вопрос: Значит вы в концентрационных лагерях в Австрии не сидели?

Ответ: Нет, не сидел.

Вопрос: А другие венгерские коммунисты, прибывшие в Австрию после падения пролетарской диктатуры в Венгрии, сидели в концентрационных лагерях?

Ответ: Да, большинство руководящих венгерских коммунистов, прибывших в Австрию после падения диктатуры пролетариата в Венгрии, – находились в концентрационных лагерях.

Вопрос: Кто ваш отец?

Ответ: Мой отец умер в 1927 году. Последние 30 лет, вплоть до самой смерти, он работал директором крупнейшего в Венгрии общекредитного банка в Будапеште.

Вопрос: За период вашего пребывания в компартии ваш отец подвергался репрессиям?

Ответ: Нет, за период моего пребывания в компартии, мой отец репрессиям не подвергался.

Вопрос: Итак, из ваших показаний видно, что оставшийся вместе с вами для налаживания нелегальной работы компартии Венгрии – КОРВИН был арестован и казнен, а вас же полиция даже и не искала; далее, эмигрировавшие в Австрию венгерские коммунисты были посажены в концентрационные лагеря, вы же были вовсе освобождены из-под стражи и, наконец, несмотря на вашу принадлежность к компартии и ваше участие в советском правительстве

Венгрии, – ваш отец оставался на своем посту и никаким репрессиям подвергнут вообще не был. Как видите – даже эти факты выдают вас с головою, как провокатора.

Ответ: Я еще раз заявляю, что провокатором я не был. Вообще же полиция меня разыскивала, но в данном случае, при обыске на квартире МАТЭ-ЗОЛОИ, полиция меня не разыскивала, так как она не знала, что я нахожусь здесь.

Вопрос: Сколько бы вы ни упорствовали, как провокатор и шпион вы будете разоблачены, так и знайте. А сейчас допрос на этом прерываем.

Допрос прерван в 18 часов.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочитан (Лукач)

Допросил: ст. следователь 6 отд. 2 Отдела Следчасти

НКГБ Лейтенант Государств. Безопасности (Кириллов)

Верно: *Кириллов*

Л. 68–73. Заверенная машинописная копия. Рукописный черновик протокола – л. 74–79. На л. 79 – подпись Д.Лукача.

17. Протокол допроса Д.Лукача от 5 августа 1941 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ЛУКАЧ Георгия Осиповича

Лукач Г.О., 1885 года рождения, урож. г. Будапешта, член КП Венгрии с 1918 г. по 1930 г., с 1930 по 1931 г. член ВКП(б), с 1931 по 1941 г. член КП Германии. С 1941 г. – член КПВ, бывш. научный сотрудник института философии Академии Наук СССР, до ареста – писатель

от 5 августа 1941 года
Допрос начат в 11 ч. 15 м.

Вопрос: Следствие располагает материалами, изобличающими вас в связях с иностранными разведками. Однако, пытаясь уйти от ответственности – вы это отрицаете.

Мы предупреждаем вас, ЛУКАЧ, что если вы не прекратите заипирательство – мы будем вас изобличать. Поэтому еще раз требуем, чтобы вы честно рассказали следствию о всех своих преступлениях. Отвечайте.

Ответ: Я еще раз заявляю, что никаких связей с иностранными разведками я не имел. Ни провокатором, ни шпионом я не был и никакой преступной работы не вел.

Вопрос: Напрасно вы пытаетесь обмануть следствие. Следствию, в частности, известно, что вы являлись агентом венгерской разведки. Вы это признаете?

Ответ: Нет, не признаю. Агентом иностранных разведок, в том числе венгерской, – я не был.

Вопрос: БОРОВСКОГО⁴⁶ вы знаете?

Ответ: Нет, не знаю. Фамилию БОРОВСКОГО я слышу сейчас впервые.

Вопрос: Кто такой ЮСТУС⁴⁷?

Ответ: Об этом я ничего не могу сказать, кто такой ЮСТУС я не знаю.

Вопрос: А Эдит БОЭР?

Ответ: Кто такая Эдит БОЭР – я не знаю. Я знал БОЭРА, кажется, Франца⁴⁸. Возможно Эдит БОЭР является женой Франца БОЭРА, но так ли это – я не могу утверждать.

Вопрос: Кто такой Франц БОЭР и откуда вы его знаете?

Ответ: Будучи в 1928–1930 гг. членом ЦК КП Венгрии я знал Франца БОЭРА по партийной работе в Будапеште⁴⁹. Находясь в Вене, я слышал, что в 1927 году в Венгрии была арестована группа коммунистов, в том числе и Франц БОЭР. В конце 1927 года состоялся судебный процесс над коммунистами, на котором в качестве главного обвиняемого выступал Золтан Санто. На этом процессе в качестве обвиняемого выступал и БОЭР. В 1929 году БОЭР из-под стражи был освобожден и в дальнейшем также работал в КП Венгрии, играя руководящую роль, был членом будапештского секретариата партии. На 2 съезде КП Венгрии, состоявшемся в феврале-марте 1930 года в Москве, Франц БОЭР был избран членом ЦК КПВ.

Летом 1930 года мне стало известно, что БОЭР разоблачен как провокатор.

Вопрос: Откуда вам стало известно, что БОЭР разоблачен как провокатор?

Ответ: Об этом мне сказал БАРНА⁵⁰ – быв. представитель КП Венгрии в Коминтерне. БАРНА мне сказал, что БОЭР в Будапеште был разоблачен как провокатор. Подробности он мне не сказал.

Вопрос: В каких отношениях вы были с БОЭРОМ?

Ответ: Мои отношения с БОЭРОМ носили деловой характер. Я встречался с БОЭРОМ в Будапеште, Вене и Москве по линии партийной работы. Никаких личных и преступных связей с ним я не имел.

Вопрос: Где в последующем работал БАРНА?

Ответ: Как я слышал, БАРНА в период 1930–33 гг. был арестован здесь, в СССР.

Вопрос: За что был арестован БАРНА, вам известно?

Ответ: Нет, это мне неизвестно.

Вопрос: В каких связях вы находились с БАРНА?

Ответ: Мои связи с БАРНА ограничивались нашей совместной работой в КП Венгрии. Никаких личных и преступных связей с ним я не имел.

Вопрос: Кто такой ГУСТЫ⁵¹ вы знаете?

Ответ: Да, знаю. В 1920–23 гг. я встречал ГУСТЫ в Вене, как политэмигранта, он был членом КП Венгрии. Позже ГУСТЫ уехал в СССР, был членом ВКП(б) и работал на руководящей партийной работе в Поволжье,

где – сейчас не помню. В 1930 году я случайно встретил ГУСТЫ в Москве, он мне тогда сказал, что прибыл в Москву в командировку.

Еще до седьмого конгресса Коминтерна ГУСТЫ был членом ЦК КП Венгрии, куда он был направлен с задачей бороться с влиянием Бела КУНА в КП Венгрии. Однако, это задание Коминтерна он не выполнил, а наоборот, проводил линию Бела КУНА. Поэтому, впоследствии ИККИ распустил этот ЦК КПВ⁵², исключив часть его членов из партии, а другим были вынесены строгие выговора, в том числе и ГУСТЫ.

Я слышал, от кого – сейчас не помню, что здесь, в СССР, в 1937 году ГУСТЫ был арестован и что он был связан с троцкистами.

Вопрос: В каких отношениях вы были с ГУСТЫ?

Ответ: Будучи в Вене я встречался с ГУСТЫ на партийных собраниях. С его переездом в СССР, я, как уже показал, имел с ним лишь одну случайную встречу. Никаких личных и преступных связей с ним я не имел.

Вопрос: ТИМАРА Степана Бойловича вы знаете?

Ответ: Фамилия ТИМАР в Венгрии довольно распространенная. Однако, я не помню, чтобы я был знаком с каким-либо ТИМАРОМ. Во всяком случае ТИМАРА Степана Бойловича я не знаю.

Допрос прерван в 16 часов 30 минут.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочитан: (Лукач)

Допросил: ст. следователь 6 Отд. 2 Отдела Следчасти
НКГБ Лейтенант Государств. Безопасности (Кириллов)

Верно: *Кириллов*

Л. 80–84. Заверенная машинописная копия. Рукописный черновик протокола – л. 85–88. На л. 88 – подпись Д.Лукача.

18. Протокол допроса Д.Лукача от 5 августа 1941 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
обвиняемого ЛУКАЧ Георгия Осиповича

от 5 августа 1941 года

ЛУКАЧ Г.О., 1885 года рождения, урож. г. Будапешта, член КП Венгрии с 1918 г. (был также одно время членом ВКП(б), членом КП Германии), быв. научный сотрудник института философии Академии Наук СССР, до ареста – писатель

Допрос начал в 12 часов.

Вопрос: Когда вы вступили в коммунистическую партию Венгрии?

Ответ: В коммунистическую партию Венгрии я вступил в декабре 1918 года.

Вопрос: На допросе от 13 июля с. г. вы показали, что в октябре 1918 года в буржуазном журнале «Свободная мысль», издаваемом в Будапеште, вы

выступили со статьей, в которой вы, разделяя взгляды синдикалистов, выступали против насилия – отрицали насильственный захват власти пролетариатом⁵³.

Чем же, в таком случае, объяснить, что спустя месяц после этого вы вступили в коммунистическую партию, ставящей своей задачей насильственный захват власти пролетариатом?

Ответ: Падение габсбургской монархии в Австро-Венгрии с внешней стороны произошло почти без насилия. Это на меня произвело сильное впечатление. У меня появились иллюзии, будто стихийного движения масс достаточно для всех общественных переворотов, которые можно осуществить без насилия. Я также полагал, что от буржуазно-демократической революции эволюционным путем можно перейти к социализму. В результате этих иллюзий мною и была написана указанная статья в буржуазном журнале «Свободная мысль».

Однако дальнейшее развитие буржуазной революции показало ее бессилие в борьбе против реакции, которая начала концентрировать свои силы. Вскоре я убедился, что эта моя статья в корне неправильна. В этом я убедился будучи на митингах и собраниях, устраиваемых компартией, а также читая коммунистическую печать, книгу Ленина – «Государство и революция», при этом я вновь перечитал Маркса. Все это убедило меня в том, что я был не прав. Я убедился, что борьба против реакции, борьба за социализм – без насильственного захвата власти пролетариатом – невозможна. Я также убедился, что коммунистическая партия – единственная партия, которая знает, как выйти из тех трудностей, которые имелись тогда в стране, и что эта партия решительно борется за осуществление своих задач. Поняв это, я и вступил в компартию.

Вопрос: В таком случае, чем объяснить, что вскоре после вашего вступления в компартию, в самом начале существования пролетарской диктатуры в Венгрии, – в марте 1919 г. вы выступили со своей «теорией» против руководящей роли компартии в период пролетарской диктатуры?

Ответ: Дело в том, что в это время я еще не понимал роли компартии в революции. Я тогда находился под влиянием теории Розы Люксембург, а также под влиянием синдикалистов. Согласно теории Люксембург, партии отводилась роль пропаганды в массах правильной теории, но что руководство стихийным революционным движением масс не нужно, так как в это время сами массы стихийно создадут необходимые организации. Такой организационной формой я считал Советы. Поэтому после объединения социал-демократической и коммунистической партий Венгрии (март 1919 г.) в одну «социалистическую партию» я считал, что Советы будут руководящим органом в пролетарской революции и в построении социализма.

Вопрос: В период существования советской власти в Венгрии вы были заместителем Наркома просвещения.

Какую политику вы проводили тогда в области культуры?

Ответ: В области культуры я проводил «левацкую» политику – стремился к тому же «немедленному и полному социализму», к которому стремились и в области экономики (земля была национализирована, но крестьянам не роздана, а начали создавать нечто вроде совхозов), что не имело под собой реальной почвы⁵⁴.

Вопрос: На допросе от 4 июля с. г. вы показали, что в 1920 году вы пропагандировали в печати отказ от использования легальных форм борьбы рабочего класса – парламента, а в 1929 году ко второму съезду КП Венгрии вами были представлены тезисы, которые были отвергнуты как правооппортунистические.

Все это вы называли своими «ошибками».

Какие еще у вас были «ошибки»?

Ответ: В 1921 году, в двух моих статьях, напечатанных в журнале КП Германии – «Интернационал», и в своем выступлении на III Конгрессе Коминтерна я занимал «левацкую» линию в вопросе о так называемом мартовском выступлении в Германии (политическая забастовка рабочих Средней Германии в марте 1921 г.⁵⁵). III Конгресс Коминтерна в своих тезисах о тактике дал отпор «левацкой» и правооппортунистической критике мартовского выступления и указал на ошибки коммунистической партии Германии в этом мартовском выступлении.

В тот же период, в одной из своих статей⁵⁶, а также на II Конгрессе КИМа я выступил об авангардизме молодежи, т. е. что в создании коммунистических партий ряда стран (Чехо-Словакия, Румыния, Югославия, Венгрия) коммунистическая молодежь играет авангардную роль. II Конгресс КИМа осудил это мое выступление, как и вообще авангардизм молодежи.

В 1923 году вышла моя книга «История и классовое сознание» (сборник статей, написанных мною в 1919–1922 гг.). Эта книга является «философским синтезом» моих ультралевацких взглядов этого периода. Основой этой «философии» является переоценка субъективных и недооценка объективных факторов. Я переоценивал историческую роль общества и недооценивал историческую роль природы. Я полемизировал против Энгельса в вопросе диалектики природы – отрицал диалектику в природе, признавая лишь диалектику как объективную закономерность развития общества; я полемизировал против теории отражения; классовое самосознание представлял как механически-отвлеченное понятие. Все это указывало о том, что в области философии я был идеалист.

Позже, в 1926–1927 гг., когда я ознакомился с «Диалектикой природы» Энгельса и немецким переводом «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина – я пришел к правильному пониманию материалистической диалектики.

Мое развитие шло от субъективного идеализма к объективному идеализму, от Канта к Гегелю и от синдикализма и гегелевского идеализма – к марксизму⁵⁷.

Вопрос: Напрасно вы пытаетесь выдавать себя за коммуниста, марксиста.

^a Так в документе.

В теории вы были идеалист, а в области практики – оппортунист, фракционер. А попросту – вы были на службе иностранных разведок – шпион.

Прекратите упорствовать и приступайте к показаниям о своей шпионской, предательской деятельности.

Ответ: Политические ошибки, которые я допустил, относятся к периоду 1919–1921 гг., т. е. к первым трем годам моей политической деятельности. В дальнейшем же я допустил только одну ошибку – в 1929 году (мои тезисы ко II съезду КП Венгрии⁵⁸).

Фракционером я никогда не был. Группа Ландлера⁵⁹, к которой я принадлежал, боролась в компартии Венгрии против Бела Куна, но эта группа никогда не выступала против линии Коминтерна.

В вопросах теории я вначале стоял на фальшивой, идеалистической базе, но в 1926–27 гг. я понял ошибочность своих взглядов и уже с 1930 года я стоял на позициях диалектического материализма⁶⁰. С этого времени никаких ошибок в теории я не имел.

Вопрос: Напрасно вы пытаетесь найти какие-либо объяснения своей подрывной деятельности в рядах компартии. Больше того, ваши объяснения не выдерживают никакой критики. В самом деле. Вы заявили, что ваши «ошибки» относятся к первым трем годам вашей политической деятельности, но тут же вы вынуждены заявить, что и в 1929 году вы имели политические «ошибки». Следовательно, это не случайно. – это система.

Далее. Ваша попытка отрицать свою фракционную деятельность в рядах компартии является с вашей стороны провокацией. 1921–24 гг. и 1928–29 гг. вы являлись активным фракционером. Вы еще, пожалуй, наберетесь наглости утверждать, что партийная работа этого периода не была отягощена фракционностью – не страдала от ряда оппортунистических ошибок и что в этот период не было никаких кризисов и т. д. и т. д.

К этим вопросам, а также к вопросам теории мы еще вернемся.

Не правильное ли будет вам признать, что ваша деятельность в компартии Венгрии, ваша деятельность в советском правительстве Венгрии и ваша деятельность в области теории – была направлена к тому, чтобы взорвать компартию изнутри?

Ответ: Я не могу признать это обвинение. Моя ошибка в 1929 году никакого отношения не имеет с ошибками 1919–1921 гг., она возникла из не решенных еще вопросов в КП Венгрии – о стратегическом лозунге партии, в связи с лозунгом социалистической партии Венгрии о республике⁶¹.

Фракционером в том смысле, как утверждает следствие – я не был. Я принадлежал к группе Ландлера, но эта группа никогда не выступала против линии Коминтерна.

Ни моя теоретическая, ни моя практическая деятельность не имела целью взрыва компартии изнутри. В партийной жизни были, конечно, периоды кризиса, но я решительно отрицаю, что моя деятельность была причиной этому.

Вопрос: Вы продолжаете всячески изворачиваться, пытаетесь уйти от основного вопроса – о вашей предательской, шпионской работе. Мы предупреждаем вас в бесполезности вашей борьбы, ибо вы все равно будете разоблачены. Учтите это, а сейчас допрос на этом прерываем.

Допрос прерван в 21 час 35 мин.

Во время допроса был перерыв с 17 час. до 20 час. 30 м.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочитан:

Допросил: ст. следователь 6 Отд. 2 Отдела Следчасти
НКГБ Лейтенант Государств. Безопасности (Кириллов)

Верно: *Кириллов*

Л. 89–96. Заверенная машинописная копия. Рукописный черновик протокола – л. 97–100. На л. 100 – подпись Д.Лукача.

19. Копия протокола допроса Л.Рудаши от 11 июля 1941 г.⁶²

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного РУДАШ Владислава Вильгельмовича

От 11 июля 1941 г.

Допрос начат в 22 ч. 15 м.

Окончен в 2 ч. 12/VI-41 г.

Вопрос: Вы знаете ЛУКАЧ Георгия Осиповича?

Ответ: Да, с ЛУКАЧ Георгием Осиповичем я знаком.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с ЛУКАЧ?

Ответ: С ЛУКАЧ Георгием Осиповичем я познакомился в ноябре 1918 г. в Будапеште (Венгрия) в помещении редакции Центрального органа Компартии Венгрии⁶³.

ЛУКАЧ представил в редакцию написанные им тезисы – о роли насилия в истории.

Эти тезисы редакцией не были приняты, так как за 4–5 дней до представления этих тезисов он же, ЛУКАЧ, выступал публично против всякого насилия⁶⁴.

Вопрос: Как вы знаете ЛУКАЧ и что вам о нем известно?

Ответ: Как я уже показал выше, ЛУКАЧ я знаю с ноября 1918 года. ЛУКАЧ – сын крупного венгерского банкира. Его отец – ЛУКАЧ Иосиф, дворянин⁶⁵, десятки лет работал директором одного из самых крупных венгерских банков в Будапеште.

В начале 1919 года ЛУКАЧ примкнул к венгерскому рабочему движению.

В марте 1919 года, после ареста первого ЦК Компартии Венгрии, ЛУКАЧ вошел в состав второго ЦК Компартии Венгрии⁶⁶.

В период венгерской пролетарской диктатуры в 1919 году **ЛУКАЧ** был *народным комиссаром Просвещения*⁶⁷.

В этот период **ЛУКАЧ** выступал со своей «теорией» против руководящей роли коммунистической партии в период пролетарской диктатуры. Утверждая, что якобы роль коммунистической партии в период пролетарской диктатуры крайне уменьшается, так как класс пролетариата выступает целиком на историческую арену⁶⁸.

Несмотря на абсурдность этой синдикалистской теории, **ЛУКАЧ** свою ошибку в этом *не признал*⁶⁹. После поражения венгерской пролетарской диктатуры **ЛУКАЧ** выехал в гор. Вену (Австрия), но каким образом и когда – точно мне не известно⁷⁰. С **ЛУКАЧ** я снова встретился в *гор. Вене в марте 1920 года*, после моего освобождения из концлагеря⁷¹. **ЛУКАЧ** в это время жил в гор. Вене по адресу ул. Лаудона, дом № 13.

Вопрос: **ЛУКАЧ** находился с вами в концлагерях?

Ответ: Нет. **ЛУКАЧ** свободно проживал в гор. Вене.

Вопрос: Чем занимался **ЛУКАЧ**, проживая в гор. Вене?

Ответ: В марте 1920 года в гор. Вене начала издаваться газета «Пролетарий»⁷², орган венгерской компартии. **ЛУКАЧ** стал сотрудничать в этой газете. После он также сотрудничал в журнале «Коммунизм»⁷³, издаваемом в Вене.

Вопрос: :: Проживая в Вене, вы часто встречались с **ЛУКАЧ**?

Ответ: Да, очень часто. С марта 1920 года по февраль 1922 года я жил вместе с **ЛУКАЧ** в одной квартире, по адресу гор. Вена, ул. Лаудона, дом № 13, номер дома не точно.

Вопрос: **ЛУКАЧ** подвергался арестам в Вене?

Ответ: Поскольку мне известно, **ЛУКАЧ** никогда в Вене не арестовывался⁷⁴.

В Вене у **ЛУКАЧ** были крупные связи. В частности, **ЛУКАЧ** имел *близкие связи с крупным австрийским банкиром – Шварцвальдом*, – министром финансов Австрии. В Вене **ЛУКАЧ** неоднократно имел встречи со своим отцом – **ЛУКАЧ** Иосифом, который, проживая в Будапеште, приезжал в Вену по делам службы. Отец **ЛУКАЧА** также имел большие связи в Австрии. Эти связи давали возможность **ЛУКАЧ** Георгию Осиповичу жить в Вене спокойно.

В феврале 1922 года я из Вены переехал на постоянное жительство в Москву, а **ЛУКАЧ** оставался в Вене.

Вопрос: Когда **ЛУКАЧ** прибыл в СССР?

Ответ: **ЛУКАЧ** прибыл в Москву в 1933 году из Берлина⁷⁵. Чем он занимался в Берлине, мне не известно. *С **ЛУКАЧ** я не встречался с февраля 1922 года по 1933 год*, т. е. до момента его приезда в Москву на постоянное жительство.

Вопрос: Вы встречались с **ЛУКАЧ** в Москве?

Ответ: Да, встречался, но очень редко. Все встречи с **ЛУКАЧ** были случайными.

Вопрос: Когда и где происходили ваши встречи с **ЛУКАЧ**?

Ответ: В 1934–1935 г.г. я два раза встретился с **ЛУКАЧ** на заседаниях в Комакадемии, куда я был приглашен секретарем института философии академии наук СССР. Фамилию секретаря не помню.

Примерно три раза я встретился с **ЛУКАЧ** в редакции венгерского журнала «Уй Ханг» в Москве. Когда были эти встречи, я сейчас не помню.

Последняя встреча с **ЛУКАЧ** была 26 или 27 июня 1941 года на редакционном заседании венгерского журнала «Уй Ханг». Это заседание происходило в помещении редакции данного журнала, по адресу ул. Горького, дом № 51.

Больше с **ЛУКАЧ** я нигде и никогда не встречался.

Вопрос: Вы это утверждаете?

Ответ: Да, утверждаю. Кроме как в Комакадемии и редакции венгерского журнала «Уй Ханг», о чем я показал выше, я с **ЛУКАЧ** нигде не встречался.

Допрос прерван.

Показания записаны с моих слов верно и мною прочитаны – В.Рудаш

Допросил: следователь 1 отд. 1 отдела следчасти НКГБ
лейтенант Гос. Безопасности *Константинов*

Л. 101–106. Заверенная машинописная копия.

20. Постановление об уничтожении материалов обыска от 3 июля 1941 г.

«Утверждаю»

Зам. Нач. 1 Отдела С/Ч НКГБ СССР

лейтенант госуд. безопасности (Либенсон)^a

« » июля 1941 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Москва, 1941 года, июля, «3» дня

Я, следователь 1-го отделения 1-го отдела Следчасти НКГБ СССР, Сержант Госуд. Безопасности – ПУГАЧЕВ в присутствии переводчицы Следчасти НКГБ СССР – Сержанта Госуд. Безопасности т. ЦАЛКИНОЙ, рассмотрел материалы обыска арестованного **ЛУКАЧА** Георгия Осиповича, –

НАШЕЛ:

материалы обыска, состоящие из:

1. Одного свертка с разными записями,
2. Двух старых записных книжек,
3. Одной пачки писем,

^a Виза не проставлена.

^a Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты в документе красным карандашом.

^b Весь абзац слева отчеркнут вертикальной карандашной линией и помечен красной карандашной галочкой.

4. Двенадцати штук разных фотографий.
5. Шести штук книг на немецком языке.
6. Двенадцати папок с разной перепиской на немецком языке, – никакой ценности для следствия не представляют, руководствуясь циркуляром НКВД СССР за № 5 от 13.1.1939 года, –

ПОСТАНОВИЛ:

Указанные материалы уничтожить путем сожжения.

Следователь 1 ОТД. 1 ОТДЕЛА С/Ч НКГБ
Сержант Государств. Безопасности – *Пугачев*
Переводчица Следчасти НКГБ СССР
Сержант Госуд. Безопасности *Цалкина*

«СОГЛАСЕН» Нач. 1 отд. 1 отдела
с/ч НКГБ СССР Капитан Госуд. Безопасности *Минаев*

Л. 114–115. Машинописный подлинник

21. Акт от 6 июля 1941 г. об уничтожении материалов, изъятых у Д.Лукача при обыске

АКТ

Москва, 1941 года, июля, «б» дня

Я, следователь 1-го отделения 1-го отдела Следчасти НКГБ СССР – Сержант Госуд. Безопасности – ПУГАЧЕВ, в присутствии следователя 1-го отделения 1-го отдела Следчасти НКГБ СССР – Лейтенант Госуд. Безопасности тов. РОМАЩЕНКО, уничтожил путем сожжения материалы обыска арестованного ЛУКАЧА Георгия Осиповича, согласно постановления от «3» июля 1941 года.

Следователь 1 отд. 1 Отдела С/Ч НКГБ
Сержант Госуд. Безопасности *Пугачев*
Следователь 1 отд. 1 Отдела С/Ч НКГБ СССР
Лейтенант Госуд. Безопасности *Ромащенко*

Л. 116. Машинописный подлинник

22. Справка по следственному делу Д.Лукача

СПРАВКА

по следственному делу № 3085 по обвинению
ЛУКАЧ Георгия Осиповича

ЛУКАЧ Георгий Осипович, 1885 года рождения, уроженец гор. Будапешта, по национальности венгерец, сын крупного банкира, бывший научный

сотрудник института философии Академии Наук СССР, до ареста – писатель, арестован 5 Отделом 2-го Управления НКГБ СССР 29-го июня 1941 года^а.

Показаниями нелегально перешедшего в июле 1940 года границу СССР из Венгрии ТИМАРА Степана Войловича, ЛУКАЧ Г.О. изобличается в сотрудничестве с венгерской разведкой.

На допросе 9-го мая 1941 года ТИМАР С.В., признав себя виновным в том, что в СССР он нелегально был переброшен венгерской разведкой, о ЛУКАЧЕ показал:

«БОРОВСКИЙ (сотрудник венгерской разведки) предложил мне по прибытии в Москву, когда я добылсь необходимого доверия, выяснить пути и способы переброски работников Коминтерна из Советского Союза в Венгрию и обратно.

Накануне отъезда из Будапешта, примерно 26-го июля прошлого года, я снова имел встречу с ЮСТУСОМ (троцкист, тайный агент венгерской полиции) и БОРОВСКИМ, при которой присутствовала также Эдит БОЕР (троцкистка, агент венгерской полиции). БОРОВСКИЙ дал мне задание установить место пребывания выехавшего в свое время из Венгрии в СССР РУДАША Бела, ЛУКАЧА Георгия.

...ЮСТУС сообщил мне при этом, что РУДАШ очевидно работает в институте Маркса–Энгельса–Ленина и с ним я должен в первую очередь связаться, так как через него мне легче будет установить связь с ЛУКАЧЕМ...

...ЮСТУС предупредил меня, что если РУДАШ арестован, чтобы я не торопился устанавливать связь с ЛУКАЧЕМ... пока не определится мое положение в Коминтерне, а когда мне удастся завоевать необходимое доверие, то через венгерскую секцию Коминтерна со всеми этими лицами я легко могу связаться...»

И далее:

«Посылая меня в СССР, ЮСТУС и БОРОВСКИЙ поставили передо мной задачу: выявить каналы и лиц, через которых Коминтерн осуществляет связь с подпольными коммунистическими организациями на территории Венгрии.

По прибытии в СССР, как я уже показывал выше, я должен был связаться с ЛУКАЧЕМ, НИЛАШЕМ, БЕНКЕ и РУДАШЕМ, которые, со слов ЮСТУСА и БОРОВСКОГО, были переброшены в свое время в СССР для разведывательной работы.

Дав мне задание об установлении связи с перечисленными лицами, ЮСТУС сказал, что с конца 1939 года венгерская разведка перестала получать от них сведения и их дальнейшая судьба неизвестна. БОРОВСКИЙ заявил, что если кто-либо из этих лиц находится на свободе, я должен буду с ними связаться и получить имеющиеся у них материалы, а также наладить их связь с разведкой».

^а Помета карандашом на полях: «Партийность?»

ТИМАР 6-го июля 1941 года осужден Военной Коллегией Верховного суда СССР к ВМН и на суде свои показания полностью подтвердил.

На следствии ЛУКАЧ отрицает связь с венгерской разведкой, но признает, что внутри венгерской компартии вел фракционную борьбу и дважды арестовывался австрийской полицией⁷⁶.

ЛУКАЧ показал, что в 1920 году, занимая левацкую позицию по вопросам тактики венгерской компартии в революции, он пропагандировал в печати отказ от использования легальных форм борьбы (парламент).

В 1929 году ЛУКАЧЕМ были представлены ко второму съезду коммунистической партии Венгрии тезисы по вопросу пролетарской революции в Венгрии, отвергнутые ЦК компартии Венгрии и Коминтерном, как правооportunистические.

О своем пребывании под стражей в венской полиции (Австрия), ЛУКАЧ показал, что первый раз был арестован в 1919 году по обвинению в нелегальном переходе австрийской границы. Однако, якобы по ходатайству Совета рабочих депутатов, через три-четыре дня пребывания в тюрьме, он из под стражи был освобожден.

Второй раз, он в числе других членов венгерской компартии арестовывался полицией в Вене в апреле 1928 года за нелегальную работу в Австрии.

Свое освобождение из тюрьмы Лукач объясняет тем, что ему, якобы, удалось скрыть от следствия, что он являлся членом ЦК компартии Венгрии.

В СССР ЛУКАЧ прибыл в декабре 1929 года, но в 1931 году выехал в Берлин, где прожил до 1933 года. В марте 1933 г., после ряда домашних обысков, ЛУКАЧ был выслан из Германии в СССР.

Начальник 2 Управления НКГБ СССР
Комиссар Государств. безопасности 3 ранга (Федотов⁷⁷)
Начальник Следственной части НКГБ СССР
Ст. майор Государств. безопасности (Влодзимирский⁷⁸)

Л. 117-120. Не подписанная машинописная копия без даты.

23. Выписка из протокола допроса И.Тимара от 9 мая 1941 г.

Копия

ВЫПИСКА

из протокола допроса арестованного Тимара Степана Бойловича

От 9-го мая 1941 года

«...Накануне отъезда из Будапешта, примерно 26 июля прошлого года, я снова имел встречу с ЮСТУСОМ (троцкист, агент венгерской политической полиции) и БОРОВСКИМ (сотрудник венгерской разведки), при которой присутствовала также Эдит БОЭР (видная троцкистка, сотрудничает с венгерской политической полицией).

БОРОВСКИЙ дал мне задание – установить местопребывания выехавших в свое время из Венгрии в СССР – РУДАШ, ЛУКАЧ, БЕНКЕ, Антона и НИЛАШ (ГИДАШ). ЮСТУС сообщил мне при этом, что РУДАШ, очевидно, работает в институте Маркса–Энгельса–Ленина и с ним я должен в первую очередь связаться, так как через него мне легче будет установить связь с ЛУКАЧ, БЕНКЕ и НИЛАШ.

ЮСТУС предупредил меня, что если РУДАШ арестован, чтобы я не торопился устанавливать связь с ЛУКАЧ, БЕНКЕ и НИЛАШ (ГИДАШ), пока не определится мое положение в Коминтерне, а когда мне удастся завоевать необходимое доверие, то через венгерскую секцию Коминтерна со всеми этими лицами я легко сумею связаться...

ЮСТУС и Эдит БОЭР говорили мне, что ЛУКАЧ и БЕНКЕ – бывшие коммунисты венгерской компартии, находятся в Советском Союзе как политэмигранты. От ЮСТУСА мне также известно, что жена НИЛАШ (ГИДАШ) – ПАЛ Юдит⁷⁹ живет в Будапеште и что ЮСТУС через нее поддерживал каким-то образом связь с НИЛАШЕМ (ГИДАШЕМ)⁸⁰.

Вопрос: Продолжайте показания о полученных вами от ЮСТУСА и БОРОВСКОГО заданиях по шпионской работе.

Ответ: Посылая меня в СССР, ЮСТУС и БОРОВСКИЙ поставили передо мной задачу: выявить каналы и лиц, через которых Коминтерн осуществляет связь с подпольными коммунистическими организациями на территории Венгрии.

По прибытии в СССР, как я уже показал выше, я должен был связаться с РУДАШ, ЛУКАЧ, БЕНКЕ и НИЛАШ (ГИДАШ), которые, со слов ЮСТУСА и БОРОВСКОГО, были переброшены в свое время в СССР для разведывательной работы...

БОРОВСКИЙ заявил, что если кто-либо из этих лиц находится на свободе, – я должен буду с ними связаться и получить имеющиеся у них материалы, а также наладить их связь с разведкой.

Вопрос: Как практически вы должны были осуществить связь с РУДАШ, ЛУКАЧ, БЕНКЕ и НИЛАШ (ГИДАШ)?

Ответ: ЮСТУС дал мне указание – при личной встрече с кем-либо из них сообщить, что я прибыл от него – ЮСТУСА и назвать при этом следующий пароль: «Я от руководителей французской независимой компартии в Венгрии». Этого, как мне сказали ЮСТУС и БОРОВСКИЙ, было достаточно, чтобы указанные лица были со мной откровенны...»

Показания с русского языка устно мне прочитаны на немецком языке. Содержание их записано с моих слов правильно: (Тимар)

Допросил: следователь 1 отд. 1 отдела следчасти НКГБ
мл. лейтенант гос. безопасности (Константинов)

Переводчица следственной части НКГБ СССР
сержант гос. безопасности (Цалкина)

Справка: подлинный протокол находится в Следственном деле № 29969 по обвинению Тимара Степана Бойловича.

Верно: следователь 1 отд. 1 отдела следчасти НКГБ
мл. лейтенант гос. безопасности *Константинов*

Л. 121–123. Заверенная машинописная копия.

24. Копия протокола судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу И.Тимара

ПРОТОКОЛ

закрытого судебного заседания Военной коллегии
Верховного суда Союза ССР

«6» июля 1941 года

гор. Москва

Председательствующий: армвоенюрист В.В.Ульрих
члены: Суслин и Романьчев
секретарь: военюрист 1 ранга Козлов

Председательствующий объявляет судебное дело открытым, а также о том, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Тимар Степана Бойловича, в преступлениях, предусмотренных ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР.

Удостоверившись в самоличности подсудимого, председательствующий спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения. Подсудимый отвечает утвердительно.

Подсудимому разъяснены его права и объявлен состав суда.

Ходатайств и отвода состава суда подсудимым не заявлено.

Председательствующий зачитывает резолютивную часть обвинительного заключения и спрашивает подсудимого, понятно ли предъявленное ему обвинение и признает ли он себя виновным. Подсудимый: «Виновным себя признаю в предъявленных мне обвинениях».

В СССР я был направлен троцкистом Юстус, который работал в Венгрии секретарем Венгерской социалистической партии. Границу СССР я перешел вдвоем с Гофманом. Бониш, насколько мне известно, должен был перейти границу СССР через две недели после нашего перехода. Меня с Гофманом Юстус направил в гор. Станислав.

В Венгрии я был дважды подвергнут аресту, во время которого я не выдержал режима полиции и вынужден был дать согласие на шпионскую деятельность^а.

Русский язык я изучил здесь, будучи в тюрьме. раньше же я не знал русского языка.

Судебное следствие объявлено законченным и подсудимому предоставлено последнее слово, в котором он сказал: «Я прошу суд дать мне возможность реабилитироваться».

Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательствующий огласил приговор и разъяснил осужденному о порядке подачи им ходатайства о помиловании.

Судебное заседание объявлено закрытым.

Председательствующий (Ульрих)
Секретарь (Козлов)

Верно: следователь следчасти НКГБ лейтенант гос. без.
И.А.Константинов

Л. 124–125. Заверенная машинописная копия.

25. Копия приговора Военной коллегии Верховного суда СССР по делу И.Тимара

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских социалистических республик
Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР
в составе:

председательствующего – армвоенюриста В.В.Ульриха
членов – диввоенюристов Суслина и Романьчева
при секретаре – военюрите 1 ранга Козлове

в закрытом судебном заседании в Москве 6 июля 1941 года рассмотрела дело по обвинению Тимара Степана Бойловича, 1918 года рождения, бывш. техника медицины в Будапеште, в преступлениях, предусмотренных ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Тимар, являясь агентом венгерской разведки, в мае 1940 года был переброшен с территории иностранного государства на территорию Сов. Союза с заданиями шпионского характера, однако задания ему выполнить не удалось, так как органами Советской Пограничной Охраны был задержан.

Признавая Тимара виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:

Тимара Степана Бойловича подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий: (Ульрих)

^а Выделенные курсивом абзацы отчеркнуты синим карандашом.

члены: (Суслин)
(Романычев)

Верно: следователь следчасти НКГБ лейтенант гос. без.

И.А.Константинов

Л. 126–127. Заверенная машинописная копия.

26. Постановление о прекращении дела в отношении Д.Лукача от 20 августа 1941 г.

«Утверждаю»

Народный Комиссар внутренних дел СССР

Генеральный Комиссар Гос. Безопасности Берия^а

«23» августа 1941 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Москва, 1941 года, августа «20» дня

Мы, нач. 2 отделения 5 Отдела 2 Управления НКВД – капитан гос. безопасности ВИЗЕЛЬ и ст. оперуполномоченный 5 Отдела 2 Управления НКВД – лейтенант гос. безопасности КОНДРАШИН, рассмотрев материалы след. дела № 3085 по обвинению ЛУКАЧ Георгия Осиповича в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 1-а УК РСФСР. –

НАШЛИ:

ЛУКАЧ Георгий Осипович, 1885 года рождения, урож. г. Будапешта (Венгрия), писатель, до ареста член КП Венгрии, научный работник Института истории^б Академии Наук СССР.

Арестован 29-го июня 1941 года по показаниям ТИМАРА Степана Бойловича, 1918 года рождения, нелегально перебросенного в 1940 году в СССР венгерской разведкой для провокаторской работы среди венгерских политэмигрантов в Москве, осужденного 6 июля 1941 года к ВМН.

ЛУКАЧ Г.О. предъявлено обвинение в том, что он:

1) является провокатором венгерской разведки и ведет вражескую работу среди венгерских политэмигрантов в СССР и

2) что в первые годы революции, будучи видным деятелем революционного движения в Венгрии и членом венгерского советского правительства, он проявил ряд мелкобуржуазных синдикалистских колебаний, пытаясь внести раскол в революционное движение Венгрии.

Основанием к предъявлению ЛУКАЧ Г.О. этих обвинений явились:

а) показания ТИМАРА С.Б. о том, что он имел задание от венгерской разведки установить связь с ЛУКАЧ Г.О. и другими б[ывшими] руководящими деятелями венгерской революции, как с агентами венгерской разведки;

б) данные из лично написанной автобиографии ЛУКАЧА Г.О., в которой он подробно останавливается на своих прошлых ошибках и колебаниях⁸¹.

На следствии по первому пункту обвинения ЛУКАЧ Г.О. заявил, что ТИМАРА С.Б. он не знает, никогда с ним не встречался и категорически отрицает какую-либо связь с венгерской разведкой.

ЛУКАЧ Г.О. объясняет показания ТИМАРА С.Б. намерением венгерской полиции истребить путем провокаций наиболее известных в Венгрии коммунистов, б[ывших] членов венгерского советского правительства.

По второму пункту обвинения ЛУКАЧ Г.О. показал, что его прошлые мелкобуржуазные синдикалистские колебания он никогда не скрывал, что эти колебания не были с его стороны попыткой внести дезорганизацию в рядах венгерской компартии, а явились следствием его недостаточной марксистской подготовки в то время и мелкобуржуазного воспитания.

В связи с тем, что в процессе следствия никаких дополнительных данных, подтверждающих преступную работу со стороны ЛУКАЧ Г.О. не получено, а показания избобличавшего его ТИМАРА С.Б. носят общий характер, недостаточно убедительны и недоказательны, учитывая и то обстоятельство, что приговор в отношении ТИМАРА С.Б. приведен в исполнение, вследствие чего очная ставка между ними невозможна,

ПОСТАНОВИЛИ:

ЛУКАЧ Георгия Осиповича, 1885 года рождения, урож. гор. Будапешта, до ареста б[ывшего] члена КП Венгрии, писателя, за недоказанностью обвинения из-под стражи освободить и дело следствием прекратить.

Ст. оперупол. 5 Отдела 2 Управления
лейтенант госбезопасности

Кондрашин

Нач. 2 отделения 5 Отдела 2 Управления НКВД
капитан госбезопасности

Визель

Зам^а. Нач. 5 Отдела 2 Управления НКВД
капитан госбезопасности

Шлюгер

«Согласен» Начальник 2 Управления НКВД СССР
Комиссар гос. безопасности 3 ранга

Федотов

Л. 128–130. Машинописный подлинник.

^а Виза Л.П.Берии проставлена карандашом.

^б Правильно: Института истории философии.

^а Вписано карандашом.

27. Служебная записка об освобождении

Д. Лукача из-под стражи

НКВД СССР

Сов. секретно

Второе Управление

№ - «25» августа 1941 г.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Начальнику 1 Спецотдела НКВД СССР майору
государственной безопасности тов. БАШТАКОВУ⁸²

Направляем для исполнения постановление об освобождении из-под стражи арестованного ЛУКАЧА Георгия Осиповича.

Лукач Г.О. содержится во Внутренней тюрьме НКВД СССР.

Приложение: упомянутое^а.

Зам. нач. 5 Отдела 2 Управления НКВД СССР

капитан государственной безопасности

Шлюгер

Начальник 2 отд. 5 Отдела 2 Управления

капитан государственной безопасности

Визель

Л. 131. Машинописный подлинник.

**28. Справка об освобождении из мест заключения от
26 августа 1941 г.**

1 спецотдел

26 августа 1941 г.

№ 3085

СПРАВКА

Выдана ЛУКАЧ Георгию Осиповичу, 1885 года рождения, паспорт № Сер. М.Ш. № 580714 в том, что он с 29-го июня 1941 г. по 26-ое августа 1941 г. содержался в местах заключения и освобожден с прекращением дела.

Справка видом на жительство не служит.

НАЧАЛЬНИК 1 СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР:

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ:

Л. 132. Машинописная копия.

^а См. док. 26.

**29. Справка об изъятии из следственного дела иностранных
денежных знаков**

СПРАВКА

Из следств[енного] дела № 3085 по обв[инению] Лукач изъято 11 денеж-
ных иностранных знаков разных купюр.

Оперуп[олномоченный] 2 отд. 2 отд. ^а

7/ X-41 г.

Л. 134. Автограф.

**30. Записка начальника 1 спецотдела НКВД Баштакова
интенданту 1 ранга Боровкову**

Сов. секретно

1-й спецотдел

27 августа 41 г.

9/3- 10476

Нач. 3 отделения ЦПФО НКВД СССР

Интенданту 1-го ранга

тов. БОРОВКОВУ, гор. Куйбышев

Просим немедленно выслать все имеющиеся ценности, принадлежащие арестованным ЛУКАЧ Георгию Осиповичу (кв. № – 10931, 10909, 16792) и РУДАШ Владиславу Вильгельмовичу (кв. № – 16790, 16832).

Одновременно сообщаем, что на основании постановления 2 Управления НКВД СССР заключенные ЛУКАЧ Г.О. и РУДАШ В.В. из под стражи освобождены 26 августа 1941 года ^б.

Начальник 1 спецотдела НКВД СССР

старший майор госбезопасности

(Баштаков)

Начальник 17 отделения

ст. лейтенант госбезопасности

(Подобедов)

[Верно:] *Дорофеев*

Л. 135. Заверенная машинописная копия.

^а Подпись неразборчива.

^б Приписано от руки и зачеркнуто: «с прекращением следственных дел».

31. Талон ордера на освобождение

ТАЛОН ОРДЕРА № 93
Начальнику 2 Отдела НКГБ СССР

г. Москва

Доношу, что «...» 194... г., на основании Вашего ордера, мною освобожден из-под стражи арестованный

Лукач Георгий Осипович,
год рождения 1885 под подписку о: *без обязательства.*

Справка об освобождении и личные документы вручены арестованному при освобождении под его личную расписку на обороте сего^а.

Подписка прилагается.

/ Начальник *Внутр.* тюрьмы НКВД СССР (подпись)
/ Начальник канцелярии (подпись)

Л. 136. Типографский бланк, заполненный от руки.

32. Расписка о получении личных документов

Я, Лукач Георгий Осипович
«26» VIII 1941 г. при освобождении получил

1. Справку об освобождении № 3085.
2. Паспорт сер. МШ № 580714.
3. Членский билет Союз. писат. № 566.
4. Трудовой список.
5. Пропуск дома сов. пис.
6. Билет № 90.
7. Билет центр. поликл. № 3260.
8. Читательский билет № 3694/1-а.

Получил.

Георг Осипович Лукач 26. VIII 41.

Л. 136б. Типографский бланк, заполненный от руки.

№. № от 19... г.
При отделе следствия на №. ч. №. в Отдел.

РЕСПУБЛИКА
СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

1 Спецотдел

26 августа 1941 г.
№ 3085

МОСКВА, площадь Дзержинского, 2
Телефон: коммутатор НКВД

Краткое содержание:

Справка

Имярек Л У К А Ч Георгий Осиповичу, 1885 года рождения, паспорт № Сер.М.П. № 580714 в том, что он с 29-го июня 1941 г. по 26-ое августа 1941 г. содержался в местах заключения и освобожден с прекращением дела.

Справка ведом на жительство не служит.

НАЧАЛЬНИК СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА

Талон ордера № 93

Начальнику 2 Отдела НКГБ СССР
г. Москва

Доношу, что 194... г., на основании Вашего ордера, мною освобожден из-под стражи арестованный *Лукач Георгий Осипович*

род. 1885 под подписку о *без обязательства*

РАСПИСКА

Я, *Лукач Георгий Осипович*
(имя и отчество)
26. VIII 1941 г. при освобождении получил

- 1) Справку об освобождении № 3085
- 2) Паспорт сер. МШ № 580714
- 3) Членский билет Союз. писат. № 566
- 4) Трудовой список
- 5) Пропуск дома сов. пис.
- 6) Билет № 90
- 7) Билет центр. поликл. № 3260
- 8) Читательский билет № 3694/1-а

Получил.
Георг Осипович Лукач
26. VIII 41

Справки об освобождении Д.Лукача (подлинник – Архив Д.Лукача; копия в деле – л. 132), талон ордера на освобождение (л. 136) и расписка Лукача о получении личных документов (136б).

^а См. следующий документ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 3 февраля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД СССР был разделен на НКВД СССР (Народный комиссариат внутренних дел СССР) и НКГБ СССР (Народный комиссариат государственной безопасности СССР). 20 июля 1941 г. возглавляемый В. Меркуловым НКГБ был вновь слит с НКВД, а 14 апреля 1943 г. в результате очередной реорганизации из НКВД СССР были выделены НКГБ СССР и Управление контрразведки наркомата обороны «Смерш». Этими реорганизациями объясняется, что в различных документах следственного дела одни и те же работники и структуры обозначены как относящиеся то к НКВД, то к НКГБ.

² Меркулов В.Н. (1895–1953) – с 3 февраля до 20 июля 1941 г. – нарком государственной безопасности СССР, с 31 июля 1941 г. до 14 апреля 1943 г. – 1-й зам. наркома внутренних дел СССР. Расстрелян.

³ Бочков В.М. (1900–1981) – с августа 1940 до ноября 1943 г. – Прокурор СССР.

⁴ 2-е управление НКГБ СССР занималось контрразведкой. Факт ареста Лукача 2-м управлением свидетельствует о том, что дело Лукача не было политическим («казом») высшего кремлевского руководства – подобного рода делами ведало 3-е (секретно-политическое) управление НКГБ.

⁵ Д. Лукач вступил в коммунистическую партию Венгрии в декабре 1918 г., через месяц после ее образования. Когда в феврале 1919 г. правительство М. Каройи арестовало почти всю верхушку партии, Лукач был избран в руководящие органы КПВ. Вскоре после поражения в августе 1919 г. Венгерской советской республики он эмигрировал в Вену, где вошел в состав Временного ЦК КПВ. Проживая в эмиграции в Вене вплоть до 1929 г., Лукач наряду с другими венгерскими коммунистами, жившими в Австрии, состоял одновременно членом компартии Австрии, в отличие от венгерской компартии функционировавшей легально. В октябре 1929 г. Лукач был выведен из ЦК КПВ по обвинению в («правом уклонизме»). Приехав в декабре 1929 г. на постоянное место жительства в СССР, в 1930 г. он оформил свое членство в ВКП(б). В 1931 г. выехал для ведения партийной работы в Германию, получив членство в КПГ. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. под угрозой ареста покинул Германию и возвратился в СССР, где наряду с другими немецкими коммунистами-эмигрантами сохранял формальное членство в КПГ. В апреле 1941 г. был переведен в Венгерскую компартию.

⁶ В венгерских архивах и справочной литературе по истории рабочего движения какие-либо сведения об Иштване Тимаре не обнаружены. Поскольку версия о его шпионском задании была поставлена под сомнение самими работниками НКВД (см. док. 26), можно высказать лишь предположение, что Тимар мог быть членом одной из разрозненных подпольных коммунистических групп, стихийно возникавших в Венгрии в конце 30-х гг. Централизованного партийного руководства в этот период в Будапеште не существовало (оно было распущено по решению Коминтерна в 1936 г.), и целью проникновения Тимара в СССР могло быть установление связей с венгерской коммунистической эмиграцией.

Эту версию в целом подтверждают и материалы следственного дела Иштвана Тимара, с которыми составители книги смогли ознакомиться в Центральном Архиве ФСБ уже после выхода в свет первого издания «Бесед на Лубянке». Следственное дело Тимара на 199 листах хранится в архиве за № Р-35901 (29969). Там же (л. 200-214), находятся материалы дополнительной проверки, проведенной в 1988-1989 гг., а также протест Прокуратуры СССР и Постановление Военной коллегии Верховного Суда СССР от 18 августа 1989 г. об отмене приговора (л. 215-216, 217-218).

Как видно из дела, 22-летний Тимар был задержан вместе с Ференцем Хофманом 1 августа 1940 г. при переходе границы в районе Надворной (город на Украине, Ивано-Франковская обл.) и доставлен в тюрьму г. Станислава (ныне Ивано-Франковск). В те же дни советские пограничники задержали еще ряд венгров, нелегально переправившихся через границу, некоторые из них – Бонис, Локош, Геллер, – как подозреваемые в шпионаже, упоминаются в деле Тимара, причем только о последнем можно сказать что-то определенное: ровестник Тимара Лайош Геллер, будапештский слесарь-электрик, был также приговорен к расстрелу 6 июля 1941 г.

Как удалось установить венгерскому историку Тибору Хайду, Ференц Хофман, избежав судьбы своего друга Тимара, попал в Воркуту, откуда после войны с подорванным здоровьем вернулся на родину, основал семью и скончался лишь несколько лет назад (*Hajdu Tibor: Ki volt Timár István? // Mozdó Világ, 2000, 10. sz., 12. old.*). В этой же публикации, появившейся после выхода «Бесед на Лубянке», высказывается мнение, что Тимар и Хофман, принадлежавшие к числу молодых людей левой ориентации, бежали летом 1940 г. через только что установленную границу между Венгрией и СССР, чтобы избежать призыва в фашизирующуюся армию.

Быть может, это и было одним из мотивов, которые побудили Тимара бежать из Венгрии. Но главной целью, как можно судить по материалам дела, было все же установление связи с Коминтерном, получение инструкций и материальной помощи для нелегальной коммунистической группы, работавшей под прикрытием социал-демократической партии. Уже на первом допросе в тюрьме г. Станислава Тимар высказал просьбу послать телеграмму в Коминтерн.

5 октября 1940 г. по указанию НКВД СССР Иштван Тимар был под конвоем отправлен в Москву. Допросы его на протяжении почти полугода без особой спешки вел сотрудник 13 отделения 3 отдела ГУГБ НКВД СССР мл. лейтенант государственной безопасности В. Черных, ежемесячно подававший на подпись начальство постановления о продлении сроков следствия. Представление о характере следствия на этом этапе может дать следующий фрагмент.

«Протокол допроса от 25 X 1940 г. обвиняемого Тимар (sic!) Степана Бойловича, 1918 г. рождения, уроженца г. Будапешта – Венгрия, образование среднее, последнее место работы завод «Ортопедмеханика» в качестве механика-ортопедиста.

Допрос начат в 11 ч. 30 м.

Вопрос: Расскажите пожалуйста, как Вы перешли государственную границу из Венгрии на территорию СССР?

Ответ: 27 июля 1940 года из Будапешта поездом я доехал до ст. Хуст, а затем автобусом до деревни Калотча приблизительно в 50 килом. от Хуст. От деревни Калотча, которая находится в 20 км. от границы, меня сопровождал Беркович Бертольд. Ему примерно 20 лет. Причем Беркович меня сопровождал только до первой линии гор «Негроц», а дальше я вместе с моим товарищем Гофман Францем пошел самостоятель-

но и в час дня 1 августа мы перешли границу и сразу пошли по дороге к заставе. На пути нас встретили три красноармейца и повели на заставу. [...]

Вопрос: На допросе от 24.X.40 г. Вы показали, что Вы перешли госграницу по заданию коммунистической группы для связи с Коминтерном. Расскажите подробно, кто конкретно Вас направил в СССР для связи с Коминтерном и каким образом Вы должны были осуществить эту связь?

Ответ: Меня послал Центральный Комитет нашей коммунистической группы, который состоит из семи человек, а всего вокруг этого ЦК комгруппы насчитывается около 3000 человек коммунистов. В ЦК коммунистической группы входят следующие лица.

1. Карл Гойниш, парткличка Франц Фехер, живет на ул. Верешмарти, номер дома не знаю, работает в пригороде Будапешта на деревообрабатывающем заводе в качестве столяра.

2. Видор Маришка, работает в фотолаборатории в Будапеште, его [должно быть: ее. – *Ред.*] адрес ул. Вешелинигассе, дом 47 (второй двор, первый этаж).

3. Шифер Пауль [правильно: Шиффер Пал. – *Ред.*], имеет партклички Кёваго Пауль, Кемени Пауль, работает в редакции социал-демократической газеты «Непсава» – «Народное слово».

4. Остальных членов ЦК я не знаю.

Я сам тоже являюсь членом ЦК коммунистической группы. Руководит этим ЦК коммунистическ. й группы Карл Гойниш. Каждый из членов ЦК руководит работой районов. В середине июля на заседании нашего Центрального Комитета было решено послать меня и моего товарища Гофмана Франца в СССР для связи с Коминтерном. Нас послали потому, что я знал лучше положение в Будапеште, а он положение на периферии.

После этого перед нами встал вопрос, как практически связаться с Коминтерном. Тогда я с согласия ЦК по этому вопросу связался с австрийским политэмигрантом, проживающим нелегально в Будапеште, Карлом Зоммер, парткличка Бертли, который, по его словам, хорошо знаком, даже является другом представителя австрийской партии при Коминтерне Фридль Фюренбергом [правильно: Фюрнберг. – *Ред.*] , и Карл Зоммер, порекомендовал нам с ним, т.е. с Фюренбергом, связаться следующим образом:

После перехода границы на территорию СССР на имя Фюренберга послать телеграмму следующего содержания: «Москва, ул. Горького, 36, гостиница «Люкс», Фридль Фюренбергу. Карл Зоммер, послал нас, Стефана Тимер и Франца Гофмана. Мы просим прислать нам деньги, чтобы мы могли приехать в Москву [...]» (д. Р-35901, л. 30-32).

Точное указание гостиницы коминтерновских кадров и должности Ф. Фюренберга свидетельствует о достоверности этих показаний, хотя некоторые данные (например, фантастическая по тем временам численность подпольной организации, в руководство которой якобы входил Тимар) вызывают сомнения.

В начале 1941 г. запрос относительно Тимара и других венгров, задержанных при переходе границы, был направлен в Коминтерн. Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Димитров в резолюции от 12.02.41 г. счел необходимым «предложить органам НКВД, чтобы предоставили право этим венгерцам жить и работать в некоторых отдаленных районах СССР, а не расстреливать» (там же, л.

215). Резолюция эта едва ли предполагала добровольную «жизнь и работу» в СССР. Но в случае с Тимаром дело обернулось еще трагичней.

10 марта 1941 г. дело было передано следователю 1 отделения 1 отдела следчасти НКГБ СССР мл. лейтенанту госбезопасности Константинову, который впоследствии вел также дело Л.Рудаши. И уже 14 апреля Тимар признал себя виновным в том, что «был завербован хортистской полицией».

О методах дознания на этом этапе можно только догадываться. Протокол допроса от 14 апреля, продолжавшегося в течение шести с половиной часов, начинается с признания Тимара в том, что ранее он давал ложные показания о своих арестах. Но относительно цели приезда в СССР арестованный какое-то время еще настаивает на первоначальной версии.

Здесь впервые всплывает имя Пала Юстуса, о знакомстве с которым спрашивает у арестованного следователь Константинов. Тимар, если верить протоколу, делает неосторожное признание в том, что с Юстусом он знаком, более того, заявляет, что Юстус считается в кругах венгерских подпольщиков-коммунистов троцкистом. Этого факта, судя по всему, и без того известного следствию, было более чем достаточно, чтобы выстроить версию о вербовке Тимара Юстусом, якобы связанным с тайной полицией.

В ходе следующих допросов арестованный признается и в других грехах, в частности, в том, что 24 июля 1940 г. при посредничестве Юстуса и детектива Боровского он якобы был завербован венгерской контрразведкой, глава которой Ангельми удостоил его перед поездкой в СССР личной аудиенции. Правда, изложить суть заданий, полученных им, подследственный так и не смог (там же, л. 144).

Характерная деталь: если до этого тексты протоколов перед подписанием зачитывались подозреваемому, не знавшему до прибытия в СССР русского языка, в переводе на немецкий, то с конца апреля, как гласят записи в деле, он вынужден был знакомиться с ними на русском языке: «Данный протокол допроса лично мною прочитан. Содержание его с моих слов записано верно. Печатанный шрифтом русского языка мне понятен – *Тимар*» (там же, л. 148).

Имена Лукача и Рудаши впервые упоминаются в протоколе допроса от 28 апреля 1941 г., часть которого без каких-либо изменений была перенесена в протокол допроса от 9 мая: «Примерно 25–26 июля 1940 года, – якобы заявил Тимар, – будучи в квартире Юстуса, где также присутствовали Боровский и Эдит Боэр, я получил от Юстуса и Эдит Боэр задание установить в Москве шпионскую связь с Рудаши Белла (sic!), Лукач Георгием, Бенке Антал (по-русски Антон) и Нилош., имени не помню» (там же, л. 131). И хотя на самом деле здесь фигурирует имя *однофамильца* Ласло Рудаши – известного в 20–30-е годы активиста венгерского коммунистического подполья Бела Рудаши, для следствия это значения не имеет. Копия этого протокола, попавшая в дело Лукача, была «чуть» подправлена: Рудаши упоминается в ней лишь по фамилии! (ср.: следственное дело Лукача, док. 23).

Некоторое время Тимар, как можно догадаться, пытался противостоять давлению следствия. Так, 9 мая допрос начался с его отказа от признательных показаний в своих связях с хортистской разведкой: «В Венгрии я активно участвовал в революционном движении, за что семь раз арестовывался полицией. Прошу поверить, что приездом в СССР других целей, кроме получения инструктажа в Коминтерне, я не преследовал [...] Во всех моих предыдущих показаниях нет ни одного слова лжи [...] Эти задания я получил в Венгрии от руководителей нашей подпольной группы

Карла ХАЙНИША, Пала ШИФЕРА и Франца ШПАЛЬТЕРА» (там же, л. 135). Однако сопротивление было уже бесполезно. Необходимая для фабрикация дела фактура была в наличии, и 11 июня 1941 г. следователь завершил расследование, а к 27 июня – подготовил обвинительное заключение.

Закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Тимара состоялось 6 июля 1941 г. (см. док. 24, 25). Как свидетельствует запись в следственном деле, смертный приговор, вынесенный Тимару, был приведен в исполнение 30 июля 1941 г. (там же, л. 199об).

Реабилитация Тимара состоялась почти полвека спустя. К следственному делу Тимара приложено постановление № 569-89 Пленума Верховного Суда СССР от 20 сентября 1989 г., в котором изложены результаты пересмотра дела:

«...По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 6 июля 1941 г. гражданин Венгрии Тимар Степан Бойлович, родившийся в 1918 году в городе Будапеште, венгр, ранее не судимый, осужден по ст. 58-6, ч. 1, УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

Тимар признан виновным в том, что являясь агентом венгерской разведки, в мае 1940 года был перебросен на территорию СССР с заданиями шпионского характера, которые выполнить не смог, так как был задержан [в действительности Тимар был задержан на границе 1 августа. – *Ред.*].

В протесте и.о. Генерального Прокурора СССР ставится вопрос об отмене приговора и о прекращении дела за отсутствием в деле Тимара С.Б. состава преступления.

Рассмотрев материалы дела, заслушав доклад члена Верховного Суда СССР Ю.В. Пархомчука и выступление и. о. Генерального прокурора СССР Я.Э. Дзени-тиса, поддержавшего протест, Пленум Верховного Суда СССР находит, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Как видно из материалов дела, в ходе предварительного следствия Тимар, признавая свою вину в преступной деятельности, давал непоследовательные и противоречивые показания.

Первоначально, в ходе девяти допросов, он категорически отрицал причастность к совершению контрреволюционных преступлений и заявлял, что, являясь членом коммунистической группы социал-демократической партии Венгрии и, опасаясь ареста, нелегально перешел государственную границу СССР для установления связи с Коминтерном.

В дальнейшем, в ходе повторных многочасовых допросов, проводившихся и в ночное время, Тимар заявил, что нелегально прибыл в СССР по заданию венгерской разведки для проведения шпионской деятельности и выявления каналов и лиц, через которых Коминтерн осуществляет связь с подпольными коммунистическими организациями в Венгрии.

Затем на следствии Тимар вновь заявил, что цели ведения шпионажа против СССР он не преследовал.

Свидетели по данному делу не допрашивались и какие-либо доказательства виновности Тимара как на предварительном следствии, так и в суде не исследовались.

Согласно архивной справке [Центрального Архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – *Ред.*], Тимар С.Б. с 1939 года являлся членом центрального руководства коммунистической организации социал-демократической партии Венгрии.

Каких-либо данных о сотрудничестве Тимара С.Б. с иностранными разведками в соответствующих архивных органах нет.

При таких обстоятельствах следует признать, что Тимар был привлечен к уголовной ответственности и осужден необоснованно.

Руководствуясь п. 1 ст. 18 Закона о Верховном Суде СССР, Пленум Верховного Суда СССР постановляет:

приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 6 июля 1941 г. в отношении Тимара Степана Бойловича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

И.о. Председателя Верховного Суда СССР Р.Г. Тихомиров

Секретарь Пленума, член Верховного суда СССР Р.К. Бризе» (там же, л. 217–218. Машинописная копия).

⁷ После поражения в августе 1919 г. Венгерской советской республики большинство венгерских коммунистов эмигрировало (прежде всего в Австрию и в Советскую Россию). В эмигрантских органах КПВ развернулась острая фракционная борьба между двумя основными группировками, возглавляемыми Б.Куном и Е.Ландлером. В отличие от более радикалистской фракции Б.Куна, стремившейся к подчинению всей деятельности КПВ идеям «мировой революции», более умеренная фракция Е.Ландлера, в которой важную роль играл Д.Лукач, пыталась теснее увязать задачи КПВ с реалиями хортистской Венгрии.

⁸ В сентябре 1928 г. ЦК КПВ поручил Д.Лукачу разработать программу действий партии с учетом политической ситуации в Венгрии. Такая программа («Проект тезисов о политическом и экономическом положении в Венгрии и задачах КПВ») была им разработана и представлена в 1929 г. на суд партийного руководства, получив при этом условное наименование «тезисы Блома» (такова была в то время партийная кличка Лукача). Непосредственной целью, стоящей перед венгерским коммунистическим движением, тезисы провозглашали установление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, в которой виделось некое переходное состояние на пути к диктатуре пролетариата. Эта программа, осуществление которой было немыслимо без союза коммунистов с демократическими силами в борьбе против авторитарного хортистского режима, ориентировала на преодоление сектантской политической практики венгерского коммунистического движения 20-х годов (хотя в ней присутствовали и типичные для того времени установки Коминтерна – например, характеристика социал-демократов как социал-фашистов). «Тезисы Блома», поначалу в целом поддержанные руководством КПВ, были затем отвергнуты под давлением Коминтерна. Программа действий партии, утвержденная на ее II съезде (1930 г.), исходила из того, что в стране, где однажды уже была установлена диктатура пролетариата, на повестке дня может стоять лишь задача ее повторного осуществления и в каких-либо промежуточных, переходных формах власти нет необходимости (при том, что социалистическая революция будет попутно решать и задачи общедемократического характера). В результате острой критики «тезисов Блома» Лукач был вынужден в октябре 1929 г. выйти из ЦК КПВ, а позже, став членом ВКП(б), затем КПГ, примерно на 10 лет дистанцировался от венгерского коммунистического движения. Лишь в конце 1930-х годов, будучи членом КПГ, он вновь наладил с КПВ тесные связи, стал членом редколлек-

гии и постоянным автором журнала венгерской коммунистической эмиграции в Москве «Уй ханг».

«Тезисы Блюма» были опубликованы в Венгрии только в 1975 г. (*Lukács Gy. Téziservezet a magyar politikai és gazdasági helyzetéről s a KMP feladatairól // Parttörténeti Közlemények, 1975, № 4*).

⁹ В начале 1928 г. Б.Кун прибыл в Вену, где попытался организовать подпольный секретариат Заграничного комитета КПВ. 26 апреля того же года венская полиция нагрянула в помещение секретариата с обыском, захватив партийные документы. Б.Кун и ряд других руководителей венгерской компартии были арестованы. В течение нескольких недель под следствием находился и Лукач, добровольно явившийся в полицию после обыска, проведенного у него на квартире в его отсутствие, с целью отвести от себя подозрения (Лукач проживал в Вене легально).

¹⁰ Борщев Т.М. (1901–1955) – с 26 февраля до 31 июля 1941 г. – зам. начальника 2-го управления (контрразведка) НКГБ СССР, с 31 июля 1941 до 12 мая 1943 г. – начальник УНКВД Свердловской обл. Расстрелян.

¹¹ В постановлении содержатся неточные данные о партийности Лукача (см. прим. 5) и месте его работы (в 1938 г. он был уволен из Института философии АН СССР и вернулся туда лишь в 1942 г.).

¹² В ст. 58 п. 6 УК РСФСР входили преступления, связанные со шпионажем. В постановлении о предъявлении обвинения от 12 июля (док. 11) обвинение было переключено в ст. 58 п. 1-а (измена Родине).

¹³ Яноши (Jánossy) – фамилия жены Лукача, урожденной Борштибер, по первому мужу. В советских документах жена Лукача фигурировала как Яносси, а ее дети – как Яноши.

¹⁴ Научная библиотека МГУ.

¹⁵ Из устных воспоминаний Лукача известно, что во время обыска была изъята незавершенная рукопись монографии о Гете. Через неделю после ареста изъятые материалы были уничтожены как не представляющие интереса для следствия (см. док. 20, 21).

¹⁶ В качестве участника III съезда Коминтерна.

¹⁷ После поражения Венгерской советской республики Д.Лукач в течение месяца находился на нелегальном положении. В Вену он прибыл 10 сентября 1919 г.

¹⁸ Шиллингер Ласло (1903–1941) – с середины 1920-х гг. член нелегальной КПВ, член подпольного Будапештского комитета и секретариата партии, в 1927 и 1930 г. подвергался арестам. В 1934 г. эмигрировал в СССР, где преподавал в Международной ленинской школе, работал на Метрострое. Репрессирован.

¹⁹ Правильно: Вейс Нандор, Шимон Йолан.

²⁰ В 1920–1921 гг. Лукач активно публиковался в венском журнале «Коммунизм», который, как он признал позже, «на короткое время сфокусировал все ультралевые течения в III Интернационале». Официальным редактором журнала был австрийский коммунист Герхард Эйслер – брат композитора Ганса Эйслера и будущего лидера левого крыла КПГ – Рут Фишер (урожд. Эльфриды Эйслер). Лукач как член внутреннего коллектива участвовал в выработке «левой» политической линии журнала, которая «основывалась на широко распространенном в то время убеждении, что великая революционная волна вскоре захлестнет весь мир, по крайней мере всю Европу, и приведет ее к социализму... Наш журнал содействовал мессианскому сектанству тем, что в любом вопросе предлагал самые ради-

кальные меры и провозглашал разрыв с любым институтом и образом жизни, вытекающим из буржуазного общества. Тем самым мы хотели помочь воспитанию неискаженного классового сознания в авангарде коммунистических партий и в коммунистических молодежных организациях» (*Lukács Gy. Curriculum vitae. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 290–291. old.*).

²¹ По поводу статьи Д.Лукача «К вопросу о парламентаризме», опубликованной в 1920 г. в венском журнале «Коммунизм» (группе ряда ультралевых группировок в Коминтерне), Ленин писал: «Статья Г. Л. (Г.Лукача. – *Ред.*) очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный; различие «оборонительной» и «наступательной» тактики выдуманное; конкретного анализа точно определенных исторических ситуаций нет; самое существенное (необходимость завоевать и научиться завоевывать все области работы и учреждения, где проявляет свое влияние на массы буржуазия, и т. д.) не принято во внимание» (*Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 135–136*). Выступив против участия коммунистов в парламентах буржуазных государств, Лукач в этой статье охарактеризовал мирные, парламентские средства борьбы как сугубо оборонительную тактику, свидетельствующую, по его мнению, о разочаровании в наступательных, революционных средствах.

²² См. прим. 8. II съезд КПВ состоялся в Априлевке под Москвой 27 февраля – 15 марта 1930 г.

²³ Впоследствии, в своем выступлении в июне 1956 г. на дискуссии о «тезисах Блюма» в Институте истории партии при ЦР ВПГ, а также в интервью 1970 г. Лукач отметил нацеленность этих тезисов на поиски в рамках коммунистической идеологии более реалистической программы действий КПВ в конкретно-исторической ситуации конца 20-х годов. Он отметил также их роль в собственной духовной эволюции. Вместе с тем философ возражал против преувеличения их значения как документа, якобы предвосхитившего идеи VII Конгресса Коминтерна об антифашистском народном фронте. См.: *Vita a «Blum-tézisek»-ről // Lukács Gy. Curriculum vitae. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 171–227 old.; Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon (Az interjúkat kész.: Eörsi I. és Vezér E. Szerk. Eörsi I.). Bp., 1989. 186–195 old.*

²⁴ Кун Бела (1886–1938) – один из основателей (1918) и руководителей венгерской компартии. В 1919 г. нарком иностранных дел и нарком военных дел Венгерской советской республики, фактический ее глава. С августа 1919 г. в эмиграции в Австрии, с 1921 г. – в Советской России. В 1921–1936 гг. член ИККИ, в 1928–1935 гг. член Президиума ИККИ. В сентябре 1936 г. освобожден Секретариатом ИККИ от работы в компартии Венгрии и в аппарате ИККИ за провалы в работе КПВ и противодействие линии VII Конгресса Коминтерна на создание антифашистского Народного фронта. В июле 1937 г. арестован по подозрению в антисоветской и антикоминтерновской деятельности, в августе 1938 г. расстрелян.

²⁵ «Уй Марциуш» («Új Március», «Новый март») – журнал КПВ, издавался в Вене в 1925–1933 гг., нелегально переправлялся в Венгрию. В редакции в разное время работали Д.Лукач, Е.Ландлер, Й.Реваи, Ф.Хусти, З.Липшаи, публиковались Б.Кун и др.

²⁶ Секей Бела (1889–1939) – зам. наркома финансов Венгерской советской республики, в 1919 г. эмигрировал в Вену, работал в торгпредстве СССР, в 1930–1933 гг. работал в Берлине, затем – в СССР. Арестован в 1938 г.

²⁷ Майерхоффер Георг (dr. Georg Mayerhoffer) – венский торговец парфюмерными товарами, на чье имя было зарегистрировано помещение, где в 1928 г. функционировал технический секретариат Загранбюро КПВ. 26 апреля 1928 г. венская полиция арестовала здесь Б.Куна и ряд других деятелей компартии.

²⁸ Молотов (Скрябин) В.М. (1890–1986) – в 1930–1941 гг. председатель СНК СССР и СТО СССР (до 1937 г.). С 1941 зам. председателя, в 1942–1957 гг. 1-й зам. председателя СНК (СМ) СССР, одновременно в 1941–1945 гг. зам. председателя ГКО. В 1939–1949 и 1953–1956 гг. нарком, министр иностранных дел СССР.

²⁹ Ракоши Матяш (1892–1971), Герё Эрнё (1898–1980) – деятели венгерского коммунистического движения; Пик Вильгельм (1876–1960) – деятель германского коммунистического движения, в 1949–1960 гг. президент ГДР; Котлениг Иоганн (1891–1968) – деятель австрийского коммунистического движения, в 1924–1945 гг. генеральный секретарь ЦК, в 1945–1965 – председатель КПА; Виден Питер (Эрнст Фишер) – в 30-х гг. представитель КПА в ИККИ.

³⁰ Бехер Иоганнес Роберт (1891–1958) – немецкий поэт и общественный деятель. В 1933–1945 гг. в эмиграции в СССР.

³¹ Гергей Шандор (1896–1966) – венгерский писатель-коммунист, в 1931–1945 гг. находился в эмиграции в СССР, сотрудничал в журналах «Шарло эш калапач» («Sarló és kalapács»), «Серп и молот») и «Уй ханг» («Új Hang», «Новый голос»).

³² Юдин П.Ф. (1899–1968) – философ, дипломат. Академик АН СССР; Варга Е.С. (1879–1964) – экономист, деятель Венгерской советской республики 1919 г. Академик АН СССР; Усиевич Е.Ф. (1893–1968) – литературный критик; Розенталь М.М. (1906–1975) – философ, в 1933–1941 гг. зам. главного редактора журнала «Литературный критик»; Кеменов В.С. (1908–1988) – искусствовед, в 1940–1948 гг. председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Позднее вице-президент Академии художеств СССР; Левин Ф.М. – литературный критик; Лифшиц М.А. (1905–1983) – философ, искусствовед, действительный член Академии художеств СССР; Михайлова Е.Н. – литературовед; Мотылева Т.Л. (1910–1992) – литературовед.

³³ Манн Томас (1875–1955) – немецкий писатель.

³⁴ Цвейг Арнольд (1887–1968) – немецкий писатель.

³⁵ Рудаш Ласло (1885–1950) – один из основателей КПВ в 1918 г., редактор газеты «Вёрещ уйшаг». В 1919 г. эмигрировал в Австрию, с 1922 до 1945 г. работал в СССР в аппарате Коминтерна, Институте красной профессуры, ИМЭЛ. Дважды арестовывался НКВД – в 1938 и 1941 гг. После 1945 г. – директор Центральной партийной школы ВПТ и ректор Экономического университета им. К.Маркса. Полемицировал с Лукачем в 1924–1925 гг. по поводу работы последнего «История и классовое сознание», в 1949–1950 гг. – один из активных участников идеологической кампании, известной как «дискуссия о Лукаче».

³⁶ «Вёрещ уйшаг» («Vörös Újság» – «Красная газета») – газета венгерской компартии, издавалась с 7 декабря 1918 г. до 3 августа 1919 г. Редколлегия газеты в разное время возглавляли Л.Рудаш, Т.Самуэли, Б.Ваго, Б.Кун, Е.Ласло, К.Янчо. После ареста 21 февраля 1919 г. руководства ВКП в состав редколлегии в марте вошли Д.Алпари, Э.Болгар, Д.Лукач, Ф.Ракош, Й.Реваи. В период советской республики – ежедневная газета, выходившая тиражом свыше 100000 экз., орган объединенной Социалистической партии. В феврале–июне 1920 г. выходила в Вене

как приложение к газете австрийской компартии «Роте фане». Позднее – в ноябре 1921 – январе 1922 г. в Вене и в августе–сентябре 1922 г. в Берлине – газету под таким названием издавала фракция Е.Ландлера.

³⁷ «Интернационал» («Internacionálé») – теоретический журнал венгерской компартии, издавался с 1 января 1919 г., в период Венгерской советской республики – как орган объединенной Социалистической партии. Состав редколлегии: Д.Хевеши, Б.Кун, А.Комьят, Д.Лукач, Л.Рудаш. Ответственными редакторами были сначала А.Комьят, затем Л.Рудаш.

³⁸ Ракош Ференц (1892–1963) – член венгерской компартии с ноября 1918 г., в феврале 1919 г. – член нелегального ЦК КПВ, в период Венгерской советской республики – председатель Революционного трибунала. С августа 1919 г. – в эмиграции в Австрии, с 1925 до 1948 г. – в СССР, в 1938 г. как участник антисоветской троцкистской организации был приговорен к 8 годам заключения.

³⁹ Речь идет о докладе Лукача «Террор как источник права».

⁴⁰ Речь идет о статье «Большевизм как моральная проблема», впервые опубликованной в декабре 1918 г. в тематическом номере журнала «Сабадондолат», посвященном вопросу о большевизме. См.: A bolsevizmus mint erkölcsi probléma // Lukács Gy. Forradalomban. Bp., 1987.

⁴¹ Речь идет о статье «Теоретическое значение восстановления пролетарского единства», опубликованной в брошюре народного комиссариата образования «Документы единства» («Az egység okmányai», 1919). Под названием «Партия и класс» («Párt és osztály») статья была опубликована также в брошюре «Тактика и этика» («Taktika és etika», 1919).

⁴² Правильно: «Уй ханг» («Новый голос») – орган компартии Венгрии, издававшийся в Москве в 1938–1941 гг.

⁴³ Шумпетер Йозеф (1883–1950) – австрийский ученый-экономист с мировым именем.

⁴⁴ О.Корвин был арестован 3 августа 1919 г., а 29 декабря вместе с рядом других коммунистов по приговору суда казнен.

⁴⁵ Вдова философа Бельи Залаи (1882–1915).

⁴⁶ Сведения о Боровском, точно так же, как и об упоминающейся ниже Эдит Бозр, не установлены.

⁴⁷ Юстус Пал (1905–1965) – журналист, деятель левого крыла социал-демократической партии Венгрии. В 1932–1936 гг. находился за границей, главным образом во Франции. После возвращения – функционер СДПВ, один из ее идеологов, сторонник единого фронта социал-демократов и коммунистов под эгидой и в рамках СДПВ. Высоко ценил и пропагандировал достижения советского народа в экономике, технике, литературе и искусстве. Вместе с тем резко критиковал московские процессы, за что обвинялся со стороны коммунистов, особенно молодых, в троцизме. В начале 40-х гг. – секретарь организации СДПВ VI-го р-на Будапешта, вел нелегальные семинары. В 1948–1949 гг., после объединения СДПВ и компартии, член Центрального Руководства ВПТ. В 1949 г. на процессе по делу Л.Райка был приговорен к пожизненному заключению. В 1955 г. освобожден и реабилитирован. Сведения о тайном сотрудничестве Юстуса с хортистской полицией не известны.

⁴⁸ Бозр Ференц (1899–1979) – рабочий-металлист, в 1926–1930 гг. член КПВ и один из ее руководителей, член ЦК. В 1927 г. на процессе З.Санто осужден, в 1929 г. освобо-

жден из тюрьмы. В 1930 г. исключен из партии. В 1956 г. вступил в ВСРП. Обвинения Бозра в сотрудничестве с хортистской полицией были признаны безосновательными.

⁴⁹ С февраля по начало мая 1929 г. Лукач находился на нелегальной партийной работе в Будапеште.

⁵⁰ Партийная кличка Бергманна Йожефа (1906–?) – члена КПВ с 1926 г., в 1929 г. избранного в секретариат КПВ, а в 1930 г. на II съезде КПВ – в состав ЦК. В 1930–1931 гг. – представитель КПВ в Коминтерне, в марте 1931 г. из-за трений с Б.Куном исключен из ЦК КПВ Интернациональной Контрольной Комиссией КИ. Работал на Горьковском автозаводе, в 1932 г. арестован.

⁵¹ Правильно: Хусти Ференц (1893–1937) – венгерский юрист, журналист, с 1919 г. член КПВ, в начале 20-х гг. эмигрировал в СССР, работал в партийных органах АССР немцев Поволжья, инструктором ЦК КПСС, был членом Загранбюро КПВ. В 1937 г. репрессирован.

⁵² В 1937 г.

⁵³ См. прим. 40.

⁵⁴ Отвечая на этот вопрос, Лукач предпочел не вдаваться в подробности и взять на себя грех «левизны», дабы не навлечь на себя более тяжкие обвинения. В целом культурная политика советской республики, которую формировали наркомы просвещения Д.Лукач и Ж.Кунфи, не отличалась слишком большими «левацкими» перегибами. В основе деятельности Лукача, ведавшего прежде всего вопросами искусства и литературы, лежало стремление укрепить позиции социалистической идеологии в венгерской культуре. Вместе с тем его концепцию отличали требовательность к художественному уровню и уважительное отношение к культурному наследию.

⁵⁵ В марте 1921 г. в целом ряде индустриальных районов Германии (в Гамбурге, Саксонии, Тюрингии, Рейн-Вестфалии и др.) произошли столкновения рабочих, недовольных своим материальным положением, с полицией. Попытки руководства Объединенной компартии Германии организовать всеобщую забастовку, а в ряде мест спровоцировать перерастание массовых демонстраций в вооруженное восстание, завершились неудачей, несмотря на то, что газета «Роте фане» в своих передовых статьях призывала братья за оружие. «Мартовский провал» свидетельствовал об ограниченности влияния компартии на рабочее движение и способствовал дальнейшему подрыву этого влияния. Массовый выход рабочих из партии вследствие мартовских событий сопровождался острым кризисом в ее руководстве. Правое крыло исходило из отсутствия в стране объективных предпосылок революционной ситуации, в результате чего в ходе мартовских выступлений пришлось сделать ошибочную ставку на «бакунистский путч». Левое крыло признавало наличие революционной ситуации и отстаивало за компартией право на «инициаторские» действия в соответствии с так называемой «теорией наступления» даже при отсутствии массовой поддержки пролетариата. Левые в ОКПГ указывали на мобилизующее и «очистительное» значение мартовской акции.

О позиции Лукача в связи с мартовскими событиями в Германии можно судить по трем его работам: «К третьему конгрессу» (вышедшей в 17/18 номере венского журнала «Коммунизм» за 1921 г.) и двум статьям в теоретическом органе КПГ «Интернационале» (1921, № 6): «Спонтанность масс – активность партии» («Spontaneität der Massen, Aktivität der Partei») и «Организационные вопросы революционной инициативы» («Organisatorische Fragen der revolutionären Initiative»). В этих

статьях Лукач отстаивал необходимость организационного вмешательства, воздействия партии на спонтанное движение масс, внесения в него революционного сознания. «Оборонительной» тактике правого крыла ОКПГ он противопоставлял наступательную альтернативу, выступив, таким образом, в качестве решительного апологета «теории наступления»: «Если революционное развитие не хочет подвергнуться опасности застоя, то следует искать другой выход: действие ОКПГ, наступление. И наступление означает: воздействием самостоятельной партийной акции в нужное время и с верными лозунгами пробудить сознание пролетарских масс от их летаргии, оторвать их от меньшевистского руководства через действие (также организационное, а не чисто духовное), разубить мечом действия узлы идеологического кризиса пролетариата» (Здесь и далее цит. по: Дмитриев А.Н. Д.Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии (Франкфуртская школа). Канд. дисс. СПб., 1998).

В другой статье Лукач допустил признание «мартовской акции» ошибкой – но исключительно с точки зрения ее слабого организационного обеспечения и идеологической незрелости партии: «Весь класс может прийти к осознанию своей позиции и вытекающему отсюда необходимому способу действий лишь через воспитание мировоззрения целой серией – отчасти, конечно, ошибочных – акций. Наибольшая слабость мартовских событий (не в самой «идее», но в ее осуществлении) лежит скорее в том, что это не осознано быстро и в достаточной степени самим революционным авангардом». Окончание статьи выдержано совершенно в духе «теории наступления»: «Ситуация объективно созрела для революции. Решающими для судьбы революции становятся препятствия идеологического характера. Революционная инициатива авангарда должна преодолеть организационный кризис членства в партии. Коммунистическая партия, сплоченная во имя революции, не просто предназначена для возможности наступления, но обязана повсюду очищать сражающееся войско от всех овеществленных примесей капитализма, чтобы сделать себя достойной и адекватной своему всемирно-историческому призванию».

На III Конгрессе Коминтерна (22 июня – 12 июля 1921 г.), кстати, единственном, в котором принял участие Лукач, его выступление носило более компромиссный характер, что объяснялось, в первую очередь, принадлежностью философа к фракции Е.Ландлера в КПВ, противостоявшей фракции Б.Куна – предложенная Куном программа действий Коминтерна применительно к Германии (так называемые тезисы Куна–Тальгеймера) была подвергнута на Конгрессе критике. В своем выступлении Лукач критиковал организационную подготовку мартовской акции и требовал учета контрреволюционной настроенности масс в тактике коммунистического движения. В то же время он указал на необходимость активного пробуждения широких слоев пролетариата действиями компартии, что в полной мере соответствовало теории наступления: «В данном случае ГОКП должна была активно выступить, потому что организационные стремления в этих окоченевших и политически неподвижных массах возможно пробудить лишь путем проявления по отношению к ним революционной инициативы наступлений... Огромная ошибка заключалась в том, что выступление рабочих началось под лозунгами, которые могут быть выдвинуты лишь к концу его, и поэтому не было достигнуто то, чего можно было достигнуть. В этом и заключалась неправильность теоретической точки зрения тех членов Центрального Комитета, которые не уяснили себе внутреннего содержания задачи, заключающейся в этом выступлении». Таким образом, позиция Лукача

продолжала соответствовать установкам левого крыла ОКПГ. Осмысление мартовских событий 1921 г. в Германии сказалось в его теоретических штудиях 1922–1923 гг., в частности в некоторых из статей, включенных в книгу «История и классовое сознание» (1923). Правильное, аутентичное классовое сознание пролетариата понималось им в этой книге как исходный ориентир верной стратегии и тактики партии. С другой стороны, принадлежность Лукача к фракции Ландлера и его активное участие в борьбе с сектантской линией Куна способствовали все большему дистанцированию философа от ультралевых течений в европейском коммунистическом движении. Эволюция взглядов Лукача от сектантского мессианизма к большему политическому реализму в рамках коминтерновской доктрины нашла отражение уже в его статье «Единый фронт пролетариата в Германии» (сентябрь 1921 г.). Лукач, хотя и не без оговорок об опасности утраты руководящей роли коммунистами, призывал в ней к созданию единого фронта пролетариата ввиду ожидаемого контрнаступления реакции.

В предисловии к «Истории и классовому сознанию» (1967) Лукач так описывал внутреннее противоречие в своих тогдашних взглядах: «На международной арене я мог беспрепятственно предаваться со всем своим интеллектуальным пылом революционному мессианизму. Но в Венгрии, с постепенным ростом организованного коммунистического движения, я во всевозрастающей степени сталкивался с решениями, общие и личные, долговременные и непосредственные следствия которых я не мог игнорировать и должен был укладывать в основу уже дальнейших решений» (*Lukács Gy. Curriculum vitae. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 292. old.*).

«История и классовое сознание», как он отмечает здесь же, была написана в 1922 г. посреди этого переходного периода от радикального мессианизма и революционного ригоризма («Тактики и этики») к конкретным проблемам коммунистического движения в общей перспективе марксистского историзма; эта книга «была, в таком случае, исходным синтезом того периода, который начался с последними годами войны» (*Lukács Gy. Curriculum vitae. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 294 old.*).

⁵⁶ Речь идет о статье «Partei und Jugendbewegung in Ungarn» (*Jugend-Internationale, 1921, № 9*).

⁵⁷ Одно из важнейших сочинений Д. Лукача, работа «История и классовое сознание» многократно становилась предметом историко-философских исследований. Из работ на русском языке см.: *Хевеши М.А.* Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977.

⁵⁸ См. прим. 8, 23.

⁵⁹ Ландлер Енё (1875–1928) – видный деятель левого крыла Венгерской социал-демократической партии, с 1919 г. – венгерской компартии, один из руководителей советской республики 1919 г., нарком финансов, нарком внутренних дел, главнокомандующий венгерской Красной Армии. После 1919 г. в эмиграции в Австрии. Участник III и IV Конгрессов Коминтерна. Прах Е. Ландлера захоронен в Кремлевской стене.

⁶⁰ С середины 20-х годов философские взгляды Лукача действительно эволюционировали в направлении более ортодоксального марксизма и известную роль в этом сыграла критика книги «История и классовое сознание» в мировом коммунистическом движении. В своей автобиографической работе 1933 г. «Мой путь к Марксу» Лукач писал, что в этой книге «несмотря на сознательную попытку преодолеть и «снять» Гегеля через Маркса... важнейшие вопросы диалектики решались еще идеалистически (диалектика природы, теория отражения и т. д.)». (*Lukács Gy. Curriculum vitae. Szerk.:*

Ambrus J. Bp., 1982. 102. old.). В конце 60-х годов, когда в среде «новых левых» вновь оживился интерес к книге «История и классовое сознание», Лукач неустанно продолжал подчеркивать, что считает книгу давно пройденным этапом своей философской биографии. См., в частности, его интервью 1969–70 гг.: *Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon (Az interjúkat kész.: Eörsi I. és Vezér E. Szerk. Eörsi I.) Bp., 1989. 187–188. old.*

⁶¹ Речь идет о Венгерской социалистической рабочей партии, легально функционировавшей в условиях хортистского режима в 1925–1928 гг. Ведущую роль в ней играли коммунисты-подпольщики, поддерживавшие тесные связи с венским эмигрантским центром КПВ. Один из вопросов, по которому в этот период шла борьба в КПВ – является ли непосредственной задачей коммунистов борьба за восстановление диктатуры пролетариата или буржуазно-демократической республики.

⁶² Ласло Рудаш (по документам следствия – Рудаш Владислав Вильгельмович) был арестован 29 июня 1941 г., в один день с Лукачем и по тем же, что и у Лукача, основаниям («как агент венгерской разведки, с которым Тимар должен был установить шпионскую связь посредством условного пароля» (Следственное дело В.В.Рудаша. ЦА ФСБ, д. Р-19096/1920360/, том 2, л. 3)).

Положение Рудаша осложнялось тем, что это был его второй арест. Первый раз Рудаш находился под следствием с 28 апреля 1938 по 22 ноября 1939 г., когда обвинялся в принадлежности к «контрреволюционной троцкистской организации» Бельи Куна и вредительской деятельности во время работы в Издательстве иностранных словарей, но был оправдан за недоказанность вины (свою роль в освобождении Рудаша тогда сыграло смещение наркома внутренних дел Ежова и временное ослабление в 1939 г. репрессий против партийных кадров).

После второго ареста дело Рудаша поначалу вел следователь Константинов, безуспешно пытавшийся заставить венгерского ученого, уже имевшего богатый опыт общения с «органами», давать показания о своей «антисоветской работе». Какой-либо четкой концепции у следствия не было, и темы допросов менялись от раза к разу непредсказуемо: родственные связи Рудаша в СССР и за границей, его аресты в Австрии (в 1920 г.) и в Москве (в 1938 г.), связи с людьми, арестованными НКВД (Бела Кун, Бела Ваго, Пал Хайду, Деже Бокани, Бела Секей и др.). Допросы, судя по документам, были весьма изнурительными и пристрастными. Так «беседа» со следователем, в ходе которой тот выяснял подробности заграничных поездок Рудаша, продолжалась с 11 ч. 55 м. 4 июля до 2 ч. 05 м. 5 июля, а допрос о работе Рудаша в ИМЭЛе в 1931–1937 гг. – с 13 ч. 6 июля до 2 ч. 30 м. 7 июля. Допрос об обстоятельствах бегства Рудаша в Австрию после падения Советской республики 1919 г. длился 15–16 июля с 22 ч. 35 м. до 15 ч. (!).

С 26 июля 1941 г. допросы Рудаша вел лейтенант госбезопасности Кириллов, занимавшийся также делом Лукача. На этот раз следователя интересовали связи Рудаша с его коллегами по работе в Международной ленинской школе, осужденными в 30-е гг. как «троцкисты». Вопрос о связях с венгерской контрразведкой, о знакомстве с Тимаром, Юстусом, Боровским заинтересовал Константинова только 3 августа, но и тут следствие не продвинулось, так как Рудаш упорно отказывался признавать какие-либо обвинения в свой адрес. Очередной следователь, лейтенант госбезопасности Пивненко, принявший дело Рудаша к своему производству 7 августа, не нашел ничего лучшего, как в течение четырех часов попытаться об интин-

ной национальности Рудаша и выяснять, почему до сих пор Рудаш скрывал от следствия, что он еврей, называя себя мадьяром (д. Р-19096, том 2, л. 170-172).

В конечном счете в дело Рудаша вмешались те же внешние силы, что и в случае с Лукачем, и его злключения завершили 26 августа освобождением из тюрьмы (постановление об освобождении из-под ареста за недоказанностью вины было завизировано Л.Берией 23 августа 1941 г. – д. Р-19096, том 2, л. 201).

⁶³ Газета «Вёреш уйшаг».

⁶⁴ Речь идет об опубликованной в ноябре 1918 г. в журнале «Сабалгондолат» статье Д.Лукача «Большевизм как моральная проблема».

⁶⁵ Йозеф Лукач, директор будапештского кредитного банка, еврей по национальности, уже в зрелом возрасте обращенный в христианскую религию, в 1899 г. благодаря своим связям в высших сферах венгерского общества получил дворянский титул.

⁶⁶ Леволиберальное республиканское правительство 21 февраля 1919 г. арестовало за призывы к свержению власти и подстрекательство к насилию Б.Куна и еще ряд руководителей компартии Венгрии.

⁶⁷ Народным комиссаром просвещения в правительстве Венгерской советской республики стал социал-демократ Ж.Кунфи. Д.Лукач был его заместителем, однако в силу договоренности между коммунистами и социал-демократами реально обладал примерно такими же полномочиями, как Кунфи.

⁶⁸ Имеется в виду статья «Партия и класс».

⁶⁹ На самом деле Лукач, подчиняясь партийной дисциплине, в дальнейшем никогда не настаивал на своих взглядах в вопросе о роли партии.

⁷⁰ 10 сентября 1919 г.

⁷¹ Большинство венгерских коммунистов, эмигрировавших в Австрию после поражения Венгерской советской республики, поначалу были интенированы австрийскими властями и провели несколько месяцев в заключении.

⁷² «Пролетар» («Proletár», июнь 1920 – янв. 1922) – газета на венгерском языке, выходила в Вене, пропагандировала необходимость осуществления в Венгрии новой пролетарской революции. В редактировании газеты участвовали Б.Кун, Е.Ландлер, Д.Лукач, А.Габор, Й.Погань.

⁷³ См. прим. 20.

⁷⁴ На самом деле Лукач был в 1928 г. арестован австрийской полицией, проведя в заключении около 4 недель. Австрийские власти собирались выслать Лукача из страны, но эти планы не были осуществлены, встретив негативную реакцию общественного мнения за пределами Австрии. См., например, письмо Т.Манна канцлеру Австрии: Brief an Dr. Seipel // *Mann Th. Die Forderung des Tages*. Berlin, 1930. S. 414–417.

⁷⁵ Л.Рудаш не мог не знать, что Д.Лукач постоянно проживал в Москве с декабря 1929 по 1931 гг., поскольку оба они в это время работали в Институте Маркса–Энгельса–Ленина.

⁷⁶ В сентябре 1919 г. при переходе венгерско-австрийской границы Лукач был задержан австрийской полицией и провел в заключении несколько дней. О втором его аресте, в 1928 г., см. прим. 74.

⁷⁷ Федотов П.В. (1900–1963) – с 26 февраля до 31 июля 1941 г. – начальник 2-го управления НКГБ СССР, с 31 июля 1941 г. до 12 мая 1943 г. – начальник 2-го управления НКВД СССР.

⁷⁸ Влодзимирский Л.Е. (1903–1953) – до 1953 г. начальник следственной части по особо важным делам НКВД–МГБ–МВД СССР. Приговорен к смертной казни вместе с Л.П.Берией и казнен 23 декабря 1953 г.

⁷⁹ Речь идет о венгерском писателе Антале Гидаше (1899–1980), с 1926 г. жившем в эмиграции в СССР, и его первой жене Юдит Пал.

⁸⁰ Юстус не мог поддерживать связь с Гидашем. Будучи зятем Б.Куна, Гидаш в январе 1938 г. был арестован и приговорен к 8 годам ИТЛ за «контрреволюционную антикоммунистическую деятельность».

⁸¹ Речь, вероятно, идет об автобиографии, написанной Лукачем ранее и использованной сотрудниками НКГБ при подготовке его ареста.

⁸² Башгаков Л.Ф. (1900–1970) – с 31 июля 1941 до 20 февраля 1942 г. – начальник 1-го спецотдела НКВД СССР (учетно-статистическая и архивно-регистрационная служба).

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Д.Лукач в Советском Союзе
(1929–1931, 1933–1945)**

Материалы к биографии

1. Биография Д.Лукача, подготовленная для составления примечаний и указателей к сочинениям В.И.Ленина¹

[1928-1929]

Родился 13 апреля 1885 г. в Будапеште, сын директора банка Йозефа Лукача. По окончании гимназии изучал в университете государственные науки, историю литературы и философию. Жил как свободный писатель, главным образом, в Германии, в последнее время в Гейдельберге. Сотрудничал во многих научных и литературных журналах и выпустил несколько книг («История развития современной драммы», 1909 г.; «Эстетическая культура», 1910 г.; «Душа и форма», 1911 г.; «Теория романа», 1916 г.)². Несмотря на склонность к марксизму и изучение его, ему не удалось все же в этот период соединить марксизм со своим миропониманием. Больше того, он все сильнее подпадал под влияние немецкого идеализма, главным образом, Гегеля. Война и русская революция вызвали кризис и в его мирозерцании. В результате этого кризиса в декабре 1918 г. Лукач примкнул к коммунистической партии Венгрии. Был кооптирован в редакцию научного журнала партии «Интернационал». После ареста ЦК Компартии Венгрии (20.II.1919 г.) стал членом замененного ЦК и членом редакции «Vörös Újság». После провозглашения советской диктатуры он был назначен партией заместителем Народного Комиссара Просвещения и утвержден в этой должности съездом Советов. При мобилизации Советов (апрель 1919 г.) отправился на фронт и до начала июля был политическим комиссаром 5-ой красной дивизии. После падения диктатуры он был назначен вместе с Отто Коргином³ для организации нелегального движения; но должен был уже в сентябре оставить Будапешт. С этих пор он живет как эмигрант в Вене. При различных попытках реорганизации компартии Венгрии он всегда избирался членом ЦК и после III Конгресса Коминтерна был Исполкомом [Коминтерна] назначен членом ЦК. В ноябре 1921 г. Лукач вместе с т. Ландлером выступил из состава ЦК³ и с ним принял активнейшее участие в фракционной борьбе компартии Венгрии. При реорганизации компартии Венгрии в 1924 г. был назначен членом эмиграционного комитета⁴ в Вене. Декабрьский пленум ЦК Компартии Венгрии в 1926 г. назначил его членом редакции «Új Március». В марте 1928 г. был кооптирован в члены ЦК. Все это время он писал статьи во всех легальных и нелегальных органах Компартии Венгрии и в различных интернациональных газетах и журналах. Ему принадлежат две книги: «История и классовое сознание» 1923 г.; «Ленин» 1924 г. Первая книга вызвала оживленную интернациональную полемику, его ответ же («Хвостизм и диалектика» 1925 г.) до сих пор еще не опубликован⁵.

РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 138. Л. 211-211об. 1-й экз. машинописи. Л. 208-208об, 209-209об, 210-210об - копии.

¹ Правильно: Корвином.

2. Письмо ЦК КПВ в ЦК ВКП(б) с просьбой узаконить пребывание Д.Лукача в СССР

29 марта 1930 г.

В ЦК ВКП [(б)]

Москва

Уважаемые товарищи!

Настоящим сообщаем вам, что товарищ Георг Лукач (Блюм), член нашей партии с декабря 1918 года, а затем – член нашего ЦК с марта 1928 до марта 1930 года, находится с разрешения ЦК нашей партии в Советском Союзе.

Мы просим вас узаконить это пребывание.

С коммунистическим приветом

ЦК КП Венгрии

Шау⁶

Подпись тов. Шаша удостоверяет Бюро секретариата ИККИ^а 29/3-30 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 1840. Л. 4. Машинописный подлинник на немецком языке.

3. Автобиография Д.Лукача от 1 апреля 1930 г.⁷

Я родился 13.IV.1885 г. как сын Йозефа Лукача, директора Общевенгерского кредитного банка. Таким образом, я вышел из ярко выраженной крупнобуржуазной семьи и воспитание получил соответствующее этой среде. Окончив гимназию, я изучал общественно-политические науки (в 1906 г. стал доктором общественно-политических наук), позднее получил степень доктора философии (в 1909 г.). Я интересовался тогда прежде всего историей литературы, эстетикой, философией и социологией.

Уже во время учебы я начал заниматься литературной работой. По завершении учебы объездил многие страны и избрал для себя поприще свободного художника. Наряду с многочисленными статьями, я опубликовал книги «История развития современной драммы» (1909 г.), «Теория романа» (1916 г.) и др. – отчасти на венгерском, отчасти на немецком языках. Эти работы отличает само собой разумеющийся буржуазный характер. Начав с «социологии» в духе Зиммеля–Зомбарта–Дильтея, я все более решительно переходил в своем развитии к кантианству.

Мировая война привела меня к кризису. С самого начала я выступал против войны, особенно против военной истерии, патриотической агитации со

^а Подпись неразборчива.

стороны писателей и ученых. Это отрицательное отношение носило буржуазно-нацифистский характер. Этот кризис побудил меня по крайней мере глубоко изучить Гегеля, который, в свою очередь, привел меня к Марксу, которого я знал и прежде, но не понимал. Решительный толчок в этом направлении я получил от русской революции 1917 г.

С началом буржуазной революции в Венгрии я после непродолжительных колебаний присоединился в декабре 1918 г. к КПВ. ЦК сразу же ввел меня в состав редколлегии журнала «Интернационал», я участвовал в пропагандистской деятельности партии. Когда 21 февраля 1919 г. почти весь ЦК партии был арестован, я стал членом нового ЦК, а также редакции партийного органа «Vörös Újság» («Красная газета»). В этом качестве активно участвовал в руководстве массового движения, способствуя подрыву влияния социал-демократов. В период пролетарской диктатуры я был заместителем наркома просвещения. С конца апреля до середины июня – политический комиссар V дивизии венгерской Красной Армии, во время контрреволюционного мятежа 24 июня – комендант будапештского Дома Советов. Само собой разумеется, что я при моем скудном опыте был тогда так же мало способен распознать действительные слабости диктатуры или позитивно способствовать их устранению, как и другие коммунисты, хотя на протяжении всей диктатуры я принадлежал к левому крылу партии, выступавшему с требованием объединения и организации коммунистических элементов на платформе обострения классовой борьбы против буржуазии и т. д.

После краха диктатуры я получил вместе с казненным впоследствии Отто Корвином задание организовать в Венгрии нелегальную КПВ. Из-за нашей неопытности в делах конспирации эта попытка полностью провалилась. Спустя шесть недель я вынужден был покинуть Венгрию. Прибыв в Вену, я принял участие в попытках организовать партию за границей и затем с помощью эмиграции – в Венгрии. До осени 1921 г. я постоянно был членом ЦК, который периодически распускался. В это время в связи с тем, что Западным бюро в Вене было создано Балканское бюро, венгерскими, австрийскими, польскими и др. товарищами был основан журнал «Коммунизм». Я принимал участие в деятельности того и другого. Я также способствовал возобладанию в журнале ультрареволюционной тенденции. Конечно, я отвергал представления ультралевых о партии и профсоюзах, однако сходился с ними в вопросе парламентаризма (ср. замечания Ленина о статье G. L. в журнале «Коммунизм»⁸). Это заблуждение я преодолел уже ко времени II Всемирного конгресса [Коминтерна]. Еще одну ультралевацкую ошибку я допустил в 1921 г., так как при оценке мартовских событий⁹, обоснованно полемизируя против революционной стихийности Люксембург, полностью игнорировал конкретные заблуждения участников этих событий и содействовал допущению очень опасной переоценки и идеализации мартовского восстания (ср. мою статью в журнале «Интернационал», а

также мое выступление на III Всемирном конгрессе). В ходе Всемирного конгресса я осознал ошибочность моих представлений.

На этот период приходится первый этап фракционной борьбы в КПВ. Разногласия среди венгерских коммунистов проявились уже во время диктатуры. После диктатуры на различные противостоящие группы распалась сначала эмиграция. Приблизительно к осени 1920 г. эмиграция кристаллизовалась вокруг тов. Бела Куна и Евгения Ландлера. Во фракционной борьбе, открыто проявившейся примерно в конце 1920 г., я от начала и до конца был руководящим деятелем фракции Ландлера. В ноябре 1921 г. меньшинство ЦК (Хирошик¹⁰, Ландлер, Лукач) вышло из ЦК: была основана собственная фракция с фракционными организациями, фракционными органами печати и т. д. и, несмотря на повторяющиеся энергичные вмешательства КИ, действовала до лета 1924 г. Вначале фракционная борьба имела определенное политическое содержание (профсоюзный вопрос, раскол С[Д]ПВ), но затем оно было исчерпано, и когда на V Всемирном конгрессе КИ вновь вмешался, никаких принципиальных расхождений во мнениях уже не существовало. Несмотря на это, фракция ни в коем случае не исчезла, фракционная борьба продолжалась подспудно, выплеснувшись на поверхность в 1928 г. Беспринципная фракционная борьба препятствовала партийной работе, перенесению центра тяжести движения в Венгрию, подготовке кадров в стране, разработке и осуществлению решений IV конгресса Профинтерна и VI Всемирного конгресса КИ, становясь источником серьезных оппортунистических ошибок и конспиративного кризиса. С лета 1929 г. кадры в стране начали борьбу против политических и организационных ошибок в зарубежном руководстве, против фракционности. Дискуссия в венгерской комиссии КИ, как и Открытое письмо ИККИ членам КПВ¹¹, положили конец этому нетерпимому положению и привели партию на путь оздоровления. (Будучи членом эмигрантской комиссии в Вене, а после декабрьского пленума ЦК 1926 г. – членом редколлегии официального органа партии «Új Májcius», участником заседаний заграничного комитета с совещательным голосом, с марта 1928 по март 1930 г. – членом ЦК, я во всей этой фракционной борьбе принимал весьма активное участие и должен нести за нее ответственность. На пленарном заседании ЦК в начале 1930 г. я подверг эту свою деятельность самокритике.)

Если ответственность за эту фракционную борьбу – коллективная, то ответственность за политические тезисы, которые я разработал зимой 1929 г. (тезисы Блюма), касается лично меня. В этих тезисах для революции в Венгрии была намечена совершенно ошибочная оппортунистическая перспектива демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, определено глубоко ошибочным, прямо-таки ликвидаторским образом отношение КП к борьбе с фашизмом (вопрос о демократических реформах), дан ошибочный анализ экономического положения Венгрии (как аграрной страны вместо аграрно-индустриальной). В своем заявлении, которое я передал ЦК

2 мая 1929 г. и которое было принято им во внимание, я отказался от этих тезисов, отмежевался от них и охарактеризовал их как оппортунистические. Изучение Открытого письма убедило меня в том, что это заявление недостаточно последовательно. В новом заявлении, опубликованном в официальных органах партии «Új Mrscius» и «Kommunista», я полностью встал на платформу Открытого письма, безоговорочно согласившись с его оценкой тезисов Блюма. Наряду с партийно-политической деятельностью, я занимался теоретическим осмыслением целого ряда вопросов философии, истории рабочего движения и т. д. Я опубликовал статьи в журналах «Коммунизм», «Интернационал», «Архив Маркса и Энгельса», «Вестник Коммунистической Академии» и т. д., а также несколько книг. Одна из них («История и классовое сознание» 1923 г.) вызвала оживленную полемику (статьи Рудаши и Деборина¹²). Обогатившееся за это время мое знание работ Ленина, как и изучение опубликованных с тех пор философских текстов Маркса и Энгельса, существенно изменили мои воззрения в некоторых вопросах, которые рассматривались в данной книге, а в других вопросах привели к тому, что я модифицировал свои тогдашние формулировки. Этим самым я отнюдь не хочу сказать, что считаю правильными критические выступления Рудаши и Деборина. Повседневная работа в последние три-четыре года е оставляла мне свободного времени, чтобы заново проанализировать эти вопросы. Я надеюсь, что моя теперешняя деятельность как научного сотрудника Института Маркса-Энгельса, изучение всех работ Ленина и новейшей русской литературы в этих областях (которые были недоступны мне до сих пор из-за незнания русского языка) помогут мне по настоящему прояснить суть этих вопросов.

Москва, 1.IV.1930

Георг Лукач

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 1840. Л. 1-3. Машинописный подлинник на немецком языке.

РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Москва, 20/VI/1930

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ. Удостоверение № 11045

Ц. К. Р. К. П. удостоверяет, что тов. Лукач -
Голум Георг

составлений с 1928 по 1930 г.
в Венгерской секции III Коммунистического Интернационала
(Венгерская партия) и остающийся с разрешения
Центрального Комитета своей партии
гласности в Ц.К.Р.К.П. от своей партии
шел в члены Ц. К. П.

до своего поступления в Коммунистическую партию
192 г. тов.

и в следующих секциях Комитета:

пованно выдать удостоверение.

Секретарь Ц. К. Р. К. П.
Завед. Учраспредом.

Удостоверение о переводе Лукача с 8 июня 1930 г. в ВКП(б).

4. Из стенограммы общего собрания партийной организации ИМЭ

20 ноября 1930 г.

Рубинер: Мы должны требовать от каждого ясности. У нас ведь есть и другие тт., позиции которых надо проверить. Есть тов. Лукач, надо потребовать от него доклада и ответить на нападки, которым он подвергается, если они несправедливы [...]

Лукач: Моя книга «История и классовое сознание» была напечатана в 1922 г.^а В 1924 г. появилась критика тов. Деборина и др. В 1925 году я написал исчерпывающий ответ на нее и послал в «Вестник Ком. Академии» и «Под знаменем Марксизма», однако этот ответ напечатан не был. С 1925 г. я был непрерывно на нелегальной работе в Венг. ком. партии и не имел возможности заниматься философией. Все же я изучил немецкие переводы сочинений В.И.Ленина и новые Маркса и Энгельса на практической партийной работе. В настоящее время ни моя книга, ни мой ответ критикам не вполне отвечают моим теперешним взглядам. Я все же отклоняю критику тов. Деборина, так как в ней много передержек (например, он утверждает, будто я отрицаю объективную диалектику в природе, что не соответствует действительности), но в некоторых основных вопросах я занимаю теперь совершенно другую позицию, а в других значительно измененную. В настоящее время я ощущаю необходимость изучить развитие философии в Советском Союзе, особенно все труды Ленина, для того, чтобы вновь подвергнуть проработке все эти вопросы. Ради этого я воспользовался возможностью остаться в Советском Союзе. По окончании этого изучения я [с]формулирую изменения в своем мировоззрении.

РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. II. Л. 38. Машинопись.

5. Из записки О.А.Пятницкого¹³ И.П.Товстухе

2 марта 1931 г.

Секретно

№ 956

Тов. Товстуха

По поводу присланного мне Вами списка¹⁴ сообщаю следующее: [...]

12) ЛУКАЧ Г.О. – венгерские товарищи того мнения, что он честный и преданный работник, но по философским воззрениям не марксист. Он до недавнего времени был членом ЦК КП Венгрии. [...]

Пятницкий

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 44. Л. 115–116. Машинописный подлинник.

6. Выписка из протокола № 2 заседания Комиссии ЦКК ВКП(б) по проверке и чистке рабочих и служащих Института Маркса и Энгельса

5 марта 1931 г.¹⁵

Присутствовали:

Члены комиссии – т.т. Ройзенман, Цельман, Агранов,

Товстуха, Пшеницын.

Директор Ин-та – т. Адоратский.

Представитель Коминтерна – т. Крепс.
Секретарь ячейки Ин-та – т. Козлов.
Представитель Фрунзенского Райкома ВКП(б) – т. Соф.
Пом. директора Ин-та – т. Иванов.
Работники Ин-та – т.т. Анчаров, Юдин.
Председатель: т. Ройзенман
Секретарь: т. Бирман

Проверка сотрудников ИМЭ:

СЛУШАЛИ:

II. ЛУКАЧ Георг Осипович, 1885 г.р., сын директора банка; образование высшее: венгерец; чл. Венгерской КП – 1918 г. чл. ВКП(б) с 1930 г.; науч. сотр. каб. Маркса и Энгельса.

Секретарь ячейки¹⁶: Попал сюда недавно. Околачивался то в одной, то в другой комнате. Долго был без дела. Вообще он философ, но Деборин его в качестве философа не приемлет, посадить его в философский кабинет невозможно. Пыгались организовать специальный кабинет «Философии истории», в конце концов Лукач приютился в кабинете Маркса, где заведовал Рязанов. Политическая позиция несомненно с правыми моментами. Нет ярко выраженных^а, но правая окраска чувствуется. Как философ он известен как уклонист.

Т. Юдин: Безусловно один из образованных людей. Не марксист, идеалист. Оставить работать в кабинете философии будет затруднительно. Можно посадить лишь на специальную работу. Был народным комиссаром Венгерской республики. Подавал заявление насчет признания своих старых ошибок¹⁷.

ПОСТАНОВИЛИ:

– Откомандировать¹⁸. Оформить это впоследствии вне общего списка¹⁹.

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 44. Д. 3. Л. 41–42. Машинопись.

7. Из выступления А.В.Луначарского на заседании директората Института литературы, искусства и языка Коммунистической академии

28 мая 1933 г.

[...] Я хотел бы только, чтобы было ясно оговорено, что хотя т. Лукач человек в высшей степени нами уважаемый, и книжка, которую он даст, несомненно хорошая книжка²⁰, но все-таки, если окажутся недоразумения, мы можем эти недоразумения поправить, потому что все-таки у т. Лукача в

^а Так в документе.

^а Правильно: в 1923 г.

свое время известные философские маленькие загибы были. Поэтому нам просто переключать на себя всякие прегрешения т. Лукача не стоит. Мы хотим его взять с его прекрасным приданым, но без частей этого приданого, которые могут принести нам только неприятности²¹.

Нужно оговориться, хотя мы не даем никакого редактора, для этого мы слишком хорошо знаем т. Лукача, но по нынешним временам нужна осторожность.

Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 879. Л. 49-50. Машинописная копия.

8. Справка Э.Фурман о Лукаче²²

10 ноября 1933 г.

СПРАВКА

Я знаю товарища Лукача 10-12 лет. В этот период времени он был руководящим деятелем КП Венгрии, и, наблюдая эту работу, я получила возможность узнать его как члена партии, отличающегося самоотверженностью, отдающего всегда всей душой партийной работе. В годы моей работы в КПВ я неоднократно наблюдала за деятельностью товарища Лукача как участника кружков, работой которых он руководил. При этом товарищ Лукач показался мне хорошим пропагандистом, который всегда умел проводить воспитательную работу, особенно среди членов кружков из рабочей среды. Самым решительным образом осуждая грубые политические ошибки, допущенные им во время его работы в КПВ, я считаю своим долгом подчеркнуть, что товарищ Лукач признал свои ошибки и осудил их.

После того, как товарищ Лукач уехал из Вены, я встречалась с ним в последние годы в Германии. Непосредственно по партийной работе я с ним не соприкасалась. Однако в партии было известно всем, что он был руководящим деятелем в движении представителей интеллигенции и заместителем председателя местной берлинской группы Союза защиты немецких писателей²³, которая подчинила себе местную писательскую организацию РГО²⁴ и удерживала руководство над ней. В личном общении с товарищем Лукачем в Германии я имела возможность установить, что он решительно осуждает все политические ошибки Гейнце Ноймана²⁵.

Эмма Фурман

Москва, 10.XI.1933 г.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 99. Д. 181. Л. 5. Машинописный подлинник на немецком языке.

27

Лукач
Эммануил, АНКЕТА № 5773

Клуб Иностраных рабочих: Москва,
ул. Герцена № 19.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу принять меня в члены Клуба рабочих

Имя <u>Лукач, Гейнце</u>	Имя <u>Герцена</u>
Отчество <u>Эммануилович</u>	Отчество <u>Эммануилович</u>
Полная фамилия <u>Венгерский</u>	Полная фамилия <u>СССР</u>
4 месяц рождения <u>1885. 12. 13</u>	Место рождения <u>Будапешт</u>
а прибыл в СССР <u>Март 1933</u>	Откуда прибыл в СССР <u>Германия</u>
на путях <u>Москвитин</u>	Где сейчас работаете <u>Институт Философии</u>
работал на границе <u>ИТЭ</u>	<u>Секретариат Лукача</u>
<u>Коллективистская Ком. Фракция</u>	С какого времени <u>Апрель 1933</u>
<u>в Милане, Италия</u>	Последнее место работы <u>ИТЭ в Берлине</u>
Имя и имя отца <u>Эммануил Гейнце</u>	
бывшая профессия <u>Инженер</u>	Как сейчас работаете <u>Братские Рабочие Клубы</u>
звание <u>чл. ЦК ВКР</u>	Профсоюз <u>Л. Р. Ф. и др. и др. 1935-39</u>
рабочий адрес <u>Владимирская 14. 264</u>	
вас может рекомендовать:	
Адрес _____	Адрес _____
Адрес _____	Адрес _____
Подп. Пред. Правл. Клуба:	

Примечание: справку с места работы: т. Лукач работал в Ин-те Философии Академии наук СССР в качестве члена научной группы.

Заявление Д. Лукача с просьбой о принятии в Клуб иностранных рабочих.

6117/1000/11.7.32/L

FORMULAR

zwecks Besorgung des Parteiausweises von der Zentrale der KP D. für den Eintritt in die KPD (in deutlicher Schrift ausfüllen)

- 1. Vor- und Zunahme . . Georg Lukács Beruf, Schriftsteller
2. geboren am . 13.IV. . 1885. . in . . Budapest.
3. verheiratet: . ja Kinder . . drei . . Wohnort, Moskau . . .
4. letzter Wohnort: . Berlin, Friedrichstr. 129 a.
5. Genaue Wohnadresse: . Grand Hotel Zimmer, 540.
6. Wo zuletzt beschäftigt:
7. Seit wann politisch organisiert: . 1918 Dezember
in/SP in KPD
Nr. des Mitgliedsbuches:
8. In welchem Ort der KP beigetreten: . Budapest
9. In welchem Ort später Mitglied der KP (KPD/KP) Wien, Moskau, Berlin
10. Seit wann gewerkschaftlich organisiert: . 1930
In welcher Organisation . . Schutzverband deutscher Schriftsteller
11. Wann erfolgte die Abreise von Berlin März 1933 . nach Russland
12. Aus welchem Grund: Ausweisung aus Deutschland
13. In welchem Orte und Zelle zuletzt längere Zeit als Mitglied gemeldet: Berlin-Siemensstadt Alkowsk und Werne-mark P.
14. Bis wann dort Parteibeiträge bezahlt: . Februar 1933
15. Genaue Angabe der Parteitätigkeit in . . S.D.S. und Intarb, Reichsfraktionsleitung des Bundes proletarisch-revolutionärer Schriftsteller
16. Genaue Angabe (Name u. Adresse) von Genossen in Deutschland die Angaben bestätigen können oder nähere Auskünfte für politische Vergangenheit machen können . . Sauer, Peineis (Ilmo) Kurt, Speiser (Bund Hans Jäger, Paul Massing (Intarb), Besonoff (Arbplan), Johann Schmidt (Mäsch), Klaus, Fuhrmann, Flieg.
17. Ob mit Zustimmung der Parteizentrale die Abreise nach Russland erfolgt: ja
Datum . September 1933

Анкета Д.Лукача на немецком языке (сентябрь 1933 г.).

Maßregeln für das Verhalten vor Gericht

1. Wird ein Kommunist wegen seiner politischen Tätigkeit verhaftet, so darf er unter keinen Umständen durch seine Aussagen andere Genossen belasten. Er soll sich auch nicht beirren lassen, wenn ihm vorgehalten wird, daß andere Genossen schon ausgesagt haben. Schweigen ist die oberste Pflicht, solange man nicht Gelegenheit gehabt hat mit seinem Anwalt zu sprechen.

Vor der Kriminalpolizei macht man keine Aussagen. Auch vor dem Untersuchungsrichter ist es tunlich, die Aussage zu verweigern.

2. Bei Haussuchungen muß die Legitimation und die Auftragsanweisung der mit der Haussuchung betrauten Beamten verlangt werden. Ferner ist zu verlangen, daß mindestens ein erwachsener Zeuge bei der Haussuchung anwesend ist. Wird bei der Haussuchung Material mitgenommen, so ist von den Beamten

Kommunistische Partei Deutschlands (Section der Kommunistischen Internationale)

Mitgliedsbuch Nr. [redacted]

Form with fields for Name (Lukács), Vorname (Georg), Beruf (Schriftsteller), Geboren am (13.4.85), Mitglied der KPD seit (1918), Politisch organisiert seit (1918), In welcher Partei zuletzt, Gewerkschaft (S. d. S.), Wohnung (Kammberg, Berlin), Unterschrift des Inhabers, Das Buch wurde ausgestellt am (16.10.33)

Членский билет германской компартии.

9. Заявление Д.Лукача о получении им ученой степени доктора философии в Будапештском университете

[Mai 1935 z.]

ЗАЯВЛЕНИЕ²⁶

Я получил степень доктора философии в Будапештском университете в 1909 г. Моя диссертация «Социология новейшей драмы» была напечатана в виде второй главы моей книги (премированной Венгерской академией) «История развития новейшей драмы». На немецком языке эта работа появилась в 1914 г. в «Архиве социальных наук и социальной политики» (по поводу этой работы в немецкой социологии и немецком литературоведении имела место дискуссия, в которой приняли участие Альфред Вебер, Трельч, Вальцель²⁷ и др.). В 1920 г. контрреволюционное венгерское правительство лишило меня степени доктора – точно так же, как и других товарищей, принявших руководящее участие в венгерском Советском правительстве. Так как я трижды принужден был эмигрировать (из Венгрии, из Австрии и из Германии), то у меня, само собой разумеется, нет на руках никакого документа о моей венгерской докторской степени, но тот факт, что

я действительно получил в свое время степень доктора философии, известен всем товарищам, ведущим в Венгрии научную работу, – напр., товарищам Варга, Фогараша, Варьяшу и т. д.

Георг Лукач

Перевел В. Брушлинский

Архив РАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 117. Л. 24. Перевод с немецкого. Машинописная копия. Подпись В. Брушлинского – автограф. Подлинник на немецком языке – л. 13.

10. Список научных работ Д. Лукача

[Май 1935 г.]

Г. Лукач

ПЕРЕЧЕНЬ БОЛЕЕ КРУПНЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ

I. Из буржуазного периода (1908–1917)

1. История развития новейшей драмы, 1909.
2. Эстетическая культура, 1910.
3. Душа и форма, 1911.
4. Теория романа, 1916 (Кроме того статьи в журналах).

II. Период 1918–1930 гг.

5. История и классовое сознание, 1923.
6. Ленин, 1924.
7. Моисей Гесс и проблемы идеалистической диалектики. 1926. (Идеалистические ошибки этого периода я подверг публичной критике на Сессии Ин-та философии Ком. Академии в июне 1934 г.)

III. После 1930 г.

8. Дискуссия о «Зикингене» между Марксом, Энгельсом и Лассалем («Литературное наследство», № 3).
9. Лассаль («Литературная энциклопедия», том 6).
10. О сагире («Интернациональная литература», год, издание III).
11. Величие и упадок экспрессионизма («Интернациональная литература», год издания IV, тетрадь I).
12. Франц Меринг (Вступительная статья к изданию эстетических работ Меринга в изд-ве «Academia»).
13. Карл Маркс и Теодор Фишер («Литературное наследство», № 15).

14. О «Германии» Гейне (Предисловие к этому произведению в издательстве «Academia»).
15. Реализм в современной немецкой литературе («Литературный критик», 1934, № 6).
16. Ницше («Литературная энциклопедия», том VIII).
17. Ницше как предтеча фашистской эстетики («Литературный критик», 1934, тетрадь 12).

В печати

18. Людвиг Фейербах и немецкая литература (выходит сборник моих статей. Гослитиздат).
19. Генезис фашистской теории литературы (там же).
20. Фашистская теория литературы (там же).
21. Шиллер как эстетик (предисловие к изданию эстетических работ Шиллера в изд-ве «Academia»).
22. «Гиперион» Гельдерлина (предисловие к этому произведению в издании «Academia»).
23. «Крестьяне» Бальзака (предисловие к этому произведению в издании «Academia»).
24. Переписка между Гете и Шиллером (предисловие изд-ва «Academia»).
25. Искусство и объективная действительность («Литературный критик»).
26. Теория романа (статья для «Литературной энциклопедии»).

Лукач

Перевел: В. Брушлинский

Архив РАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 117. Л. 20–21. Перевод с немецкого. Машинописная копия. Подпись В. Брушлинского – автограф. Подлинник на немецком языке – л. 22 и 22об.

11. Автобиография Д. Лукача от 16 мая 1935 г.

Автобиография Г. О. Лукача

Я родился в 1885 г. в Будапеште (Венгрия). Происхождение – из крупной буржуазии (отец – директор банка). Окончил гимназию в 1902 г. В 1906 г. получил степень доктора политической экономии в Колошварском университете (ныне – город Клуж^а в Румынии). В 1909 г. получил степень доктора философии в Будапештском университете. В 1909–12 гг. занимался философией, литературой и искусством в Германии и Италии. В 1912–18 гг. занимался литературной деятельностью в Гейдельберге. В этот же период напе-

^а Правильно: Клуж (венг. назв. – Коложвар).

чтал ряд работ на венгерском и немецком языках (часть этих работ была переведена также и на другие европейские языки).

В декабре 1918 г. вступил в Коммунистическую партию Венгрии. До 1930 г. без перерыва – ответственный работник партии (с 1919 по 1921 и с 1928 по 1930 член ЦК; в венгерском правительстве – и. д. народного комиссара просвещения и политический комиссар V Красной дивизии). В этот период – постоянный сотрудник, а большей частью и член редколлегии легальных и нелегальных научных изданий Коммунистической партии Венгрии; кроме того, выступал как публицист в научных органах братских компартий.

В 1930–31 гг. научный сотрудник Института Маркса и Энгельса.

В 1931–33 гг. в Берлине руководитель фракции немецких писателей. Был избран от блока революционной Профопозиции заместителем председателя Берлинского Комитета профсоюза немецких литераторов. Читал доклады и курсы в районе Сименсштадт. в марксистской рабочей школе, в Союзе пролетарско-революционных писателей²⁸ и т. д. Член редакции органа Союза пролетарско-революционных писателей «Ди Линкскурве» («Выраж налево»)²⁹. сотрудник большинства научных изданий Коммунистической партии Германии.

С марта 1933 г. – в Советском Союзе. Научный сотрудник Ин[ститу]та Л[итературы] и и[скусства]. затем – Литературной секции ин[ститу]та философии Ком. Академии.

Георг Лукач

Москва. 16 мая 1935 г.

(перевел В. Брушлинский)

Архив РАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 117. Л. 14–15. Перевод с немецкого. Машинопись. Подпись – автограф. Подлинник на немецком языке – л. 12–12 об.

12. Ходатайство В. Познера в квалификационную комиссию Института философии Комакадемии

19 мая 1935 г.

В КВАЛИФИКАЦИОННУЮ КОМИССИЮ
Института философии Комакадемии

Тов. ЛУКАЧ, Георг (штатный научный сотрудник Ин-та философии) ведет научную работу с 1909 г. (степень д-ра философии Будапештского университета), является автором ряда научных трудов, причем сумел в своих работах советского периода вскрыть свои прежние идеалистические установки и подверг их полной и развернутой критике и дал доказательство

своей марксистской выдержанности. Ввиду этого следует признать т. Лукача заслужившим ученой степени доктора философии.

19.V.35.

В. Познер

Архив РАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 117. Машинописная копия. Подпись – автограф.

13. Характеристика Д. Лукача, выданная Институтом философии Комакадемии

[Май 1935 г.]

ХАРАКТЕРИСТИКА т. ЛУКАЧ Г.

Тов. Лукач член ВКП с 1918 г. Служащий – сын директора банка Венгрии. Политэмигрант. Образование – окончил Будапештский и Берлинский³⁰ университеты. Специальность – литературоведение по иностранной литературе. Стаж научной работы – 28 лет. Имеет целый ряд научных трудов. С 1934 г. работает старшим научным сотрудником ин-та Философии Ком. Академии по секции Л[итературы] и И[скусства]

В теоретическом отношении в прошлом испытывал сильное влияние гегельянства. Сейчас ведет большую теоретическую работу в духе марксизма-ленинизма. В политическом отношении активен, выступает на парт. собраниях. Выступления политически выдержаны.

Тов. Лукач сложившийся и опытный научный сотрудник, имеющий высокую квалификацию в области философии и литературоведения, и имеет большую литературную продукцию. Тов. Лукач несомненно достоин присуждения ученой степени доктора философских наук без защиты диссертации.

И. о. директора ин-та Философии

Каммари

Секретарь парткома

А. Маегов

Архив РАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 117. Л. 23. Машинописный подлинник.

14. А. М. Деборин. Из отзыва на статью Д. Лукача «К истории возникновения национал- социалистической теории мифа»³¹

31 мая 1935 г.

[...] Статья носит туманный, двусмысленный характер. Это своего рода «миф» о мифе фашистов. Несмотря на то, что автор приводит известные партийные характеристики фашизма, он ограничился академическим разбором фашистской теории мифа, не вскрыв классового содержания ее.

По-моему, автор не понял и существа дела. Но вдаваться в эти подробности нет надобности³².

31.V

А.Деборин

Архив РАН. Ф. 355. Оп. 5. Д. 64. Л. 67. Автограф.

15. М.Д.Каммари³³. Из отзыва на статью Д.Лукача «К истории возникновения национал-социалистической теории мифа»

[Июнь, 1935 г.]

Написана литературно, с хорошим знанием литературы, но слишком «академически», по-«профессорски». Мало разоблачения классово-политической сути «теорий», преобладают часто гносеологические и эстетические оценки без глубокого анализа классового содержания разбираемых взглядов, отчего теряется острота, боевой характер статьи.

Архив РАН. Ф. 355. Оп. 5. Д. 64. Л. 56. Машинопись.

16. Выписка из протокола № 3 заседания квалификационной комиссии Института философии Комакадемии

20 октября 1935 г.

РАССМОТРЕЛИ: кандидатуре ст. научного сотрудника ин-та философии К.А. т. Лукача на предмет присуждения ему степени доктора философии без защиты диссертации.

ПОСТАНОВИЛИ: Учитывая большой стаж научной и литературной работы и высокую квалификацию в области философии и литературоведения – поставить вопрос перед Аттестационной комиссией Президиума К.А. о присуждении т. ЛУКАЧ степени доктора философии без защиты диссертации, в соответствии с 2 прим. к пункту Пост. СНК СССР от 13. I. 34 г.

Подлинник подписали: Председатель квалификационной комиссии Ин-та философии К.А. (Митин)

Отв. секретарь Квалиф. Ком. Ин-та Философии К.А. (Зарайский)

Верно: *Зарайский.*

Архив РАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 117. Л. 27. Машинописная копия. Подпись Зарайского – автограф.

17. Отзыв М.Д.Каммари о статье Д.Лукача «Фашизм и теория литературы в Германии»

25 ноября 1935 г.

О статье Лукача (отзыв)

Проредактировал вторично. После конгресса³⁴ я уже указывал автору, что надо дать в конце резюме – критику «расовой» эстетики А.Розенберга и противопоставление фашистской реакции нашей положительной позиции, программы, теории и практики (социалистического реализма в искусстве и литературе).

Считаю уместным привести здесь плехановскую критику (см. т. VIII, с. 255–56)³⁵ расовой «теории» с ее теоретической стороны (она с этой стороны имеет кое-что ценное, но конечно не вскрывает материалистической сути теории ее). Что касается иллюстрации для преодоления абстрактного изложения, то я это считаю также крайне желательным и необходимым дать в виде иллюстрации – анализ конкретных произведений в ряде случаев по тому же типу, как это сделано с романом [о] Шмидеке³⁶ и розенберговскими рассуждениями о героях Достоевского³⁷ (только недостаточно развернуто дано). Иначе в ряде случаев изложение для не специалиста-литературоведа становится совершенно недостаточным. Статья в сборнике должна идти обязательно.

М.Каммари

P.S. Критика страдает от того, что фашизму не противопоставлена наша позиция в достаточно развернутом и понятном читателю виде.

25.XI-35 г.

Архив РАН. Ф. 355. Оп. 5. Д. 77. Л. 45. Машинопись. Название – автограф.

18. Выписка из протокола № 1 заседания литературной подкомиссии квалификационной комиссии Института философии Комакадемии от 28.XI.1935 г.

Квалификация в ученой степени

Тов. Г.ЛУКАЧ (научного сотрудника ин-та Философии К.А.) Учитывая научные труды последнего времени, свидетельствующие о большой эрудиции тов. Лукач в области литературоведения и искусствоведения и о самостоятельной исследовательской мысли, а также и о том, что т. Лукач успешно преодолевает имевшиеся у него методологические ошибки, ПОСТАНОВИЛИ: присоединиться к постановлению квалификационной комиссии ин-та Философии (от 20. IX с. г.) и поддержать просьбу т. Лукача о присвоении ему ученой степени доктора литературоведения без защиты диссертации, в соответствии с 2 прим. к 6 пункту Пост. СНК СССР от 13. I. 1934 г.³⁸

Подлинник подписали:

Председатель (Луппол)
Члены (Беспалов, Кирпотин)

Верно: А. Бондарев

Архив РАН. Ф. 355. Оп. 4. Д. 10. Л. 4. Машинописная копия.

**19. Из стенограммы выступления Д. Лукача
в Институте философии АН СССР
о положении марксистско-ленинской
философии на Западе**

17 апреля 1936 г.

Я в своем выступлении, конечно, не буду говорить о марксизме в Германии или в немецкой эмиграции, – это гораздо более широкая тема. Я буду говорить об одной книге, которая очень интересна и характерна для некоторых течений в немецкой Гельвеции, – это книга Эрнста Блоха – «Наследство этого времени»³⁹. Но раньше, чем говорить об этой книге, я должен дать краткую характеристику течения, которое представляет эта книга, а в связи с этим сказать о положении в Германии. Некоторое возрождение марксизма среди буржуазии и социал-демократии в Германии начинается в период кризиса; в период относительной стабилизации было некоторое пренебрежение к марксизму. Буржуазная наука игнорировала его в общем и целом. Конечно, в Германии всегда были книги о Марксе, но марксизм не считался интересной наукой.

Очень интересно, какую большую роль играла в этом деле социал-демократия. Например, социал-демократы раньше, чем мы, издали «Немецкую идеологию» и другие книги молодого Маркса⁴⁰. Люди, которые издавали эти книги, Мейер⁴¹ и Л[андсхут]⁴², писали предисловие⁴³ в таком виде, что здесь действительная философия марксизма, что это идеалистическая философия, что молодой Маркс – это действительно идеалистический философ, старый Маркс – это политик, позитивист.

Интересно, что буржуазная интеллигенция реагировала на кризис. Мы видим, что марксизм начал быть модной наукой. Марксизмом начала заниматься и правая буржуазия. Среди этих правых есть ряд фашистских демагогов. Мы знаем, что Гитлер, Розенберг и другие говорили о Марксе. Конечно, есть не только грубое фашистское извращение Маркса, но и научное, тонченное, демагогическое извращение Маркса.

Я приведу только один пример. Возьмем интересную фигуру, которой мы еще не занимались, это лейпцигский профессор Фрейер⁴⁴. Он написал

большую книгу о социологии⁴⁵. В этой книге он критиковал Маркса. В грубых чертах его точка зрения приблизительно такова, что марксизм есть неплохое описание фактов капиталистического общества, что для XIX века правильно, но марксизм не разрешает комплекса трех вопросов: первое – это внутренняя политика, второе – аграрный вопрос, и третье – национальный вопрос, – на эти три вопроса марксизм совсем не может дать ответа. Вопрос интересен в политическом отношении. Грубые демагоги фашизма идут в том направлении, что среди мелкобуржуазных масс было разочарование в Веймарской республике, в политике социал-демократии времен немецкой республики.

И он хотел сделать таким образом: объединить, с одной стороны, либерализм и марксизм, с другой стороны, социал-демократию и коммунизм. Когда мы будем смотреть на эту попытку, то очень интересно видеть, что так наз. «левые», как Маннгейм⁴⁶ с его социологией, тоже не делают никакого различия между социал-демократией и коммунизмом. И не скажешь, что Маннгейм фашист, но видно, что он не делает различия и помогает идеологам фашистов.

Все эти течения правого крыла буржуазии имеют очень большое влияние на левобуржуазных идеологов. У большинства этих людей начинается разочарование в социал-демократии, в капитализме, в его социологических положениях. Нетрудно видеть, что это не научная, не марксистская критика капитализма.

Интересно, что есть общие черты у буржуазной интеллигенции в различных странах. Мне было интересно слышать от т. Дата⁴⁷, что англо-американские философы делают различие между публичной жизнью, подлежащей марксистски детерминированным закономерностям, и внутренней жизнью, не подлежащей закономерностям марксизма. Это также характерно для левобуржуазной интеллигенции Германии.

У меня был такой пример. Когда мы работали в 1932 году в профсоюзе немецких писателей, у меня был очень большой семинар по диалектическому материализму⁴⁸. Интерес к этому делу был очень большой. В самые последние дни перед захватом власти Гитлером мы имели очень интересный семинар, на котором было более 90 человек, – среди них было очень много известных писателей. Был на этом семинаре известный немецкий писатель Маркузе⁴⁹. Это литературный критик, который написал книгу о Гейне, о Берне и т. д. Он выступал таким образом, что на 99 процентов он согласен с диалектическим материализмом, но есть только одна группа вопросов, на которые диалектический материализм не смог дать ответа – это вечные чувства. Он выступал таким образом: вы можете изложить литературу, философию в историческом разрезе, но есть такие вопросы, как вечное отчаяние, – он приводил в качестве примера Бюхнера, Клейста, Достоевского, – диалектический материализм эти вопросы ни в коей мере не может объяснить. Вы видите то же самое, о чем говорил Фет⁵⁰... Есть такие вещи, которые совсем не дают ответа на такие вопросы, как смерть, как любовь, как вечные чувства. Если вы посмотрите в книгу

как вечные чувства. Если вы посмотрите в книгу Блоха⁵¹, то там на последней странице видите ту же самую вещь: там говорится о смерти как не историческом, не материалистическом, как о вечном вопросе, ответа на который не может дать диалектический материализм.

Если я сейчас делаю некоторые замечания о Блохе, то делаю их по той причине, что у Блоха ясно видно то противоречие, которое имеется у интеллигенции немецкой нации. Власть Гитлера имела очень сильное влияние на немецкую интеллигенцию, и мы видим на примере таких великих писателей, как Томас Манн, Генрих Манн и другие, что там замечается очень большой процесс радикализации, но этот процесс радикализации идет очень быстро по линии политики и идет очень медленно в области общих вопросов идеологии. Это противоречие очень важно для нас наблюдать, – поэтому мы должны искать методы критики. Острая критика таких писателей, которую вы видите в случае с Блохом, объединяет такую острую критику с признанием, что эти люди борются на едином фронте, что эти люди есть воинственные антифашисты...

Недостаток нашей работы заключается в том, что немецкие эмигранты находятся без непосредственного влияния немецкого рабочего класса, – в этом положении, конечно, гораздо легче исходить из путаницы, из извращений марксизма. Я думаю, что мы должны найти хорошие методы критики, соединить непримиримость содержания критики с хорошим тоном и манерой критики, с одной стороны, и, с другой, с общим видом наших выступлений в немецкой печати за границей.

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 14. Л. 90–98. Машинопись. Неправленная стенограмма.

20. Из стенограммы обсуждения в Институте философии АН СССР состояния марксистско- ленинской философии на Западе⁵²

17 апреля 1936 г.

Тов. РУДАШ. ...Например Гук⁵³ постоянно ссылается на вас, т. Лукач, и постоянно заявляет, что он очень горячий сторонник вашей философии...

БЕЛЕЦКИЙ. О какой статье Лукача идет речь?

РУДАШ. В 1923 году тов. Лукач написал книгу «История и классовое движение»⁵⁴. На Гука эта книга оказала большое влияние. Он ее всегда цитирует. Я думаю, что т. Лукач не рад этому. Гук противопоставляет, что вот есть ленинское направление в диалектическом материализме, и есть лукачское направление, конечно, для социал-демократии более правильное...

ЛУКАЧ. Раньше чем я начну свое выступление, я сделаю два-три кратких замечания. Во-первых, предупреждаю, что я очень плохо говорю по-русски, и нужно, чтобы товарищи мне помогали. Второе замечание по поводу того,

о чем говорил т. Рудаш. Я только кратко хочу сказать, что эта книга, о которой говорил т. Рудаш.

РУДАШ. Нет, о которой Гук говорит...

ЛУКАЧ. Эта книга есть сборник статей, написанных в годы 1919–1922 г. и была напечатана в 1923 году. Я дал широкую самокритику по поводу этой книги на съезде философии в 1934 году, и эта самокритика была напечатана в 1934 году в журнале «Под знаменем марксизма» за 1934 г.⁵⁵ Я не помню точно, в каком номере. Я хорошо знаю, что эта книга имела очень вредное влияние не только в Германии, но я знаю это влияние в Голландии, во Франции и в других странах. А сейчас это влияние начинает проникать и в Америку. Я думаю, что нужно будет напечатать критику, которая появилась на эту книгу в течение этого времени, потому что нельзя допустить, чтобы такие книги имели вредное влияние...

БЕЛЕЦКИЙ. Последнее замечание в связи с выступлением т. Рудаша по отношению к т. Лукачу. Конечно, враги всегда будут пытаться использовать возможность использовать кого-нибудь из коммунистов против коммунистов же, и в этом смысле они ловко, по-видимому, используют и использовали т. Лукача: Лукач – коммунист, и мы – коммунисты, и Лукач выступает против Ленина. Это некоторое оружие в их руках. Тов. Лукач в выступлении здесь указал, что ни в какой степени не придерживается своих прежних взглядов, но думаю, что этим ограничиваться, тов. Лукач, нельзя. Надо сделать все для того, чтобы они не могли воспользоваться вашей работой. Вы говорите, что работа вышла в 1923 году, а вы дали критику в 1934 году – и только у нас. А надо сделать так, чтобы эта критика была известна до конца, чтобы они не могли опираться на вас, не могли искать в вас поддержки, не могли бы противопоставлять вас Ленину. Я думаю, что вы сами в этом направлении сделаете соответствующие выводы. Думается, что не все вы сделали до конца.

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 14. Л. 76, 80, 90, 134–135. Машинопись. Неправленная стенограмма.

21. Справка И.Р.Бехера о работе Д.Лукача в Германии

СПРАВКА

Москва, 10.05/36/

Товарищ Лукач хорошо знаком мне по его работе в Германии, так как я вместе с ним примерно с середины 1931 г. работал в руководстве фракции писателей, т. е. Союза пролетарских революционных писателей. Тов. Лукач проводил чрезвычайно важную и высококвалифицированную работу в разных направлениях, особенно в области пропаганды в среде интеллигенции. Эта работа произвела несомненно и очевидно сильнейшее впечатление на широкие круги представителей интеллигенции. С его помощью нам тогда

в Германии удалось привлечь большое число симпатизирующих и побудить их примкнуть к нам. Таким образом, успехи, которых мы в этой области достигли в это время в эмиграции – несомненно заслуга тов. Лукача. Что особенно хотелось бы подчеркнуть, так это тот факт, что тов. Лукач никогда не отказывался от самой незначительной, самой мелкой работы. Он проводил эту работу, проявляя чрезвычайную дисциплину и надежность.

Иоганн Р.Бехер

Подпись т. Бехера удостоверяет (подпись)
10.V.1936 г.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 22. Машинописный подлинник на немецком языке. Подпись и приписка – автограф. Приписка удостоверена круглой печатью Иностранной комиссии ССН.

22. Справка А.Габор⁵⁶ о работе Д.Лукача в Германии

19 мая 1936 г.

СПРАВКА

Георг Лукач прибыл примерно в середине 1931 года из Москвы в Берлин и был использован для работы на фронте интеллигенции, а именно в трех областях:

1. В Союзе пролетарско-революционных писателей он был членом руководства общегерманской фракции и взял на себя руководство рабочим содружеством (курсы) по критике. Вечера проходили один раз в две недели. Они хорошо посещались молодежью, и слушатели учились многому и полезному. Лукач входил в узкий состав редакционного комитета «Linkskurve», активно участвовал в редакционной работе и писал для «Linkskurve» по заданию редакции принципиально важные критические и теоретические статьи, которые являлись основой плодотворных дискуссий⁵⁷.

2. В профсоюз писателей SDS–Шутицфербанд немецких писателей, в котором мы тогда по указанию партии реорганизовали свою работу, Лукач был введен как руководитель фракции. Когда мы вскоре после этого следовали правильно поставленной работе по созданию единого фронта, подчинили своему влиянию местную берлинскую группу SDS, мы сделали Лукача вторым председателем в качестве противовеса первому, который был проводником «буржуазных взглядов»⁵⁸. Здесь руководство всей работой было сосредоточено в его руках, и мы использовали его в качестве преподавателя для специально организованного в рамках SDS литературно-теоретического и философского семинара. Мне вспоминается, что на одном из этих семинаров число слушателей (писателей и журналистов) в течение зимы превышало 80 человек.

3. В начале 1932 г. партия распространила свою работу на до того еще не охваченные ею слои интеллигенции (ученых, университетских профессоров). Организация называется Ингарб и ею руководил товарищ Витфогель⁵⁹.

Лукач был провозглашен заместителем руководства фракцией и на основе этой работы был организован так называемый «Арбплан», объединение тех немецких ученых (включая и правые круги), которые симпатизировали Советскому Союзу за осуществление там планового хозяйства. Проводимая здесь Витфогелем очень специфическая работа находилась на очень высоком уровне.

В связи с этой работой, которую нужно было полностью скрывать от внешнего мира, он читал доклады и руководил Курсами в «Круге сопротивления»⁶⁰ и в «Круге действия»⁶¹, а также в ходе лекционного турне по крупным университетским центрам (таким, как Франкфурт⁶², Дюссельдорф, Кельн). Это он делал с большим успехом для формирования единого фронта людей, ориентированных на левые взгляды. Также весной 1932 г. был основан ВГВ (Союз работников умственного труда), который должен был объединить средние слои (инженеров, врачей и т. д.). И здесь товарищу Лукачу было поручено руководить работой фракции, что он делал с усердием и хорошими результатами до марта 1933 г. (уже после прихода Гитлера к власти). Мне известно, что Лукач постоянно читал курс лекций в MASCH⁶³ (они хорошо посещались) и был членом ячейки в Симене (Эльмо или Вернерверк). После пожара в рейхстаге на его квартире СА и полиция провели пять или шесть обысков, так что фракция после согласования с секретариатом ЦК приняла следующее решение: он должен как можно скорее покинуть Германию, так как ему как бывшему народному комиссару Советского правительства Венгрии угрожает опасность выдачи или смертный приговор (на основе обвинения его в «убийствах»⁶⁴).

Товарищ Лукач провел здесь в организациях, упомянутых в 1–3 пунктах, очень ценную по объему и качеству партийную работу, которую я как секретарь фракции SDS и ВГВ мог ежедневно контролировать. Использование редких обширных познаний и марксистского образования товарища Лукача привело к тому, что мы в этих секторах интеллектуальной сферы смогли тогда проводить хорошую и многоплановую работу, получавшую признание партии, работу, направленную на создание единого фронта.

Москва, 19 мая 1936 г.

[А.Габор]

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 23. Машинописный подлинник с карандашными подчеркиваниями. Документ и подпись А.Габор удостоверены круглой печатью Иностранной комиссии ССН. Нижнее поле, на котором находилась сама подпись А.Габор, оборвано.

23. Решение комиссии КПГ о переводе Д.Лукача в ВКП(б)⁶⁵

22 июня 1936 г.

Решение комиссии: Комиссия подтверждает членство товарища Лукача в немецкой партии с 1 июля 1931 г. Из документов видно, что товарищ Лукач осудил

ошибки, допущенные им в венгерской партии и изменил свои взгляды после того, как он стал членом ВКП(б). На основе своей активной деятельности в немецкой партии он был рекомендован для перевода в члены ВКП(б)

Так как, однако, товарищ провел часть своей партийной работы в венгерской партии и сам венгр, мы оставляем окончательное решение об этом комиссии по переводу ЦК ВКП(б).

Председатель комиссии *Витц*
Члены комиссии *Шильски, Малоу, Розе, Эше*
Представители немецкой партии при ИККИ

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 21. Машинописный подлинник.

24. Запрос Л.Ш.Горского о возможности привлечения Д.Лукача к работе в Ленинской школе

Ленинская школа⁶⁶ № 1237
5.XII. 1936 г.
Отдел кадров

Тов. ЧЕРНОМЫРДИКУ⁶⁷

Нам рекомендуется в качестве преподавателя отдельных тем по истории классической литературы т. ЛУКАЧ Георг, постоянно работающий профессором Комакадемии.

По нашим сведениям, тов. ЛУКАЧ хорошо знает сотрудник ИККИ тов. РЕВАИ.

Прошу сообщить Ваши указания относительно допуска т. ЛУКАЧ к указанной работе.

Отдел кадров *Л.Ш.Горский*

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 27. Машинописный подлинник.

25. Д.Лукач – А.А.Фадееву⁶⁸

16 января 1937 г.

Уважаемый тов. Фадеев,

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в моей беде с квартирой.

С марта месяца я имею «квартиру», т. е. комнату на Волхонке д. 14, 35 метров. Комната разделена деревянной перегородкой на две половины. Я живу в ней вместе с моей женой, которая тоже занимается научным трудом и 17-летней дочерью-студенткой. Понятно, что я слышу каждое слово, которое произносится в соседней комнате, что постоянно мешает мне в моей работе. К тому же моя квартира в первом этаже дома, расположенного на улице с очень большим движением, так что летом немислимо дер-

жать окно открытым из-за физических прямо страданий, которые причиняет уличный шум.

Однако я не побеспокоил бы Вас лишь из-за отсутствия культурных условий в моей квартире (она представляет из себя часть общежития, не имеет ни кухни, ни ванны и т. д., но дом, в котором я живу, должен быть в ближайшее время, в связи со строительством Дома Советов, снесен, и тогда я, подобно тому, как это было в 1933–1936 г., останусь без квартиры⁶⁹. По опыту я знаю, что систематическая научная работа в условиях гостиницы невозможна. Ввиду того, что я, несмотря на неблагоприятные условия, в которых я нахожусь в настоящее время, начал как раз теперь большую и систематическую работу (История романа), я прошу Вас помочь мне в создании себе постоянных, культурных условий жизни.

16.1.1937.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 145. Л. 35. Машинопись.

26. Обращение немецкой секции ССП к А.А.Фадееву

21 октября 1937 г.

В ССП тов. Фадееву

Немецкая секция ССП поддерживает просьбу известного критика Георга Лукача о предоставлении ему соответствующей квартиры. Тов. Лукач, как Вам известно, один из крупнейших современных критиков, имя которого во многих странах и среди передовых писателей пользуется большим авторитетом.

Тов. Лукач живет, как я убедился в этом, в очень плохих квартирных условиях. К тому же дом, в котором он живет, должен быть снесен в ближайшее время. Тов. Лукач является для нас очень ценным сотрудником, но его квартирные условия мешают его многогранной и научной работе.

Мы Вас просим помочь т. Лукачу создать ему, наконец, необходимые для его работы квартирные условия.

С ком. приветом
21.X.1937 г.⁷⁰

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 145. Л. 19. Машинописная копия.

27. К.Мюллер – Д.Лукачу

Карл Мюллер
Рейнгассе 34, Базель, 18 V 1937 г.⁷¹

Уважаемый тов. Лукач!

С большим интересом я прочел в «Интернационале Литератур» Ваши статьи о литературе. Все товарищи, с которыми я говорил по этому поводу, высказывали желание иметь книгу, в которой были бы собраны различные

Ваши статьи, которые столь много нам дают и столь многому в этой области нас учат. Я поэтому обращаюсь к Вам с вопросом: не могли ли бы Вы исполнить эту просьбу? Нельзя ли было бы выпустить сборник Ваших статей? Мы все были бы Вам очень благодарны. Пишущий эти строки не является крупным писателем: я сотрудничаю то тут, то там в рабочих газетах, был раньше рабочим-часовщиком. Кризис и болезнь лишили меня моей профессии. Долго искал какую-нибудь серьезную марксистскую работу о литературе. У нас всех сильное желание учиться, и мы стремимся к тому, чтобы выполнить наше дело, по мере наших сил, хорошо. Поэтому меня лично Ваши статьи так обрадовали. Высказывая надежду, что в недалеком будущем исполните нашу просьбу, остаюсь с приветом⁷².

Карл Мюллер

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 177. Л. 25. Машинописная копия. Перевод с немецкого. Немецкий оригинал – л. 8.

28. Информация Б.Ваго⁷³ в отдел кадров ИККИ

11 ноября 1937 года

Надо быть чрезвычайно осторожным в политическом отношении, когда хочешь сделать замечания о товарище Георге Лукач в связи с кличкой Ленгъела⁷⁴. Он является в настоящее время одним из наиболее популярных литературных критиков и историков, сотрудник Академии Наук и играет роль в планах, которые должны консолидировать венгерскую эмиграцию и поднять ее идеологический уровень.

И тем не менее, в особенности после ареста его лучшего друга Ленгъела, необходимо и очень своевременно основательно заняться его личностью, потому что все его прошлое в связи с его отношениями с Ленгъелем выдвигает много невыясненных до сих пор проблем.

Не секрет, что его первые статьи после падения диктатуры были вдребезги разбиты Лениным, как ужасающие примеры сектантства ультралевых, люксембургских теорий⁷⁵. Этими статьями началось его политическое развитие, во время которого он, когда речь идет о практической политике, совершил исключительно тяжелые ошибки. Об этом могут больше рассказать протоколы венгерского ЦК и Коминтерна. Но в этом направлении продолжалось его развитие и в Германии, где под его влиянием центральный орган наших писателей «Линкскурве» превратился в арену сектантских теорий. Его дружба с Карлом Корш⁷⁶, Бордига⁷⁷, Фредериком Ку⁷⁸ и, кажется, с Рут Фишер⁷⁹ и еще целым рядом северных синдикалистов и политических арлекинов⁸⁰, которые теперь почти все без исключения являются троцкистами, и в особенности его нелегальная организационная деятельность в КП Венгрии, чрезвычайно подозрительны.

Его лучшей подругой, нелегальной сотрудницей и курьером была Эдит Хайос⁸¹. Очень важным нелегальным его сотрудником был арестованный

теперь в Советском Союзе Левингер (лучшим другом Левингера в Москве был бывший сотрудник НКВД, теперь арестованный Баконьи, другим нелегальным его сотрудником был инженер Шентаг⁸², единственной квалификацией которого для нелегальной работы было то обстоятельство, что его жена была сестрой тов. Реваи. Шентаг тоже работал в венском торгпредстве. Эта Эмма Реваи была одно время сотрудницей представительства КПГ при ИККИ под именем Эмма Фурман. Не желая сказать что-либо против этого товарища (женщины), все же надо признать, что эта группа была представлена почти всюду.

Я считаю необходимым посмотреть акты его последней чистки. Это особенно интересно с политической точки зрения, как ведет себя литератор с мировым именем и руководящий теоретик после длинного политического пути, пройденного им в венгерском и германском движении.

Он тоже родом из семьи миллионера и унаследовал состояние. Проценты с этого состояния он получает еще и сегодня.

Со всеми оговорками я сообщаю нечто, что я слышал в окружении Куна, но что было в последнее время подтверждено товарищем Секели⁸³: когда Лукач был однажды командирован в Будапешт, в будапештских газетах появилось известие, что было арестовано «одно руководящее лицо КП Венгрии, сотрудник Бела Куна». Имени пока названо не было. В эти дни и аппарат в Будапеште потерял связь с Лукач. Газеты не помещали больше никаких сведений об этом событии. Но Лукач, после того как восстановил связь с аппаратом, велел отозвать себя обратно в Вену.

У него была связь с очень высоким лицом из берлинской полиции. Когда аппарат КПГ – кажется, в 1924 году – попросил его передать эту связь в КПГ, он отказался.

Он был также одним из лучших друзей Ленгъела, и мне кажется, что эти сердечные отношения никогда не омрачались. Он и теперь еще поддерживает теснейшую связь с остальными членами группы Ленгъела, и в настоящее время вокруг него спланиваются и литературные силы Ленгъела. Сюда относятся: Гергели⁸⁴, один из ближайших друзей Ленгъела, Андор Габор, Иоганн Маша⁸⁵, Иоганн Матейка⁸⁶ и очень тесную связь имеет с ним Бела Балаж⁸⁷. И тов. Барта⁸⁸ тоже поддерживает связь с группой, в которой известным влиянием пользуется и Реваи. Об этой группе работников искусства мы скажем несколько слов ниже. К непосредственным связям Лукача и Сейтлер⁸⁹ надо причислить семейство Штрикер. Семья Штрикер имеет в свою очередь теснейшую связь с Эдит Хайос. У старухи Штрейкер⁹⁰ был в Москве сын, инженер, у которого была жена немка и дочь, художник-керамик. Эта дочь Ева⁹¹ была здесь арестована, но не осуждена, а только выслана. Ее бывший муж Алекс Вейсберг⁹² арестован в Харькове. Остальные члены семьи уехали на днях из СССР, т. к. не получили продления паспортов. Одним из лучших друзей Лукача был тов. Реваи, который очень близок к Ленгъелу. Реваи получил в последнее время строгий выговор, и очень важно устано-

вить, что его самым интимным другом был Эмерих Комор⁹³, который теперь арестован и который был тоже любимцем Бела Куна. О связях Реваи Коминтерн знает больше, чем мы. Очень крепкую связь с Лукачем имеет в настоящее время тов. Ландор⁹⁴, который не принадлежит, правда, к группе Ленгеля, насколько мне известно, он все же несколько раз выступал против него.

В связи с Ландор я должен еще сообщить, что в эмиграции очень много говорили о том, что наказания, выносимые будапештскими судами в отношении коммунистов, обнаруживают большие противоречия. После тяжелых наказаний Ракоши, Вейнбергера, Ландора и т. д. всем бросалось в глаза, что Гаран, Хаи, Карикаш⁹⁵ и Реваи получили сравнительно незначительное наказание⁹⁶.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 28–31. Машинопись, перевод с немецкого. На первой странице внизу рукой неизвестного надпись: «Umzug aus dem Bericht des Gen. Bela Wago an die K. A.: vom 11. II. 1937. Original bei Lengyel Julius». Под документом – приписка рукой неизвестного: «От Ваго Бела, арестован в 1938 г.»

29. А.Цвейг⁹⁷ – Д.Лукачу

30 мая 1938 г.

Многоуважаемый господин Георг Лукач!

Должны были бы происходить чудеса или иметь место знамения, если бы рецензия на мое «Воспитание под Верденом», подписанное «Г. Л.», не принадлежала Вашему перу⁹⁸. Разрешите мне в дальнейшем исходить из такого положения, как будто бы оно было доказано, – причем я несколько не желаю благодаря этому выдавать себя за ученика Вейгингера⁹⁹; примите также благодарность писателя-романиста, который свободно вздохнул, убедившись, что его поняли. В длинных беседах с Вами я развил бы с удовольствием то, что Вы в Вашей небольшой рецензии обходите – связь между композицией и духовной точкой зрения; мы наверное бы без больших трудностей поняли друг друга. Хотя мы никогда раньше не соприкасались друг с другом, я в прошлые времена много занимался Вашими трудами. Ваша небольшая книга «К теории романа»¹⁰⁰ вызвала у меня беспокойство своими абстракциями, и одновременно привлекла меня силой этих абстракций; я готов присягнуть, что в мои времена Геттингена–Гуссерла (профессор философии)¹⁰¹ я читал в «Логосе» Ваши статьи и ломал себе над ними голову¹⁰². С тем большим интересом я слушаю Вашу статью о Шиллере¹⁰³. Раньше моим намерением было написать когда-нибудь историю того, как воспринималась и отображалась в различные культурные эпохи греческая античность. Но я благоразумно воздержался от этого.

А теперь я хотел бы вскоре послать Вам свой роман «Возведение короля», последние главы которого я как раз оформляю; первые шесть томов этого романа уже напечатаны¹⁰⁴. От Вас я услышу, удалось ли мне выполнить мое намерение и что из этого намерения я сумел облечь в форму. Однако по техническим соображениям я должен буду, по-видимому, ждать

полтора месяца, пока я смогу доставить себе это удовольствие послать Вам свой труд. Сдновременно его получит, вероятно, и лекторская группа¹⁰⁵ государственного издательства.

С чувством искренней благодарности Ваш Арнольд Цвейг

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 70. Л. 11–12. Машинопись, перевод с немецкого. То же письмо и его перевод: Ф. 631. Оп. 12. Д. 177. Л. 9 – подлинник на немецком языке, датированный 30 мая 1937 г. Л. 10–11 – русский перевод, дата – 30 мая 1938 г.

30. Д.Лукач – в дирекцию издательства «Искусство»

21 июня 1938 г.

В Дирекцию издательства «Искусство»

Несмотря на то, как это видно из квитанции №№ 158/1 и 2008/1 Московского почтамта № 64, что я заплатил остаток моего аванса (5 мая 500 р. и 27 мая 1362 р. 50 к.) Издательство Ваше послало в середине июня Философскому Институту при Академии Наук исполнительный лист с тем, чтобы зарплата моя была удержана.

Соответствующее исправление было послано институтом Издательству. В условиях существующей в Издательстве «Искусство» «функционалки», в результате которой Юридический отдел не знает, что делается в бухгалтерии, нет никакой гарантии, что меня и в дальнейшем не будут беспокоить.

Я обращаюсь поэтому в дирекцию с просьбой все же порвать с «благородной» оторванностью от жизни собственного издательства и вынести наконец бюрократический мусор из собственного дома.

Я принужден обратить внимание Дирекции на то, что если меня и в дальнейшем будут беспокоить, я буду принужден обратиться к советской общественности и органам Советского Контроля.

21.VI.1938 г.

Георг Лукач

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 177. Л. 13. Машинописный подлинник.

31. Немецкая секция ССП – в дирекцию издательства «Искусство»

21 июня 1938 г.

Немецкая Секция
Союза Советских Писателей
Кузнецкий мост, 12

Д и р е к ц и я издательства «Искусство»

Мы узнали о безобразных действиях Вашего издательства в отношении члена Союза Советских Писателей тов. Георга Лукача, в результате чего последнему был нанесен не только материальный, но и моральный ущерб.

поскольку на его зарплату должен был быть без всяких к этому оснований. наложен по судебному иску арест.

Подобное недопустимое бюрократическое отношение к любому советскому гражданину, а тем более к одн[ом]у из крупнейших литературных критиков и литературоведов, каким является т. Лукач, настолько возмутительно, что Немецкая Секция ССП считает своим долгом категорически протестовать против него.

Немецкая секция ССП надеется, что Вами будут приняты все необходимые меры для того, чтобы в дальнейшем оградить тов. Лукача от подобных упражнений бюрократов в Вашем Издательстве, и что виновные в издевательском отношении к тов. Лукачу будут привлечены к ответственности.

Секретарь Немецкой Секции
Союза советских писателей

21.VI.38.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 177. Л. 14. Машинописная копия.

32. Б.Брехт – И.Р.Бехеру

[Сентябрь 1938 г.]

Дорогой Бехер,

к сожалению, я должен просить тебя не помещать моего стихотворения «Über die Entstehung des Buches Taoteking...»¹⁰⁶ в «ИЛ»¹⁰⁷.

С отчуждением я замечаю, что в длинных и авторитетно написанных статьях в «ИЛ» проявляется «литературное направление», которое чрезвычайно узко и формально определяет то понятие о социалистическом реализме, которое мы считаем нужным в нашей антифашистской борьбе. Так узко и с таким формальным^а, что большая часть современной революционной литературы (среди нее и мои работы) не могут больше считаться социалистическими революционными произведениями. Создание такого совершенно формального образца я думаю должно вызвать большую путаницу. По журналу читатель не контролирует больше, охватывает ли произведение действительность. – имеет ли социалистическую тенденцию, дает ли революционные импульсы, но просто соответствует ли оно определенному идеалу формы.

В № 7 «ИЛ» опубликована статья Лукача¹⁰⁸, где говоря о моих работах, он просто сложил их в ящик буржуазного декадентства (положение еще обостряется тем, что известные современные романисты, романы которых никак не могут быть названы ни реалистическими, ни социалистическими, конечно не подвергаются подобному пренебрежению¹⁰⁹). Конечно, это дает совершенно неправильную картину, и поскольку я в настоящее время не имею желания вступать в литературные прения (да к тому же с политиче-

скими друзьями) и перед лицом приближающейся войны спорить об идеалах формы, мне остается только прекратить на некоторое время мое сотрудничество в «ИЛ» до тех пор, пока эта формалистическая критика не уступит место более серьезному и продуктивному литературному направлению. Я не сомневаюсь, что это формальное «шультмейстерей» (Schulmeisterei^а), напоминающее мне террор РАГПа¹¹⁰, скоро изойдет в своей собственной непродуктивности и отчуждении к миру.

Будь уверен в моем совершенно не изменившемся дружеском отношении к тебе лично и в моем глубоком интересе к «ИЛ»

Твой Б.Брехт

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 70. Л. 15–16. Машинопись. Перевод с немецкого с большим количеством неточностей. Немецкий оригинал не выявлен.

33. Д.Лукач – в немецкую секцию ССП

16 сентября 1938 г.

В Немецкую Комиссию ССП

Дорогие товарищи,

В июне будущего года исполнится 120 лет со дня рождения Готфрида Келлера¹¹¹. Совершенно ясно, что фашисты устроят большой шум, и я считаю, что нам, немецким писателям, пора не только потом писать заметки (глоссеи) о том, как фашисты усваивают наследство, но, по крайней мере, сделать попытку показать, что такой крупный писатель, как Готфрид Келлер, принадлежит нам.

Для подобной демонстрации день рождения является чрезвычайно подходящим: а) потому что Келлер известен и любим в широких слоях германского народа; б) потому что он является современным писателем, объединяющим в себе все хорошие традиции немецкой классики, которого можно считать одним из последних представителей классической реалистической литературы, традиции которой еще и сейчас имеют влияние; в) потому что он честный и убежденный демократ, не участвовавший в движении германской буржуазии вправо, имевшем место после 1848 г.; г) потому что он является самым значительным немецким учеником великого материалиста Людвиг Фейербаха и – в соответствии со своим политическим поведением – во время кризиса после 48 года остался верен этому материализму.

Я не сомневаюсь, что Немецкая Комиссия сделает все, что возможно. Но этого недостаточно для того, чтобы найти отклик в широких кругах интеллигенции. Я предлагаю связаться с ССП, чтобы добиться организации премии Готфрида Келлера за литературно полноценный, распространяющий демократический образ мысли роман, вышедший в последние пять лет. Конечно, премия должна выплачиваться в иностранной валюте. Жюри

^а Менторство (нем.).

^а Так в документе.

должно состоять из известнейших писателей эмиграции: Г.Манн, Т.Манн и И.Бехер. Если мы сумеем добиться того, что премия будет объявлена своевременно, еще в течение зимы, то мы можем за несколько месяцев начать кампанию, в которой, конечно, будут затронуты вопросы идеологической борьбы против фашизма.

Я прошу Комиссию принять шаги к осуществлению этого плана.

С ком. приветом

Лукач

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 177. Л. 16. Машинописная копия, перевод с немецкого. Л. 15 – немецкий оригинал.

34. Д.Лукач – М.Я.Аппетину¹¹²

29 декабря 1938 г.

Я ответил бы парижским друзьям¹¹³ на их сомнения следующее:

1) Нет ни одной истории немецкой литературы, где бы не упоминалось имя Келлера как центральной фигуры немецкой литературы. Было бы просто смешно себе представить историю немецкого романа, немецкой новеллы и немецкой политической лирики без указания Келлера.

2) Если по этому принципу исключить из немецкой литературы Келлера, то в результате этого вся история немецкой литературы будет искажена. Я не хочу уже говорить о значении австрийских писателей для немецкой литературы. Надо только представить себе, на что будет похожа история немецкой литературы, если из нее изъять «балтийцев» (Гердер, Ренгольд Ленц и т. д.), «датчан» (Клопшток, Геббель и т. д.), «венгерцев» (Ленау)¹¹⁴ и т. д.

3) К этому надо добавить, что Келлер сам заявил о своей принадлежности к немецкой культуре, это заявление благодаря его теоретической и политической ясности и демократической решительности еще и сейчас является актуальным. Во вступительной части к первому варианту «Зеленого Генриха» приводится длинный разговор между героем (сам Келлер) и демократическим фейербаховцем-графом. Герой страстно стоит на стороне швейцарской демократической республики и заявляет о своей готовности защищать ее независимость всеми средствами, он отбрасывает мысль о том, что свободная швейцарская республика может объединиться с монархической, полной феодальных пережитков Германией. Но, однако, на вопрос, признает ли он в данном случае оригинальную швейцарскую культуру, он ответил следующее: «Правда, есть много моих земляков, которые верят в швейцарское искусство, литературу и даже в швейцарскую науку. Но поэзия альпийских роз быстро исчерпывается. И, к нашему стыду, при тостах, эпиграфах и т. д., при торжественных случаях нам приходится прибегать к шиллеровскому Теллю, который является лучшим в этом отношении». Герой романа, а вместе с ним и Келлер, придерживается мнения, что швейцарская литература на нем. языке также принадлежит к германской литературе, как лит. франц. Швейцарии к французской. И в обоих вариантах романа Келлер

показывает, что «В.Телль» Шиллера является органической частью швейцарской партийной жизни, что развитие героя означает приближение к немецкой культуре.

Итак, я думаю, что все эти сомнения необоснованы.

С ком. приветом

Лукач

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Д. 92. Л. 16–16об, 17–17об. Машинописная копия.

35. Приказ № 147 по Институту философии АН СССР от 19 ноября 1938 г.

В связи с изменением тематики института и сокращением штата научных сотрудников, работающих по вопросам литературы, освободить от работы старшего научного сотрудника т. ЛУКАЧ Г.О. с 29 ноября 1938 г.

Зам. директора Ин-та Философии АН СССР

(Митин)

Верно: Бондарев 23/XI.1938 г.

Архив РАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 117. Л. 28. Заверенная машинописная копия.

36. Распоряжение Президента АН СССР об освобождении Д.Лукача от работы в Институте философии

13 декабря 1938 г.

Институту Философии, т. Г.О.Лукач. Отд. Кадров, Финанс. Отделу

Об освобождении от работы ЛУКАЧА Г.О. из Института Философии АН СССР.

Освободить от работы ст. научного сотрудника ЛУКАЧ Г.О. из Института Философии по сокращению штата с 29 ноября 1938 г.

п/п Президент АН СССР

акад. В.П.Комаров

Выписка верно: *Бунина*

Архив РАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 117. Л. 29. Заверенная машинописная копия на бланке АН СССР.

37. Справка отдела кадров ИККИ с рекомендацией восстановить Д.Лукача в ВКП(б)

15 ноября 1940 г.

СПРАВКА

ЛУКАЧ Георг

Родился в 1884 г. в Будапеште, писатель. Из буржуазной семьи, отец был директором Банка. До начала венгерской революции его произведения были проникнуты буржуазной идеологией и Лукач был очень далек от рабочего движения.

В декабре 1918 г. он вступил в КП Венгрии и с этого времени очень активно работал в движении. Во время советского правительства он был редактором центрального органа КП Венгрии «Фереш Уайзаг»^а, был заместителем народного комиссара просвещения и политкомиссаром 5-й дивизии. После переворота он был членом нелегального ЦК и активно работал в нелегальном движении. В 1919 г. он эмигрировал в Вену. С 1921 до 1924 г. принимал активное участие в оппозиции внутри КП Венгрии, с 1924 по 1926 г. был членом эмиграционной комиссии КП Венгрии в Вене, в 1926 г. – редактором выходявшего тогда в Вене венгерского коммунистического журнала «Уй Марциуш», в 1927–29 гг. был редактором легальной коммунистической газеты «100%». В 1928 г. был членом ЦК КП Венгрии.

Во время своей партийной работы он совершил ряд ошибок. 1919–1921 г. – принял участие в международном ультралевом движении (парламентаризм, авангардизм в мартовской кампании КИ), руководящее участие в фракционных боях КП Венгрии, тяжелые оппортунистические ошибки в тезисах, написанных для съезда КП Венгрии в 1928 г.

В 1929 г. он приехал в Советский Союз, был переведен здесь в ВКП(б), жил здесь до 1931 г. и поехал с разрешения ВКП(б) в Германию.

С 1931 г. до 1933 г. был членом КПГ. В Германии Лукач был руководителем фракции союза немецких писателей, членом центрального руководства союза рев.-пролетарских писателей, руководил курсами «марксистской рабочей школы», был сотрудником партпрессы и работал в массовых организациях.

Комиссия КП Германии по переводу в ВКП(б) приняла следующее решение: Комиссия подтверждает членство Лукача в КПГ с 1931 г. Видно, что Лукач осудил допущенные им ошибки в венгерской компартии и проверил себя. На основании его активной работы в КПГ рекомендовать его для восстановления в ВКП(б)¹¹⁵.

В марте 1933 г. он был выслан из Германии и с согласия соответствующих партийных инстанций поехал в СССР. Работает в Литературном Институте Академии Наук.

(Белов¹¹⁶)
(Мольтке¹¹⁷)

«15» ноября 1940 г.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 41–42. Машинопись с карандашными подчеркиваниями.

38. Автобиография Д. Лукача от 2 декабря 1940 г.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1885 г. в Будапеште в крупнобуржуазной семье. После окончания гимназии учился в университетах Будапешта и Берлина и в 1906 г. стал доктором общественно-политических наук. Моя литературная деятель-

ность началась уже в студенческие годы в различных левобуржуазных газетах и журналах. Еще студентом я стал одним из основателей венгерской «Свободной сцены», которая впервые поставила на венгерской сцене Горького. Ибсена и др. и впервые в Венгрии показывала спектакли для рабочих. В 1908 г. за свою книгу «История развития современной драмы» получил премию Венгерской Академии наук.

После длительного пребывания в Италии¹¹⁸ я осел в 1912 г. в Гейдельберге и работал как немецкий писатель. был сотрудником самого значительного научного и критического журнала «Meine Arbeiten». Мои работы («Социология современной драмы», «Теория романа» и т. д.) вызвали оживленный отклик в немецкой и французской научной критике. По своему мировоззрению я был идеалистом; развивался в направлении от Канта к Гегелю. Война обусловила глубокий кризис моего мировоззрения, который разрешился лишь благодаря русской революции 1917 г. Я основательно изучал в это время произведения Маркса и все больше приближался к этой точке зрения. В декабре 1918 г. я вступил в Коммунистическую партию Венгрии и был назначен членом редколлегии научного журнала партии «Интернационал». Наряду с этим занимался главным образом устной пропагандой идей ленинской работы «Государство и революция». В феврале 1919 г. был арестован ЦК КПВ; я стал членом вновь образованного ЦК и редактором партийного органа «Красная газета» («Vörös Újság»).

В Венгерской Советской республике я стал заместителем народного комиссара просвещения; с апреля до июня был политическим комиссаром народной дивизии венгерской Красной Армии. После падения диктатуры вместе с Отто Корвином получил задание организовать нелегальную работу в Венгрии. Из-за организационной слабости и неопытности партии в этой работе Корвин был вскоре арестован и в декабре 1919 г. повешен белыми. Мне же удалось в сентябре эмигрировать в Вену.

В 1919–1930 гг. я был функционером нелегальной Коммунистической партии Венгрии в Вене (в 1919–1921 гг. и в 1928–1930 гг. член ЦК, кроме того, редактор партийных органов). Белое правительство Венгрии преследовало меня, обвиняя более чем в 200 убийствах, и требовало моей выдачи, чтобы привести в исполнение смертный приговор; оно лишило меня и докторского звания. Дважды на непродолжительное время меня арестовывало «демократическое» австрийское правительство (в 1919, 1928 гг.) и в 1929 г. выслало из Австрии. Этот период моей партийной деятельности был заполнен борьбой против вредителя венгерского рабочего движения Белы Куна. В 1929 г. три месяца я был на нелегальной работе в Будапеште.

Я вступил в коммунистическое движение с мало развитой марксистской идеологией, с многими остатками моего гегелевского идеализма. Это отражалось в первые годы моей деятельности в политических статьях, написанных в сектантском духе, за которые меня резко критиковал Ленин. Философское обобщение моего тогдашнего мировоззрения содержится в книге

^а Правильно: «Вёрёш уйшаг».

«История и классовое сознание», которую справедливо неоднократно критиковали за идеологические ошибки. В ходе основательного изучения произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, моего внутреннего срастания с рабочим движением мне удалось постепенно преодолеть идеологические ошибки. Уже в 1924 г. я очень решительно выступил в венгерской партии против троцкизма и с этого времени вел борьбу с другими отклонениями, которые в это время появились в Коминтерне.

В 1930–1931 гг. я был сотрудником ИМЭЛ. Принимал участие в борьбе против Деборина и Рязанова¹¹⁹.

Летом 1931 г. я с согласия ВКП(б), членом которой я в эти годы был, отправился в Берлин. Там я назначен КПГ руководителем партийной группы писателей. Нам удалось организовать в Немецком союзе писателей (SDS) движение народного фронта, которое добились большинства в самой большой группе Союза, в Берлине. Один лево-буржуазный писатель стал председателем местной организации, я был избран вторым председателем. Кроме того, я занимался разного рода пропагандистской деятельностью в среде интеллигенции. В 1933 г. после захвата Гитлером власти был выслан из Германии и отправился с согласия КПГ в Москву.

В Москве я работал до 1938 г. в Коммунистической академии и Академии наук. С тех пор работаю как свободный писатель. Н.ряду с большой серией статей в различных русских журналах и газетах я издал книги «Литературные теории XIX века и марксизм», «К истории реализма». Книги «Эстетика Шиллера» и «Исторический роман»¹²⁰ находятся в печати. Монография «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» находится еще в рукописном виде. Я – член КПГ, член редколлегии венгерского журнала «Новый голос».

Москва, 2.XII.1940

Георг Лукач

РГАСПИ. Ф. 455. Оп. 199. Д. 181. Л. 47–48. Машинописный подлинник на немецком языке.

39. М.Я.Аплетин – А.М.Еголину

[Март] 1941 г.

Управление пропаганды и агитации [ЦК ВКП(б)]
товарищу Еголину (сектор художественной литературы)

Уважаемый Александр Михайлович,

У меня были немецкие писатели Бехер, Пливье¹²¹, Вейнерт¹²² и Лукач. Целью визита было – рассказать о своем разговоре с т. Поликарповым и с Вами. Пришли они крайне взволнованные. Начал разговор тов. Бехер. Но это было только краткое вступление, суть которого сводилась к утверждению, что неправильно было бы искать выхода при материальных затруднениях путем помощи со стороны Литературного фонда, а не путем выдачи авансов при заключении договоров на издания произведений немецких авторов. Затем

говорил Георг Лукач, который и изложил соображения или, как он сказал, – «политические основания для сохранения всех имевшихся до сих пор возможностей издания произведений немецких писателей на немецком языке». Эти «соображения» были четверкой пришедших ко мне немецких писателей предварительно обсуждены. Вот какие доводы приводил Георг Лукач:

«1) Если возможность издания на немецком языке будет устранена или сокращена, то в Англии и Америке начнется антисоветская пропаганда («Мас унд Верт»^а), содержание которой сведется к тому, что вследствие пакта Советский Союз запретил литературную работу немецких эмигрантов.

2) Хотя немецкие книги и «ИЛ» официально не доходят до Германии, опыт показывает, что некоторое количество экземпляров все же проникает в страну и один экземпляр читается многими. Политическое значение этого «просачивания» литературы в Германию растет вместе с обострением общего политического положения.

3) Неправильна также и аргумент, что издаваться на немецком языке будут лишь лучшие, наиболее представительные произведения. Никто не возьмет на себя ответственность решать, представительнее ли Пливье, чем Шарпер¹²³, или наоборот. Кроме того, в настоящее время, когда положение в Германии все время обостряется, очень важно, чтобы писатели находились в постоянной боевой готовности. Возможно, что в ближайшее время наступит такое положение, при котором даже писатели «второго ранга» и их произведения будут иметь большое политическое значение.

4) Наконец, еще один литературный аргумент. Если эпические или драматические произведения не так много теряют в переводе, то именно наши крупнейшие поэты Бехер и Вейнерт – будут уничтожены, как поэты, если они не смогут печататься на немецком языке».

Писатели заявили, что они хотели бы, чтобы эти их соображения стали известны тов. Фадееву, так как им было сообщено, как они сказали, что дело будет передано т. Фадееву. Они добавили, что хотят об этом поговорить с тов. Вильгельмом Пик¹²⁴ и хотели бы добиться разговора с тов. Димитровым.

Зам. Председателя Иностранной Комиссии СП СССР

Москва, 1941

Мух. Аплетин

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 62–63. Машинописный подлинник. Внизу второго листа помета: «Напечатано в 2-х экз. 1. т. Еголину 2. т. Фадееву». На первом листе сверху: «Архив/тов. Аплетину даны разъяснения, что объединение «Международная книга» и не собиралось прекращать издание литературы на иностранных языках. Д. Поликарпов. 7.III.41 г.»

^а Журнал Томаса Манна (прим. автора записки). Ориг. назв. „Maß und Wert“.

40. Справка о деятельности Арбплана и Союза работников умственного труда в Германии, подготовленная Д.Лукачем для отдела кадров ИККИ¹²⁵

4 апреля 1941 г.

В отдел кадров КОМИНТЕРНА

Глубокоуважаемые товарищи, на ваш запрос¹²⁶ сообщаю вам следующее:

1. Организация Арбплан (Рабочее содружество по изучению планового хозяйства в Советском Союзе) основана поздней осенью 1931 г.¹²⁷, чтобы в этом направлении воздействовать на высококвалифицированных интеллигентов, которые политически ориентируются преимущественно направо, но по различным причинам были сторонниками просоветской ориентации в немецкой политике, и отдельных из них, если возможно, приблизить к нашим идеям. Обоснование исходило от профессора Г.Ленца¹²⁸ Руководящую роль играли профессора университета Гетциш¹²⁹, К.Шмидер, профессор высшей школы политики Грабовский¹³⁰, праворадикальные публицисты Э.Юнгер¹³¹, Хильшер¹³², Никиш¹³³ и др. В работе секретариата Арбплана, наряду с двумя доверенными лицами¹³⁴ Гетциша (я помню лишь Клауса Менсрта¹³⁵), принимали участие коммунисты Арвид Харнак¹³⁶ и Пауль Массинг¹³⁷. Задача коммунистической фракции (Витфогель, Лукач, Г.Егер¹³⁸, А.Болгар¹³⁹) состояла в незаметном руководстве тематикой и определением направления дебатов, чтобы по возможности достичь поставленной идеологической цели.
2. BGV (Союз работников умственного труда) был организацией для идеологического воздействия на интеллигентов, которые по разным причинам не были охвачены другими нашими массовыми организациями. Союз был основан весной 1932 года и проводил активную деятельность зимой 1932–1933 годов до захвата власти Гитлером. Проводились мероприятия с дискуссиями по тематике, интересующей интеллигенцию. Были организованы различные обсуждения для представителей отдельных профессий (учителя, инженеры, архитекторы и т. д.), в последнее время происходили еженедельные клубные встречи активных членов для непринужденного обсуждения важных актуальных проблем. Организация была построена так, что известные коммунисты или вообще не выступали на общественных мероприятиях в качестве участников дискуссии, или выступали лишь в крайнем случае и только руководили движением путем обсуждения планов и т. д. с симпатизирующими, близко стоящими к ним людьми¹⁴⁰.
3. Краткие характеристики отдельных участников.

Проф. Ф.Ленц¹⁴¹ происходит из потомственной семьи ученых (его отец – известный историк Берлинского университета). Его теоретические взгляды очень сумбурны. В основном он сторонник экономических воззрений Листа, о котором он написал книгу. Он симпатизировал Советскому Сою-

зу, прежде всего исходя из германско-патриотических причин, так как считал, что лишь союз с Советским Союзом может обеспечить освобождение Германии от последствий Версальского мира и восстановление ее прежних позиций в мире. Если Советский Союз, как высказался однажды Ленц в частной беседе со мной, в качестве цены за ее военную помощь потребует советизации Германии, он был бы с этим полностью согласен. В этом ярко проявляется наивная путанность его взглядов.

Арвид Харнак также из известной профессорской семьи. Когда я с ним познакомился, он уже был тайным членом КПГ¹⁴². Он был тогда полон идеологических пережитков буржуазного мышления, но весьма энергично пытался преодолеть их. Как в Арбплане, так и в BGV он вел очень полезную работу, был в целом дисциплинирован и тактически грамотен. О его поведении после захвата власти Гитлером я ничего конкретного не знаю. Летом 1936 г. находившийся в Советском Союзе в качестве гостя коммунистический писатель Канторович¹⁴³ рассказывал мне, что Харнак был в Париже и пытался установить контакт с живущими там коммунистами (информацией о деталях этих переговоров я не располагаю). Жена Харнака (насколько я помню, американка по происхождению) была преподавателем английского языка в Берлинском университете; она также принимала участие в работе BGV, в проведении семинаров Союза пролетарских писателей. Летом 1933 г. Мильфред Харнак¹⁴⁴ находилась в Советском Союзе, и во время одной беседы с нею у меня сложилось впечатление, что как она, так и ее муж тогда твердо придерживались прежних убеждений¹⁴⁵.

Титгенса (или Титенса)¹⁴⁶ я знал лишь поверхностно. Он активно участвовал в работе BGV. Был руководителем отдела рекламы одного крупного буржуазного предприятия. О нем сложилось впечатление как о типичном взбалмошном интеллигенте¹⁴⁷. (Он русского происхождения, однако об этом я ничего больше не знаю.)

Адам Кукхоф¹⁴⁸ – известный режиссер и писатель, сблизился с нами из-за общего кризиса буржуазной культуры, который он очень эмоционально переживал. Он создавал впечатление честного и ищущего истину интеллигента, который, однако, тогда находился в самом начале процесса просветления. Он также работал в BGV.

Эрнст Юнгер, известный праворадикальный писатель. Близок к определенным кругам рейхсвера. Его странная концепция социализма, на которой основаны его симпатии к Советскому Союзу, ясно проявилась в опубликованной им в 1932 году книге «Рабочий»¹⁴⁹. Тогда он глубоко увяз в фашистском образе мышления, однако нацизм как партию он глубоко презирает. Он принимал участие в работе Арбплана.

Пауль Массинг – великолепный коммунистический пропагандист, получивший хорошее марксистское экономическое образование, с привлекающи-

ми скромностью выступлениями, которые сопровождаются деловой ясностью и глубиной, хороший докладчик и полемист. Он был одной из главных опор в нашей работе как в Арбплане, так и в ВGB.

Москва, 4.IV.1941 г.

С коммунистическим приветом

Георг Лукач¹⁵⁰

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 49, 49об. Машинописный подлинник на немецком языке. Внизу второго листа помета: «В целом это правильное изображение групп. 8.IV.41».

41. Д. Лукач – М. Ракоши

Ташкент, 23 декабря 1941 г.¹⁵¹

Дорогой товарищ Ракоши, извините, что только так поздно пишу Вам, но я хотел ждать, когда наше положение немножко выяснится. Я не буду дать Вам историю нашей «Одиссеи» от Куйбышева до Ташкента¹⁵². Каждая группа эвакуированных имела свои трудности – но об этом мы можем говорить, если мы встретимся. Важно, что и ЦК, и правительство Узбекистана принял нас превосходно; сейчас я сижу в гостинице в отдельной комнате (разумеется с Гертруд) и уже начинал работать. Мы имеем и перспективу получить хорошие квартиры. («Мы» – это значит группа антифашистских писателей: Бехер, Шерер¹⁵³, Пливье, Габор, Вангенгейм, Лешницер и Лукач). Я посылаю уже две статьи в Информбюро. Первая об общем положении Венгрии в конце 1941 года (конечно написаны из материалов. Сегодня первый день, когда начинаем получать регулярно «Правду», «Известия» и т. д. – через ЦК, до сих пор мы только случайно и редко имели возможность читать газеты). вторая о Толстом и немецкой культуры, по поводу разрушения Ясной поляны. Я собираюсь посылать каждую неделю одну статью. Было бы очень хорошо часто писать о венгерских темах – но откуда взять материалы? Не возможно Ваша помощь?

Этот вопрос – вопрос о перспективах. Замечательные победы Красной Армии дают нам надежду, что наше проживание в Ташкенте не будет так длительное, как мы представили себе это в начале. Уже в Казани тов. Еголин (один из заместителей Александрова¹⁵⁴) говорил нам о возможности через некоторое время издать «Internationale Literatur» на немецком языке – хотя с маленькой тиражью¹⁵⁵. И ЦК Узбекистана обещал нам поставить этот вопрос в более конкретном виде перед ЦК ВКП(б). Какие перспективы имеет по-вашему сейчас наш «Уй Хант»¹⁵⁶? Сообщите мне, что Вы думаете об этом деле? Что Ваши планы, успехи относительно этого вопроса, конечно о всех вопросах пропаганды, я мог бы активно участвовать. Я живу сейчас почти как в доме отдыха, но эта спокойная жизнь быстро станет скучной – в таких временах как наше сейчас.

В Ташкенте очень много венгерцы, случайно встретил Вашу сестру – мы договорились, что когда она будет устроена мы встретимся для более подробного разговора. Уже Габари¹⁵⁷ здесь и Гергель, Мадарас находятся и Институт Мирового хозяйства (без Варга); Фогараш, Варьяш¹⁵⁸. Большинство эвакуированных в провинции: так Зайдлер, Розвани и т. д. У этих товарищей возможности работы трудные. Некоторые (как Стелла Зайдлер) в тяжелом положении.

Но мне очень трудно писать подробно об этих вопросах. Не только потому что Вы видите – слишком плохо владею русским языком – но и потому что я уже мечтаю жить ближе к великим событиям наших дней. И я очень прошу Вас, если открывается возможность для более активного участия – не забывайте меня.

Сердечный привет

Г. Лукач

Сердечный привет от моей Гертруд

Адрес: Ташкент. Союз писателей. Первомайская ул. 20

Вероятно знаете, что Гай и Балаш¹⁵⁹ находятся в Алма-Ата. Гай писал мне. Он уже устроился очень хорошо – уже работа в полном ходе. На всякий случай напишу его адрес: Дворец культуры. Сценарная Студия.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 15–16. Автограф на русском языке. Фиолетовые и черные чернила.

42. Д. Лукач – М. Ракоши

Ташкент, 3 апреля 1942 г.

Дорогой товарищ Ракоши,

очень обрадовался Вашему письму. Особую радость доставила мне перспектива, которую Вы мне обрисовали. Надеюсь, что красный бог не будет чинить препятствий ни Вам, ни мне для поездки в Москву. Мы живем здесь в весьма хороших условиях, мое нетерпение вызвано только вопросом, связанным с возможностью для работы. Я только что закончил большую брошюру для академического института философии (называется: «Wie ist Deutschland zum Zentrum der reaktionären Ideologie geworden?»¹⁶⁰). Имей я возможность писать ее в Москве, пожалуй, она была бы совсем хороша. Здесь же были большие трудности, поскольку в моем распоряжении не было ни одной книги, и все, от сотворения мира до Гитлера, писать приходилось по памяти.

Сбор партийных взносов идет нормально, надеюсь, вскоре смогу Вам выслать первую часть, но это будет неполных 200 рублей. Трудность в том, что как раз писатели, как я уже упоминал Вам, не зарабатывают почти ничего.

По чистой случайности я имею возможность проинформировать Вас о положении Бебрича¹⁶¹, Болгара и Рудаши. Сейчас здесь проездом находится товарищ Йозеф Грейнер¹⁶², который в свое время взял всех троих с собой в

Пршеваль^а, расположенный у китайской границы. Все трое живут там сейчас в хороших условиях. Болгар и Рудаш преподают в университете, Бебрич руководит кооперативом. Снабжение у них довольно хорошее. Грейнер едет в командировку в Москву.

На днях подробно разговаривал с Вашей сестрой. С жильем у них сейчас все в порядке, муж работает, они прикреплены к тому же распределителю, что и мы, что очень хорошо. Мы договорились, что если у ее мужа возникнут трудности, мы вместе обратимся в МОПР. Здешний МОПР – прекрасная организация, заботящаяся обо всех эмигрантах с поистине отеческим вниманием. Но, возможно, это и не понадобится.

Передайте большой привет Реваи, надеюсь, что со здоровьем у него уже лучше. Искренне завидуем его и Вашей большой работе.

С горячим приветом от меня и Гертруды

Лукач

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 17. Машинописный подлинник на венгерском языке.

43. И.Бехер – М.Ракоши

22 апреля 1942 г.

Дорогой, глубокоуважаемый товарищ Ракоши!

Только что я узнал, что Вы вернулись в Москву¹⁶³. Мне бы хотелось в связи с этим просить Вас подумать о том, нет ли возможности вызвать товарища Лукача в Москву. Товарищ Лукач оказал бы чрезвычайную помощь как редакции «И.Л.», так и нашей общей интеллигентской пропаганде, которую мы, помимо прочего, ведем и по радио. Товарищ Лукач, насколько мне известно, уже обращался к товарищу Димитрову. Прошу Вас, дорогой товарищ Ракоши, по возможности, еще раз поговорить с товарищем Димитровым и добиться того, чтобы большие способности товарища Лукача могли быть использованы здесь в Москве.

С коммунистическим приветом

Ваш Иоганн Бехер

Адрес тов. Лукача: Ташкент, улица Урицкого 27, квартира 35¹⁶⁴.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 55. Машинописный подлинник на немецком языке.

44. Д.Лукач – М.Ракоши

Taschkent, 1942. 9. V.

Дорогой товарищ Ракоши,

все мы весьма обрадовались, узнав, что Вы уже в Москве. С точки зрения дела это большой шаг вперед, который – уж не взыщите, что сразу корыстно думаю о себе. – приближает и наше возвращение в Москву. Вы даже не

представляете, как нам не терпится вновь оказаться ближе к событиям, дабы иметь возможность на основе серьезного и конкретного материала продолжать заниматься относительно актуальной работой, а не писать вслепую, опираясь только на капитал памяти, вещи, о которых лишь задним числом можно будет установить, насколько серьезно они отвечают злободневным требованиям.

Этим я не хочу сказать, что в Ташкенте сидел без дела. Я довольно усердно работал для Информбюро, посылал статьи в русские журналы¹⁶⁵ и немецкий «I. L.». В здешнее издательство сдал брошюру объемом около 4 печатных листов, называется: «Борьба варварства и цивилизации»¹⁶⁶. Кроме того, написал брошюру побольше, около 9 листов, для алма-атинского института философии, название: «Wie ist Deutschland zum Zentrum der reaktionären Ideologie geworden?». О судьбе обеих брошюр окончательной информации я пока не имею. Количественно, как видите, работа проделана не столь уж малая, надеюсь, что некоторые вещи выдержат экзамен и в качественном отношении. Впрочем, я слишком часто надоедаю Вам своими сетованиями. Обещаю, что при личных контактах в Москве таких жалоб Вы от меня не услышите.

Венгерскому воззванию¹⁶⁷ мы очень обрадовались. Нам очень хотелось бы знать, имело ли оно резонанс на родине и какой. Но и это мы сможем узнать лишь в Москве. С точки зрения нашего движения крайнее сожаление вызывает тот факт, что в списке имен не могли фигурировать некоторые популярнейшие дома фамилии. Нет ли какой-то возможности все же сделать вновь существующими определенными людей? В случае с некоторыми это было бы важно с точки зрения движения. Но, разумеется, судить о возможности этого можете только Вы.

Из прилагаемой таблицы Вы можете видеть, что обязанности казначея я применительно к обстоятельствам, исполнял добросовестно. В институте мирового хозяйства партийные взносы собирает Фогараш. До них поручение дошло с опозданием, поэтому взносы в размере одного процента от дохода они собирают лишь с марта. Среди писателей я собираю сам. В апреле мне еще удалось встретиться с Мадарасом, а Гергей поехал в колхоз, чтобы закончить давно запланированное им социографическое исследование. В соответствии с поручением, в середине этого месяца 155 руб. я отправил Зайдлерне; недостающие 45 высылаю на днях.

И еще одна просьба: когда Вы сочтете, что пришло время командировать меня в Москву (надеюсь, что очень скоро), прошу не забыть, что без Гертруды в качестве секретаря я как писатель ни на что не гожусь. Прикомандировать ее можно легко, именно так поступили Бехер и Пливье. Кроме того, если дело дойдет до командировки, я просил бы Вас позвонить, если будет возможно, в узбекский ЦК. В случае с Бехером, когда в ЦК обратился наш рулевой¹⁶⁸, и с Пливье, по поводу которого обратился Пик, это сыграло, как я видел, огромную роль в устранении сложностей с переводом.

^а Так в тексте. Имеется в виду г. Пржевальск (Киргизия).

Не сердитесь, что досаждаю Вам столькими просьбами. Все это следствие ташкентского общественного бытия, а не моего характера. Надеюсь, что Ваша московская жизнь и условия работы благоприятны, в чем в ближайшее время рассчитываю убедиться лично.

С горячим приветом, до свидания
Привет также и от меня

Дёрдь Лукач
Гертруда

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 20. Машинописный подлинник на венгерском языке.

45. Протокол № 1 заседания Ученого Совета Института философии АН СССР

29 декабря 1942 г.

Присутствуют: гг. Юдин П.Ф., Розенталь М.М., Берестнев В.Ф., Быховский Б.Э., Леонов М.А., Асмус В.Ф., Максимов А.А.
Председательствует г. Юдин П.Ф.

1. СЛУШАЛИ: защиту диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук г. Г.О.ЛУКАЧА на тему: «Молодой Гегель».

Выступили: официальные оппоненты:

Доктор философских наук профессор Б.Э.Быховский

Доктор философских наук В.Ф.Асмус¹⁶⁹

Отзыв официального оппонента доктора философских наук проф. Кольмана Э. зачитывается ученым секретарем г. Васильевым.

Из присутствующих выступил кандидат исторических наук Б.Г.Сафронов.

ПОСТАНОВИЛИ: Присвоить тов. ЛУКАЧУ Г.О. степень доктора философских наук (единогласно). Возбудить в ВКВШ¹⁷⁰ ходатайство об утверждении этого решения.

Председатель ученого Совета (П.Юдин)
Ученый секретарь (Н.Васильев)

Архив РАН. Ф. 1922. Оп.1. Д. 118.Л. 71. Машинописная копия.

46. Протокол заседания счетной комиссии Ученого Совета Института философии АН СССР от 29 декабря 1942 г.¹⁷¹

Защита диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук г. ЛУКАЧЕМ Г.О. на тему: «Молодой Гегель».

Результаты голосования:
Роздано бюллетеней – 7

Подано голосов: за – 7
против – нет
воздержавшихся – нет.

Председатель Счетной комиссии Леонов
Члены: В.Берестнев, Н.Васильев

Копия верна. 29.XII.42.

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 118. Л. 72. Машинописная копия.

47. Постановление ВАК от 28 августа 1943 г. об утверждении Д.Лукача в ученой степени доктора философских наук

Высшая Аттестационная Комиссия
Всесоюзного комитета по делам
Высшей школы при СНК СССР
Москва, Рождественка, дом 11
Телеграфный адрес: Москва

ВЫПИСКА

из протокола № 17 от 28 августа 1943 г.
(подлинник протокола находится в делах высшей
аттестационной комиссии)

СЛУШАЛИ:

19. Об утверждении Лукача Георга Осиповича в ученой степени доктора философских наук на основании защиты 29/XII-1942 г. в Совете Института философии Академии наук СССР диссертации «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества».

ПОСТАНОВИЛИ:

Утвердить ЛУКАЧА Георга Осиповича в ученой степени доктора философских наук.

Председатель Аттестационной комиссии – С.Кафтанов
Ученый секретарь – Н.Денисов

ВЕРНО: Ученый секретарь Высшей
Аттестационной комиссии Н.Денисов

23 сентября 1943 г. Верно: *М.Маринич*

Архив РАН. Ф. 411. Оп. 30. Д. 636. Л. 4, 5, 6. Заверенная машинописная копия.

**48. Из отчета зав. сектором истории философии
Б.Э.Быховского о работе сотрудников за 1943 год**

[Конец 1943 г.]

Фамилия сотрудника

4. т. Лукач Г.О.

План

- а) Статья для V тома «Философские взгляды Ницше» – 1.5 п.л.
- б) Статья для V тома «Философия жизни» – 2.5 п.л.
- в) Статья для V тома «Немецкое неогегельянство» – 2 п.л.¹⁷²

Выполнение

- а) выполнено
- б) выполнено
- в) Будет выполнено к 31. XII. 43 г.
- г) Брошюра «Борьба гуманизма и варварства». Ташкент. 1943 г. 68 стр.

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 132. Л. 1 об. Машинопись. Сверху помета: «См. протокол дирекции и Уч. Сов. № 18 от 28/XII 43 г.»

49. М.Ракоши – К.М.Касрадзе¹⁷³

25 апреля 1944 г.

Копия

Товарищ Касрадзе!

Я не возражаю изданию брошюры товарища Лукача Г. «Ответственность писателей»¹⁷⁴

(М.И.Ракоши)

Москва, 25.IV.1944.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 14. Машинописная копия.

**50. Отчет Д.Лукача о научной работе
за I квартал 1944 г.**

26 апреля 1944 г.

Отчет для 1944 г.

Окончив и сдав к концу 1943 г. главу «Новогегельянство» (около 1 листа) для V тома «Истории философии», я начал работать над главой «Немецкая социология» (около 2 ½ листа) для того же тома и сдал ее к сроку в середине марта 1944 г. С тех пор работаю над главой «Социальный дарвинизм и фашизм» (около 3 л.) для того же тома. Мои предварительные работы уже до такой степени закончены, что я могу сдать работу к сроку в начале июня.

Москва, 26.IV.1944 г.

Георг Лукач¹⁷⁵

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д.183. Л. 24. Автограф.

51. Отчет Д.Лукача о научной работе за 1944 г.

23 декабря 1944 г.

ОТЧЕТ

старшего научного сотрудника Института
Философии АН СССР Г.О.Лукача за 1944 г.

Моя главная работа была подготовка моей большой книги против фашизма (срок сдачи июнь 1945 г.). Главным образом, я сделал исторические исследования особенности немецкого развития для раскрытия источников фашизма. Кроме того, я сдал институту:

1. Немецкая социология империалистической эпохи (2 и ½ листа) для 4-го тома «Истории философии».
2. Социальный дарвинизм и фашизм (4 л.). Эта работа первоначально была написана для 4-го тома «Истории философии» по старому плану. По соглашению с дирекцией я переработал ее для брошюры. Название брошюры «Расовая теория – враг человечества».
3. Философия жизни империалистической Германии (4 л.) – для журнала «Ученые записки»¹⁷⁶.

Всего работ для Института я писал:

1. для американских журналов через ВОКС статью о Достоевском и статью «Толстой и западная литература»;
2. для «Интернационале литератур» («Deutsche Blätter») пропагандистскую статью о политико-идеологическом развитии Германии в связи с лагерем смерти в Майданеке. Напечатано в октябре 1944 г.¹⁷⁷ Кроме того, статья о немецкой литературе в империалистическую эпоху, которая будет напечатана в 1945 г.¹⁷⁸
3. переработка и редакция моих венгерских статей об идеологических тенденциях современной венгерской интеллигенции. Брошюра была напечатана в издательстве иностранных рабочих под названием «Ответственность писателей»¹⁷⁹.

Кроме того, я писал печатные статьи для венгерских газет военнопленных, для Совинформбюро и т. д.

Работа для комиссий КП Венгрии и КП Германии.

Москва, 23.III.1944

Г.Лукач

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 83. Л. 25. Автограф.

52. Автобиография Д.Лукача от 23 января 1945 г.

Автобиография с 1940 г.

В 1940 г. я работал как свободный писатель, член союза писателей, для различных советских журналов на русском, немецком и венгерском языках. Я был членом КПГ, членом немецкой секции союза писателей, редакционной коллегии журналов «Internationale Literatur» (Deutsche Blätter) и «Új Hang». В мае 1941 г. я был переведен в КПВ. 22 июня 1941 г. я был арестован органами НКВД и 23 августа¹⁸⁰ реабилитирован и освобожден. Со дня своего освобождения я работал на поприще военной пропаганды, преимущественно в сфере идеологической борьбы против фашизма. В октябре 1941 г. был эвакуирован с писателями вначале в Казань, затем в Ташкент, откуда в июле 1942 г. вернулся в Москву. Там я написал антифашистскую книжечку для Узбекиздата¹⁸¹, антифашистскую брошюру для Института философии Академии наук¹⁸² и различные статьи для англо-американских журналов, которые рассылались ВОКСом и Совинформбюро. В августе 1942 г. я поступил научным сотрудником в Институт философии Академии наук. Там я успешно защитил в декабре 1942 г. мою докторскую диссертацию «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества». В первые годы я работал в Институте философии над обстоятельной историей философии. Писал различные статьи о Марксе и Энгельсе и работы для еще не вышедших в свет томов о новейшей философии. Эту деятельность я использовал также для выявления идеологических корней фашизма. Мою брошюру «Расовая теория – враг человечества»¹⁸³ – готовит к изданию Институт философии. Сейчас я работаю над большой книгой об истории возникновения реакционной идеологии в Германии, которая также посвящена разоблачению фашизма. Одновременно я занимался публицистической деятельностью, разоблачая идеологию фашизма и пропагандируя русскую культуру. Я писал различные статьи в «Internationale Literatur» (Deutsche Blätter) (против пруссачества, о лагере в Майданеке и т. д. и т. д.), статьи для Совинформбюро, для американских журналов через ВОКС (Толстой, Достоевский, Горький и др.), для газеты венгерских военнопленных «Ígaz Szó», для венгерского радио и т. д. В 1944 г. я издал на венгерском языке книгу «Ответственность пишущих», в которой анализирую идеологическое развитие венгерской интеллигенции в последние годы; книга была затем перепечатана в Венгрии. В последнее время с разрешения КПВ я вел устную пропаганду среди немецких военнопленных

Москва, 23 янв. 1945 г.¹⁸⁴

Георг Лукач

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 56. Машинопись на немецком языке. В переводе на венгерский язык. в сб.: Lukács Gy. Curriculum vitae. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 460–461. old.

53. Отзыв А.Гидаша о Д.Лукаче

10 февраля 1945 г.

Георг Лукач

Можно с уверенностью сказать, что он является крупнейшим венгерским критиком, знатоком не только венгерской, но и европейской литературы. Несмотря на свое двадцатипятилетнее пребывание в эмиграции он, бесспорно, пользуется авторитетом среди венгерских литераторов. В области литературы и культуры он может быть значительно полезнее, чем в области прямой политической работы, которой он занимался продолжительное время.

Лукач начал свою общественную деятельность как критик. Он был гегельянцем и от этого до сих пор не совсем «излечился», как известно. Во время первой мировой войны венгерская академия издала его первый большой труд «О драме»¹⁸⁵. Позже в Германии издавался его труд «О романе»¹⁸⁶.

Несмотря на имеющиеся целый ряд ошибок в его взглядах, он может принести большую пользу в развитии демократического литературного движения в Венгрии, особенно при соответствующем направлении и контроле.

10-II-1945 г.

А.Гидаш

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. л. 58. Машинопись с правкой. Правка, дата и подпись – автограф.

54. Отчет Д.Лукача о научной работе за I квартал 1945 г.

22 марта 1945 г.

Моя главная задача работы этого квартала – подготовка моей книги о немецкой философии империалистического периода, как предшественницы фашистской идеологии. Кроме укомплектования политико-исторического материала, главным образом, собирал материал о старших предшественниках реакционной идеологии Германии и о реакционной философии империалистического времени в других странах.

Из материала моей работы я сдал две статьи из журнала «Ученые записки» по 4 листа каждая:

- 1) «Философия жизни в империалистическом периоде»¹⁸⁷
- 2) «Расовая теория – враг человечества»¹⁸⁸.

Кроме того, закончил большую статью о немецкой литературе в империалистическом периоде, которая будет напечатана в немецком журнале «Internationale Literatur»¹⁸⁹.

Я постоянно работал в венгерском журнале для военнопленных «Igaz Szó», участвовал в работах культурной комиссии ЦК КП Германии и сделал доклады в лагерях военнопленных.

Москва, 22. III. 1945

Г. Лукач

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 183. Л. 19. Автограф.

55. Т.Л. Мотылева. Георг Лукач – к 60-летию со дня рождения¹⁹⁰

Трудно охватить все сферы разносторонней и плодотворной деятельности Георга Лукача за четыре десятилетия его сознательной жизни. Философия, эстетика, теория и история литературы, политическая журналистика – в каждой из этих областей им сделано многое. В культурной жизни всех стран, где он жил и работал – Венгрии, Австрии, Германии, Советского Союза – им оставлен заметный след. Его имя пользуется заслуженной известностью и в кругах передовой интеллигенции других стран мира.

Выдающийся знаток литературы разных времен и народов, и в то же время – видный деятель европейского рабочего движения; философ, исследователь Гегеля – и антифашистский публицист; ученый с широким культурно-историческим кругозором – и критик, чутко откликающийся на явления сегодняшней литературной жизни, – таковы разнообразные аспекты творческой личности Лукача. И в этом многообразии есть свое единство. Участие Лукача в Советском правительстве Венгрии (1919), где он занимал пост заместителя народного комиссара просвещения; работа его в Берлине в 1932–1933 гг., когда он в дни нарастания фашистской угрозы стремился через Союз немецких писателей мобилизовать силы интеллигенции для отпора гитлеровскому варварству, – все это никак нельзя рассматривать как случайные эпизоды его биографии. Он – не только теоретик, но и борец. Его теоретическая деятельность неразрывно связана с прогрессивными устремлениями нашего времени, с освободительной борьбой трудящегося человечества.

Печатью внутреннего единства отмечена и вся теоретическая борьба Лукача, несмотря на значительную эволюцию, проделанную им. Его философские взгляды развивались в направлении от субъективного идеализма (Кант) к объективному идеализму (Гегель) и затем – к марксизму; пацифист в начале первой мировой войны, он стал коммунистом вскоре после октябрьской революции в России. Естественно, что в ранних работах Лукача многое не удовлетворяет теперь его самого. Но уже в этих ранних работах намечается постановка проблем, впоследствии развернутых Лукачем на новой, марксистской основе. Так, уже в его первом труде, вышедшем в 1909 г. и премированном Венгерской Академией наук – в «Теории драмы»¹⁹¹ – была сделана попытка социологического обоснования развития западноевропей-

ской драматургии XIX–XX в. В «Теории романа» (1916) Лукач, по-своему интерпретируя гегелевское определение романа, как буржуазной эпопеи, постарался наметить объективные закономерности, определившие пути развития романа в новое время. Еще до первой мировой войны перед Лукачем тревожно вставали вопросы кризиса современной западной культуры; свидетелем этому явилась его книга «Душа и формы» (1911)¹⁹², где на обширном материале новейшего искусства рассматривались процессы распада художественной формы, обусловленные возрастающим разрывом между искусством и жизнью. Именно эта проблематика его первых работ привлекла к ним внимание европейской интеллигенции. Характерен в этом смысле отзыв Томаса Манна: «Д-р Георг Лукач – чье умонастроение, мировоззрение и социальное вероисповедание я отнюдь не разделяю, но я уважаю и нравственно восхищаюсь его строгим, чистым и гордым умом и причисляю его критические работы «Душа и формы», «Теория романа» и т. д. несомненно к наиболее значительному, что написано на эти темы за последнее десятилетие на немецком языке» (напечатано в сборнике «Требование дня», 1930, стр. 114)¹⁹³.

Периодом подлинного расцвета теоретической и критической деятельности Лукача несомненно явились годы его пребывания в Советском Союзе. Контакт с советской теоретической мыслью, более глубокое ознакомление с демократическими истоками современной русской культуры и традициями русской классической литературной критики, участие в советской литературной жизни – все это внесло много нового в его научное творчество.

Статьи и книги Лукача, написанные после 1933 г., встречали неизменное внимание советской литературной общественности. Многие в них оспаривались, давало повод к разногласиям. Но и в тех случаях, когда разрешение тех или иных литературных вопросов, предложенное Лукачем, вызывало возражения, – сама постановка им этих вопросов была чрезвычайно плодотворной, острой, свежей, давала стимул к размышлениям. Его работы этих лет, взятые вместе, составляют заметный и серьезный вклад в марксистскую науку о литературе. Они помогают осмыслению как мирового культурного наследия, так и литературных процессов современности. Ряд мыслей, впервые выдвинутых и обоснованных в них, стал общим достоянием советской науки, подвергся дальнейшей конкретизации и разработке в диссертациях молодых литературоведов, вошел в той или иной форме в университетские учебники и программы по западной литературе.

Статьи Лукача, объединенные в книгах «Литературные теории XIX века и марксизм» (Москва, 1937) и «К истории реализма» (Москва, 1939), а также напечатанные в качестве предисловий к советским изданиям классиков («Статьи по эстетике» Шиллера, «Переписка» Гете и Шиллера, романы Бальзака¹⁹⁴, «Вертер» Гете¹⁹⁵, «Германия» Гейне) или в журналах («Литературный критик», «Интернационале литератур», венгерский «Новый голос»)

– посвящены разнообразным вопросам, из которых можно выделить два основных: теорию романа и проблему реализма.

Лукач первый разработал и установил основные законы и тенденции развития европейского романа XVII–XX в., поставив их в связь с историческими судьбами буржуазного общества. Опираясь на тезис Маркса о неравномерности развития духовного в сравнении с материальным прогрессом, Лукач рассматривает эволюцию романа как отражение противоречий общественного развития.

Роман содержит в себе все характерные признаки эпической формы (стремление к соответствию художественного изображения реальному жизненному содержанию, широта охвата материала, показ человека в действии). Но буржуазное общество по самой своей сущности неблагоприятно для эпического творчества: в силу своей антагонистической природы оно приводит к разобщенности людей, создает ряд преград для свободного развития человеческой личности, и тем самым – для отражения полноценной, всесторонне развитой человеческой личности в искусстве. Буржуазная будничная действительность дает лишь неполную и ограниченную возможность изображения таких типов и ситуаций, которые отличались бы силой страстей, значительностью масштабов, остротой конфликтов, требующихся природой эпоса. «Проблема формы, – говорит Лукач, – заключается поэтому для великих романистов в том, чтобы преодолеть этот неблагоприятный характер материала, чтобы найти ситуации, в которых борьба друг против друга имела бы наглядный, четкий, типичный характер, чтобы из последовательности таких типичных ситуаций построить действительно значительное типическое действие». Через историю романа за все время его существования проходит, таким образом, борьба двух тенденций: с одной стороны – тяготение к эпичности, с другой – невозможность ее достигнуть. Потребности искусства приходят в неизбежное столкновение с прозаической сущностью буржуазного общества.

Исходя из этих предпосылок, Лукач рассматривает важнейшие этапы развития европейского романа.

Возникая в бурную, богатую событиями эпоху разложения средневековья и зарождения капитализма, роман ренессанса (Сервантес, Рабле) проникнут пафосом освобождения человечества от феодальных оков, отличается яркостью и пестротой колорита, воплощает типы и отношения, свойственные действительной жизни, в образы гиперболизирующей фантастики. Лишь в XVIII веке – в эпоху Просвещения – роман делает материалом для художественного изображения частную, будничную жизнь людей. В этот период, когда сформировавшийся буржуазный класс берется за самоутверждение, романисты ищут и находят положительного эпического героя в гуще «третьего сословия» (Жиль-Блаз Лесажа, Том Джонс Фильдинга). Но в этих эпических образах «энергия человеческой самодельности уже носит на себе клеймо буржуазной посредственности». Нежелание подчиниться

этой посредственности приводит к индивидуалистическому бунту сентиментализма (Руссо, Стерн, ранний Гете).

Новый период развития романа наступает на другой день после торжества капиталистических отношений в послереволюционной Франции. У Бальзака и Стендаля искусство романа делает значительные шаги вперед в полном художественном освоении «частной жизни». И в это же время в романе раскрывается до предела противоречивость буржуазного строя. Человек, ведущий борьбу за то, чтобы занять место в среде господствующего общественного слоя, не может уже быть положительным героем: в этой борьбе (как показывает Бальзак на примере Растиньяка) он может восторжествовать лишь цинически-низменными средствами. Если Бальзак преодолевает прозаичность жизненного материала путем романтического увеличения масштабов, придавая даже своим отрицательным персонажам (ростовщику Гобсеку, разбойнику Вотрену) черты незаурядной энергии, остроумия, одаренности, – то в послебальзаковский период литературный герой постепенно мельчает. Возрастающее подчинение человеческой личности мешанским будням приводит ко все более неблагоприятным последствиям для искусства. Героический элемент исчезает из жизни буржуазного общества. Роман делает успехи в смысле все большего приближения к повседневной жизни, – но в то же время проигрывает в масштабах, в яркости и силе изображаемых людей и событий.

Западноевропейские романисты второй половины XIX века, как правило, рассматривают жизнь пессимистически, видя в ней неизбежное торжество низменной прозы. Это приводит к возрастающей отчужденности романа от действительности. Отсюда возникновение флюберовской теории искусства для искусства, с одной стороны, и пассивное копирование жизни в теории и практике натурализма – с другой. Обе эти тенденции, продолжаясь в творчестве некоторых видных художников XX века, приводят к распаду романа, превращаемого в «агрегат моментальных снимков» (Пруст, Джойс, Дос Пассос). В то же время те писатели наших дней, которые связывают свое творчество с народными освободительными движениями, находят в жизни и борьбе трудового народа тот эпический, героический элемент, благодаря которому становится возможным восстановление романа на новой основе. Начало этого процесса возрождения эпического повествовательного искусства неразрывно связано с именем Максима Горького.

Эта концепция истории романа, развернутая в ряде работ Лукача и кратко изложенная в статье «Роман» в «Литературной энциклопедии»¹⁹⁶, вызвала в свое время немало споров¹⁹⁷, но была в основном принята советским литературоведением¹⁹⁸. Несколько лет тому назад, когда имели еще хождение псевдомарксистские, вульгарно-социологические теории, которые нигилистически трактовали литературное наследие классиков, рассматривая их как идеологов эксплуататорских классов, – работы Лукача в немалой мере способствовали преодолению такого рода неправильных взглядов. Эти

работы дали много материала в подтверждение известной мысли Горького, – что не надо переоценивать роль буржуазии в истории культуры. Статьи и книги Лукача, основанные на громадном богатстве историко-литературных фактов, убедительно доказывали коренную враждебность буржуазного строя большому искусству – и, с другой стороны, помогали понять, что всякое большое искусство, в силу самой своей природы, враждебно несправедливому общественному порядку, основанному на угнетении человека человеком.

Работы Лукача по истории романа оказали несомненное влияние и на марксистскую историко-литературную мысль на Западе. Наглядным свидетельством этого влияния является, например, книга выдающегося, безвременно погибшего английского критика Ральфа Фокса «Роман и народ»¹⁹⁹.

С работами Лукача по теории романа связаны и его воззрения на сущность художественного реализма, лежащие в основе его конкретных оценок явлений классической и современной литературы. Лукач резко разграничивает понятия реализма и натурализма, считая одной из основных задач современного искусства – решительное освобождение от натуралистических пережитков и тенденций. Натуралистическому принципу воспроизведения повседневной эмпирической реальности Лукач противопоставляет реалистический принцип изображения ТИПИЧЕСКИХ характеров и ситуаций, воплощающих в себе основные законы жизни, но не отождествляющихся с житейскими буднями. В ряде теоретико-литературных статей Лукач выясняет основные черты настоящего высокого реализма, к которому должны стремиться антифашистские писатели современности. Он подчеркивает, что реализм требует раскрытия человеческих характеров в движении, в действии: что образы вещного, материального мира должны занимать в повествовании подчиненное место по сравнению с главным его содержанием – раскрытием человеческой судьбы в ее динамике («Рассказ или описание»²⁰⁰). Он настаивает на том, чтобы писатели наделяли своих героев сложной, развитой духовной жизнью, ни в коем случае не принижали бы их до уровня мещанской банальности («Интеллигентный облик литературного героя»²⁰¹). Он требует, чтобы писатель-реалист, объективно и правдиво изображая жизнь, в то же время выступал бы в качестве «народного трибуна», страстно заинтересованного в победе прогрессивных общественных начал, а не в качестве «бюрократа», равнодушно и безыдейно регистрирующего жизненные явления («О двух типах художников»²⁰²).

Из этих принципов исходит Лукач в своей литературной критике. Каждое единичное явление текущей литературной жизни Запада он рассматривает в широкой системе историко-литературных, философских, общественных связей, поднимая тем самым частные вопросы на принципиальную высоту. Он меряет произведения современных писателей большими масштабами классического реализма. И он с нелюбимой строгостью оценивает те произведения, в которых видит пережитки натуралистического фотографи-

рования или надуманной рафинированности декаданса. Именно эта стойкая приверженность Лукача традициям реалистического искусства позволила ему сказать веское и убедительное слово в дискуссии об экспрессионизме, происходившей на страницах «Дас Ворт» несколько лет назад²⁰³.

Опираясь на богатый материал наблюдений над различными типами и формами реалистического повествования, Лукач сумел в своей большой работе о Толстом²⁰⁴ весьма обоснованно – одним из первых – поставить вопрос о международном значении и своеобразии классического русского реализма. По этому поводу в западной критике было сказано – иногда и сейчас говорится – много путанного и неверного. Многие западные исследователи очень высоко оценивают русских классиков; но, говоря восторженными словами о «святой» русской литературе, они трактуют ее как нечто иррациональное, непознаваемое, не поддающееся общим законам мирового литературного развития. Все эти разговоры о «русском чуде» фактически ведут к попыткам выключить русскую культуру из культуры европейской. Иные европейские критики, напротив, склонны видеть в русской культуре преимущественно отражение разнородных западных влияний, недооценивая таким образом ее самобытность и самостоятельность. Работа Лукача о Толстом (как и его статьи о Достоевском и Горьком²⁰⁵) показывают неверность обеих этих точек зрения. Лукач видит преимущества Толстого и других крупных русских писателей новейшего времени перед их современниками на Западе. И – опираясь на ленинские статьи о Толстом – он показывает, что величие русского реализма имеет объективные исторические причины, что оно непосредственно связано с величием русской революции. Классический русский роман XIX века, отражая постепенное нарастание революционного переворота в стране, вдохновляясь освободительным движением народа, сумел уберечься от процессов упадка, затронувших западный роман в конце XIX–XX вв. Непрерывная и восходящая линия русской революции обусловила непрерывную и восходящую линию развития русского реализма – от Толстого к Горькому. Эта связь классической русской литературы с трудящимися массами и их борьбой, как показывает Лукач, у Толстого нашла выражение в чертах «плебейского гуманизма», присущих его мировоззрению и творчеству, в его острой постановке вопроса о несправедливости эксплуатации человека человеком, в его требовании народного искусства. Именно эта связь величайших русских классиков с народом явилась основой их художественных достижений, ибо она помогала им находить положительное, поэтическое начало в самой действительности и предохраняла их как от натуралистической капитуляции перед прозой, так и от формалистического снобизма. Поэтому классический русский реализм сумел не только сохранить в конце XIX–XX вв. лучшие международные традиции высокого реалистического искусства, но и по-своему развить эти традиции, придать роману новую, современную форму, тем самым существенно обогатив мировую литературу.

Особое место в работах Лукача занимают проблемы немецкой культуры. Являясь выдающимся знатоком немецкой литературы и философии, Лукач во многих своих работах сумел раскрыть своеобразный противоречивый путь исторического развития Германии, сумел показать, как отразилась в культуре Германии борьба прогрессивных и реакционных тенденций ее истории. Он показал, что наиболее крупные явления классической немецкой культуры должны быть рассматриваемы в связи с мировым историческим развитием, а не в национальной изолированности: так, в статьях о «Вертере» и «Вильгельме Мейстере» Гете²⁰⁶ он проследил воздействие хода французской революции на эволюцию мировоззрения художника; в своем недавнем законченном (еще неопубликованном) большом труде «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества»²⁰⁷ он раскрыл влияние французской революции и термидорианского переворота, а также – английской буржуазной политической экономии – на формирование философских воззрений Гегеля. Статьи Лукача о мастерах немецкой литературы XIX в. (Клейст, Гельдерлин, Гейне, Раабе, Готфрид Келлер) дают возможность судить о том, насколько отсталость немецких общественных отношений в первой половине XIX в. и реакционный антидемократический путь Германии после 1848 г. отразились на немецкой литературе, трагически ограничивая творчество даже крупнейших художников, постепенно парализуя возможность развития полноценного реалистического искусства. Развивая известные положения Маркса и Энгельса о «немецком убожестве», Лукач показал конкретные проявления этого убожества у немецких мыслителей и писателей, проследив путь немецкой литературы от Гете – к антиреалистическим течениям XX в. и путь немецкой философии от Гегеля и Фейербаха – через Шопенгауэра и Ницше – к реакционным, антинаучным философским школам империалистической Германии. Критике этих реакционных школ посвящены последние работы Лукача, написанные им для «Ученых записок Института философии Академии Наук СССР» – «Расовая теория – враг прогресса человечества» и «Философия жизни в империалистической Германии»²⁰⁸.

В одной из публицистических статей, написанных Лукачем в начале войны, он применил к немецкому народу старинное изречение: «кого не излечивают лекарства – излечивает железо; кого не излечивает железо – излечивает огонь». Ныне, когда Германия охвачена очистительным огнем военного поражения, эти слова звучат особенно актуально.

Военный разгром фашизма – дело дней. Но морально-политический разгром фашизма – задача более сложная и более длительная. И можно не сомневаться, что в выполнении этой задачи работы Георга Лукача принесут немалую пользу.

РГАЛИ. Ф. 2252 (Лежнев). Оп. 1. Д. 296. Машинописная копия.

56. Калининцев – Г.Димитрову

7 июня 1945 г.
Сов. секретно

ТОВАРИЦУ ДИМИТРОВУ Г.М.²⁰⁹

ЦК КП Венгрии просит разрешения направить в страну на работу тов. ЛУКАЧ Г.О.

Тов. Лукач Георг Осипович, родился в 1884 г. в г. Будапеште. Из буржуазной семьи. Венгерец. Гражданин СССР с 1934 г. Образование высшее. Известный венгерский писатель.

Член КП Венгрии с 1918 г., 1930–1931 гг. член ВКП(б), 1931–1941 гг. член КП Германии.

1909–1917 гг. жил в Италии и Германии.

1918–1919 гг. находился в Венгрии, принимал активное участие в коммунистическом движении, был членом редколлегии теоретического журнала КП Венгрии «Интернационал», членом нелегального ЦК КП, редактором ц. о. компартии «Вереш Уйшаг», заместителем Наркома Просвещения.

1919–1929 гг. проживал в эмиграции в г. Вене. Активно работал в нелегальном аппарате ЦК КП Венгрии, был членом эмиграционной комиссии, редактором коммунистических журналов «Уй Марциуш» и «100%», состоял членом ЦК КП Венгрии. Был одним из руководителей фракции Ландлера, допустил ряд оппортунистических ошибок в тезисах к съезду компартии Венгрии, участвовал в международном ультралевом движении.

1929–1931 гг. находился в СССР, работал в ИМЭЛ, принимал активное участие в борьбе против Деборина и Рязанова.

1931–1933 гг. работал в Германии, был руководителем коммунистической фракции немецких писателей, руководил марксистскими рабочими школами, сотрудничал в партийной печати, участвовал в работе профсоюза работников умственного труда и в обществе по изучению советского планового хозяйства.

1933–1938 гг. научный сотрудник Литературного ин-та Академии наук СССР²¹⁰.

С 1938 г. свободный писатель. Написал целый ряд книг, член редакции журналов «Интернациональная Литература» и «Уй Ганг».

По сообщению НКГБ СССР на ЛУКАЧ имеются компрометирующие сведения (Особая папка от 24.V.1945 г. за № 3114/к).

Учитывая положительные отзывы за последнее время, считаю возможным просить ЦК КП Венгрии о направлении т. Лукач Г.О. в страну удовлетворить.

Калининцев

7 июня 1945 г.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 61. Машинописный подлинник.

57. Гуляев – Прудникову

12 июня 1945 г.
Сов. секретно

Тов. Прудникову

Согласно решению руководства от 9/VI-1945 г., прошу подготовить к отправке в Венгрию тов. ЛУКАЧ Г.О.

Проверен, сообщение НКГБ СССР от 27/V-1945 г. за № 3114/к.

12 июня 1945 г.
№ 42-2-1923

Гуляев²¹¹

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 62. Машинописный подлинник

58. Отчет Д. Лукача о научной работе за II квартал 1945 г.

19 июля 1945 г.

Во втором квартале я был занят окончательной подготовкой своей книги о фашизме. Работа была настолько подготовлена, что я мог бы перейти к окончательной литературной формулировке. Но ввиду того, что теперь, по распоряжению ЦК КП Венгрии, мои книги и рукописи были отосланы в Венгрию, я могу только там закончить свою работу.

Кроме этой работы я закончил очерк немецкой литературы в период империализма, печатающийся сейчас на немецком языке в журнале «Internationale Literatur», № 3, 4 и 5²¹².

Лукач

Москва, 19. VII. 1945 г.

P. S. За полгода мною проведено 20 докладов в лагерях немецких и венгерских военнопленных.

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 183. Л. 21. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Составитель биографии неизвестен. Хранится в деле, озаглавленном «Автобиографии и биографии отдельных лиц, присланные в Институт В.И. Ленина для составления указателей и примечаний к томам Сочинений В.И. Ленина». Материалы дела датированы 1928–1929 гг.

² В биографии приведены не совсем точные данные: «История развития современной драмы» (венг. книжн. изд. – 1911 г.), «Душа и формы» (венг. изд. – 1910, нем. изд. – 1911), «Эстетическая культура» (венг. изд. – 1913); «Теория романа» (нем. журн. изд. – 1916, книжн. – 1920).

³ Об обстоятельствах выхода из ЦК см.: Автобиография от 1 апреля 1930 г. (док. 3).

⁴ Летом 1924 г. V конгресс Коминтерна призвал венгерских коммунистов к воссозданию единой партии, в ноябре того же года в Вене прошло заседание оргкомитета, а в августе 1925 г. – I съезд КПВ, избравший ЦК, который состоял из заграничного комитета, куда входили представители эмиграции и подпольного секретариата, действовавшего в Венгрии.

⁵ Ответ Лукача, сохранившийся в РГАСПИ (Ф. 347. Оп. 1. Д. 188), был опубликован только в 1996 г. См.: *Georg Lukacs. Chvostismus und Dialektik. Ausgabe der Zeitschrift. Magyar Filozófiai Szemle* (Herausgegeben von L. Illés). Bp., 1996 (На венг. яз.: *Magyar Filozófiai Szemle*, 1996, 4-5-6. sz.) Материалы международной дискуссии о книге Лукача на языках оригиналов см.: А „Történelem és osztálytudat a 20-as évek vitáiban”. 1-3. köt. Budapest, 1981.

⁶ Шаш – конспиративное имя Шандора Серени (1905–?), возглавлявшего в 1929–1931 гг. подпольный секретариат КПВ. Весной 1930 г. в связи с проведением II съезда КПВ находился в СССР.

⁷ Не озаглавленная автобиография, скорее похожая на самокритику, 7 апреля 1930 г. была направлена Орготделом ИККИ в Оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б) для разрешения вопроса о переводе Лукача в ВКП(б). 8 июня 1930 г. комиссия по переводу членов иностранных компартий в ВКП(б) утвердила решение о переводе (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 1840. Л. 5, 7).

⁸ См. прим. 21 к следственному делу.

⁹ См. прим. 55 к следственному делу.

¹⁰ Хирошик Янош (1887–1950) – один из основателей КПВ в 1918 г., в 1919 г. – член ряда руководящих органов Венгерской советской республики. В период венской эмиграции – член фракции Ландлера. Участник III Конгресса Коминтерна. В 1926–1933 гг. жил в Берлине, принимал участие в деятельности КПГ.

¹¹ Имеется в виду Открытое письмо Президиума ИККИ к членам Коммунистической партии Венгрии от 26 октября 1929 г., в котором по поводу «тезисов Блюма» был высказан следующий вердикт ИККИ: «По мнению политсекретариата, тезисы т. Блюма (курс на буржуазно-демократическую, а не на пролетарскую революцию, на демократическую диктатуру рабочих и крестьян вместо диктатуры пролетариата) означают ликвидаторство в КПВ. Тов. Блюм фактически встал на платформу социал-демократии, предлагая партии бороться против фашизма на почве буржуазной демократии, выдвигая в качестве центрального боевого требования партии

буржуазные реформы, характеризуя КП как партию демократических реформ и сводя ее роль в случае, если социалистическая демократия стала бы оппозиционной партией, к «теоретической пропаганде диктатуры пролетариата». Он видит основные задачи партии не в борьбе против демократических иллюзий, а в борьбе против «нигилизма» в отношении буржуазной демократии. Предлагая, чтобы КП превозносила перед рабочими буржуазную демократию как «лучшую почву борьбы», он становится на точку зрения социал-демократии, отрицает перерождение демократии в фашизм, не понимает всего третьего периода. Эти взгляды не имеют ничего общего с большевизмом. Но то обстоятельство, что в заграничном комитете обнаружились колебания при оценке этой точки зрения, требует, чтобы вся партия была мобилизована на решительную борьбу не только против тезисов Блюма, но и против всех колебаний в этом вопросе.

Колебания, обнаружившиеся в рядах заграничного комитета при оценке возглавляемого Блюмом ликвидаторского течения, объясняются тем, что партия до сих пор не имела ясной точки зрения по вопросу о политических частичных лозунгах и, в частности, по вопросу о допустимости определенных демократических частичных требований. Наряду с разрешением аграрного вопроса венгерской революции придется решить и целый ряд других демократических задач, причем решающее значение приобретает именно разрешение аграрного вопроса на путях пролетарской революции. При выставлении демократических частичных требований главная опасность, однако, заключается в том, что они были выдвинуты в такой форме, при которой возникает иллюзия относительно возможности «демократизации» венгерского фашизма или же иллюзия относительно демократической промежуточной стадии перед проведением пролетарской революции. Поэтому выдвинутые венгерской партией демократические частичные требования должны быть связаны с перспективой пролетарской революции, они должны быть выражением демократической постановки задач пролетарской революции. Всякая иллюзия относительно возможности демократизации венгерского фашизма, как мы это видим в тезисах Блюма и до известной степени в тезисах Заграничного Комитета, должна рассматриваться как оппортунистическое искажение этой основной линии». (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 170. Л. 195–196. В том же деле хранится проект письма, датированный 23 октября 1929 г. – л. 85–86.) («Третий период»: впервые появляется в коминтерновском обиходе, очевидно, в речи Бухарина на VII расширенном пленуме ИККИ (22 ноября–16 декабря 1926 г.) о международном положении и ближайших задачах КИ. Говоря о перспективах революции в Центральной Европе, Бухарин выделил три периода – «бури и натиска», начала стабилизации капитализма и, наконец, начинающуюся новую фазу выявления противоречий и обострения отношений между классами. (Пути мировой революции. VII расширенный пленум ИККИ. Стен. отчет. Т. 1. М.–Л., 1927. С. 28–29).

¹² Деборин А.М. (1881–1963) – философ, академик АН СССР (1929). О ходе дискуссии вокруг книги «История и классовое сознание» см.: *Хевеши М.А.* Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977.

¹³ Пятницкий О.А. (1882–1938) – с 1921 г. член ИККИ, в 1931 г. член Политсекретариата ИККИ.

¹⁴ Имеется в виду список иностранных сотрудников Института Маркса и Энгельса. Список состоит из 22 фамилий. Наряду с Лукачем, в нем указаны Г.И.Бакалов,

Г.Л.Гупперт, О.Дювель, Ф.А.Зауэр, В.М.Кропш, К.О.Никодорф, Э.П.Пелузо, Ж.А.Табрисская, Э.И.Цобель, Р.С.Фокс, К.И.Шмюкле Михайлова-Дмитриева, Ган-Зин Лиану, И.С.Кун, М.Г.Сагто, Г.О.Вангуш, А.А.Абрамович, Ц.Д.Абрагам-Миронова, А.С.Вернфельд, В.Е.Пор, П.К.Паскаль. Сведения о них попадали к новому руководству ИМЭ в связи с чисткой, начавшейся после ареста в середине февраля 1931 г. директора института академика Д.Б.Рязанова. См. *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М., 1996, с. 111–117.

И.П.Товстуха 20 февраля 1931 г. был назначен заместителем директора ИМЭ и принимал активное участие в чистке; О.А.Пятницкий в 1931 г. был членом Политсекретариата и кандидатом в члены Политкомиссии ИККИ – узкого органа, решавшего все оперативные политические и кадровые вопросы в Коминтерне.

¹⁵ Первое заседание комиссии было проведено 4 марта 1931 г. Тогда решалась судьба двухсот сотрудников ИМЭ. 5-го марта – сорока четырех. В состав комиссии входило новое руководство ИМЭ, его партийной и профсоюзной организаций, Фрунзенского райкома ВКП(б). ОГПУ представлял известный «усмиритель» интеллигенции Я.С.Агранов (РГАСПИ, ф. 71, оп. 3, д. 44.)

¹⁶ Ф.Ф.Козлов.

¹⁷ Документ не установлен. Возможно, имеется в виду одно из более ранних заявлений Лукача (см. док. 3).

Приблизительно в это же время П.Ф.Юдин, возглавивший перестройку работы кабинета истории философии, где работал и Лукач, направил директору ИМЭ В.В.Адоратскому записку, где характеризовал деятельность Лукача и его коллег следующим образом: «Г. н. кабинет философии истории занимается тем, что Лукач работает лично над проблемой: экономические и политические взгляды Гегеля; Лифшиц над странной темой: Бруно Бауэр как ранний пророк империализма (в общем что-то в этом роде). В задачу этого кабинета входила работа над историческим материализмом. Но об истинности они и не думали. Там всего есть несколько случайных книжек по истмату. [...] Ни одна из проблем марксизма не разрабатывалась, не говоря уже об изучении ленинизма. Ни в одном из перечисленных кабинетов нет ни единой книжки Ленина и о Ленине.

В философском кабинете есть отдел по современной философии. Собраны все идеалисты-мракобесы (Шпенглер, Гуссерль, Шпет и т. д.), но к числу современных философов руководителями кабинета Ленин не причислялся». «Вся работа СОЗНАТЕЛЬНО строилась с таким расчетом, чтобы не увязывать ее с современными задачами строительства социализма. Вся работа СОЗНАТЕЛЬНО (подбор работников, подбор литературы, планы и т. д.) строилась так, чтобы удовлетворить личные научные (и политические) интересы нескольких жрецов науки (Рязанов, Деборин и др.), к этим интересам приспособивались темпы работы, ее содержание и все остальное. Вся работа СОЗНАТЕЛЬНО строилась так, чтобы Ленин и ленинизм не находили даже самого ничтожного внимания» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 41. Л. 197, 196).

¹⁸ По-видимому, имеется в виду откомандирование Лукача на партийную работу в Германию.

¹⁹ Общий список уволенных по результатам чистки запрещал бывшим сотрудникам заниматься научной работой. Чтобы это не коснулось Лукача, его не включили в этот список.

²⁰ Имеется в виду предисловие Лукача к роману О.Бальзака «Крестьяне», которое упомянул, выступая на заседании дирекции, М.Лифшиц. Объем предисловия – 3 п. л. Оно должно было быть сделано в декабре 1933 – январе 1934 г. Книга Бальзака вышла в издательстве «Academia» в 1935 г. – Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 879. Л. 46.

²¹ Луначарский, по воспоминаниям его секретаря И.Саца, питая к Лукачу политические симпатии, не слишком одобрял его творчество, считая его догматиком (см.: *Sziklai L. Proletárforradalom után. Lukács György marxista fejlődése. 1930–1945.* Вр., 1986, 336. old.) Лукач, в свою очередь, в начале 30-х гг. также пытался критиковать Луначарского, который, как он полагал, стоял на точке зрения вранствия буржуазной культуры в пролетарскую. О намерениях Лукача выступить с критикой Луначарского свидетельствует переписка секретариата МОРП с Союзом пролетарско-революционных писателей Германии (август 1932 г.), в которой от имени МОРП, в частности, говорилось: «Мы не считаем целесообразным, чтоб он [Лукач] начинал свою деятельность в нашей печати с дискуссионной статьи. Общественное мнение СССР недостаточно знает его с положительной стороны, если он начнет спорить с Луначарским – это может произвести комическое впечатление» (РГАСПИ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 93 Л. 6).

²² Справка сотрудницы представительства КПГ при ИККИ Эммы Фурман (сестры Йозефа Реван), как и анкета Д.Лукача (см. стр. 90), были подготовлены, очевидно, в связи с предполагавшимся переводом Лукача из КПГ в ВКП(б). В личном деле Лукача имеется также его автобиография, составленная при нем в это же время (осень 1933 г.) (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 60б. Машинописная копия на нем языке) Попытки восстановиться в ВКП(б), членом которой он был в 1930–1931 гг., Лукач предпринимал вплоть до 1940 г. (см. док. 23, 37).

²³ Союз защиты немецких писателей (Schutzverband Deutscher Schriftsteller) – организация, созданная в 1910 г. для защиты экономических и политических прав и свобод деятелей литературы в Германии, в том числе издателей и журналистов. С конца 1918 г. к названию организации добавляется – в скобках – «Союз немецких писателей». Первыми руководителями Союза, в котором были представлены писатели всех политических ориентаций, были Берихард Келлерман и Альфред Дёблин. (Aktionen Bekennnisse. Perspektiven. Berichte und Dokumente vom Kampf um die Freiheit des literarischen Schaffens in der Weimarer Republik Hrsg. K.Kändler. Berlin und Weimar, 1966. S. 323.)

Берлинская организация SDS, насчитывающая около 900 членов, была центром левого оппозиционного движения в рамках Союза.

²⁴ РГО – Революционная профсоюзная оппозиция (Revolutionäre Gewerkschaftsopposition).

²⁵ Нойман Гейнц (1902–1937) – член КПГ с 1919 г.; с 1922 г. – редактор «Роте фане» – центрального органа КПГ; в 1924–1928 гг. – представитель КПГ в ИККИ, в 1927–1929 гг. – кандидат, затем член ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК КПГ (до августа 1932 г.). На XII Пленуме ЦК КПГ (август–сентябрь 1932 г.) подвергнут Э.Тельманом и Д.Мануильским критике за «левые» ошибки и отстранен от руководящих должностей в ИККИ и ЦК КПГ. Репрессирован. См. мемуары его жены: *Бубер-Нойман М. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920–1930-х гг.* М.: «АИРО – XX век», 1995.

Ближайшим соратником и другом Ноймана, в начале 1930-х гг. фактически второго после Тельмана человека в КПГ, был секретарь Оргбюро и член Политбюро ЦК КПГ Лео Флиг (1893–1939), также выведенный вслед за Нойманом из руководства ЦК КПГ после XII Пленума ИККИ и в 1938 г. арестованный в Москве. (Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Biographisches Lexikon. Berlin: Dietz Verlag, 1970. S. 132.) По сообщениям Лукача Хельге Галлас, именно Флиг непосредственно курировал Союз пролетарско-революционных писателей и деятельность его комфракции. Нойман и Вилли Мюнценберг были на стороне Лукача и Бехера в их полемике с леваками из ВPRS по поводу программы Союза. (*Gallas H. Die Linkskurve. Ausarbeitung einer proletarisch-revolutionären Literaturtheorie in Deutschland.* Berlin, 1969. Ph. D. Diss. S. 64.) Флига Лукач упоминает в числе знакомых по работе в Германии товарищей в анкете, заполненной им в 1933 г. в связи с предполагаемым переходом в ВКП(б).

Именно Ноймана считают проводником – в духе принятой КПГ в августе 1930 г. Программы социального и национального освобождения немецкого народа – политики сближения КПГ с некоторыми радикальными силами из правого лагеря. (*Dupeux L. Nationalbolschewismus in Deutschland, 1919-1933. Kommunistische Strategie und Konservative Dynamik.* München: Verlag C.H.Beck, 1985. S. 440. *Winkler H.A. Der Weg in die Katastrophe. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1930 bis 1933.* Berlin/Bonn: Verlag J.H.W.Dietz Nachf., 1990. S. 308.)

Частью этой политики по привлечению интеллектуалов главным образом правого толка и была деятельность коммунистов (в т.ч. и Лукача) в Арбплане и Союзе работников умственного труда. Очевидно, последнее замечание Э.Фурман носит характер «дежурной», но необходимой политической оговорки.

²⁶ Заявление написано в связи с ходатайством о присуждении Д.Лукачу научной степени доктора философских наук без защиты диссертации (см. также док. 10–13, 16, 18).

²⁷ Вебер Альфред (1868–1958) – немецкий экономист и социолог, брат М.Вебера, Трельч Эрнст (1865–1923) – протестантский теолог, философ, социолог и историк религии, Вальцель Оскар (1864–1944) – немецкий историк и теоретик литературы.

²⁸ Союз пролетарско-революционных писателей Германии (Bund proletarisch-revolutionären Schriftsteller – ВPRS) создан на учредительном съезде 19 октября 1928 г. в Берлине как подразделение Международного объединения пролетарских и революционных писателей (МОПИ). Председателем правления ВPRS был И.Р.Бехер.

²⁹ Принятый перевод – «Левый поворот». В этом журнале, выходящем с августа 1929 г. по конец 1932 г., были опубликованы важнейшие литературно-критические работы Лукача начала 1930-х гг.: «Романы Бределя» (1931, № 11), «Тенденция или партийность?» (1932, № 6), «Репортаж или повествование? Критические заметки о романах Оттвальта» (1932, № 7, 8), «Вынужденная добродетель» (1932, № 11–12). Спор Лукача с популярным пролетарским писателем и журналистом Вилли Бределем и автором круга Брехта Эрнстом Оттвальтом разворачивался вокруг вопросов стиля и характера новой пролетарской литературы. Лукач выступал против заимствования у модернизма литературной техники, близкой «новой предметности»: документального стиля, репортажа, приема «чистого описания фактов», считая стиль «репортажа» оборотной стороной господствовавшего ранее в буржуазной литературе психологизма; в том и другом случае автор, согласно Лукачу, ограничи-

вается описанием разрозненных фактов – переживаний либо внешних состояний героев. Лукач видел в этом признаки фетишизации явлений буржуазного мира – вместо требуемой от художника «целостности» объективного отражения действительности. Позиция Лукача в «Линкскурве» начала 30-х продолжала установку на позитивное восприятие наследия классической литературы (Бальзак, Толстой) и объективное художественное воспроизведение действительности, которая была заявлена еще в его критических статьях в «Роте фане» 1922–1923 гг. Теперь вместо дадаизма объектом дискуссий оказались «коммунистический натурализм» Бределя и стилевые новации модернизма (Кафка, Джойс, Дос Пассос и Деблин). Кроме того, в дискуссиях в Союзе пролетарско-революционных писателей начала 30-х гг. (особенно по вопросу о «наследии») Брехт и Отгвальт были единомышленниками оппонентов Лукача («слева» – Биро и Комьята (*Gallas H. Die Linkskurve*. S. 157.) Отставание Лукачем принципов «высокого реализма» предвосхищает его аргументацию в знаменитом «споре об экспрессионизме» 1936–1937 гг. (когда противниками «московской группы» Лукача, Куреллы и Д.Хая были эмигранты Брехт, Эрнст Блох и Ганс Эйслер).

³⁰ В Берлине Лукач учился один семестр, у Г.Зиммеля в 1906 г.

³¹ Рукопись статьи Лукача (она первоначально называлась «Роль теории мифа в национал-социалистической пропаганде») была подготовлена им для сборника «Против фашистской демагогии и мракобесия» (М., Соцргиз, 1936). Перевод с немецкого выполнен В.К.Брушлинским. Редактировал статью М.А.Лиф пиз (Архив РАН. Ф. 355. Оп. 5. Д. 63. Л. 1–104). В сборнике статья вышла под названием «Фашизм и теория литературы в Германии».

³² Имеется еще один отзыв Деборина на эту статью Лукача – от 26 ноября 1935 г. В нем отмечается два недостатка статьи: то, что «т. Лукач неправильно отождествляет „принцип подражания“ с „принципом отражения“ в литературе», и то, что в статье «нет ни слова о социалистическом реализме» (Архив РАН. Ф. 335. Оп. 5. Д. 77. Л. 43).

³³ Каммари М.Д. (1898–1965) – философ, член-корр. АН СССР, в 1935 г. и. о. директора Института философии Комакадемии.

³⁴ Речь идет о VII Конгрессе Коминтерна (июль–август 1935 г.), выступившем с программой антифашистского Народного фронта.

³⁵ Отсылка к Сочинениям Г.В.Плеханова, т. 1–24. М.–Л., 1923–1927.

³⁶ В статье Лукача рассматривается проникнутый духом фашистской социальной демагогии роман Вальтера Карша «Партайгеноссе Шмидеке» (*Karsch W. Parteigenosse Schmideke*).

³⁷ Лукач коротко характеризует в своей статье отношение А.Розенберга к Достоевскому, которого тот в своей книге «Миф XX века» (*Der Mythos des 20. Jahrhunderts*) отнес, наряду с Р.Вагнером, к числу истинных выразителей «духа одиночества», характерного для «истинной» западной культуры.

³⁸ Несмотря на ходатайства коллег и постановления квалификационной комиссии Института философии, аттестационная комиссия Комакадемии отказала Лукачу в просьбе о присвоении ученой степени доктора философии или литературоведения без защиты диссертации. Степень доктора философских наук Лукач получил лишь в 1943 г. после того, как в конце декабря 1942 г. защитил диссертацию в Институте философии АН СССР (см. док. 45–47).

³⁹ Речь идет о кн.: *Bloch E. Erbschaft dieser Zeit*. Zürich, 1935.

⁴⁰ *Marx K. Der Historische Materialismus*. Bd. 1–2. Leipzig, 1932.

⁴¹ Речь идет о Якобе Майере (род. 1903), который с конца 1920-х гг. работал в Архиве СДПГ надписанием работы о молодом Марксе (см. письма в Институт Маркса–Энгельса представителя Института в Германии – Б.И.Николаевского, РГАСПИ. Ф.71. Оп. 50. Д. 20). Майер обнаружил в Архиве СДПГ текст «Философско-экономических рукописей 1844 г.» и был одним из инициаторов обсуждения вопроса о правомерности передачи Эдуардом Бернштейном в конце 1924 г. прав на издание произведений Маркса и Энгельса издательскому обществу «Маркс-Энгельс-Архив», действовавшем сначала во Франкфурте-на-Майне (под руководством Феликса Вайля), а с 1929 г. – в Берлине (руководитель – Ганс Егер). (*Bahne S. Zur Geschichte der ersten Marx-Engels-Gesamtausgabe // Arbeiterbewegung und Geschichte. Festschrift für Shlomo Na'aman zum 70. Geburtstag. Schriften aus dem Karl-Marx-Haus. № 29. 1989. S. 151–152.*) После разрыва отношений между московским Институтом Маркса и Энгельса и партийным архивом СДПГ (1929 г.) в начале 30-х появились сразу две публикации текста «Экономическо-философских рукописей Маркса»: в двухтомнике «Исторический материализм», выпущенном З.Ландсхутом и Я.Майером, и в третьем томе первого отдела МЭГА (Международного академического собрания сочинений Маркса и Энгельса). См. также: *Mayer P. Die Geschichte des sozialdemokratischen Parteiarchivs und das Schicksal des Marx-Engels Nachlasses // Archiv für Sozialgeschichte. Bd. VI–VII. 1967. S. 70–76.*

В интервью журналу «Нью лефт ревью» (1970–1971) Лукач вспоминал о своей работе по подготовке к печати ранних произведений Маркса в период его работы в Институте Маркса и Энгельса в 1930–1931 гг.: «Рязанов познакомил меня с рукописями, которые Маркс писал в Париже в 1844 г. Вы можете ясно представить, как это меня взволновало. Находившийся в Советском Союзе немецкий ученый работал над рукописями, готовя их к публикации. Манускрипты были испорчены мышами. Некоторые слова были пропущены, так же, как и буквы в словах. В силу своей философской подготовки я работал с ним над тем, чтобы определить пропущенные буквы или слова... Опубликованная в результате версия была, по-моему, весьма хороша; я это знаю, потому что был включен в подготовку издания» *Lukacs G. Record of a Life. An Autobiographical Scetch. Ed. By I.Eörsi. London: Verso, 1983. P. 197.* В рецензии на 6 том МЭГА, помещенной в 1933 г. в «Журнале социальных исследований» ИСИ, Лукач – как непосредственный участник процесса – отметил, что только помещенный в МЭГА текст «Экономическо-философских рукописей» может претендовать на научную достоверность (*Zeitschrift für Sozialforschung. 1933. Jg. II. N. 2. S. 280.*)

⁴² Ландсхут Зигфрид (1897–1968) – философ и социолог, ученик Э.Гуссерля, М.Шелера и М.Хайдеггера, в 1932–1933 гг. – приват-доцент Гамбургского университета. Эмигрировал в Палестину, затем в Великобританию, с 1951 г. – в ФРГ.

⁴³ *Landshut S. und Mayer J.P. Die Bedeutung der Frühschriften von Marx für ein neues Verständnis // Marx K. Der Historische Materialismus. Bd. 1–2. Leipzig, 1932.* В этом предисловии особенно подчеркивалась значимость понятия «отчуждения» как центральной категории марксистской философии.

⁴⁴ Фрайер, Ганс (1887–1969) – немецкий социолог и социальный философ, один из создателей теории «индустриального общества». В начале 1930-х гг. придерживался радикально правой и одновременно – специфически антибуржуазной ориентации. Автор книг «Государство» („Der Staat“) (1925), «Революция справа» („Revolution von rechts“) (1931).

⁴⁵ Имеется в виду книга «Социология как наука о действительности. Логические основания системы социологии» (Лейпциг, 1930). Противник неокантианской социологии М. Вебера, Фрайер ориентировался на антропологическую традицию и гегелевскую философию права, отстаивая понимание социологии как изучения социального действия, которое, в свою очередь, понималось как экзистенциальный поступок и волеизъявление связанных всеобщим нравственным духом (государством) индивидов, в отличие от утилитарно-буржуазного духа «гражданского общества». См.: Давыдов Ю.Н. Х. Фрайер: Критика учения М. Вебера с позиций правого гегельянства // Социологические исследования. 1996, № 1.

⁴⁶ Маннхейм Карл (1893–1947) – немецкий социолог венгерского происхождения, с 1933 г. в Великобритании. В 1915–1918 гг. соратник Д. Лукача по Воскресному обществу в Будапеште.

⁴⁷ Возможно, имеется в виду Датт (Datt) Раджани Палм (1896–1974) – английский коммунист, работавший в 30-х гг. в Москве.

⁴⁸ Дискуссионные вечера берлинской группы SDS проходили обычно в кафе «Виттельсбах»; кроме того, в январе и феврале 1933 г. были выпущены 2 номера газеты «Оппозиционный писатель», в противовес официальному органу SDS «Писатель». Отличительной чертой Союза защиты немецких писателей, в сравнении со строго ориентированным на КПГ Союзом пролетарско-революционных писателей, была возможность для идеологов КПГ, в т.ч. Лукача, вести в его рамках широкие дискуссии с представителями левого и леволиберального лагеря.

⁴⁹ Имеется в виду Людвиг Маркузе (1894–1971) – немецкий литературовед, ученик Э. Трельча. Сотрудник таких либеральных изданий, как «Вельтбюне», «Фосшише цайтунг» и др. С 1933 г. – в эмиграции во Франции и США. Упомянутые ниже книги – «Революционер и патриот. Жизнь Людвиг Берне», Лейпциг, 1929 и «Генрих Гейне», Берлин, 1935.

В 1937 г. вместе с Л. Фейхтвангером, пишущим опровержение на книгу Жида об СССР, Л. Маркузе побывал в СССР. об этой поездке и о встрече с Лукачем он вспоминал несколько десятилетий спустя: «Лукач, мой учитель, которого я всегда уважал, кроткий диалектик, никогда не хватавший противника, но вежливо указывающий ему на место, однажды смертельно меня испугал. Это было на банкете, во время которого произносились бесконечные здравицы в честь Испании. Я не узнал Лукача, тихого и гуманного приверженца догмы. Его облик исказился. Стал виден палач. И я видел, что он может подписать и мой смертный приговор. Эта картина глубоко запечатлелась в моей памяти». *Marcuse L. Mein Zwanzigste Jahrhundert. Auf dem Weg zu einer Autobiographie.* Fr. a. M.; Fischer, 1968. S. 186. В другом месте он говорит применительно к Лукачу о «соединении искусства и враждебности искусства в одном лице» (S. 198).

Возможно, в этом воспоминании сказалось искажающее воздействие времени, хотя известно, что Лукачу неоднократно приходилось публично выступать с осуждением «врагов народа» и призывами к бдительности. Одно из таких выступлений

состоялось 5 сентября 1936 г. на закрытом партсобрании немецкой комиссии Союза Советских писателей, начавшегося через десять дней после окончания первого из московских процессов против Каменева–Зиновьева. Свою речь Лукач начал с самокритики, признавая общую с Габором, Бехером и Гансом Гюнтером ответственность за состояние дел в эмиграции (хотя сам не входил в немецкую комиссию). Большая же часть речи и заседания была посвящена делу Карла Шмюкле (1898–1938) (с которым Лукач работал еще в начале 30-х гг. в ИМЭ над расшифровкой «Экономическо-философских рукописей 1844 года» Маркса). Лукач, ругая уже разоблаченного Шмюкле, взял под защиту Андора Габора. Осудил он и «неслыханный случай» нарушения дисциплины, когда Бехер и Гюнтер самовольно ушли с одного из предыдущих собраний Союза писателей, на котором речь шла о коллективном выступлении писателей в связи с процессом Каменева и Зиновьева; но в целом выступление Лукача трудно назвать кровавым (см.: *Die Säuberung. Moskau 1936. Stenogramm einer geschlossenen Parteiversammlung.* Hrsg. von R. Müller. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1991. S. 184–196).

Вместе с тем нельзя отрицать, что в атмосфере конца 30-х гг. Лукачу приходилось защищать СССР не «вообще», а конкретный сталинский режим. Об этом свидетельствует, например, подписанная Лукачем вместе с Габором, Балажем, Хаем и др. венгерскими писателями обращение «Позор предателям» (где отвергался протест Рабочего социалистического интернационала по поводу процесса Зиновьева). См.: Лит. газета, 1936, № 53, 20 сентября 1936 г. (приговор был вынесен 24 августа).

⁵⁰ Из текста неясно, о ком именно идет речь.

⁵¹ Эрнст Блох (1885–1977) известный немецкий философ, ближайший друг Лукача по Гейдельбергу в 1912–1916 гг. (познакомились они еще на семинаре Г. Зиммеля в Берлине в 1906 г.) Даже после охлаждения личных отношений и несмотря на политические расхождения Лукач и Блох сохранили друг к другу взаимную симпатию, и в частности, поддерживали переписку. Вопреки участию в известном «споре об экспрессионизме» 1936–1939 гг. с противоположных позиций, в политическом отношении во второй половине 1930-х гг. и Блох в Америке, и Лукач в СССР одинаково безоговорочно поддерживали «реальный социализм» – включая и показательные «московские процессы». Оба воспринимали Советский Союз как единственную силу, способную остановить фашизм.

Книга Блоха «Наследие нашего времени» (1935) также обсуждалась коммунистической эмиграцией в контексте полемики о связи сознания, в т.ч. художественного, с политической позицией его носителя (см. рецензию Ганса Гюнтера в «Интернациональной литературе», 1936, № 6). Рецензия Лукача на «Наследие нашего времени», написанная в середине 1930-х гг., была опубликована только полвека спустя (*Ernst Bloch und Georg Lukacs – Dokumente zum 100. Geburtstag.* Budapest, 1985).

⁵² Отчет о заседании под заголовком «Друзья и враги диалектического материализма за рубежом» опубликован в журнале «Под знаменем марксизма», 1936, № 6. Дата заседания – 11 и 17 февраля 1936 г. Опубликованный отчет значительно расходится с архивной стенограммой, особенно в выступлении Рудаша с критикой Лукача.

⁵³ Имеется в виду Сидни Хук (1902–1989), известный американский философ, ученик Д. Дьюи. В своих работах начиная с 1930-х гг. пытался соединить прагма-

тизм Дьюи с материализмом и социальным активизмом Маркса. Хук придерживался левых политических взглядов, в 1928 г. он побывал в Берлине, где, в частности, встречался с К. Коршем, а летом 1929 г. находился в Москве в Институте Маркса–Энгельса по приглашению Д.Б.Рязанова (об этом он вспоминает в своей автобиографии: *Hook S. Out of step*. N.Y.: Cartol & Graf Publishers Inc., 1987 Ch. 8, 9). Обсуждаемая Рудашем книга – работа Хука «От Гегеля к Марксу» (1936).

⁵⁴ Так в документе. Речь идет о книге «История и классовое сознание».

⁵⁵ В 1934 г. Лукач выступил на научной сессии Института философии, посвященной 25-летию со дня выхода в свет «Материализма и эмпириокритицизма», и подверг критике некоторые положения «Истории и классового сознания» (см.: Под знаменем марксизма. 1934, № 4. С. 140).

⁵⁶ Габор Андор (1884–1953) – венгерский поэт, публицист левого направления. После 1919 г. эмигрировал в Австрию, с 1925 г. жил в Париже, затем в Берлине, участвовал в работе КПГ, публиковался в «Роте фане», входил в редколлегия журнала «Линкскурве». В 1933–1945 гг. – в эмиграции в СССР, с 1938 г. редактор венгерского журнала «Уй ханг».

⁵⁷ См. прим. 29.

⁵⁸ Первым председателем Берлинской группы SDS, большинство в которой принадлежало оппозиции, был либеральный писатель Гейнц Поль [Pol, сокращ. Pollak] (1901–1972), до 1933 г. – редактор «Фоссисше цайтунг» («Vossische Zeitung») – сотрудник «Вельтбюне» («Weltbühne»), автор политических романов «Или – или» (1929) и «Патриоты» (1931). В статьях конца 1920-х гг. критикует КПГ фактически с троцкистских позиций (псевдоним – Якоб Линкс). В эмиграции активно сотрудничал в «Нойе вельтбюне», после 1940 г. – в США. См.: *Aktionen. Bekentnisse. Perspektiven. Berichte und Dokumente vom Kampf um die Freiheit des literarischen Schaffens in der Weimarer Republik*. Berlin und Weimar, 1966. S. 624, 632.

⁵⁹ Витфогель Карл-Август (1896–1988) – немецкий историк, социолог и драматург, один из самых заметных деятелей КПГ в среде немецких интеллектуалов периода Веймарской республики. Активист социалистического студенческого движения, Витфогель вступил в КПГ в конце 1920 г. в составе левой части НСДПГ вместе с Карлом Коршем и др. Один из создателей и сотрудников Франкфуртского института социальных исследований, он вместе с Лукачем участвовал в Первой марксистской рабочей неделе в Тюрингии весной 1923 г., послужившей импульсом к началу работы этого института. Член Союза защиты немецких писателей, с 1929 г. – редактор «Линкскурве», а с 1930 г. – сотрудник Марксистской рабочей школы. Во всех этих организациях в 1931 – начале 1933 гг. Витфогель работал непосредственно с Лукачем. Следует отметить важные разногласия Лукача и Витфогеля в 1920-х гг. по ряду общефилософских вопросов (понимание Витфогелем марксизма по образцу «позитивной науки» расходилось с неогегельянскими установками Лукача периода «Истории и классового сознания»). В то же время в начале 1930-х гг. их позиции сближаются в ходе общей борьбы с левой фракцией Комьята и Биро-Розингера внутри Союза пролетарско-революционных писателей и в подчеркивании значимости Гегеля для развития марксистской эстетики. Именно в начале 1930-х гг. у Витфогеля начинаются сомнения в правильности партийной политики, которые после заключения пакта Молотова–Риббентропа 1939 г. приведут к отходу Витфогеля от коммунистического движения. С 1940-х гг. преподает востоковед-

ние в американских университетах; в послевоенный период недолгое время участвует в деятельности маккартистских комитетов по расследованию антиамериканской деятельности. Один из создателей теории «азиатского способа производства».

⁶⁰ Группа, связанная с национал-большевистским журналом Э.Никиша «Видерштанд» («Widerstand», «Сопrotивление»), основанным в 1926 г. после ухода Никиша из СДПГ. Одним из сотрудников журнала был Эрнст Юнгер. Внешнеполитическая ориентация на союз с СССР и антикапиталистическая риторика (а также интерес к советской плановой системе) были составной частью общего антилиберального и антизападнического мировоззрения этих «леваков справа», как назвал их западногерманский историк О.Шюддекопф. Журнал был закрыт в 1933 г. после прихода Гитлера к власти.

⁶¹ Круг журнала «Тат» («Die Tat»), возглавляемого с 1930 г. радикальным публицистом Гансом Церером (1899–1966). Церер и его единомышленники опирались на идеи экономической автаркии, «восточной» внешней политики и централизации хозяйства по советскому образцу. Предшественником Церера на посту руководителя «Тата» был Адам Кукхоф (см. прим. 148). Политически в конце 1932 г. Церер был близок последнему канцлеру Германии до прихода Гитлера к власти – генералу Курту фон Шлейхеру и Отто Штрассеру. Ориентированные на принципы журнала «кружки действия» создавались и в провинциальных немецких городах. Сотрудники «Тат» Гизелхерт Вирсинг (1907–1975) и Эрнст Вильгельм Эшман (1904–1987) вместе с Церером были участниками Арбплана (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 6. Д. 172. Л. 198–198 об).

⁶² О посещении Франкфурта в самом начале 1932 г. упоминается в монографии Л.Сиклаи о Лукаче (*Sziklai L. After the Proletarian Revolution. Georg Lukacs's Marxist Development 1930–1945*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992. P. 173). Темой большинства лекций была философия Гегеля, столетняя годовщина смерти которого (1931) способствовала возрождению интереса к гегельянству в Германии.

⁶³ MASCH (Marxistische Arbeiterschule) – Марксистская рабочая школа, создана КПГ в Берлине в 1926 г. как учебно-просветительное заведение, открытое для всех берлинских рабочих, где за незначительную плату проводились лекции и занятия, в том числе курсы лекций по марксизму (в числе преподавателей, помимо Лукача, были также сотрудник пропагандистского аппарата КПГ Герман Дункер, композитор Ганс Эйслер, Бертольд Брехт; несколько лекций в школе в октябре 1931 г. прочел Альберт Эйнштейн). Образцом для создания подобной школы в деле политического просвещения масс была Берлинская высшая школа политики, созданная в 1920 г. и руководимая либералами и социал-демократами. Основателем и руководителем школы был Йохан-Лоренц Шмидт (настоящее имя – Ласло Радвани, 1900–1978), муж Анны Зегерс, член КПГ с 1925 г. После эмиграции во Францию и Мексику в 1947 г. вернулся в Германию, занимал в ГДР посты директора Института политэкономии при Берлинском университете им. Гумбольдта, а также президента Союза немецких писателей.

⁶⁴ Основанием для таких обвинений служила деятельность Лукача в качестве политкомиссара дивизии (см. биографический очерк).

⁶⁵ К документу приложены краткие биографические сведения о Лукаче, характеристика его деятельности в КПГ и КПВ, а также рекомендации Э.Фурман, И.Р.Бехера и А.Габора (см. док. 8, 21, 22).

⁶⁶ Международная ленинская школа, организованная в 1926 г., готовила кадры для зарубежных компартий.

⁶⁷ Черномырдик М.Б. (1889–1937) – зав. сектором руководящих партийных органов отдела кадров ИККИ.

⁶⁸ А.А.Фадеев в 1937 г. был членом правления ССП.

⁶⁹ После возвращения из Германии Лукач с семьей около трех лет жил в гостинице.

⁷⁰ Подпись отсутствует. В том же деле (л. 55) имеется письмо секретаря немецкой секции ССП Ш.Барты ответственному секретарю ССП В.П.Ставскому с аналогичной просьбой.

⁷¹ Немецкий оригинал датирован 17.V.37.

⁷² Объединение «Международная книга» планировало издать на немецком языке сборник работ Лукача «К истории реализма» (М., 1939) (РГАЛИ, ф. 631, оп. 14, д. 438, л. 31). Выход книги не состоялся из-за изменения официального отношения к Лукачу в связи с критикой его взглядов в начале 1940 г., а также вследствие сокращения издания на немецком языке книг писателей-антифашистов после заключения пакта Молотова–Риббентропа.

⁷³ Ваго Бела (1881–1939) – с 1905 г. один из лидеров левого крыла венгерских социал-демократов, член КПВ со времени ее образования в 1918 г. В период советской республики 1919 г. нарком внутренних дел, командующий 1-м корпусом венгерской Красной Армии, затем – в эмиграции в Вене, Берлине, с 1933 г. – в СССР, непродолжительное время редактировал журнал венгерской коммунистической эмиграции «Шарло эш калапач» («Серп и молот»). В феврале 1938 г. арестован органами НКВД, 10 марта 1939 г. осужден к расстрелу по обвинению в создании контрреволюционной троцкистской шпионской организации.

⁷⁴ Имеется в виду Лендел Дюла (Ленгьел Юлиус) (1888–1941) – видный деятель венгерского коммунистического движения, нарком финансов советской республики 1919 г., ставший крупным советским хозяйственным деятелем. До 1922 г. находился в эмиграции в Австрии, затем работал в торгпредстве СССР в Германии, с 1930 г. – на руководящих должностях в Наркомате внешней торговли СССР. Арестован в 1937 г.

⁷⁵ Ленин высказался по поводу только одной статьи Лукача (см. прим. 21 к следственному делу).

⁷⁶ Корш Карл (1886–1961) – немецкий философ, в 1926 г. как один из лидеров ультралевой фракции был исключен из КПГ.

⁷⁷ Бордига Амадео (1889–1970) – итальянский социалист, с 1921 г. – коммунист левацкого толка и до 1923 г. лидер компартии Италии, в 1930 г. исключен из ее рядов.

⁷⁸ Ку Фредерик – американский журналист, в начале 20-х гг. был корреспондентом английской левобористской газеты «Daily Herald» в Вене, участвовал в работе созданного в июле 1920 г. информгентства «Rotes Wien» («Красная Вена»), где сотрудничали тогда также Лукач и Фогараш.

⁷⁹ Фишер Рут (1895–1961) – один из лидеров ультралевой фракции в КПГ в середине 1920-х гг. В 1925 г. отстранена от руководства, в 1926 г. исключена из партии.

⁸⁰ Под северными синдикалистами, Ваго, очевидно, имеет в виду сторонников левых течений в КПГ начала 1920-х гг. – группу т. н. «бременских радикалов» во главе с голландцем Антонином Паннекуком (1873–1960), выделившихся в СДПГ еще в 1910-е гг. (см. полемику Каутского и Паннекука по вопросам всеобщей политической стачки в 1911–1913 гг.) Особенно очевидными эти расхождения

стали во время первой мировой войны, когда в конце 1915 г. в Бремене была создана левая группа «Интернациональные социалисты Германии» (Пауль Фрелих, Карл Радек, Йоганн Книф и др.), активно участвовавшая в работе Циммервальдской левой. Наряду с «Союзом Спартака» (Р.Люксембург, К.Либкнехт, К.Цеткин), входившим в выделяющуюся весной 1917 г. Независимую Социал-демократическую партию Германии, «Интернациональные социалисты Германии» (с конца ноября 1918 г. группа стала называться «Интернациональные коммунисты Германии») стали основой созданной 30 декабря 1918 г. Коммунистической партии Германии. Основные расхождения левых коммунистов с Центральным руководством КПГ (во главе с Паулем Леви) наместились после принятия 2-м съездом КПГ в Гейдельберге (октябрь 1919 г.) «Тезисов о коммунистических принципах и тактике», где признавалась необходимость участия партии в парламентской деятельности и работы в контролируемых социал-демократами профсоюзах. Эти тезисы, подтвержденные на 3-м съезде КПГ в феврале 1920 г., были отвергнуты на заседаниях окружкомов Севера (Бремен), Северо-Запада (Гамбург), в Берлине Нижней Саксонии (Ганновер) и др., которые образовали 4–5 апреля 1920 г. Коммунистическую рабочую партию Германии, опирающуюся на созданный в феврале 1920 г. Всеобщий рабочий Союз (Allgemeine Arbeiter-Union). Поскольку соотношение значимости в связке «класс-партия» трактовалось ими в пользу первого, в отличие от классического большевизма, их иногда именовали синдикалистами, хотя взгляды левых коммунистов не были тождественны анархо-синдикалистским. В этой партии, по разным оценкам, состояли вначале от трети до большей половины членов КПГ (с ноября 1920 г. по сентябрь 1921 г. она входила в Коминтерн), однако была вскоре ослаблена из-за расколов, самым заметным из которых было исключение в ноябре 1920 г. гамбургской группы национал-большевиков во главе с Генрихом Лауфенбергом и Фридем Вольфгеймом (которые затем были близки к левым националистам, что в общем давало Ваго некоторые основания говорить о политическом арлекинстве – слева направо, не говоря о том, что Паннекук и его сторонники не прекращали политической деятельности и с 1921 г. занимали последовательно антимосковскую крайне левую линию в рабочем движении).

⁸¹ Правильно: Хайош Эдит (1889–1975) – врач, первая жена Б.Балажа. В 1919 г. с миссией Красного Креста приехала в Россию, где вступила в РКП(б). С 1920 г. работала в советских загранучреждениях в Вене, Италии и Германии, откуда в 1933 г. уехала в Лондон. До 1939 г. участвовала в работе компартии Англии. В 1949 г. вернулась в Венгрию, где была незаконно арестована. После освобождения в ноябре 1956 г. из тюрьмы уехала в Англию, занималась литературной деятельностью. (Мемуары Э.Хайош: *Bone E. Seven Years Solitary*. London, 1957.)

⁸² Имеется в виду Альфред Шентаг, муж Эммы Реван (Фурман). В фондах Комиссии ЦК ВКП(б) по переводам из братских компартий в РГАСПИ сохранился характеризующий его документ: «Из протокола № 226 заседаний Комиссии по переводу членов иностранных компартий в ВКП(б) от 8 сентября 1932 г.:

[...] 7. О переводе тов. Шентаг Альфреда (Карл Штейнер), члена компартии Германии, с 1924 по 1929 г. – члена КП Венгрии. Родился в 1886 г. Служащий – инженер. Образование – высшее. Работал в нелегальном аппарате КП Венгрии. Во время ареста Бела Куна был раскрыт и уехал в Чехословакию и выполнял задания по нелегальной работе КП Венгрии. В 1929 г. перешел на работу в торгпредство

Берлина. Принимал активное участие в подготовке забастовки металлистов в 1932 г. Участвовал в окружной газете и распространял листовки. Окружком партии Берлин-Бранденбург рекомендует в ВКП(б). В СССР с 25 сентября 1931 г., работает в Технопромимпорте и имеет положительный отзыв члена ВКП(б) – работника торгпредства Берлина. РЕЗОЛЮЦИЯ: Отложить. Запросить отзыв от т. Бела Куна» (Ф. 17. Оп. 98. Д. 14. Л. 104).

Имеется также справка, свидетельствующая о том, что недоверие «органов» к Шентагу исходило от Б.Куна: «[...]В партийных кругах на Шентага пали подозрения в связи его с полицией и причастности его к провалам ряда подпольных организаций. По тем же подозрениям Шентаг был причастен к аресту тов. Б.Куна в Вене. В связи с этим Шентаг был от дальнейшей работы в аппарате ЦК Венг. компартии отстранен.

В декабре м-це 1929 г. вышеуказанный Шентаг был по рекомендации венгров-коммунистов, работающих в берлинском [торгпредстве] тт. Келена и Ленгиеля принят на работу в качестве инженера отдела разного оборудования. По сведениям полученным из ИККИ, Бела Кун полностью подтвердил вышеизложенное в отношении Шентага и считал его нахождение на работе в [торгпредстве] нежелательным. Начальник 7-го Отд. ИНО ОГПУ [Самсонов?]) (Там же. Ф. 17 Оп. 98. Д. 21. Л. 158).

⁸³ Имеется в виду Бела Секей.

⁸⁴ Имеется в виду писатель Шандор Гергей.

⁸⁵ Маца Янош (И.А.) (1893–197.) – писатель, искусствовед, в 1917 г. включился в деятельность левоавангардистского журнала «Ма» Л.Кашшака, после 1919 г. эмигрировал в Словакию, затем в Вену, в 1923 г. поселился в СССР. В 1928–1934 гг. преподавал искусствоведение в МГУ, с 1934 г. работал в Московском архитектурном институте.

⁸⁶ Матейка Янош (Иоганн) (1895–1940) – писатель, журналист, активный участник революционных событий 1919 г. в Венгрии, за что был приговорен к смертной казни, но случайно уцелел во время расстрела; в 1921 г. по обмену прибыл в СССР. В 1925–1932 гг. – секретарь венгерской секции Международного бюро революционной литературы и МОРП, член редколлегии венгерского журнала «Шарло» («Шарло» – калапач), работал в аппарате ИККИ, ИМЭ, ИМЛП им. Горького. В марте 1938 г. арестован органами НКВД, в сентябре 1938 г. осужден к 5 годам заключения по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже, погиб в лагере.

⁸⁷ Балаж (Балаш) Бела (1884–1949) – венгерский писатель, теоретик кино; принадлежал к кругу друзей Лукача, участвовал в работе Воскресного общества и театрального общества «Талия», в 1919 г. работал в наркомате просвещения Венгерской советской республики, после поражения которой эмигрировал в Вену, в 1926 г. – в Берлин; в 1931–1945 гг. жил в СССР.

⁸⁸ Барта Шандор (1897–1938) – венгерский писатель, левый авангардист, с 1920 г. в эмиграции в Австрии, с 1925 г. – в СССР, был председателем немецкой секции ССП. В январе 1938 г. возглавил венгерский журнал «Уй ханг». В марте 1938 г. арестован НКВД и приговорен к расстрелу как «агент, завербованный Белой Ваго» (см.: *Illés L. KGB-akták vallomása magyar írói sorsokról.* In: *Feltáratlan értékek a magyar irodalomban.* Szerk. Szabó B.I. Bp., 1994. 296. old.).

⁸⁹ Имеется в виду Зайдлер Эрнэ (1886–1940) – деятель венгерского рабочего движения, в 1915–1918 гг. – военнопленный в России, где вступил в компартию; в

1918 г. один из основателей КПВ, в период Венгерской советской республики 1919 г. – на руководящих военных и дипломатических постах; после 1919 г. – в эмиграции в Братиславе, Берлине, в 30-е гг. занимался хозяйственной работой в СССР. Арестован НКВД в 1937 г.

⁹⁰ «Старуха Штрайкер» – Лаура Полани (1882–1959), старшая сестра Карла и Мишеля Полани. Одна из первых женщин, закончивших университет в Венгрии, жена предпринимателя Шандора Штрайкера, читала лекции в Социологическом обществе, печаталась в «Сабадгондолат». В 1911–1913 гг. организовала частную школу для детей 5–6 лет на новых принципах, где воспитывался, в частности, Артур Кёстлер. В 1918 г. глава женской секции радикальной партии О.Яси, сотрудничала с М.Каройи. После 1932 г. переезжала вместе с дочерью Евой в Берлин, Москву, затем Вену, Лондон и Нью-Йорк (см.: *Vezér E. The Polányi Family // New Hungarian Quarterly.* Winter 1987. № 108. Pp. 103–104).

⁹¹ Штрайкер Ева (р. в 1906 г.) – училась в Академии изящных искусств, талантливый дизайнер в области керамики; с 1926 г. выставлялась за рубежом и в Венгрии. В 1926–27 гг. работает дизайнером на заводе керамики в Кишпеште. В 1927–28 гг. в Германии совершенствуют художественные приемы. В конце 20-х гг. в Будапеште сотрудничает с дадаистской театральной группой «Зеленый осел». После переезда в начале 1932 г. в Советский Союз работает на Ломоносовском фарфоровом заводе в Ленинграде, а с 1934 г. – на фабрике керамики в Дулево. Вскоре после переезда вышла замуж за Александра Вайсберга и жила в Харькове, где в их квартире останавливался в начале и завершении своего путешествия по СССР А.Кёстлер. В 1936 г. она была арестована и после двух с лишним лет пребывания в тюрьме (где она попыталась покончить с собой – *Congdon L. The Origins of Polanyi's Neo-Liberalism // Polanyiana.* 1992, № 1/2. P. 102) неожиданно была отпущена в Вену вместе с матерью (сентябрь 1938 г.). Она, в частности, обвинялась в том, что готовилась убить Сталина и якобы использовала свастику в орнаменте изготавливаемых ею изделий. См. отрывки из мемуаров ее мужа: *Váicsberg A. Россия в горниле чисток.* В кн.: *Лейтунский А.И. Избранные труды.* Киев: Наукова думка, 1990. С. 273–274. Информацией Евы Штрайкер воспользовался Артур Кёстлер при написании знаменитого антисталинского романа «Спящая тьма» (1940).

⁹² Вайсберг Алекс (Александр Семенович) (Weissberg-Cybulsky, A.) (1901–1964) – родился в семье богатого еврейского коммерсанта в Кракове, с 1907 г. – в Вене, с 17 лет примыкает к молодежному студенческому движению, член социал-демократической, с 1927 г. – Коммунистической партии Австрии. Физик. В 1931 г. переезжает на работу в Советский Союз в Украинский физико-технический институт под руководством А.И.Лейтунского; редактировал в УФТИ по поручению Бухарина журнал советской теоретической физики на английском и немецком языках (в числе сотрудников института и друзей Вайсберга был Л.Д.Ландау). Арестован 1 марта 1937 г. по обвинению в антисоветской деятельности; его фамилия также не раз упоминается в следственном деле Льва Ландау, сбегавшего из Харькова и арестованного в Москве (см. Лев Ландау: один год в тюрьме // *Известия ЦК КПСС.* 1991, № 3. С. 140, 143, 153). По инициативе Артура Кёстлера три Нобелевских лауреата – А.Эйнштейн, И. и Ф.Жолио-Кюри, а также Ж.Перенн отправили Сталину и Вышинскому письма в защиту Вайсберга и другого арестованного в Харькове немецкого физика – Фридриха-Георга Хаутерманса, позднее

высланного из СССР. После заключения пакта Молотова–Риббентропа 5 января 1940 г. вместе с группой немецких коммунистов (в т. ч. вдовой Хейнца Ноймана – Маргарет Бубер-Нойман.) передан в руки гестапо. Находился в концлагерях на территории Польши, откуда бежал в 1943 г. и участвовал в деятельности польского антифашистского подполья под псевдонимом Цыбульский. После повторного ареста и побега сражался с гитлеровцами во время Варшавского восстания. После окончания войны некоторое время жил в Польше, затем работал в Швеции и, наконец, в Лондоне и Вене. После 1945 г. неоднократно публично свидетельствовал о наличии системы лагерей для политзаключенных в СССР. История его пребывания в СССР изложена в его обширных мемуарах: *The Accused. Politcrimes and Offence in Russia*. N. Y., 1951; *Hexensabbat. Russland im Schmelzriegel der Säuberungen*. Fr. a. M., 1951.

⁹³ Комор Имре (1902–1966) – венгерский журналист, историк, один из основателей КПВ в 1918 г. В 1922 г. за участие в организации подпольного коммунистического движения был арестован в Венгрии и приговорен к 12 годам заключения; в 1924 г. будучи освобожден советским правительством в обмен на венгерских военнопленных приехал в СССР, занимался нелегальной работой за рубежом, с 1927 г. работал в ИМЭ, в 1929–1933 гг. – главный редактор издававшейся в Москве газеты «Дойче централцайтунг» («Deutsche Zentralzeitung»), в 1933–1936 гг. в качестве члена Загранбюро КПВ – на нелегальной работе в Праге, Париже и Будапеште. В 1937 г. арестован НКВД, до 1946 г. отбывал заключение. После возвращения в Венгрию возглавлял редколлегию ряда партийных изданий.

⁹⁴ Ландор Бела (1899–1973) – венгерский историк, журналист, деятель КПВ, в 1920 г. эмигрировал в Вену, в 1923 г. – в СССР. В 1928 г. был арестован в Венгрии, куда был направлен для организации партийной работы в качестве члена подпольного секретариата. В хортистской тюрьме находился до 1934 г.

⁹⁵ Карикаш Фридеш (1891–1938) – венгерский писатель, деятель компартии; в 1917–1918 гг. в качестве военнопленного принимал участие в революции и гражданской войне в России; в период советской республики 1919 г. – политкомиссар одной из бригад венгерской Красной Армии; после поражения эмигрировал в Вену, затем в СССР; неоднократно выезжал на подпольную работу в Венгрию; в 1932 г. был арестован хортистской полицией, в 1935 г., после освобождения, снова выехал в СССР. В марте 1938 г. арестован НКВД, в мае 1938 г. приговорен к расстрелу по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже.

⁹⁶ В РГАСПИ, ф. 495, оп. 199, д. 181, л. 33–37, хранится еще одна информация Б.Ваго, датированная 13 ноября 1937 г. Она дополняет публикуемый документ сведениями «о группе Ленгеля». «По моему мнению, – отмечает, в частности, Ваго, – Лукач является политически разлагающей силой [...] Наш последний опыт показывает, что там, где имеются политические ошибки, уклоны и беспринципность, там подкарауливает троцкизм и шпионаж. Лукач может быть большим знатоком литературы. Он, правда, обладает большими знаниями, но мне кажется, что его дружбы не случайны. Политический путь Лукача вымощен политическими ошибками, и его спутниками на этом пути являются Ленгел, Хайош, Левингер, Норман и т. д. и т. д.». Немецкий оригинал документа – там же, л. 38–40.

⁹⁷ Арнольд Цвейг (1887–1968) – немецкий писатель, в 1938 г. жил в Швейцарии.

⁹⁸ См. рецензию Лукача: Воспитание под Верденом (Роман Арнольда Цвейга) // *Литературное обозрение*, 1937, № 10.

⁹⁹ Ошибка переводчика. Цвейг пишет о Гансе Файхингере (Vaihinger) (1852–1933) – философа-позитивисте, представителе т. н. фикционализма с его центральным принципом «als ob» («как если бы»).

¹⁰⁰ Речь идет о работе Лукача «Теория романа», вышедшей отдельным книжным изданием в Берлине в 1920 г. (журнальная публикация – 1916).

¹⁰¹ Эдмунд Гуссерль (1859–1938) – немецкий философ, основатель феноменологии. А.Цвейг, вероятно, накануне первой мировой войны слушал лекции Гуссерля в Геттингенском университете.

¹⁰² Международный философский журнал «Логос» издавался с 1910 г. одновременно в Гейдельберге и Петербурге (некоторое время – в Москве, в изд-ве «Мусагет»), объединял академических философов самых разных направлений – от неокантианцев Риккерта и Виндельбанда до представителей «философии жизни» Зиммеля и Дильтея. На страницах этого журнала выступали и русские философы. Лукач участвовал в работе этого журнала, опубликовав в нем, в частности, фрагменты своей незавершенной гейдельбергской эстетики («Die Subjekt-Objekt Beziehung in der Ästhetik») и исследование «Die Metaphysik der Tragödie».

¹⁰³ Вероятно, речь идет о статье Лукача «Schillers Theorie der modernen Literatur», опубликованной в журнале «Internationale Literatur. Deutsche Blätter», 1937, № 3, 4.

¹⁰⁴ Роман «Einsetzung eines Königs» (1937) переводят обычно как «Возведение на престол».

¹⁰⁵ Имеются в виду внутренние рецензенты издательства.

¹⁰⁶ Речь идет о стихотворении Брехта „Legende von der Entstehung des Buches Taoteking auf dem Weg des Lao-tse in die Emigration“ («Легенда о создании книги „Дао Дэ Дзин“ на пути Лао-цзы на чужбину»). См.: *Брехт Б. Стихотворения*. Рассказы. Пьесы. М., 1972, с. 187–189, пер. Д.Самойлова.

¹⁰⁷ «Internationale Literatur (Deutsche Blätter)».

¹⁰⁸ Имеется в виду статья «Спор идет о реализме» // *Интернациональная литература*, 1938, № 12. На нем. яз. Es geht um den Realismus // *Das Wort*, 1938, № 6.

¹⁰⁹ Б.Брехт, очевидно, в первую очередь имеет в виду Т.Манна, которого в это время высоко ценил Лукач.

¹¹⁰ Российская ассоциация пролетарских писателей. Основана в 1920 г. как ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей). Распущена в результате постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Выдвигала задачу создания узкокласовой пролетарской литературы, противостоящей литературе буржуазной. В практической деятельности РАПП это вело к недооценке культурного наследия, классической литературы как «классово чуждой», а также к отрицательному отношению к современным непролетарским писателям, в том числе и стоявшим на платформе советской власти – так называемым «попутчикам», подвергавшимся гонениям со стороны прессы РАПП.

¹¹¹ Готфрид Келлер (1819–1890) – немецкоязычный швейцарский писатель, отразивший в своих романах и новеллах противоречия капиталистического развития Швейцарии. В связи с юбилеем писателя, которого он считал одним из крупнейших представителей немецкой литературы после Гете, Лукач опубликовал статью

«Готфрид Келлер. К 120-летию со дня рождения» (Лит. газета. 1939, № 40), а также брошюру на немецком языке (*Lukacs G. Gottfried Keller. Staatsverlag der nationalen Minderheiten der UdSSR, Kiew, 1940*).

¹¹² Аппетин М.Я. – зам. председателя Иностранной комиссии ССР.

¹¹³ По-видимому, речь идет о Г.Манне, в 1933–1940 гг. жившем в эмиграции в Париже, и Т.Манне.

¹¹⁴ Имеются в виду влияние венгерской действительности и культуры (в т. ч. поэзии Петефи) на австрийского поэта Н.Ленау (1802–1850), который родился и получил образование в Венгрии.

¹¹⁵ Вопрос был решен по-другому: в апреле 1941 г. Лукач был восстановлен не в ВКП(б), а в венгерской компартии.

¹¹⁶ Псевдоним деятеля болгарского социалистического и коммунистического движения Георгия Дамянова (1892–1958), в 1938–1941 заместителя, в 1942–1943 гг. – заведующего отделом кадров ИККИ, впоследствии – министра обороны и председателя Национального собрания НРБ.

¹¹⁷ Мольтке Георг (1889–?) – в конце 1940 г. – сотрудник отдела кадров ИККИ.

¹¹⁸ В Италии Лукач жил зимой 1911–1912 гг.

¹¹⁹ Имеется в виду противостояние в Институте К.Маркса и Ф.Энгельса в начале 30-х годов, когда ЦК ВКП(б) с помощью направленных в ИМЭ стажеров и зарубежных коммунистов создавал оппозицию директору института Д.Б.Рязанову, чьи взгляды и деятельность противоречили установкам генсека. Осенью 1930 г. им была инициирована дискуссия по философским вопросам, в ходе которой заместитель Рязанова академик А.М.Деборин был обвинен в «меньшевистском идеализме». Все закончилось арестом Рязанова, увольнением Деборина, который пытался покончить жизнь самоубийством. См: *Рокитянский Я., Мюллер Р.*, Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М., 1996. С. 103–104. В ходе перестройки ИМЭ Лукач, по сути, был уволен (см. док. 6), точнее, «отпущен» на работу в Германию.

¹²⁰ Книги «Эстетика Шиллера» и «Исторический роман» не были опубликованы в СССР. Последняя вышла позднее в ГДР: *Lukacs G. Der historische Roman. Berlin, 1955* (журнальный вариант на русском языке опубликован в 1937–1938 гг. в «Литературном критике»).

¹²¹ Пливье Теодор (1892–1955) – немецкий писатель-антифашист, в 1933–1945 гг. в эмиграции в СССР, автор книг «Сталинград», «Москва», «Берлин». После войны бежал в Западную Германию, затем жил в Швейцарии, активно разоблачая тоталитарную сущность советского строя.

¹²² Вайнерт Эрих (1890–1953) – немецкий поэт-антифашист, с 1933 до 1946 г. находился в эмиграции в СССР.

¹²³ Шаррер Адам (1889–1948) – немецкий писатель, автор романов из жизни пролетарских низов и крестьянства, в 1935–1945 гг. жил в эмиграции в СССР.

¹²⁴ Пик Вильгельм (1876–1960) – в это время председатель ЦК КПГ в эмиграции, впоследствии первый президент ГДР.

¹²⁵ Справка о данных организациях предназначалась Димитрову, о чем свидетельствует следующая сопроводительная записка, датированная 10 апреля 1941 г.: «Генеральному секретарю ИККИ тов. Димитрову Г.М. При сем препровождаю затребо-

ванную Вами справку о Союзе Работников Умственного Труда, Арбплане и их активистах. Зав. Отде.ом кадров ИККИ Гуляев» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 185. Л. 54).

¹²⁶ Есть все основания полагать, что запрос направлен через кадровый отдел Коминтерна из 5 отдела (разведка за границей) Главного Управления государственной безопасности НКВД, с декабря 1940 г. активизировавшего работу с Арвидом Харнаком, Адамом Кукхофом и другими бывшими деятелями Арбплана, Союза работников умственного труда и др., в руководстве которыми принимал участие Лукач.

¹²⁷ Учредительное заседание Арбплана (*Arbeitsgemeinschaft zum Studium der sowjetrussische Planwirtschaft [ARPLAN]*) состоялось 3 и 4 января 1932 г. В отчете о нем, подготовленном для советской стороны, основания «как теоретического, так и практического порядка» для создания Общества рисовались следующим образом: «Экономическое положение Германии и других стран в настоящее время настолько шаткое, что современная система хозяйства благодаря этому в сильнейшей степени дискредитирована. К этому добавляется еще то, что советское общественное хозяйство представляет собою огромный теоретический интерес, как особая форма взаимоотношений между государством и хозяйством». (Дух Рапалло. Советско-германские отношения. 1925–1933. Екатеринбург–Москва: Научно-просветительский центр «Университет», 1997. С. 247.

¹²⁸ В данном случае речь идет о Фридрихе Ленце, который был создателем и руководителем Общества.

¹²⁹ Отто Хетч (1876–1946) – профессор Берлинского университета, крупнейший специалист Германии по российской истории, основатель и один из руководителей Общества по изучению Восточной Европы. Принадлежит к правым политическим кругам Германии (до декабря 1929 г. он был членом Немецкой национальной народной партии), Хетч был последовательным сторонником «восточной ориентации» германской внешней политики на сближение с СССР. Уволенный после прихода нацистов к власти на пенсию, Хетч в 1945–1946 гг. выступал за взаимодействие с советскими властями в деле преобразования немецкой высшей школы. См. *Фойгт Г.* Научные воззрения и политическая деятельность немецкого историка Отто Хетча (1876–1946) // История и историки. 1978. М.: Наука, 1981.

¹³⁰ Грабовский Адольф (1880–1969) – основатель журнала «*Zeitschrift für Politik*» (1907), с 1921 по 1933 гг. – доцент берлинской Высшей школы политики. Консервативный теоретик и сотрудник журнала Общества по изучению Восточной Европы «Остевропа», Грабовский стал одним из первых в правом лагере подчеркивать наличие «аристократического элемента» в большевизме. В своей работе «Внепняя политика Советской России» (1930) и на учредительном заседании Арбплана Грабовский подчеркивал преемственность внешней политики царской России и Советского Союза (эта точка зрения была оспорена, в частности, Лукачем) (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 6. Д. 172. Л. 251). Приверженец геополитики, после эмиграции в Швейцарию в 1934 г., Грабовский основал в Базеле Архив мировой политики. Автор книг «Государство и пространство» (Берлин, 1928), «Пространство как судьба» (Берлин, 1933) и др.

¹³¹ Юнгер Эрнст (1895–1989) – со второй половины 1920-х гг. был близок к национал-революционерам; активно печатался в «Видерштадте» Э.Никиша. Член Арбплана.

¹³² Хильшер Фридрих (р. в 1902) – известный публицист национально-революционного направления, сторонник идеи «третьего рейха» М. ван ден Брука и восточной – скорее даже азиатской – направленности немецкой внешней политики.

После 1933 г. – один из деятелей организации по изучению «наследия предков» – «Аненэрбе», вошедшей затем в состав СС.

¹³³ Никиш Эрнст (1889–1967) известный политик и публицист национал-большевистского направления в Веймарской Германии. Член СДПГ с 1917 г. и НСДПГ в 1919–1922 гг. Никиш был председателем Центрального Совета Банарской Советской республики, а в середине 1920-х гг. – лидер «гофгейсмаровского кружка» молодых социал-демократов националистического направления (Hofgeismar Kreis der Jungsozialisten). После исключения из СДПГ в 1926 г. основал журнал «Видерштанд», в котором активно сотрудничал, в частности, Эрнст Юнгер. Никиш был участником Арбплана и членом делегации, посетившей Советский Союз в августе-сентябре 1932 г. Никиш напечатал по итогам визита статьи в «Видерштанде», а Ф.Ленц к 15-летию Октября – в журнале Общества друзей новой России «Нойес Русланд» («Neues Russland»); публикации других членов делегации были также в либеральной «Фоссисше цайтунг» («Vossische Zeitung»), в журналах «Цайтшрифт фюр политик» («Zeitschrift für Politik») и «Оствиртшафт» («Ostwirtschaft»); доклады в Берлинском комитете по внешней политике и Высшей школе политики делал А.Грабовский (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 6. Д. 172. Л. 56, 58–58об). В 1933 г. после прихода Гитлера к власти журнал Никиша был закрыт, в 1937 г. он был арестован гестапо, а в 1939 г. – приговорен к пожизненному заключению в концлагере, откуда его освободила Красная Армия (см.: *Sauermann U. Die Situation der national-revolutionären Gegner Hitlers nach der Konstituierung des NS-Regimes // Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. München, Piper, 1986*). После 1945 г. Никиш вступает в КПГ и работает в ГДР, в т. ч. в Берлинском университете им. Гумбольдта (где его коллегой недолгое время был Ф.Ленц), а после событий 17 июня 1953 г. перебирается в Западный Берлин. Автор мемуаров «Воспоминания немецкого революционера» (1958, перераб. изд.: *Nikisch E. Erinnerungen eines deutschen Revolutionärs. Bd. 1. Gewagtes Leben 1889-1945. Hamburg, 1974*).

¹³⁴ Вторым членом секретариата Арбплана от Общества по изучению Восточной Европы (Gesellschaft zum Studium Osteuropas), помимо упомянутого далее Мэнерта, был д-р Ойген Шмаль (Дух Рапалло. С. 248).

¹³⁵ Мэнерт Клаус (1906–1984) в 1931–1934 гг. – генеральный секретарь Общества по изучению Восточной Европы. В 1932 г. издал книгу «Молодежь в Советской России» (*Mehmert K. Die Jugend in Sowjetrußland. Fr. a. M.: S. Fischer Verlag, 1932*), хорошо принятую в национал-большевистских кругах; политически был в тот период близок к «Черному фронту» Отто Штрассера – группировки, отколовшейся от НСДАП слева и объединявшей противников Гитлера как слишком умеренного и буржуазного лидера (*Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991. С. 231*). Именно Мэнерт придумал само название Общества по изучению советского планового хозяйства (*Dupeux L. Nationalbolschewismus in Deutschland, 1919-1933... S. 372. n. 121*). В 1934–1936 гг. – корреспондент ряда немецких газет в Москве; после 1936 г. эмигрирует в США и Китай, где занимается историей и политологией. После возвращения в ФРГ – специалист по Советскому Союзу и Востоку, в частности, по китайско-советским отношениям, профессор политологии в Аахенском университете (с 1961 г.) Автор мемуаров: *Ein Deutscher in der Welt Erinnerungen, 1906–1981. Stuttgart, 1981*.

¹³⁶ Харнак Арвид (1901–1942) – племянник известного теолога Адольфа фон Харнака, в 1919 г. – участник праворадикального «фрайковровского» движения в Силезии. В 1926–1928 гг. – в научной командировке в США в качестве рокфеллеровского стипендиата. В 1930 г. защитил диссертацию «Домарксистское рабочее движение в США» у Ф.Ленца в Гиссене. С 1932 г. – в качестве генерального секретаря Арбплана поддерживает связь с секретарем советского полпредства в Берлине А.В.Гиршфельдом (1897–1962), который и установил в 1935 г. контакт Харнака с разведывательной сетью НКВД. По документам НКВД значился как «Балтиер» и «Корисканер». Был одним из главных источников информации советского руководства о планах нападения Германии на СССР с сентября 1940 г. Казнен нацистами за деятельность по руководству работавшей на СССР разведсетью «Красная капелла» (антифашистской организацией Харнака – Шульце-Бойзена).

¹³⁷ Массинг Пауль (1902–1979) – активист КПГ, сотрудник Франкфуртского Института социальных исследований. Сотрудник Международного Аграрного Института в Москве в 1928–1930 гг. С 1931 г. – в Берлине. В августе-декабре 1933 г. был заключенным концлагеря Ораниенбург, в период пребывания в эмиграции во Франции и США написал роман «Заключенный 880» под псевдонимом Карл Биллингер (*Billinger K. Schutzhaftling 880: Aus einem deutschen konzentrationslager. Paris, 1935*). Пауль Массинг и Хелде Массинг (1900–1981) были подчиненными Игнация Рейса в рамках европейской сети советской разведки (*Rohrwasser M. Der Stalinismus und die Renegaten. Stuttgart, 1991*). С конца 30-х гг. – в СССР, откуда супругам Массингам удалось уехать в США. В 1942–1948 гг. – вновь сотрудник эмигрировавшего Франкфуртского ИСИ в Нью-Йорке. С 1948 г. – сотрудник университета в Нью-Брансуике (США). Автор ряда трудов по истории антисемитизма.

¹³⁸ Егер Ганс (1899–1975) – сотрудник идеологического аппарата КПГ, с весны 1929 г. – руководитель издания Международного академического собрания сочинений Маркса и Энгельса (т. н. МЭГА-1), один из авторов «Линкскурве». Член «Союза Спартак» с декабря 1918 г., работал во Франкфуртском Институте социальных исследований с 1925 г. С начала 30-х гг. поддерживал связи с национально-революционными кругами, член Антимпериалистической Лиги, Арбплана и Союза духовных работников. С 1933 г. – в эмиграции. После отказа возглавить продолжение издания Собрания сочинений Маркса и Энгельса в Ленинграде, в июне 1935 г. исключен из КПГ. Сближается во второй половине 30-х гг. с О.Штрассером и Г.Раупшингом, после возвращения в ФРГ – журналист и издатель, выступавший за немарксистский социализм с элементами «логократии», власти интеллектуалов (вслед за К.Хиллером).

¹³⁹ Болгар Элек (Александр) (1883–1955) – венгерский юрист и историк, деятель социал-демократического и коммунистического движения, в 1919 г. заместитель Б.Куна по наркомату иностранных дел, в 1922–1932 гг. – в эмиграции в Вене и Берлине, затем до 1944 г. – в СССР. После войны занимался преподавательской и дипломатической деятельностью.

¹⁴⁰ Ср. справку берлинской («легальной резидентуры») НКВД начала 40-х гг. о деятельности Союза работников умственного труда: «Его задача заключалась в распространении нашего идеологического влияния на такие круги интеллигенции, которые по различным причинам трудно поддавались охвату другими нашими массовыми организациями (...) Устраивались открытые собрания, на которых обсуждали вопросы, представляющие интерес для интеллигентов. Были организо-

ваны отдельные секции для учителей, инженеров, архитекторов и т. д. Затем члены союза встречались также для обсуждения текущих вопросов. В общем, по тактическим соображениям избегались выступления известных коммунистов, которые только изредка выступали на общедоступных собраниях, и то в порядке прений. Члены компартии оставались на заднем плане, они лишь помогали наиболее близким нам сочувствующим в разработке тематики и плана работы» (Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. Сост. В.К.Виноградов. М.: Изд-во объединения Мосгорархив, 1995. С. 95). Руководителем Союза был инженер Франц Беннинг.

¹⁴¹ Ленц Фридрих (1885–1968?) – профессор национальной экономики в Гиссенском университете. Родился в семье историка Берлинского университета Макса Ленца, принадлежавшего к школе Л. Ранке. Занимался изучением творчества немецкого экономиста первой пол. XIX в. Фридриха Листа, выступавшего за активное вмешательство государства в экономическую жизнь; близок к кругу Отто Хетча и Меллера ван ден Брука. Уже в книге «Марксизм и государство» (Гота, 1921) Ленц писал о большевистской России как противовесе и «структурном» враге Запада и буржуазных принципов общественного устройства. В конце 1929 г. вместе с праворадикальным публицистом Вернером Крейцем основал журнал «Форкампфер», в целом придерживавшийся национально-революционной ориентации, по политической позиции находившийся примерно посередине между «Видерштгандом» Никиша и «Татом» Церера. Журнал выходил тиражом в 7 тыс. экз., среди читателей важную роль играло националистически настроенное студенчество. В течение 1931 г. в «Форкампфере» публикуется несколько статей, посвященных советскому плановому хозяйству; в 1933 г. журнал был закрыт. В 1947 г. – руководитель Института экономики и статистики университета им. Гумбольдта в Восточном Берлине, с 1948 г. – профессор Высшей школы социальных наук в Вильгельмсхафене (Западная Германия).

¹⁴² Эта форма участия довольно подробно описана в мемуарах Артура Кёстлера, бывшего неофициальным членом партии во время работы в издательстве Ульштейна и в газете «Фоссише цайтунг». Он состоял в партии под вымышленным именем, не был прикреплен к какой-либо ячейке и регулярно встречался с ответственным работником аппарата ЦК КПГ для передачи сведений о делах издательства – пока его деятельность не была раскрыта, после чего он вынужден был уйти из издательства и работать в одной из берлинских парторганизаций на общих основаниях (*Леонгард В. Шок от пакта между Гитлером и Сталиным. Воспоминания современников из СССР, Западной Европы и США.* London: Overseas Publication Interchange Ltd, 1998. С. 208–209).

¹⁴³ Канторович Альфред (1889–1979) – писатель, журналист и литературовед. С осени 1931 г. – член КПГ; один из участников заседаний Арбллана. С 1933 г. – в эмиграции; после Второй мировой войны возвращается в ГДР, 1950–1957 гг. – профессор университета им. Гумбольдта, руководитель Архива Г. Манна. Отказался поддержать подавление венгерского восстания 1956 г. и 1 августа 1957 г. бежал в Западный Берлин. Автор ряда книг о немецкой литературе новейшего времени (в т. ч. – о творчестве Г. Манна).

¹⁴⁴ Харнак Мильфред (1902–1943) – жена Арвида Харнака (с 1926 г.), с которой он познакомился в США. Активистка женского движения. Участник антифашист-

ской группы Харнака – Шульце-Бойзена. В документах о поездке членов Арбллана в СССР в августе–сентябре 1932 г. упоминается, что «фрау Харнак политически близка нам» (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 6 Д. 172. Л. 177). Казнена нацистами.

¹⁴⁵ Ср. с материалами 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, подготовленными в декабре 1940 г. П. Судоплатовым: «Жена “Балтийца” в курсе связей и работы “Балтийца”. Сама вела работу для ГКП и в 1933 или 1934 годах вторично с подвесной визой ездила в Москву для переговоров с т. Куусиненам, который по рекомендации немецких партийцев имел намерение использовать ее для коминтерновской работы в Финляндии (поскольку она наряду с немецким имеет еще американский паспорт)» (Тайна Зои Воскресенской: *З. Воскресенская.* Теперь я могу сказать правду. Э. Шаратов. Две жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. С. 404. Приложение).

¹⁴⁶ Тициен Хайнци – сотрудник антифашистской организации Харнака – Шульце-Бойзена, занимался психологией торговли в обувном концерне Лейзера, в начале 1940-х гг. – генеральный директор этого концерна. В документах НКВД именуется «Албанцем».

¹⁴⁷ Ср. выдержки из посланий в берлинскую резидентуру от 18 апреля 1941 г.: «Об “Албанце” известно, что он активно работал в Союзе работников умственного труда, причем т. Д. спрашивал по этому поводу “ЛУКАЧА”, который охарактеризовал “Албанца” как “сумасшедшего интеллигента”». Тов. Д. – очевидно, Георгий Димитров.

¹⁴⁸ Кукхоф Адам (1887–1943) – писатель и театральная деятель. В 1927–1929 гг. – руководитель правого журнала «Тат». Ведущий участник антифашистской организации Харнака–Шульце-Бойзена. Берлинская резидентура характеризует Кукхофа следующим образом: Кукхоф, «хотя и не принадлежит к ведущим писателям, но является довольно широко известным автором ряда книг и обладает обширным кругом знакомств, и в первую очередь преимущественно среди артистов и писателей. К немецкой компартии примкнул до 1932 г. через BGV [Bund des Geistigen Berufs – Союз работников умственного труда – *Ред.*]. Кем точно он был привлечен, “Корсиканец” не знает, по-видимому, Лукачем и Витфогелем» (Секреты Гитлера на столе у Сталина, С. 90). Автор социального романа «Немец из Бланкура» (1937). В документах НКВД значился как «Старик». Казнен нацистами.

¹⁴⁹ По позднейшей характеристике самого Юнгера, он пытался представить в этой книге одновременно два великих принципа – национализма и социализма, на которых основываются структуры двух государств и двух мировых империй. В центре произведения находится образ («планетарный гештальт») рабочего как труженика наступающей героической эпохи, периода «тотальной мобилизации» (*Jünger E. Strahlungen.* Stuttgart, 1985. S. 328).

¹⁵⁰ На основе данного документа и других материалов была составлена «Справка» от 9 апреля 1941 г., под которой стояли подписи заместителя заведующего отделом кадров ИККИ Белова и старшего референта этого отдела Ферстерлинга (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 50–53). Здесь встречается и следующий абзац: «Тов. Лукач Георг – венгерец, из буржуазной семьи. Член КП Венгрии с 1918 г. Во время советской власти в Венгрии был редактором центрального органа КП Венгрии, затем членом нелегального ЦК. В эмиграции в Австрии был редактором венгерских партийных газет, в Германии был одним из руководителей Союза революционных пролетарских писателей. Активно работал в массовых организаци-

ях. В настоящее время работает научным сотрудником Литературного Института Академии Наук СССР» (л. 52).

¹⁵¹ В письме сохраняются особенности стиля и орфографии Лукача, плохо владевшего русским языком.

¹⁵² Д. Лукач вместе с другими писателями был эвакуирован в октябре 1941 г. сначала в Казань, а затем, в декабре 1941 г., в Ташкент.

¹⁵³ Имеется в виду Шаррер Адам.

¹⁵⁴ Александров Г.Ф. (1908–1961) – философ, академик, в 1941 г. член ЦК. Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

¹⁵⁵ Журнал был возобновлен и выходил до конца войны при активном участии Лукача.

¹⁵⁶ Журнал «Уй ханг» перестал выходить в 1941 г.

¹⁵⁷ Габари – возможно, речь идет о супругах Габор – писателе Андоре Габоре и Ольге Гальперн.

¹⁵⁸ Имеются в виду венгерские эмигранты Шандор Гергей, Эмиль Мадарас, Е.С.Варга (директор Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР), Бела Фогараш, Шандор Варьяш.

¹⁵⁹ Имеются в виду венгерские писатели-эмигранты Дюла Хай и Бела Балаж.

¹⁶⁰ Брошюра опубликована не была, материал частично вошел в книгу Лукача «Разрушение разума» (см.: Sziklai L. Proletárfortadalmi után. Lukács György marxista fejlődése. 1930–1945. Bp., 1986, 359. old.

¹⁶¹ Бебрич Лайош (1891–1963) – венгерский журналист, профсоюзный активист, в 1923–1932 гг. в эмиграции в США, откуда был выслан за антиамериканскую деятельность, затем до 1945 г. жил в СССР, в 1943–1945 гг. – редактор газеты «Игаз со», издававшейся на венгерском языке для военнопленных.

¹⁶² Грейнер Йозеф (1901–?) – деятель венгерской коммунистической эмиграции, с 1925 г. член ВКП(б), редактор газеты «Гудок», директор Желдориздата, в 1943 г. приговорен к 10 годам ИТЛ за антисоветскую пропаганду. В 1988 г. реабилитирован.

¹⁶³ Руководящий состав Коминтерна вернулся из эвакуации в Москву в апреле 1942 г.

¹⁶⁴ В РГАСПИ (Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 18, 19) хранятся две телеграммы, посланные 24 мая 1942 г. Лукачем из Ташкента Бехеру в Москву по адресу: ул. Горького № 10, ком. 259. Они гласили: «Вызов Скосырева недостаточен. Необходимо телеграмма ЦК ВКП(б) Узбекскому ЦК и «Продолжение. Хлопочите вызов Гертруд как секретарши иначе вызов невозможен. Лукач».

¹⁶⁵ Некоторые статьи, написанные в первые годы войны, сохранились в фондах отдельных журналов в РГАЛИ: в фонде журнала «Новый мир» – «Изгнанная поэзия» (ф. 1702, оп. 1, д. 6932), «О расовой теории» (там же, д. 595); в фонде журнала «Знамя» – «Действительная Германия» (ф. 618, оп. 2, д. 655), «Дух пруссачества и его преодоление» (там же, оп. 14, д. 104), «Культура и война» (там же, оп. 12, д. 31), «Лев Толстой, немецкая культура и фашизм» (там же, оп. 2, д. 95). Часть этих статей опубликована в сборнике «Борьба гуманизма и варварства» (Ташкент, 1943). Статьи «Действительная Германия» и «О расовой теории» представлены в архивных фондах немецкими оригиналами, другие имеются в русских переводах, иногда весьма несовершенных. Наиболее полную публикацию работ Лукача этого периода на венгерском языке по архивным материалам предпринял Л.Сиклаи: Lukács Gy. Esztétikai írások. 1930–1945. Szerk., előszó, jegyz. Sziklai L. Bp., 1982.

¹⁶⁶ Лукач Г. Борьба гуманизма и варварства. Гос. изд. УзССР, Ташкент, 1943.

¹⁶⁷ Речь идет об опубликованном в апреле 1942 г. «Обращении общественных и политических деятелей Венгрии к венгерскому народу» («Правда», № 94). Из видных деятелей московской эмиграции обращение подписали Б.Балаж, А.Габор, Б.Иллеш, Б.Уид, Д.Хай. Выказывая сожаление о том, что в списке имен не могли фигурировать некоторые популярные в Венгрии фамилии, Лукач, скомпрометированный в глазах партийного руководства после дискуссии вокруг журнала «Литературный критик» и ареста летом 1941 г., имеет в виду прежде всего себя.

¹⁶⁸ Вероятно, имеется в виду Г.Димитров.

¹⁶⁹ В.Ф.Асмус отметил в своем выступлении: «Исследование т. Лукача – видное событие в литературе о Гегеле. Работа тов. Лукача – оригинальное и глубокое научное исследование, обосновывающее ряд выводов, которых не только не знает еще буржуазная история философии, но которых она и не может знать, поскольку она и не разрабатывала историю философии с позиции диалектического материализма [...] Работа Г.Лукача, плодотворного исследователя в области истории немецкой классической философии, эстетики и истории литературы, бесспорно, дает все основания для присуждения автору ученой степени доктора философских наук» (Архив РАН, ф. 1922, оп. 1, д. 118, л. 44, 61–63). «Работа тов. Лукача безусловно заслуживает присуждения ее автору степени доктора философских наук и во многих отношениях может служить примером для наших диссертантов», – отмечал Б.Э.Быховский (там же, л. 44).

¹⁷⁰ Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР.

¹⁷¹ В этот день присутствовали семь членов Ученого совета: П.Ф.Юдин, М.М.Розенталь, И.М.Берестепев, Б.Э.Быховский, М.А.Леонов, В.Ф.Асмус и А.А.Максимов (Архив РАН, ф. 1922, оп. 1, д. 118, л. 73.).

¹⁷² Статьи предназначались для V тома «Истории философии», который не вышел, т. к. издание вследствие критики в 1944 г. разделов по немецкой классической философии было прекращено после III тома.

¹⁷³ Касрадзе К.М. – директор Издательства литературы на иностранных языках в 1940–1945 гг.

¹⁷⁴ Сборник статей Лукача «Ответственность пишущих» вышел в Иноиздате в Москве на венгерском языке в 1944 г., переиздан в Будапеште в 1945 г.: Lukács Gy. Az írástudók felelőssége. Bp., 1945.

¹⁷⁵ В Архиве РАН (ф. 1922, оп. 1, д. 183, л. 23) находится отчет Лукача за III квартал 1944 от 4 октября 1944 г. В нем отмечалось: «1. Основная работа. Подготовка моей антифашистской книги; главным образом очерки по немецкой истории XIX в. В связи с источниками реакционной идеологии. 2. Подготовка к печати брошюры об идеологической борьбе в Венгрии, которая в ближайшее время выйдет («Ответственность писателя»). 3. Статьи для газеты венгерских военнопленных; большая пропагандистская статья о германском лагере уничтожения в Майданеке. Работа по поручению Компартий Венгрии и Германии. Георг Лукач».

¹⁷⁶ Указанные в пп. 1–3 статьи опубликованы не были.

¹⁷⁷ Lukacs G. Schicksalswende // Internationale Literatur, 1944, № 10.

¹⁷⁸ Lukacs G. Fortschritt und Reaktion in der deutschen Literatur // Internationale Literatur, 1944, № 8–10 (более полное кн. издание – Берлин, 1947).

¹⁷⁹ См. прим. 174.

¹⁸⁰ Даты ареста и освобождения указаны ошибочно. Правильно: 29 июня и 26 августа.

¹⁸¹ См. прим. 166.

¹⁸² Не опубликована.

¹⁸³ Брошюра не опубликована. В 1945 г. Лукач читал в пемецкой антифашистской школе лекции на эту тему. Материал позднее вошел в книгу «Разрушение разума».

¹⁸⁴ Этим же днем датирована краткая автобиография Лукача на венгерском языке, охватывающая весь период его жизни вплоть до 1945 г. Сведения, изложенные в ней, в основном повторяют данные других его автобиографий (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 57). По экземпляру, хранящемуся в будапештском Архиве Лукача, она опубликована в сб.: *Lukács Gy. Curriculum vitae*. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 468–469. old.

¹⁸⁵ «История развития современной драмы» была опубликована на венгерском языке в 1911 г.

¹⁸⁶ Имеется в виду книга Лукача «Теория романа» (журн. вариант – 1916, книжный – 1920).

¹⁸⁷ Статья в «Ученых записках Института философии Академии наук» не публиковалась. Вошла в качестве одной из глав в кн. «Разрушение разума».

¹⁸⁸ См. прим. 183.

¹⁸⁹ См. прим. 178.

¹⁹⁰ Неопубликованная статья Т.Л. Мотылевой, входившей в число сторонников и друзей Лукача, была написана, очевидно, накануне юбилея философа и литературоведа (13 апреля 1945 г.), однако это событие не было отмечено в советской литературной и научной печати.

¹⁹¹ Речь идет о работе «История развития современной драмы», полностью опубликованной в 1911 г. Часть этой монографии составило исследование «Форма драмы», защищенное Лукачем в 1909 г. в качестве докторской диссертации по философии в Будапештском университете, премированное венгерским литературным Обществом Кишфалуди и в том же 1909 г. опубликованное в журнале «Будапештские семле».

¹⁹² Венгерское издание – 1910, немецкое – 1911.

¹⁹³ *Mann Th. Die Forderung des Tages*. Berlin, 1930, S. 114.

¹⁹⁴ В издательстве «Academia» со вступительными статьями Лукача вышли романы Бальзака «Крестьяне» (1935) и «Утраченные иллюзии» (1936).

¹⁹⁵ Страдания молодого Вертера. М.-Л., Academia, 1937.

¹⁹⁶ Лукач Г. Роман как буржуазная эпопея // Литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1935. С. 795–832.

¹⁹⁷ В декабре 1934 – январе 1935 гг. секция литературы и искусства Института философии Комакадемии провела дискуссию вокруг статьи Лукача о романе. В ней приняли участие виднейшие литературоведы того времени – от последователя плехановской социологической эстетики В.Переверзева до «формалиста» В.Шкловского. См. материалы дискуссии: Архив РАН. Ф. 355. Оп. 5. Д. 32–34. См. также: Диспут в Комакадемии // Лит. газ., 1935. № 2 (10 января).

¹⁹⁸ Единомышленница Лукача Т.Мотылева выдает здесь желаемое за действительное. Взгляды Лукача и его школы были в 1939–1940 гг. подвергнуты резкой критике с ортодоксальных марксистских позиций в ходе дискуссии на страницах «Литературной газеты», «Красной нови» и других изданий. Итогом проработочной

кампании явилось закрытие журнала «Литературный критик», рупора взглядов Лукача и его единомышленников, на номере 11–12 за 1940 г.

¹⁹⁹ Фокс Ральф (1900–1937) – английский критик-марксист. Участник гражданской войны в Испании, погиб в бою. В 1930–1931 гг. одновременно с Лукачем работал в ИМЭ. Главная, посмертно изданная работа Р.Фокса «Роман и парод» (1937, рус. изд. – 1939) испытала влияние теории «большого реализма» Г. Лукача, опубликованного рецензию на нее (Лит. обоз., 1939, № 16).

²⁰⁰ Лит. критик, 1936, № 8.

²⁰¹ Речь идет о статье «Интеллектуальный облик литературного героя». Лит. критик, 1936, № 3.

²⁰² Лит. критик, 1939, № 1.

²⁰³ Критическое отношение Лукача к экспрессионизму, воспринимавшемуся им как одно из проявлений иррационализма в современном художественном сознании, нашло отражение в статье «Величие и падение экспрессионизма» (Лит. критик, 1933, № 2), а также в его выступлении в ходе дискуссии об экспрессионизме, проходившей в 1937–1939 гг. на страницах журнала немецкой антифашистской эмиграции «Das Wort», выходившего в Москве с июля 1936 по март 1939 гг. с участием не только коммунистов, но широкого круга писателей, отказавшихся служить своим словом «Третьему рейху» и оказавшимся в эмиграции в разных странах. См. это выступление Лукача на русском языке: Спор идет о реализме // Интернациональная литература, 1938, № 12.

²⁰⁴ Толстой и развитие реализма // Литературное наследство, 1939, № 35. С. 14–77. Вошла также в сб.: К истории реализма (М., 1939).

²⁰⁵ О Достоевском Лукач написал в 1943 г. для Совинформбюро. Творчеству Горького посвящена статья: «Человеческая комедия» предреволюционной России // Лит. критик, 1936, № 9. Вошла также в сборник «К истории реализма».

²⁰⁶ К истории реализма. М., 1939.

²⁰⁷ Работа впервые была опубликована на немецком языке в Цюрихе в 1948 г. Издание на русском языке – М., 1987. Была защищена Лукачем в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук в Институте философии АН СССР в Москве в декабре 1942 г.

²⁰⁸ Первая из упомянутых статей вошла в состав книги: Лукач Г. Борьба гуманизма и варварства. Гос. изд. УзССР, Ташкент, 1943.

²⁰⁹ В РГАСПИ (Ф. 495. Оп. 199. Д. 181. Л. 59–60) находится «Справка» о Лукаче, подписанная 7 мая 1945 г. Калининцевым, где подробно излагается биография Лукача. На основе этой «Справки» составлен и публикуемый документ.

²¹⁰ С 1933 г. место работы Лукача – Институт литературы, искусства и языка Комакадемии, с 1934 г. – Институт философии Комакадемии, в 1936 г. преобразованный в Институт философии АН СССР.

²¹¹ Гуляев П.В. (1903–1956) – заведующий Отделом кадров ИККИ в 1938–1943 гг., директор школы резерва братских компартий в подмосковном Нагорном.

²¹² Книжн. издание: *Lukács G. Deutsche Literatur im Zeitalter des Imperialismus. Eine Übersicht ihrer Hauptströmungen*. Berlin, 1947.

Дёрдь Лукач (1885–1971) Биографический очерк

Имя Дёрдя (Георга) Лукача принадлежит истории духовной культуры нескольких европейских стран. Уроженец Венгрии, он учился философии в Берлине у Георга Зиммеля, состоял членом гейдельбергского кружка Макса Вебера. Уже его ранние эссе имели немалый отклик в Германии кануна первой мировой войны, и все последующее, громадное по объему, теоретическое наследие Лукача стало неотъемлемой частью немецкой философской культуры XX века. В 1920-е годы, живя в Вене, Лукач был в числе людей, определявших своим творчеством неповторимую интеллектуальную, духовную атмосферу австрийской столицы – во всяком случае тот ее слой, который был тесно связан с крайне левыми течениями. Его книга «История и классовое сознание», опубликованная в 1923 г., на многие десятилетия стала библией западного неомарксизма, от которой в 1920–1930-е годы во многом отталкивались в своих исканиях представители Франкфуртской школы и к которой уже в конце 1960-х годов обращались идеологи «новых левых». Находясь в 1933–1945 гг. в советской эмиграции, Лукач активно участвовал в литературной и философской жизни, его статьи неоднократно вызвали оживленные дискуссии.

«Отнюдь не разделяя умонастроение, мировоззрение и социальное вероисповедание д-ра Георга Лукача, я уважаю и нравственно восхищаюсь его строгим, чистым и гордым умом и причисляю его критические работы «Душа и формы», «Теория романа» и т. д. несомненно к наиболее значительному, что написано на эти темы за последнее десятилетие на немецком языке», – писал о венгерском философе хорошо знавший его Томас Манн¹. Дважды, когда Лукачу грозила выдача хортистским властям, собиравшимся судить его за революционную деятельность (в ноябре 1919 г. и в 1928 г.), Т. Манн среди других видных немецких интеллектуалов подписывал письма протеста. Правда, тот же Т. Манн не прекращал своей внутренней полемики с Лукачем, не принимая его нравственной позиции, зачастую граничившей с макиавеллизмом. Существует версия, что венгерский философ стал прототипом образа Нафты в одном из лучших романов крупнейшего немецкого писателя, «Волшебной горе».

«Самым умным и интересным, наиболее самостоятельным из коммунистических писателей» назвал Лукача в 1935 г. Николай Бердяев². Михаил Бахтин, ознакомившись в 1920-е годы с работой Д. Лукача «Теория романа», отметил сходство многих ее идей с собственными построениями и попытался завести переписку с автором. Однако Лукач к этому времени считал

«Теорию романа» пройденным этапом своей творческой биографии, к тому же был всецело сосредоточен на конспиративной революционной работе. Полноценного диалога не получилось. На предложение опубликовать «Теорию романа» в СССР Лукач ответил отказом.

Парадоксы длительной духовной эволюции Д. Лукача уже несколько десятилетий не перестают удивлять исследователей новейшей философии, посвятивших ему не одну тысячу работ, опубликованных во многих странах мира³. В самом деле, почему сын богатейшего будапештского банкира, выходец из буржуазной элиты венгерской столицы с самого начала и до последних дней выступал непримиримым критиком современного западного миропорядка (при том, что этот острый антибуржуазный настрой, оставаясь стержнем мировоззрения Лукача, в разные периоды его жизни и деятельности проявлялся отнюдь не в одинаковой философской оболочке)? В силу каких обстоятельств столь многообещающий молодой эссеист с конца 1918 г. навсегда связал свою судьбу с мировым коммунистическим движением? Без ответов на эти и многие другие вопросы невозможно определить то место, которое занял в истории европейской культуры XX в. крупнейший венгерский мыслитель, оказавший своими работами заметное влияние на последующее развитие философии.

Дёрдь Лукач родился в Будапеште 13 апреля 1885 г. в семье очень состоятельного банковского служащего, впоследствии директора Венгерского кредитного банка. Его отец Йозеф Лукач (Лёвингер), уроженец г. Сегеда, еврей, уже в зрелом возрасте принявший христианство и изменивший фамилию на венгерский лад, был сыном небогатого ремесленника, едва умевшего написать свое имя, и сделал головокружительную карьеру исключительно собственными усилиями. Со временем он не только получил дворянский титул, но и вошел в число приближенных премьер-министра И. Тисы, человека твердого и волевого, в последние годы австро-венгерского дуализма ставшего знаменем консервативного лагеря в Венгрии⁴. Своим влиянием в финансовой жизни Венгрии Й. Лукач (1855–1928) сохранил и в эпоху хортизма, когда его младший сын Дёрдь за революционную деятельность в 1919 г. был заочно приговорен властями к повешению. И многие десятилетия спустя, когда Д. Лукач, будучи влиятельным членом компартии, пытался отстаивать в ней неортодоксальные взгляды, его соратники по венгерскому коммунистическому движению хорошо помнили и не упускали случая напоминать другим, что он «пришел в партию из буржуазной семьи, глава которой своим золотом купил себе в свое время баронство»⁵. Что же касается еврейского происхождения, то Дёрдю Лукачу на протяжении всей своей долгой и бурной жизни неоднократно приходилось испытывать его последствия на собственной судьбе. Вместе с тем еврейское самосознание всегда оставалось для него чем-то периферийным, а временное увлечение

мистическим иудаизмом Мартина Бубера в начале 1910-х гг. стало лишь эпизодом в духовной эволюции философа.

В детстве Дёрдь Лукач довольно мало времени проводил с отцом, жившим напряженной жизнью крупного бизнесмена. Между ними никогда не было духовной близости. Между тем, Йожеф Лукач рано оценил незаурядные способности сына. Отбросив с огорчением свою заветную мечту сделать из Дёрдя политика правящей партии, он, однако, весьма благосклонно отнесся к его творческим пристрастиям, очень гордился его успехами на литературном и научном поприще, финансировал поездки за рубеж, выступал меценатом начинаний молодого Д.Лукача и его друзей в театральной жизни. Письма Й.Лукача к сыну, уже зрелому литератору, относящиеся к началу 1910-х годов, не только полны любви, но и раскрывают остро им переживавшуюся горечь взаимного непонимания.

Мать Д.Лукача, Адель Вертхаймер, была уроженкой Вены, происходила из богатой еврейской буржуазной семьи. Впитанный с молоком матери, язык Гегеля и Гете стал первым родным языком Лукача, тогда как венгерский был языком ранних уличных впечатлений, общения с прислугой и друзьями детства. (Начав писать и печататься по-венгерски, молодой эссеист сразу снижал репутацию не очень хорошего стилиста и это стало одним из мотивов обращения к немецкому языку, которым Лукач владел безукоризненно. С 1910–1911 гг. все свои «серьезные» философские и литературоведческие труды Георг Лукач писал на немецком языке, обладавшем более развитым категориальным аппаратом. Венгерский остался для Дёрдя Лукача только языком публицистики, обращенной непосредственно к мадьярскому читателю). Женщина светская и неглубокая, к тому же с детства отдававшая явное предпочтение старшему брату Дёрдя, Яношу, мать вызывала в будущем философе еще более сильное чувство отчуждения, чем отец. Острая, неудовлетворенная жажда интимности стала одним из главных двигателей в духовных исканиях юного Лукача.

Детство и юность философа прошли в одном из фешенебельных районов Будапешта. На склоне лет он вспоминал о царившей в семье атмосфере обязательных ритуалов, этикета и «протокола», буржуазной респектабельности и благовоспитанности, когда десятилетнего ребенка вопреки его воле чуть ли не ежедневно принуждали воздавать почести посещавшим родительский дом гостям из благородных аристократических фамилий или состоятельных бюргерских семей⁶. Не меньшее внутреннее отторжение вызывала в нем обстановка в престижной будапештской евангелической гимназии с господствовавшим там духом «добропорядочной» верноподданности престарелому императору Францу Иосифу Габсбургу и стоявшей за его спиной венской камарилье. Сразу остро не приняв системы ценностей, при которой главным мерилom достоинства считался жизненный успех, юный неконформист находил убежище в книгах, где его влекли, в первую очередь, образы бунтарей, маргиналов, изгоев.

Литературный дебют Лукача состоялся в год окончания гимназии (1902) в амплуа театрального критика. В 1902–1903 годах его рецензии на постановки столичных театров появлялись в не самых популярных будапештских газетах «Мадяр салон», «Ёвентё». Сотрудничал он и в газете «Мадяршаг», которую издавал отец его друга Марцела Бенедка известный в то время в Венгрии детский писатель Элек Бенедек, человек, вызывавший уважение юного Лукача независимостью суждений. Уже в первых рецензиях, написанных под несомненным влиянием модного на рубеже веков венского критика-импрессиониста Альфреда Керра, проявился интерес к серьезной литературе: Лукач писал о таких значительных современных писателях, как Герхарт Гауптман, датчанин Герман Банг. Показательно и другое: в самых первых своих, незрелых опусах будущий философ уже не боялся идти наперекор устоявшемуся общественному мнению. В конце 1960-х годов, беседуя со своим учеником И.Эрши, Лукач вспоминал, как в 1902 г. писатель с именем, Шандор Броди, столкнувшись с резкими обвинениями в антипатриотизме, захотел познакомиться с автором единственной рецензии на свою новую пьесу, выпадавшей из общего ряда. И каково же было его удивление, когда в рецензенте он обнаружил 17-летнего гимназиста⁷.

По окончании гимназии Лукач, следуя наставлению отца, поступил на юридический факультет Будапештского университета. Материальное состояние семьи вполне позволяло ему в студенческие годы ездить в дорогостоящие заграничные путешествия, набираться впечатлений, в том числе и театральных. Как-то перед такой поездкой в редакции одной из будапештских газет Лукача попросили подготовить серию заметок о наиболее ярких постановках театрального сезона в Германии и Франции. Задание осталось невыполненным. По мере духовного взросления Лукача импрессионистический стиль его первых рецензий казался ему все более легковесным и поверхностным. В это время будущий философ примерно на три года перестал писать для прессы, обратившись к более углубленному изучению мировой культуры. Эти штудии принесли свои плоды уже в работах, относящихся к 1906–1909 гг.

Австро-венгерская культура *fin de siècle* с ее изломанностью линий и гипертрофированной чувственностью, с бальными танцами в венских аристократических салонах, увеселительными парходными прогулками по «голубому Дунаю» и другими столь же характерными атрибутами, при всем внешнем блеске, лоске и рафинированности не отличалась в основных своих проявлениях духовной глубиной. Дефицит в ней философского начала юный Лукач ощущал с гимназических лет. Еще больше претил ему крикливый национализм антигабсбургской консервативной оппозиции, набравший силу в политической жизни Венгрии и заявлявший о себе среди прочего разнузданной антисемитской демагогией⁸. Одним из ярких детских впечатлений, однозначно негативных, было отпразднованное в 1896 г. с огромной патриотической помпой тысячелетие обретения венграми родины

в Среднем Подунавье. «С ранних лет я был движим чувством неприятия официальной Венгрии во всей ее целостности», – напишет Лукач в 1969 г.⁹ Однако, будущему мыслителю мало импонировала и пришедшая в Венгрию с опозданием в начале века, ставшая модой в среде радикальной интеллигенции философия спенсеровского позитивизма с ее унылым рационализмом, плоским прагматизмом, отсутствием метафизических устремлений.

В поисках путей обновления современной ему венгерской культуры Лукач в 19 лет, будучи студентом, с группой единомышленников основал при финансовой поддержке отца театральное общество «Талия», ставшее вехой в истории венгерского театра. Предпринятая «Талией» (как правило, впервые в Венгрии) постановка пьес Г.Ибсена, А.Стриндберга, Г.Гауптмана, А.Чехова, М.Горького явилась броским вызовом вкусам мещанской публики, привыкшей видеть на будапештской сцене сладострастную сентиментально-мелодраматическую банальщину или же избитые образцы третьеразрядной романтической драмы¹⁰.

В 1906 году Лукач получает на родине университетский диплом юриста. Руководителем его работы был профессор Б.Шомло, авторитетный в то время в Венгрии правовед либерально-позитивистского направления. Юридические науки, между тем, не слишком привлекали юного Лукача; гораздо больше его уже в те годы интересовала философия. Глубоко неудовлетворенный отсутствием в Венгрии самостоятельной национальной философской традиции, он отправляется в том же 1906 г. в Берлин и в течение семестра учится там в университете у выдающегося философа, социолога и историка культуры Георга Зиммеля. Одновременно Лукач возобновляет сотрудничество в венгерских периодических изданиях. Начиная с 1906 г. его критические статьи, уже гораздо более зрелые, охотно публикуют самые влиятельные среди интеллигенции журналы – орган Общества по изучению социальных наук оплот венгерского позитивизма «Хусадик Сазад» («Двадцатый век»), «Будапешти семле» («Будапештское обозрение»), «Хет» («Неделя»), а с 1908 г. и наиболее значительный на протяжении нескольких десятилетий (1908–1941) венгерский литературный журнал «Нюгат» («Запад»), к которому так или иначе тяготело большинство крупных писателей 1900–1930-х годов. Работа Лукача по проблемам теории драмы выиграла в 1909 г. конкурс литературного общества Кишфалуди. Тогда же Лукач защищает ее в качестве второго своего университетского диплома – он становится доктором философии.

В эссеистике 1906–1910 годов и в относившихся к этому же времени более строгих по жанру философских, социологических работах Лукача преломился духовный опыт многих школ и направлений от немецкой классической философии через Шопенгауэра и Кьеркегора до современного неокантианства (кстати, венгерский философ был в числе первых европейских интеллектуалов, которые, проявив интерес к выдающемуся датскому мыслителю первой половины XIX века С.Кьеркегору, одному из предтеч экзистенциализма, вывели его из тьмы забвения). Из современников наи-

большее воздействие на Лукача оказали представители «философии жизни», известные также как историки культуры, Г.Зиммель и В.Дильтей, классик неокантианской социологии М.Вебер, а несколько позже, уже в 1910-е годы, оригинальный представитель неоромантической, утопической философии Э.Блох (в отличие от других упомянутых мыслителей последний относился к поколению Лукача, связи между собой два философа поддерживали на протяжении многих десятилетий). Наряду с широко понимаемой европейской философской традицией духовный мир молодого Лукача питал и другой источник – литература и искусство разных времен и народов. В эссеистике 1900-х годов глубоко волновавшие его «вечные», философские проблемы (в частности, проблема «отчуждения» человека от его сущности) осмыслились по преимуществу на материале художественной литературы от Л.Стерна и Новалиса до современных ему авторов.

Дёрдь Лукач начал свой путь в философии в канун первой мировой войны, когда наиболее чуткие умы Европы жили ожиданием глубоких потрясений, смертельно угрожавших завоеваниям культуры. Эсхатологические предчувствия, пронизывавшие духовную атмосферу предвоенного времени и нашедшие многообразное выражение в европейской культуре тех лет, отразились и в раннем творчестве венгерского мыслителя. В своем неприятии венгерской отсталости, полуфеодалных экономических устоев и несовершенной политической системы страны молодой Лукач сходил с ведущими мыслителями радикального направления (О.Яси и др.). Но в отличие от большинства своих современников он еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, не склонен был идеализировать западные модели буржуазной демократии и совершенно не питал иллюзий в отношении вестернизации Венгрии как основного средства разрешения социальных противоречий. Его трагическое в своей основе мировосприятие определялось настроениями безысходности, а глубокая духовная неудовлетворенность философией позитивизма стимулировала метафизические искания. Сборник эссе «Душа и формы» (венгерское издание – 1910, немецкое, дополненное, издание – 1911), вызвавший немалый резонанс в Германии, насквозь пронизан «трагическим отчаянием современной души, стремящейся к цели, содержание которой потеряно»¹¹. Ощущение ненадежности опор, тоска по «устойчивости, мере и норме», стремление найти духовные и нравственные абсолюты, необходимые для постижения мира во всей его целостности и обретения внутренней душевной гармонии – главные мотивы эссеистики Лукача. «Что в этой жизни надежно? Где то место, каким бы голым, безотрадным и далеко заброшенным, свободным от всяких красот и богатств оно ни было, где человек мог бы обрести твердую почву под ногами? Где есть нечто, что не утекало бы, как песок, сквозь пальцы, когда захочешь зачерпнуть его из бесформенной массы жизни. зачерпнуть хотя бы на мгновение?»¹² Преодолеть хаотичность, бесформенность, расплывчатость, неопределенность, царящие в повседневной действительности,

способно, по Лукачу, только искусство в его классических образцах. Лишь через искусство, всегда стоящее выше непосредственных проявлений жизни, можно приобщиться к сути вещей, постигнуть смысл существования. Вслед за своим учителем Зиммелем Лукач утверждал активную, организующую, жизнотворческую роль художественной формы, ее способность в противовес повседневности и эмпирии создать свой собственный, автономный, неразобренный и неотчужденный мир¹³.

Предвоенное десятилетие явилось временем настоящего подъема венгерской художественной культуры, пробуждавшейся от фальшивых националистических иллюзий, навеянных празднованием тысячелетия. Художественная программа журнала «Nyugat» (по-венгерски «Запад») при всем присутствии ей эклектицизма была направлена на преодоление венгерской литературой былого духовного провинциализма, стремилась вывести ее на передовые европейские рубежи. Начинают свой путь композиторы Б.Барток и З.Кодай, чья деятельность по освоению и творческому претворению музыкального фольклора возымела международное значение. Многообразие стилей и присутствие ярких индивидуальностей отличало развитие образительных искусств. Центральной фигурой венгерской культуры начала века был Эндре Ади, символическая поэзия и яркая публицистика которого выразили с наибольшей полнотой и глубиной не только тысячелетний исторический опыт Венгрии, но и парадоксы современного венгерского общества, «трагикомически барахтающегося между полуварварством и ультрацивилизацией», дилеммы запоздалого буржуазного развития в политически зависимом государстве, на территории которого вместе с тем проживали многочисленные национальные меньшинства, подвергавшиеся нещадному воздействию великомадьярского шовинизма.

Мироощущению молодого Лукача были весьма созвучны полные горечи и сарказма слова Ади о том, что вопреки всем усилиям стать мостом между Востоком и Западом его страна стала не мостом, а разве что паромом, который движется «между двух берегов: от Восточного к Западному, но охотней – обратно». Сборник Ади «Новые стихи», опубликованный в 1906 г., писал Лукач на склоне лет, «оказал на меня совершенно преобразующее воздействие, они... были первым венгерским литературным творением, в котором я обрел себя, которое я ощутил своим... В то время – надо признаться – внутренней общности с венгерской классической литературой у меня не было, формирующее влияние оказывала на меня только зарубежная литература, в первую очередь немецкая, скандинавская и русская, и помимо того – немецкая философия... Потрясение, испытанное мною от стихов Ади, в сущности этого не изменило... и в Венгрию меня не вернуло. Можно сказать, что Венгрией были для меня тогда стихи Ади»¹⁴. Именно поэзия Ади с ярко выраженными в ней предчувствиями грядущих перемен («На горизонте трепет новой смуты, и жуткой новизной полны минуты». Пер. Ю.Тарнопольского) смогла

придать наиболее завершенную художественную форму тем не совсем отчетливым мистическим ожиданиям, которыми жил молодой Лукач.

Венгерский культурный ренессанс начала века не мог в полной мере удовлетворить Д.Лукача прежде всего в силу своей заведомой нефилософичности. Ведь в самом деле: ставший рупором прогресса в Венгрии журнал О.Яси «Двадцатый век» упорно прикреплял к своему знамени имя Г.Спенсера, не замечая, что не только в Германии, но и во Франции, и даже в консервативной Англии давно наметился поворот от позитивизма к поискам новых абсолютов в русле философии жизни и неокантианства. Полное равнодушие, а зачастую и отвращение к идолам, которым поклонялась радикальная венгерская интеллигенция, делали Лукача «чужим» среди «своих», ставили его (по собственному позднему признанию) в положение «эксцентричного аутсайдера» в среде своих соотечественников-прогрессистов. В журнале «Nyugat», на страницах которого Лукач также неоднократно печатался, мирно сосуществовали под одной крышей течения, на Западе находившиеся в состоянии непримиримой полемики, и это также не могло удовлетворять молодого философа, к этому времени уже превосходно знавшего основные тенденции духовной жизни Европы. При всей особости своих позиций и в целом критическом отношении к современной венгерской культуре Лукач все же чутко реагировал на те явления в ней, которые были созвучны его интеллектуальным устремлениям. Одна из его статей была посвящена художникам-постимпрессионистам группы «Восемь». С их творчеством, развивавшим традиции П.Сезанна, философ связывал плодотворную попытку выявления неизменных качеств предметного мира, преодоления неприемлемой для Лукача импрессионистской эстетики, не способной выйти за рамки визуальных впечатлений, проникнуть в суть вещей.

Эссе, вошедшие в сборник «Душа и формы», хотя и написаны были изначально по-венгерски, были восприняты на родине как плод «абстрактного немецкого духа», инородное для национальной культуры явление, не вызвали того же отклика, что и в Германии. «Вечные тьмы», затронутые в эссе, находились лишь в довольно отдаленном созвучии актуальным социальным и политическим проблемам современной Венгрии. Надо сказать в то же время, что философская эссеистика была лишь одним из направлений в духовных исканиях молодого Лукача. Параллельно шла работа над фундаментальным научным трудом «История развития современной драмы» (1911). Проблема трагического отчуждения человека от социальных форм, бытующих в обществе, занимала Лукача и в этом исследовании, однако теперь он не просто стремился выразить свое мироощущение, обратившись к близким ему художественным образам и моделям человеческих отношений, представленным в ряде литературных произведений. Его задачей было раскрыть на материале истории европейской драмы социально-исторические истоки того душевного состояния, которое определялось обостренным чувством одиночества, изолированности индивида в окру-

жающем мире. В работе об истории драмы Лукач, по собственному более позднему признанию, впервые «попытался уловить сущность литературного явления с помощью... определения главных линий общественного развития»¹⁵. Этой книге, оказавшей заметное влияние на последующую социологию культуры (труды А. Хаузера и др.), присущ глубокий историзм, качество, развитое Лукачем в его работах 1930–1940-х годов по узловым проблемам культуры, философии, литературы Германии, Австро-Венгрии, Франции, России. Анализируя исторические корни возникновения и основные тенденции дальнейшей эволюции драмы как литературного жанра, особенно отчетливо передающего межличностные связи и выражающего общественные противоречия, Лукач в определенной мере использовал методологию своего учителя М. Вебера, придававшую решающее значение не реальному бытию исследуемых объектов, а исходному ракурсу зрения историка. Популярная в то время неокантианская методология подчеркивала активное начало в познавательной деятельности, предлагала исследователям субъективные мыслительные средства («идеальные типы») для сцепления рассыпающихся фактов, овладения эмпирией во всем ее многообразии.

Наиболее последовательным воплощением драматического жанра, согласно Лукачу, является трагедия. Последняя воспринималась венгерским философом не просто как одна из литературных форм, а как аутентичная форма современной жизни, нашедшая выражение и в литературе. Трагизм бытия, в основе которого лежит отчуждение, одиночество изолированных индивидов, – метафизическая, а не просто социально-историческая реальность (вечный характер трагического в жизни людей заключается в заведомом фатализме, безысходности, невозможности изменить судьбу, будь то индивида или целого класса, общественного слоя). Вместе с тем в каждую эпоху трагическая реальность приобретает конкретные очертания. Своего апогея трагедийное начало достигает в век упадка того или иного класса, в период, когда лучшие его представители, люди, воплощающие в себе его наивысшие возможности, претерпевают на глазах всего общества жизненный крах, имеющий надличностное значение. Так было, например, в эпоху расцвета древнегреческой драмы, пришедшуюся на годы кризиса афинского полиса. Если класс переживает период подъема, он не ощущает трагизма своего существования – трудности осознаются как временные и преходящие и подлинная трагедия невозможна. Даже Ф. Шиллер, живший в эпоху подъема немецкой буржуазии, не обладал абсолютным трагическим мироощущением и в «Марии Стюарт» ослабил чистоту трагедийного начала, сделав упор на греховности своей героини. Без подлинно трагического мировосприятия, отрицающего свободу воли, трагедия так и останется всего лишь эстетическим упражнением, «уроком на заданную тему». Начавшийся упадок буржуазии как класса лежит в основе современной драмы, корифеем которой Лукач считал Г. Ибсена.

Экзистенциально-трагическое мироощущение молодого Лукача, таким образом, довольно парадоксально сочеталось с его склонностью к конкретному социально-историческому анализу, на что впоследствии многократно обращали внимание французский философ Л. Гольдман и другие поклонники творчества раннего Лукача. Предпринятая венгерским мыслителем в книге об истории драмы попытка выявить социальные истоки тех или иных важнейших литературных явлений и целых жанров получила развитие в его последующих работах, в том числе в относящихся к марксистскому периоду его творчества¹⁶.

В годы написания «Истории развития современной драмы» на долю Лукача выпали первые жизненные испытания. Лучший друг и ближайший единомышленник Л. Поппер (способный искусствовед, с которым Лукач обговаривал все свои творческие планы), умер от туберкулеза. Еще более серьезной личной драмой стало самоубийство в 1911 г. любимой женщины, художницы Ирмы Зайдлер. Смерть Ирмы повлекла за собой острое осознание вины: оно нашло отражение в философском эссе «О нищете духа», а еще более на пронизанных отчаянием страницах флорентийского дневника (зиму 1911–1912 годов Лукач провел в Италии). Обостряется чувствительность Лукача к этическим проблемам. В своих исканиях он постепенно приходил к мнению, что искусство должно выполнять скорее не метафизическую, а моральную функцию – создавать образ (микрокосм) нового мира, находящуюся в резком контрасте со старым миром некую утопическую целостность, способную вдохновить людей на ее воплощение в реальности. Присущее искусству люциферово начало позволяет ему восстать против мира, созданного богом, во имя другого, более совершенного. Конфронтация между миром отчуждения и миром утопии должна в идеале завершиться победой последнего: радикальное уничтожение мира отчуждения сможет сделать утопическую тотальность реальной, эмпирической тотальностью. Таким образом, по мере преодоления душевного кризиса, связанного с гибелью Ирмы, в духовной эволюции Лукача стал постепенно намечаться поворот от трагического видения мира к утопическому, от чувства безысходности к мессианизму и апокалиптической надежде. Отныне он уже не считал отчуждение конечным человеческим состоянием. Реальность, какой бы она ни была – отнюдь не «тюрьма», а результат собственного выбора. Бог покинул мир, но возможно второе пришествие Христа. Духовный путь Лукача шел к принятию наиболее еретической версии христианской религии – признанию возможности установить Царство Божие на Земле. Книга «Душа и формы» еще продолжала находить отклик в прессе, но уже стала глубоко чуждой автору. В работах 1910-х годов и прежде всего в наиболее известной из них, «Теории романа»¹⁷, преобладал уже не трагизм мироощущения, а утопические надежды.

Любая утопия, сколь ни была бы она оторвана от жизни, не может ограничиться идеальным проектом, «моделью» будущего, она предполагает для

своего осуществления «новых людей», носителей утопического сознания. И размышляя над тем, есть ли в реальности социально-политическая сила, способная обнаружить выход из глубокого кризиса и нравственного тупика современной западной цивилизации, молодой Лукач не мог обойти вопроса об отношении к современному социализму. «Надежда может быть только на пролетариат и социализм, – писал он в 1910 г. – Надежда, что придут варвары и грубыми руками отбросят в сторону всю эту презренную утонченность; надежда, что революционный дух, который всегда разоблачал любую идеологию, повсюду видел свежие силы революции, и здесь сможет ясно все увидеть и почувствовать, сметая на своем пути все второстепенное и возвращаясь к существу дела»¹⁸. Но далее следовало весьма пессимистическое заключение: современный социализм «не обладает религиозной силой, затрагивающей душу целиком – какой владело первоначальное христианство». Идеология II Интернационала, делавшая упор на эволюционное, органическое развитие общества, ориентировавшая людей не на борьбу, а на приспособление к существующему порядку вещей, явно не отвечала радикальным мессианистским устремлениям молодого Лукача, исключительной бескомпромиссности его романтического антикапитализма. Как и многим другим охваченным революционным нетерпением интеллектуалам его поколения, Лукачу виделась в социал-демократических доктринах недооценка активного, субъективного фактора в истории. Более мессианский социализм, способный привести ко второму пришествию Христа и «новых христиан» и составить реальную альтернативу лишенной духовных абсолютов современной западной цивилизации, венгерский философ увидел в России. Он глубоко интересовался русской литературой, ее нравственными исканиями, писал так и оставшуюся незаконченной фундаментальную работу о Ф.М.Достоевском¹⁹, с творчеством которого связывал не только принципиальное обновление жанра романа (наиболее адекватной, по его мнению, формы художественного выражения современной эпохи тотальной греховности), но и попытку художественного воспроизведения другой, более глубокой, чем каитовская, этики, утверждающей моральную ответственность индивида не только за свои собственные поступки, но за все зло, совершаемое на земле. Этические нормы, господствующие в современном обществе, есть не более, чем одна из сил отчуждения. Мир героев Достоевского – выше мира социальных форм и обычных этических норм, отношения между людьми определяются не их социальным статусом – это общение обнаженных душ, преодолевающее социальные узы. С вниманием к русской литературе²⁰ перекликался глубокий интерес Лукача к революционному движению в России. Одно из характерных проявлений «второй» этики он видел в присущей русским революционерам готовности пожертвовать во имя общих интересов не только жизнью, но и собственным душевным комфортом и даже моральной чистотой. В 1913 г. Лукач, обосновавшийся к тому времени в немецком университетском городе Гейдельберге, женится на

русской политэмигрантке, эсерке Елене Грабенко, шокировав своим поступком отца и все семейство (включая стремившуюся к духовной близости с братом младшую сестру Миши). В первой своей жене венгерский философ увидел реальное воплощение не только России Достоевского, но и современной революционной России. Уже упомянутый Э.Блох как-то заметил по этому поводу, что его друг женился на «России Достоевского», которая никогда не существовала в реальности²¹.

Углубление протигоречий между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, а Россией, с другой, делало все более неотвратимым роковой исход. Вместе с тем оно не перечеркивало усилий немецких и российских интеллектуалов, направленных на взаимное общение и сближение. В 1910 г. одновременно в Германии и России было налажено издание международного философского журнала «Логос», в котором сотрудничали как немецкие, так и российские философы разных направлений (от Генриха Риккерта и Вильгельма Виндельбанда до Федора Степуна и Николая Лосского). Лукач становится одним из авторов «Логоса». Работа «Метафизика трагедии» вышла и в русском издании журнала, став первой его публикацией на русском языке²².

К рубежу 1900–1910-х годов Д.Лукач становится довольно заметной фигурой в литературной жизни Венгрии. Достаточно сказать, что его эссе, вошедшие в сборник «Душа и формы», как правило, предварительно публиковались также в «Нюгате». И все-таки его этические и эстетические искания слишком далеко отстояли от основного потока современной венгерской культуры, в котором доминировала совсем иная тенденция – не критики, как у Лукача, современной западной культуры, а напротив, ориентации на ее новейшие образцы, причем ориентации зачастую безразборной, лишенной должной дифференциации, грешащей эклектицизмом.

В 1911 г. Лукач, опять-таки не без материальной поддержки отца, принял совместно с искусствоведам Л.Фюлепом издание философского журнала «Селлем» («Дух») по образцу германо-русского «Логоса». Новое издание было нацелено на повышение философской культуры в Венгрии. Наряду с переводами современных немецких авторов в нем предполагалась публикация оригинальных работ венгерских мыслителей. Однако, аудитория такого журнала оказалась в Венгрии очень узкой. После двух номеров «Селлем» прекратил существование.

Неудача с изданием философского журнала лишний раз убедила Лукача в невозможности найти на родине сколько-нибудь широкий отклик своим идеям. В 1912 г. венгерский философ избирает местом своего постоянного жительства Гейдельберг, пристанище многих мыслителей и литераторов. Вращаясь в самой рафинированной интеллектуальной среде, постоянно общаясь с Максом Вебером и его учениками, Лукач стал готовиться к преподавательской карьере в одном из наиболее престижных университетов Германии. Там его и застал август 1914 года.

Первая мировая война вначале вызвала прилив энтузиазма, настоящий душевный подъем среди интеллигенции всех воюющих стран, включая людей последовательно либеральных убеждений, чуждых крайностям национализма. В числе тех, кто ее активно поддержал, были европейски известные интеллектуалы А.Бергсон, Э.Дюркгейм, З.Фрейд, Т.Манн и др. Великий французский поэт Г.Аполлинер пошел добровольцем на фронт, где был тяжело ранен в голову. Истоки подобного, в своей основе романтического ощущения лежали в пресыщении «пошлым» мешанским укладом жизни, жажде неизведанного, ожидании грядущих социальных перемен, рождения нового, очищенного в горниле фронтовых лишений, более справедливого и гуманного мира. Прокламировавшаяся правящими кругами идея священного единения во имя победы своей родины находила бескорыстных поборников среди интеллигентов, увидевших во фронтовом братстве модель преодоления духовной изоляции, установления новых, идеальных, лишенных отчуждения межчеловеческих отношений²³. Этому способствовала и общность переживаемых страданий, разрушавшая привычные социальные перегородки. «Людей охватило какое-то пылкое стремление к единению друг с другом», – так жена всемирно известного социолога Макса Вебера вспоминала впоследствии настроения в гейдельбергском окружении своего мужа²⁴.

Д.Лукач не склонен был разделять пафоса коллег, за что подвергся ostracismu с их стороны. Лукач упорно продолжает видеть милитаризм там, где «для меня речь идет именно об освобождении от милитаризма», то есть об утрате им своей прежней самоцельности и бессмысленности, – замечал в этой связи в одном из писем его учитель Георг Зиммель²⁵.

По мнению Лукача, война не только не способствовала преодолению всеобщего отчуждения в межчеловеческих отношениях, но обостряла это отчуждение в грандиозной степени. Войну он воспринял как предельное выражение абсолютной иррациональности, бесчеловечности и греховности современной цивилизации, пока не найдя реальной силы, которая смогла бы выволить человечество из этого состояния. Укреплению в нем подобного отношения к всемирной войне способствовал и личный жизненный опыт – потеря друзей. В омском госпитале для военнопленных скончался высоко ценимый Лукачем философ Б.Залаи, предвосхитивший ряд положений теории систем. На фронте погиб молодой гейдельбергский философ Э.Ласк. Кстати, сам Лукач в условиях всеобщей военной мобилизации избежал отправки на фронт (в том или ином качестве) лишь благодаря высокому положению отца, что он признал впоследствии в беседах со своим учеником И.Эрши²⁶.

Духовная встряска 1914 г. поставила Лукача в оппозицию не только существующему порядку вещей, но в известной мере всей той освященной авторитетом Гегеля немецкой интеллектуальной традиции, которая считала разумным этот порядок. Как писал Лукач известному немецкому литератору и философу П.Эрнсту в 1915 г., «мы должны вновь и вновь подчеркивать,

что единственно существенным являемся мы сами, наша душа, и даже ее вечно-априорные объективации... – не более, чем бумажные купюры, чья ценность зависит от обмениваемости на золото. Реальную власть этих творений, правда, нельзя опровергнуть, но смертным грехом духа является то, что наполняет немецкую мысль со времен Гегеля, когда любую власть наделяют метафизическим освящением»²⁷.

Вернувшись из Германии в Венгрию, Лукач окупился в среду, где поначалу доминировали те же провоенные настроения. Общественное мнение, хранившее в исторической памяти интервенцию фельдмаршала И.Паскевича против венгерской революции в 1849 году, всецело поддержало войну с Россией, тем более что официальный Петербург (Петроград) традиционно воспринимался как покровитель венгерских славян, оплот панславизма – главной угрозы для Венгрии. «Европейская культура вступает в борьбу с российским варварством... Падение России означает победу более высокой культуры и большей свободы», – писала 3 сентября 1914 г. социал-демократическая газета «Непсава». Духовно близкий в то время Лукачу поэт, драматург и философ Б.Балаж ушел добровольцем на фронт. В статье «Париж или Веймар?», опубликованной в журнале «Нюгат», он попытался увидеть в начавшейся войне столкновение двух культур, проявление соперничества между стагнирующим французским (латинским) и более свежим, здоровым немецким духом. Войну поддержали писатели последовательно демократического направления – Ж.Мориц, Д.Юхас. Лишь немногие имели смелость идти против течения. Среди них – поэты Э.Ади и М.Бабич, социолог и политик О.Яси. Писатель Д.Костолани воспринял начало войны как «конец поэзии, конец европейской образованности».

Вопреки чересчур оптимистическим прогнозам прессы, полагавшейся, в первую очередь, на мощь германского союзника, ожидавшейся легкой прогулки на Восток не получилось, война приобрела затяжной и изнурительный характер. Уже к концу 1914 г. в венгерском обществе начинает преодолеваться милитаристский угар, усиливаются пацифистские настроения, все заметнее становится разочарование в целях войны. Умеряет свой прежний шовинистический тон пресса, активизируются антивоенные движения.

Столкновение с суровой реальностью не проходило бесследно для интеллигенции. Ход войны, постоянно напоминавший о неизмеримо высокой цене побед, разительное противоречие между патриотическими и гуманистическими ценностями вновь и вновь подвергали испытанию ее нравственную позицию. В литературе и публицистике все более явно звучит антимилитаристский протест (Л.Кашшак и его журналы «Тетт» и «Ма»). Только наиболее консервативное крыло литераторов принимало и дальше участие в военной пропаганде.

Не только в Венгрии, но по всей воюющей Европе действительность на каждом шагу давала основания для глобальной переоценки ценностей.

Терпел крах устоявшийся десятилетиями жизненный уклад миллионов людей, привычный для всех живущих поколений. То, что до войны не мыслилось возможным, становилось реальностью. Первоначальная эйфория сменялась острым разочарованием. Растянувшись на целые годы и принося все больше страданий и разрушений, война в огромной мере способствовала радикализации умов. Отбросив саму идею поступательного прогресса, многие европейские интеллектуалы вставали на путь нигилизма и апокалиптизма, обращались к ультралевым социальным доктринам.

Подолгу живя в эти годы в Будапеште (проходя, как венгерский подданный, альтернативную военную службу сначала в больнице, а затем в цензурном ведомстве), Д.Лукач собрал вокруг себя талантливых молодых интеллектуалов (некоторые из них – социолог К.Маннхейм, эстетик А.Хаузер, теоретик кино Б.Балаж, получили впоследствии всемирную известность). В ходе еженедельных дискуссий обсуждались отнюдь не конкретно-политические, а философские, этические, эстетические вопросы: мы занимаемся абстракциями, записал в 1917 г. в дневнике Б.Балаж, в то время как мир перевернулся, «нам нечего есть, нечем отапливать жилища, мы совсем не имеем представления о том, что принесет нам завтрашний день, и испанский грипп свирепствует совсем рядом с нами подобно средневековой чуме»²⁸. Участников «Воскресного общества» глубоко заботила проблема выживания духовности в условиях еще невиданной в мировой истории кровавой бойни. Главная из дилемм, стоявших перед Лукачем и его единомышленниками, заключалась в этическом выборе: что предпочтительнее в моральном плане – бегство от общества или прямой вызов? В ходе дискуссий обсуждалась даже идея создания небольшой коммуны близ Гейдельберга как своего рода убежища от современной цивилизации. Интересно, однако, то, что эскапистские настроения парадоксально сочетались со своего рода миссионерским порывом, стремлением расширить круг единомышленников. В 1917–1918 гг. Лукач и его соратники организовали в Будапеште так называемую «свободную школу духовных наук», прочитав в ее рамках большой цикл лекций для интеллигенции, получившей возможность ознакомиться с новейшими веяниями западной философии, литературы, искусства. Осознание исчерпанности позитивизма, интерес к метафизике, трансценденции, этическим и эстетическим абсолютам, неприятие релятивизма импрессионистской эстетики в той или иной мере роднили идейные установки «Воскресного общества» со сходными духовными течениями в других странах (например, кругом Стефана Георге в Германии)²⁹.

В Гейдельберге Лукач, готовясь занять университетскую кафедру, в течение ряда лет работал над фундаментальным трудом по эстетике. Размолвка с Вебером, возникшая в начале войны из-за политических расхождений, была преодолена, живой классик немецкой социологии продолжал оказывать покровительство молодому венгру, ценя в нем философа и не поощряя увлечения эссенстикой³⁰. Эстетический труд Лукача не только синтезировал

феноменологию Гуссерля с неокантианством, но и обозначил серьезный интерес автора к Гегелю, имевший гигантское, можно сказать, роковое значение для всей его последующей духовной эволюции от юношеского нигилизма и бунтарства к признанию разумности одной из тоталитарных систем XX века. Этот труд остался незавершенным – перед одним из своих последних отъездов в Будапешт философ положил незаконченную рукопись на хранение в сейф гейдельбергского банка. По символическому совпадению это случилось 7 ноября 1917 г. Впоследствии, перейдя на марксистские позиции, Лукач, никогда не боявшийся сжигать за собой все мосты, старался всячески принизить значение раннего, домарксистского периода в своем творчестве, считал его пройденным этапом собственной философской биографии. Поэтому его так называемые «Гейдельбергская философия искусств» и «Гейдельбергская эстетика» были изъяты из сейфов и подготовлены к публикации учениками Лукача лишь после смерти философа, в 1970-е годы, вызвав немалый резонанс.

Революция, произошедшая в России, произвела на Лукача тем большее впечатление, что не была для него неожиданной в свете всех его предшествующих духовных исканий. Февраль, а затем, в еще большей степени, октябрь 1917 г. не только указывали путь выхода из войны. Они явились наилучшим подтверждением давно вынашивавшейся Лукачем мысли о более мессианском характере российского социализма в сравнении с западноевропейским. Задачи коренного обновления современного общества, казавшиеся прежде утопическими, были поставлены русской революцией на повестку дня, перенесены из абстрактной сферы в плоскость непосредственной политической практики. Будучи и теперь уверенным в превосходстве моральной революции над социальной и политической (способной изменить, по его мнению, лишь только внешние параметры человеческого существования) философ и критик, прежде чуравшийся практической политики, в первую очередь именно под влиянием российского опыта стал проявлять к ней несомненный интерес. «Социалистом меня сделали российская революция и последовавшие за ней события в Венгрии», – скажет Лукач впоследствии³¹.

В конце октября 1918 г. Д.Лукач стал свидетелем демократической революции, положившей конец многовековому господству Габсбургов не только в Венгрии, но и во всей Центральной Европе. В сложнейшей экономической ситуации, вызванной военным поражением, левоцентристское правительство М.Каройи оказалось неспособным решить стоявшие перед страной социальные проблемы. Не смогло оно должным образом защитить и национальные интересы венгров – в условиях, когда руины полиэтничной Габсбургской монархии стали полем столкновения национальных амбиций, подстрекаемых с разных сторон державами-победительницами. Все сильнее становилось давление на правительство слева: с первых же недель существования вен-

герской республики установление советской власти по российскому образцу рассматривалось как возможная альтернатива режиму Каройи.

Соотнося венгерскую действительность с тем, что происходило тогда в России, и задумываясь над будущим революции в Венгрии, Лукач в декабре 1918 г. публикует статью «Большевизм как моральная проблема», отразившую не столько его воодушевление в связи с обозначившейся перспективой, сколько глубокие сомнения. Марксистское учение о классовой борьбе как движущей силе исторического развития и неизбежном в этой борьбе применении террора и диктаторских методов вступает, по мнению Лукача, в известное противоречие с марксовым видением социализма как бесклассового, лишённого всякого принуждения общества. Весь большевизм, писал венгерский философ, в этическом смысле зиждется на том метафизическом допущении, что зло способно породить добро, что именно через ложь пролегает дорога к истине, и что искоренить путем насилия угнетение во имя будущего бесклассового общества – более нравственный выбор, чем увеселить несправедливость классового строя. Мессианские представления большевиков о миссии пролетариата основаны прежде всего не на разуме, а на вере – в то, что с достижением конечной цели мир избавится от зла. По Лукачу, это частный случай того, что выразил своей емкой формулой Тертуллиан: *credo quia absurdum est* (верую, ибо нелепо). Венгерский философ заявил о своей неспособности принять эту веру, расходящуюся с волей большей части человечества.

Но забрезжившая перед Лукачем возможность коренного обновления была настолько притягательна, что вскоре начисто смела все поспешно сооруженные на пути ее реализации рассудочные построения. Мы увидели, «что – наконец-то, наконец-то! – перед человечеством открылся путь выхода из войны и из капитализма». В этих условиях, вспоминал потом Лукач, я «пережил короткий переходный период: мои последние колебания перед окончательно сделанным правильным выбором», сопровождавшиеся выискиванием абстрактных контраргументов по большей части филистерского свойства, были вскоре преодолены³².

Описывая свой идейно-политический поворот конца 1918 г., определивший всю его последующую жизнь, Лукач десятилетия спустя не мог не признать, что его обращение в большевизм явилось выходом из глубокого духовного кризиса. В своих философских, этических исканиях, скажет он, «я проманеврировал до теоретического тупика», никакой мыслительной перспективы не было, «самое лучшее, что из меня могло бы получиться, – это эксцентричный гейдельбергский приват-доцент»³³. Моральные дилеммы, заботившие его, оставались практически неразрешенными. Лукач чувствовал, что революция отнюдь не остановится на своей первой ступени (персонализируемой графом Каройи); разбуженная социальная стихия поднимется на новый виток. Надо было делать выбор («за или против») – выбор моральный и политический. И Лукач сделал свой выбор – через считанные дни после публикации статьи «Большевизм как моральная проблема» вступил в

незадолго перед этим созданную венгерскую компартию. Его духовный поворот отразил ряд статей, относящихся к началу 1919 г. Все, кто пришел в коммунистическое движение, писал Лукач в статье «Тактика и этика», принимают на себя личную моральную ответственность за каждую жертву революционной борьбы. Однако тот, кто встает на сторону противников коммунизма (или даже уклоняется от выбора), ответственен за продолжение войны и классового угнетения, за неминуемые новые жертвы. Выбор, сделанный Лукачем, был однозначен, при том, что для него, как неоднократно признавал он позже, оставалась неясной «научная обоснованность» идеи коммунизма³⁴.

Переход Д. Лукача на позиции пролетарского мессианизма и – как логическое следствие – его вступление в венгерскую компартию вызвали немалое удивление венгерской, а затем и немецкой интеллектуальной элиты. Духовно близкая философу писательница А. Леснаи вспоминала, что обращение Лукача в новую веру произошло буквально в промежутке между двумя воскресеньями, ничем не предвещаемое³⁵. С другой стороны, в рядах самих коммунистов появление Лукача было встречено с немалым недоверием и подозрением. Писатель и художник Л. Кашшак (на протяжении многих десятилетий мэтр венгерского авангарда в искусстве, а по партийной принадлежности левый социал-демократ) передавал в своей автобиографии то большое удивление, с которым было воспринято в ультралевых политических кругах подключение к работе редакции коммунистической газеты «Вереш Уйшаг» человека, всего несколькими днями ранее «с философским пафосом писавшего, что коммунистическое движение не имеет под собой никакой этической базы и в силу этого не отвечает задачам создания нового мира. Позавчера он писал именно так, а сегодня восседает за столом в редакции «Красной газеты»³⁶.

Но какова бы ни была реакция современников на происшедший переворот в мировоззрении Лукача, он доказал всей своей последующей политической, философской, научной деятельностью, что сближение с коммунистическим движением не было для него случайным, кратковременным увлечением. Отношения философа с компартией, хотя временами они были отнюдь не безоблачными, продолжались более полувека, до самой смерти Лукача.

В первые месяцы 1919 г. Д. Лукач сосредоточился на публицистической и редакторской деятельности. Он становится одним из редакторов изданий коммунистической партии – газеты «Вереш уйшаг» и журнала «Интернационал», а в феврале 1919 г. после ареста правительством Каройи (за экстремистские призывы) первого состава центрального комитета компартии, избирается в ее ЦК. Его публицистика тех месяцев интересна тем, что в ней впервые были обозначены проблемы, получившие затем развитие в знаменитой книге 1923 года «История и классовое сознание» – в частности, о необходимости внесения сознательного начала в происходящий независимо от воли людей революционный процесс, об адекватном революционному

сознании и его носителях, о роли интеллигенции в революции. Из общего потока венгерской революционной публицистики 1919 года выступления Лукача выделялись не только неизмеримо более высокой философской культурой, но и глубоким интересом к морально-этической проблематике революции (показательны уже сами названия статей: «Большевизм как моральная проблема», «Моральная основа коммунизма», «Роль морали в коммунистическом производстве» и т. д.). Приняв на веру коммунистическую идею, философ испытывал необходимость не столько в логическом, сколько в моральном ее обосновании.

Революция октября 1918 г., свергнув власть Габсбургов, не смогла направить развитие Венгрии в русло демократической конституционности. Не выдержав напора левых сил, требовавших немедленного осуществления социалистических преобразований, граф М. Каройи в сложнейшей внутриполитической и международной обстановке весны 1919 года передал 21 марта свою власть партиям пролетариата (левым социал-демократам и коммунистам), попытавшимся по примеру русской революции установить правление в форме Советов. Социалистический эксперимент, поначалу встреченный с немалым воодушевлением многими выдающимися венгерскими деятелями культуры, продолжался 133 дня.

В период Венгерской советской республики Д. Лукач был заместителем социал-демократа Ж. Кунфи по руководству наркоматом просвещения, и обладая широкими полномочиями, играл весьма заметную роль в осуществлении культурной политики. Для его общей политической позиции были характерны революционное нетерпение, склонность к левым перегибам, во многом питавшиеся его идеалистическими, левогегельянскими философскими воззрениями того времени, утверждением примата идеи, сознания над реальностью, общественным бытием. Стремление укрепить позиции коммунистической идеологии в венгерской культуре лежало и в основе его культурной политики. Вместе с тем концепцию Лукача отличали требовательность к художественному уровню, довольно бережное отношение к культурному наследию. «Культурная программа коммунистов делает различие только между хорошей и плохой литературой и не намерена отбросить ни Шекспира, ни Гете на том основании, что они не были социалистами... Политика только средство, культура же – цель... Поддержкой наркомпроса будут пользоваться все бесспорные ценности литературы, кем бы они ни были созданы, но естественно и то, что он будет в первую очередь поддерживать искусство, выросшее на пролетарской почве, в той степени, в какой оно будет являться подлинным искусством», – так Д. Лукач в одной из статей тех дней сформулировал установки культурной политики³⁷.

Виднейшие деятели венгерской культуры (в том числе всемирно известные композиторы Б. Барток и З. Кодай, крупные писатели от Ж. Морица до М. Бабича и Д. Костолани) были привлечены к работе созданных под эгидой наркомата просвещения директорий, ведавших вопросами литературы,

изобразительного искусства, музыки. В революционной атмосфере тех дней, когда подвергались радикальной переоценке многие устоявшиеся ценности и ожидалось скорое воплощение казавшихся ранее несбыточными политических идеалов, сама идея руководства литературным процессом не всегда воспринималась как абсурдная. «Путь поэзии в коммунистическом государстве прям как стрела. Исчезают «общественные проблемы», тяготевшие до сих пор на совести поэтов, их забирает в свое ведение государство, кардинально решающее их с помощью одного-двух постановлений», – писал классик венгерской художественной литературы Дежё Костолани³⁸. Надо сказать, что подобного рода утопиями жили весной 1919 года многие венгерские литераторы. Лишь по мере их разочарования в новой власти (как и в России, очень склонной к «перегибам» левацкого толка) происходило неизбежное протрезвление.

При содействии Д. Лукача в дни Венгерской советской республики ряд влиятельных интеллектуалов Венгрии (среди них поэт М. Бабич, упоминавшиеся К. Маннхейм, А. Хаузер, Б. Балаж) впервые получили назначения на университетские кафедры, хотя не все они разделяли коммунистические убеждения. Планы реформ школьной системы, библиотечного, музейного дела, разработанные наркомпросом и за недолгие месяцы существования Венгерской советской республики лишь начавшие внедряться в практику, также при некотором своем утопизме сыграли, несомненно, положительную роль, поскольку способствовали более широкому приобщению масс к культуре. По инициативе Лукача был разработан план издания классики мировой литературы и философской мысли, причем подход к культурному наследию был, пожалуй, не менее широк, нежели в планах петроградского издательства «Всемирная литература», у истоков которого в 1918–1919 годах стояли М. Горький и А. Блок. Современная «буржуазная» культура, включая философ-идеалистов В. Дильтея, Г. Зиммеля, Э. Маха, а также английских и французских писателей-«декадентов», была вполне представлена в списке предлагаемых публикаций.

Несколько недель лета 1919 года Лукач провел на северном фронте в качестве политкомиссара – между Венгерской советской республикой и молодым чехословацким государством возник вооруженный конфликт из-за Словакии. Кабинетному мыслителю, сыну крупного буржуа, пришлось приобрести совершенно новый жизненный опыт. На старости лет философ, откровенный в своих признаниях, не скрывал, что однажды ему лично пришлось в отчаянной ситуации отдать приказ о расстреле каждого шестого солдата из дезертировавшего батальона³⁹. Возвращенные в тепличных условиях абстрактные представления о новой, революционной морали теперь приходилось поверять суровой жизненной практикой.

В начале августа 1919 г., когда в Будапешт вошли поддержанные Антантой румынские войска и произошла смена власти, руководство венгерской компартии эмигрировало в Вену. Однако Д. Лукач вместе с другим членом

ЦК. О.Корвином. по инициативе Б.Куна был оставлен в Будапеште для налаживания конспиративной работы в подполье. Почему выбор пал именно на него? Тот факт, что у Лукача были гораздо более обширные связи в «буржуазном» обществе, чем у подавляющего большинства его соратников по партии, вероятно учитывался, но все же не имел решающего значения. Дело было прежде всего в другом. Вождя венгерской революции Б.Куна и Лукача едва ли не с первых недель их знакомства (а познакомились они в декабре 1918 г. во время вступления Лукача в партию) отличали неприязненные отношения. Кратковременное увлечение Лукача Белой Куном как сильным революционным практиком («гностиком дела», по его выражению), способным твердостью воли добиться воплощения высоких идеалов, быстро сменилось сильным разочарованием. Человек с непомерными вождистскими амбициями, претендовавший помимо всего прочего и на роль главного интеллектуала партии, охотно выступавший по вопросам культуры, литературы, философии и т. д., Кун не мог не видеть в известном за пределами Венгрии литераторе и философе серьезного конкурента. Потому он, как представляется, и воспользовался случаем отправить Лукача на верную гибель. Более месяца Лукач скрывался от полиции на квартире у вдовы своего покойного друга философа Б.Залаи, а в середине сентября сумел нелегально зыехать в Вену, тогда как его партнер по конспиративной работе О.Корвин был схвачен охранкой и казнен. 22 года спустя, когда философ находился в качестве узника на Лубянке, следователи в самом факте его спасения в сентябре 1919 г. увидели (вполне в духе своего времени) один из главных аргументов в пользу причастности Лукача к деятельности хортистской разведки.

Между тем, контрреволюционное венгерское правительство упорно требовало осенью 1919 года выдачи Лукача. 12 ноября 1919 г. в центральной берлинской газете «Берлинер тагеблатт» появилось письмо в его защиту, которое подписал целый ряд виднейших немецких и австрийских литераторов и философов (Томас Манн, Генрих Манн, Пауль Эрнст, Альфред Керр, Бруно Франк и др.). «Не как политик, а как человек и мыслитель Лукач должен быть оправдан... Вопрос о Лукаче не сугубо партийный вопрос. Все кому довелось лично знать его человеческую порядочность и кто восхищен высотой полета мысли его философско-эстетических книг, должны выступить против выдачи Лукача»⁴⁰.

Независимо от позиции ведущих немецких интеллектуалов либеральное австрийское правительство не было склонно к выдаче адмиралу Хорти деятелей разгромленной советской республики. Вена, где Лукач прожил с перерывами 10 лет, стала в начале 1920-х годов важным центром венгерской политэмиграции. Видный философ избирался в состав ЦК венгерской компартии, активно публиковался в германоязычной, а также эмигрантской венгероязычной коммунистической прессе. Политическая позиция Лукача в начале 1920-х годов отличалась крайним радикализмом, как публицист он

тяготел к одному из ультралевых течений в компартии Германии, выступавшему с так называемой «теорией наступления», идейно подготовившей восстание гамбургских рабочих 23–25 октября 1923 г., последнее серьезное проявление революционной волны на Западе. Выступив против участия коммунистов в парламентах буржуазных государств, Д.Лукач в одной из статей на страницах венского журнала «Коммунизм» (главного рупора ультралевых в Коминтерне) охарактеризовал мирные, парламентские средства борьбы как сугубо оборонительную тактику, свидетельствующую, по его мнению, о разочаровании в наступательных, революционных средствах. Левацкая неприсклонность и бескомпромиссность венгерского философа вызвали неудовольствие В.Ленина, боровшегося в это время с «детской болезнью левизны» в коммунизме и раскритиковавшего Лукача в одной из своих работ 1920 г. (см. прим. 21 к следственному делу).

В эти годы в эмигрантских органах КПВ развернулась острая фракционная борьба между двумя группировками, возглавляемыми Б.Куном и Е.Ландлером. В отличие от более радикалистской фракции Б.Куна, стремившейся к подчинению всей деятельности КПВ целям «мировой революции», более умеренная фракция Е.Ландлера, в которой важную роль играл Д.Лукач, пыталась теснее привязать задачи КПВ к реалиям хортистской Венгрии и навести мосты к рабочему движению в самой стране. Вместе с тем наряду с принципиальными разногласиями в борьбе различных фракций внутри партии находили проявление и межличностные трения.

В связи с активным вовлечением Лукача в деятельность партийных органов Б.Балаж замечал в дневнике: «Здесь в Вене, он активно участвует в безнадежной конспиративной работе, выслеживая людей, скрывшихся с партийными деньгами. Тем временем его философский гений остается скрытым, подобно ушедшему под землю течению, расшатывающему и разрушающему верхний слой земли. Он рожден быть исследователем, одиноким ученым, созерцателем вечных сущностей... Он действительно стал бездомным, потому что оставил свой духовный дом»⁴¹. По мнению Балажа, «Лукач-заговорщик, активная политическая фигура, революционер – это ложные маски, это не его метафизически укорененная миссия... Он не живет своей собственной жизнью. Он впал в метафизический грех»⁴².

Между тем, и в это время Лукач оставался прежде всего философом. В 1923 г. выходит самая знаменитая его книга «История и классовое сознание», состоявшая из ряда работ 1919–1922 годов, часть которых сначала была опубликована в периодических изданиях. Собранные воедино, эти работы вызвали широчайший отклик. Книга Лукача была подвергнута резкой критике в рамках мирового коммунистического движения и вместе с тем разработкой ряда философских проблем (адекватного сознания, тотальности и т. д.) оказала неоспоримое влияние на последующее развитие европейской мысли – на Франкфуртскую школу, отчасти на французский экзистенциализм. В ходе состоявшейся в середине 1920-х годов интернациональной

дискуссии вокруг названного сборника статей Лукача обсуждались отнюдь не только сугубо абстрактные, философские проблемы, ведь работа венгерского мыслителя притягала быть ни много ни мало теоретическим обоснованием всей политической практики большевизма.

Главная цель, которую преследовал автор «Истории и классового сознания», заключалась в стремлении восстановить подлинного, аутентичного Маркса, реконструировать его метод, очистив при этом марксистскую теорию от искажений и наслоений, привнесенных теоретиками II Интернационала. Причем еще за десять лет до открытия «молодого Маркса», до публикации его «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», Лукач впервые акцентировал внимание на продолжении и развитии Марксом гегельянской философской традиции. У самого Лукача актуальные задачи политической практики коммунистического движения трактовались на языке высокой абстракции, в категориях немецкой классической философии, а также современной социологии М.Вебера⁴³.

В центр внимания Лукач поставил проблему «адекватного классового сознания», которое понималось им не только как важнейшее условие выполнения пролетариатом его всемирно-исторической миссии, но и шире – как главный двигатель исторического прогресса. Основным критерием адекватности классового сознания пролетариата называлась его тотальность, противопоставленная Лукачем одностороннему экономическому детерминизму теорий II Интернационала. Тотальное сознание, по Лукачу, способно не только охватить все факторы исторического процесса, но и (вопреки остающимся в рамках капитализма оппортунистическим социал-демократическим концепциям) ориентировать своего носителя на конечную цель движения. В более высоком философском плане оно, согласно Лукачу, устраняет дуализм бытия и мышления, субъекта и объекта, присущий раздробленному буржуазному сознанию, тем самым преодолевает неизбежное отчуждение человека, творца истории, от его сущности. Вооруженный подлинным классовым сознанием пролетариат представлен на политической арене Коммунистической партией. Существование различных по своим идейным установкам пролетарских партий, по мнению Лукача, проистекает не из социальной неоднородности пролетариата, его внутренней стратификации, оно отражает разные этапы в развитии классового сознания. Тотальность адекватного пролетарского сознания помогает его носителю, не поступаясь конечной целью, применять гибкую тактику, находить себе союзников в борьбе за свои идеалы. Таким образом, концепция Лукача при всем своем революционном, левацком мессианизме была открыта для преодоления крайностей сектантства.

Выход книги Д.Лукача пришелся на момент, когда вопрос о мировой революции утратил свою актуальность, на первый план все более стала выходить задача построения социализма в одной стране и сам Коминтерн постепенно превращался из «штаба мировой революции» в инструмент

упрочения позиций СССР на международной арене⁴⁴. Поэтому резкая критика Лукача и его единомышленников на V Конгрессе Коминтерна (июнь 1924 г.) и в коммунистической периодике тех лет имела отнюдь не философскую, а политическую подоплеку, была обусловлена его прежней, теперь уже запоздалой установкой на актуальность мировой пролетарской революции в условиях, когда капитализм начал стабилизироваться во всемирных масштабах.

Как явствует из недавно найденного в московских партийных архивах, неопубликованного в то время ответа Д.Лукача одному из своих главных оппонентов, А.М.Деборину, венгерский философ отнюдь не склонен был менять свои убеждения в угоду политической конъюнктуре⁴⁵. Однако откат революционной волны на Западе был той реальностью, которая не могла не заставить Лукача скорректировать свои взгляды. В 1924 году выходит работа «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей». По-прежнему признавая актуальной идею социалистической революции, Лукач пытался теперь ее конкретизировать с учетом новой ситуации. Для этого он обратился к осмыслению конкретного опыта революции и постреволюционного развития России. Итогом размышлений Лукача стал вывод об универсальности этого опыта, о применимости большевистской тактики в условиях Центральной и Западной Европы. Работа Лукача о Ленине в известной мере явилась попыткой приспособить круг идей «Истории и классового сознания» к политической практике мирового коммунистического движения. В целом она была созвучна развернувшемуся в рамках Коминтерна процессу большевизации компартий. Мысль Лукача, таким образом, двигалась ко все большему признанию советской модели социализма как образцовой.

На протяжении всего венгерского периода в жизни Лукача философская деятельность парадоксально сочеталась с партийной работой. В первой половине 1929 г. он нелегально провел три месяца в Будапеште, возглавляя работу подпольной компартии⁴⁶. Еще до этого, в сентябре 1928 г. ЦК КПВ поручил Д.Лукачу разработать программу действий партии с учетом политической ситуации в Венгрии. Такая программа была представлена им в 1929 г. на суд партийного руководства, получив условное наименование «тезисы Блюма» (такова была в то время партийная кличка Лукача). Непосредственной целью, стоящей перед венгерским коммунистическим движением, тезисы провозглашали установление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, в которой виделось некое переходное состояние на пути к диктатуре пролетариата. Эта программа, осуществление которой было немислимо без союза коммунистов с демократическими силами в борьбе против авторитарного хоргистского режима, в некоторой мере ориентировала венгерское коммунистическое движение на преодоление наиболее одиозных сектантских крайностей его прежней политической практики. В это время, однако, в Коминтерне набирала силу кампания

борьбы с «правой опасностью», что и предопределило судьбу документа. В силу своего несозвучия генеральной линии ИККИ, оставшейся весьма сектантской, «тезисы Блюма», поначалу в целом поддержанные руководством КПВ, были затем отвергнуты под давлением московского «штаба мировой революции». Как отмечалось в относящемся к октябрю 1929 г. Открытом письме Президиума Исполкома Коминтерна к членам венгерской компартии, тов. Блюм «видит основные задачи партии не в борьбе против демократических иллюзий, а в борьбе против «нигилизма» в отношении буржуазной демократии. Предлагая, чтобы КП превозносила перед рабочими буржуазную демократию как «лучшую почву борьбы», он становится на точку зрения социал-демократии». Эти взгляды, говорилось далее, «не имеют ничего общего с большевизмом... Всякая иллюзия относительно возможности демократизации венгерского фашизма, сквозящая в формулировке тезисов Блюма... должна рассматриваться как оппортунистическое искажение» основной линии партии. А потому «при проведении подлинно большевистской самокритики партия должна концентрировать свой главный огонь на антиленинских тезисах т. Блюма, который подменил ленинскую теорию пролетарской революции полусоциал-демократической ликвидаторской теорией. Блюмовское понимание венгерской революции является центром правой опасности в партии»⁴⁷.

Программа действий партии, утвержденная на II съезде КПВ (1930 г.), проходившем в подмосковной Апрелевке, вопреки взглядам Лукача исходила из того, что в стране, где однажды уже была установлена диктатура пролетариата, на повестке дня может стоять лишь задача ее повторного осуществления и в каких-либо промежуточных, переходных формах власти нет необходимости (при том, что социалистическая революция будет попутно решать и задачи общедемократического характера)⁴⁸.

Вследствие даже не критики, а острых политических обвинений Д. Лукач как «правый уклонист» не был переизбран в ЦК КПВ. В этой ситуации он предпочел не оставаться в рядах венгерской компартии. В июне 1930 г., временно обосновавшись в СССР, философ перешел в ВКП(б), а через год в компартию Германии. Почти 10 лет он дистанцировался от венгерского коммунистического движения. Лишь в конце 1930-х годов, будучи членом КПГ, Лукач вновь наладил с КПВ тесные связи, став членом редколлегии и постоянным автором журнала венгерской коммунистической эмиграции в Москве «Уй ханг» («Новый голос»).

Обострение в конце 1920-х годов революционной борьбы в Австрии вынудило венское правительство занять более жесткую позицию в отношении коммунистов. Несколько недель 1928 г. Лукач провел в заключении. Против его возможной передачи хоргистским властям вновь поднимают голос видные немецкие интеллектуалы, в том числе Т.Мани. Приехав в канун 1930 г. в СССР, Лукач около полутора лет работал в Институте Маркса-Энгельса, преобразованного в 1931 г. в Институт Маркса-Энгельса-Ленина. Там он занимался изучением философского и эстетического наследия

он занимался изучением философского и эстетического наследия молодого и зрелого Маркса, участвовал в подготовке к публикации «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» Маркса и «Философских тетрадей» Ленина. Как раз в это время развернулась шумная кампания против директора института, академика Д.Б.Рязанова, бывшего меньшевика, не сумевшего скрыть от партии своих контактов с социал-демократической эмиграцией. Как явствует из документов, публикуемых в настоящем сборнике (письма представителя аппарата ИККИ О.А.Пятницкого в орготдел ЦК ВКП(б) И.П.Товстухе от 2 марта 1931 г., выписки из протокола заседания Комиссии по проверке работы Института Маркса-Энгельса от 5 марта 1931 г. и др.), идеологические органы ВКП(б) с немалым подозрением относились к философу гейдельбергской закваски, авторитетному в среде буржуазной интеллигенции. «Венгерские товарищи того мнения, что он честный и преданный работник, но по философским воззрениям не марксист»: «Политическая позиция несомненно с правыми моментами. Нет ярко выраженных [так в тексте – А.С.], но правая окраска чувствуется. Как философ он известен как уклонист»; «Безусловно, один из образованных людей. Не марксист, идеалист». – таковы характерные отзывы того времени, исходившие от различных партийных инстанций и отдельных функционеров (см. док. 6 приложения). Как следует из последнего замечания, Лукача ценили в институте прежде всего как знатока европейской философии, а в первую очередь текстов Гегеля и Маркса. Работая в ИМЭ, Лукач познакомился с 25-летним Михаилом Лифшицем, впоследствии едва ли не самой проблематичной фигурой отечественного марксизма 1930–1970-х годов. В течение всего советского периода деятельности венгерского философа именно Лифшиц был его ближайшим интеллектуальным партнером⁴⁹. Кабинет философии истории ИМЭ, куда Лукач попал на работу после приезда в Москву, в 1930 г. воспринимался в некоторых ортодоксальных кругах как рассадник вольнодумства (см. в этом сборнике записку, которую выпускник Института красной профессуры будущий академик П.Юдин, получивший после разгрома «рязановщины» один из руководящих постов в ИМЭ, направил новому директору этого института В.Адоратскому. – Приложение, прим. 18 к док. 6). В 1931 г. активизировалась реорганизация кабинета, которую Лукач застал лишь в самом начале, уехав затем в Берлин. Центр тяжести в изучении был перенесен как раз на «ленинский этап» в развитии марксистской философии, в организационном же плане перестройка предполагала установление более тесной связи подразделений ИМЭЛа с курировавшими их партийно-идеологическими, а также коминтерновскими структурами.

Впрочем, волна проверок и чисток успела его коснуться. 20 ноября 1930 г. на общем собрании партячейки Института венгерскому философу пришлось давать объяснения в связи с совсем не забытой книгой «История и классовое сознание», в свое время вызвавшей фурор в европейском коммунистическом движении. «В настоящее время ни моя книга, ни мой ответ

критикам [речь идет о неопубликованном в то время ответе Деборину «Хвостизм и диалектика», см. прим. 45 – А.С.] не вполне отвечают моим теперешним взглядам. Я все же отклоняю критику тов. Деборина, так как в ней много передержек (например, он утверждает, будто я отрицаю объективную диалектику в природе, что не соответствует действительности), но в некоторых основных вопросах я занимаю теперь совершенно другую позицию, а в других значительно измененную. В настоящее время я ощущаю необходимость изучить развитие философии в Советском Союзе, особенно все труды Ленина, для того, чтобы вновь подвергнуть проработке все эти вопросы. Ради этого я воспользовался возможностью остаться в Советском Союзе», – говорил философ⁵⁰. Очевидно, что оказавшись в СССР в самый разгар идеологических чисток, Лукач встал перед необходимостью адаптации к новым условиям. Альтернативы у него не было. Укрепление сталинского режима сопровождалось поворотом к державным ценностям, на этом фоне мессианский революционаризм «Истории и классового сознания» выглядел явным и даже опасным анахронизмом. Впрочем, эта адаптация была в некоторой мере подготовлена духовным развитием философа во второй половине 1920-х годов, проходившем под знаком все большего сближения с советской ортодоксией (эту эволюцию отразили работа 1924 г. «Ленин», статьи в венгерской эмигрантской периодике).

Обстоятельства, однако, сложились так, что пребывание Лукача в Москве оказалось недолгим. Весной 1931 г. философу предложили выехать в Германию для проведения партийно-пропагандистской работы в среде творческой интеллигенции. В условиях, когда Гитлер рвался к власти, на повестку дня все более отчетливо выходила задача борьбы за умы. В проекте Политкомиссии ИККИ «Ближайшие задачи и перестройка работы Международной организации революционных писателей», относящемся к июлю 1932 г., отмечалось, что «наступающая быстрыми темпами фашизация Германии требует от МОРП и Германской ассоциации [речь идет о Союзе пролетарско-революционных писателей Германии, находившемся в тесных контактах с МОРП – А.С.] сугубо острого внимания по отношению к левобуржуазной и мелкобуржуазной писательской интеллигенции. Необходимо всемерно усилить воспитательную работу среди мелкобуржуазных революционно настроенных писателей и решительно бороться за их завоевание. Необходимо самым решительным образом покончить с пренебрежительной недооценкой фашистской художественной литературы и развернуть борьбу с этой литературой путем создания собственной массовой пролетарской и революционной литературы. Борясь решительно с возможными рецидивами сектантства, ассоциация должна одновременно охватить полностью наличные кадры рабочих писателей и вовлечь их в свою повседневную работу»⁵¹. Решение этой задачи в значительной мере пало на Лукача, ставшего одним из руководителей Союза пролетарско-революционных писателей Германии, возглавлявшего коммунистическую фракцию общегерманского писательско-

го союза, много выступавшего с лекциями и публиковавшегося в коммунистической прессе, прежде всего на страницах журнала «Линкскурве». Его деятельность в качестве литературного критика, в том числе дискуссии с Э.Оттвальтом о творческом методе социалистической литературы, соотношении в ней репортажного и образного начал, заняли заметное место в литературной жизни веймарской Германии в канун прихода фашистов к власти. Публикации на страницах «Линкскурве», в которых Лукач в противовес приверженцам авангарда и экспрессионизма все более отстаивал значение классической традиции для творческой практики пролетарской литературы, в известной мере стали отправной точкой его теории «большого реализма», получившей развитие уже в работах, написанных в Москве по возвращении из Германии, откуда философ был выслан весной 1933 г., продолжая, однако, вместе с другими немецкими коммунистами-эмигрантами сохранять свое формальное членство в КПГ.

Живя в 1933–1945 гг. в Советском Союзе, Лукач работал в сначала в структуре Коммунистической Академии, в 1936–1938 и 1942–1945 гг. в Институте философии АН СССР. С момента основания в 1934 г. Союза советских писателей он был членом его немецкой секции, принимая самое активное участие в ее работе. Много публикуясь в эмигрантских немецких, а затем и венгерских периодических изданиях («Интернационале Литератур. Дойче Бляттер», «Уй ханг» и др.), Лукач был также одним из ведущих авторов журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение», печатался в «Литературной газете», журналах «Интернациональная литература» и др. Годы, проведенные в Москве, он впоследствии, в переписке с А.Леснаи, назвал «хорошим, плодотворным периодом» своей жизни, особенно отметив наличие тесного круга единомышленников, «настоящего умственного коллектива», сформировавшегося вокруг журнала «Литературный критик», закрытого в 1940 г. (в эту группу входили М.Лифшиц, В.Гриб, И.Сац и др.)⁵². В Москве были написаны также его значительные историко-философские и историко-литературные труды, как «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» (1-е советское издание – М., 1987), «Исторический роман»⁵³, исследования, вошедшие в сборники «Литературные теории XIX века и марксизм» (М., 1937), «К истории реализма» (М., 1939), предисловия к изданиям произведений И.-В.Гете, Ф.Шиллера, Г.Гейне, О.Бальзака, переписке Гете и Шиллера. Во всех этих работах, свидетельствовавших о громадной эрудиции их автора, Лукач изучал литературные и философские явления в широком духовно-историческом контексте, как порождения определенных эпох в развитии человеческой мысли и художественной культуры. При этом многие работы Лукача 1930-х годов носили дискуссионный характер. Его теория «большого реализма», уже после войны, в 1940-е годы нашедшая отклик во всех странах народной демократии и так или иначе повлиявшая на формирова-

ние в них концепций культурной политики⁵⁴, возникла именно как реакция на широко распространенный перед этим (в различных вариациях) не только в Советском Союзе, но отчасти и среди западных марксистов вульгарно-социологический метод в литературоведении и искусствознании, приверженцы которого рассматривали художественное творчество только как специфическое проявление классового сознания и не принимали во внимание образно-познавательной природы искусства. Одновременно эта концепция была обращена против пролетарского авангарда, теории и практики которого также, как правило, отвергали гносеологическую функцию искусства, в противовес художественному познанию ставили своей задачей художественное «конструирование» действительности, создание новой реальности в соответствии с определенными эстетическими принципами⁵⁵.

Делая упор на познавательной функции искусства, Лукач отдавал несомненное предпочтение реалистическому методу. Ориентируя современных художников на освоение, продолжение и развитие широко понимаемой реалистической традиции в мировой литературе (творчества У.Шекспира, И.-В.Гете, О.Бальзака, Л.Н.Толстого и т. д.), он вместе с тем настойчиво предостерегал от упрощенных толкований реализма, сводящих все бесконечное многообразие заключенных в нем выразительных возможностей к каким-то определенным стилистическим канонам: «как индивидуальный стиль, так и стиль эпохи вырисовываются из сложного взаимодействия развития общества в конкретный период и конкретных художественных индивидуальностей... Никто не может и не должен сегодня писать так, как писали Шекспир и Бальзак»⁵⁶.

Но решительно не принимая нормативной эстетики, стремящейся навязать художнику определенную систему общеобязательных канонов, Лукач в то же время указывал, что художник-реалист, выбирая эстетические средства, не может не испытывать на себе давления действительности. Выбор стиля – это отнюдь не проявление творческого произвола, он во многом предопределен предметом художественного отображения, познаваемой объективной реальностью.

Каждая эпоха, по мнению Лукача, в конечном итоге сама устанавливает, определяет и ограничивает круг выразительных средств, необходимых и достаточных для своего глубокого и адекватного познания. Так, применение символики и других условных приемов может быть мотивировано только в определенных исторических условиях. Такие условия имелись, в частности, в Германии конца XVIII – первой половины XIX вв., когда буржуазия переживала период своего восхождения при некотором видимом затишье классовой борьбы, и социальная действительность, представавшая лишь в едва обозначившихся тенденциях, а не в непосредственном проявлении своих основных противоречий (как во Франции той же эпохи), не могла быть глубоко постигнута художником в ее собственных формах, она давала возможность отразить себя лишь поверхностно-натуралистически, основыва-

ясь только на внешнем правдоподобии, без проникновения в суть. Состояние немецкого общества в ту эпоху с наибольшей художественной полнотой могло быть схвачено и выражено субъективно-лирической рефлексией, либо посредством символики, в условных формах, не претендующих на воспроизведение конкретных явлений, но способных постичь ход глубинных, подспудно происходящих в обществе процессов, предстающих на поверхности в виде неотчетливых знаков. Это давало Лукачу основание причислить к наследию большого реализма творчество Гете, Шиллера, Гейне и с известными оговорками даже Гофмана (казалось бы, явного романтика). В то же время применительно к конкретно-исторической обстановке в Европе 1930-х годов он представлял себе неоправданным широкое применение символики, других условных изобразительных приемов в литературе и искусстве ввиду того, что основное социальное противоречие этой эпохи (между демократией и фашизмом) предстало в виде открытого противоборства, доступного художественному освоению в формах своего непосредственного протекания.

В той мере, в какой это было возможно в условиях СССР 30-х годов, теория «большого реализма» сыграла свою роль в реабилитации классического наследия перед лицом пролетарской культуры, после Октября устами идеологов Пролеткульта, РАППа и других организаций высокомерно провозглашавшей свое превосходство над искусством минувших эпох. Не меньшая заслуга этой теории состояла в опровержении вульгарно-социологического тезиса о прямой детерминированности творческого метода художника его классовым сознанием. Не отрицая взаимозависимости между мировоззрением и творческим методом, Лукач в то же время указывал на подвижную связь между ними. «Многие значительные писатели по мировоззрению были сознательными идеалистами. Но поскольку в процессе творчества мировоззренческие проблемы своих персонажей они выводили из их реальной общественной, личной и материальной жизни, то как писатели они верно, материалистически отображали отношения бытия и сознания»⁵⁷. Таким образом, произведение искусства может быть прогрессивным даже и тогда, когда художник «по своим индивидуальным политическим воззрениям не принадлежит к прогрессивному лагерю»⁵⁸. В таких случаях «победа реализма»... означает победу подвижного и противоречивого единства живой реальности над политическими, социальными и мировоззренческими предрассудками самого автора, то есть победу, которую одерживают в художественном произведении объективно верные, адекватно отражающие диалектику жизни тенденции над непосредственно отвлеченными, схематичными и т. п. представлениями того же писателя. Таким образом, когда через победу реализма в художественном произведении реализуется диалектика живой действительности, это нередко означает, что художник... (подобно известному мольеровскому герою – А.С.), сам того не подозревая, заговорил прозой»⁵⁹. «Именно эта творческая позиция, безграничная, страстная, питаемая глубокой культурой преданность реальности помогли Бальзаку

выработать в себе качества, необходимые для адекватного – преодолевающего собственные предрассудки писателя – отражения объективного мира»⁶⁰.

Теория «большого реализма» Лукача подвергалась критике с разных позиций. Один из главных оппонентов венгерского философа, Б.Брехт, полемизируя с ним и его единомышленниками, главным образом, в германоязычной эмигрантской прессе (а также в переписке с некоторыми немецкими литераторами), ставил Лукачу в упрек преувеличение диктата действительности над художником и соответственно принижение роли автора в выборе художественных средств, абсолютизацию (применительно к современной эпохе) принципа художественного освоения жизни в формах самой жизни, одностороннюю ориентацию на классическое наследие в ущерб поискам новой, отвечающей требованиям сегодняшнего дня, творческой парадигмы⁶¹. Установка на следование художественным традициям XIX в., сколь плодотворны они в свое время ни были, по мнению Брехта, закрывала путь к современному мировоззрению, невольно толкала к закоспелым схемам.

Вызывала споры и критическая оценка Лукачем многих выдающихся явлений культуры конца XIX – начала XX вв., в которых он, в первую очередь, видел торжество иррационального начала. Кризис буржуазного общества, по Лукачу, сопровождается духовным кризисом, находящим главное свое проявление в усилении мистицизма и мифотворчества, «разрушении разума» (так называется работа об основных тенденциях развития духовной культуры Германии со второй половины XIX в., впервые полностью опубликованная Лукачем в 1954 г.). Согласно представлениям венгерского философа, именно засилье иррационализма создало питательную почву для прорастания семян фашистской идеологии, поначалу выступившей в облике романтического антикапитализма.

В своих негативных оценках некоторых сложных, неоднозначных литературных явлений XX в. Лукач действительно иногда был слишком категоричен. Его попытки провести прямые параллели между романами М.Пруста, Ф.Кафки, Дж.Джойса, с одной стороны, и мифотворческими иррационалистическими направлениями в философии, с другой, не всем казались убедительными, многим оппонентам виделась в них недооценка специфики художественного мышления, не всегда впрямую сопоставимого с философской формой сознания. И все же Лукач отнюдь не призывал к подчинению художественного творчества жесткой системе формальных канонов. Так, венгерский философ сразу же оценил как выдающееся явление мировой культуры вышедший в 1947 г. роман Т.Манна «Доктор Фаустус», хотя по формальным признакам проза Т.Манна заметно отличалась от «высокого реализма» XIX в. Главным критерием художественной ценности для Лукача всегда оставался критерий гносеологический, т. е. устремленность художника (независимо от его политических пристрастий) к познанию объективной действительности и способность выразить в адекватной образной форме основные тенденции эпохи, наиболее глубинные социальные связи. Фор-

мальной стороне в концепции Лукача неизменно отводилась роль вторичная. Авангардистская эстетика Брехта и эстетика Лукача, ориентированная не только на познание, но и на воплощение в искусстве идеала классической гармонии, слишком разнились в своих исходных посылах.

По иронии судьбы острая критика Лукачем современной «буржуазной» культуры и неприятие авангарда сближали его теорию со все более набирающим силу сталинским эстетическим официозом, который полностью отказался к началу 1930-х годов от пережитков пролеткультовской идеологии, акцентировал не малое внимание на роль культурного наследия, при том, что последнее толковалось в крайне усеченной форме. Более того, и в СССР и в странах Восточной Европы после второй мировой войны некоторые положения теории Лукача (о превосходстве крупных эпических форм над мелкими и т. д.) в упрощенческом толковании его эпигонов иной раз действительно оборачивались неоправданной канонизацией композиционных и стиливых принципов, присущих реалистической литературе XIX в. (причем влияние Лукача в этом плане наблюдалось даже тогда, когда сам он, резко раскритикованный, выключался не по своей воле из литературной жизни стран, в которых жил – СССР, а после 1945 г. Венгрии). Однако неоднократная критика теории Лукача с позиций сталинско-ждановской эстетической ортодоксии говорит о том, что полного созвучия между этими двумя системами взглядов никогда не было. В конце 1939 – начале 1940 г. в ходе дискуссии о книге «К истории реализма» оппоненты обвиняли Лукача и его единомышленников прежде всего в недооценке роли передовой идеологии в художественном творчестве. «Трудно было не заметить, что аргументы противников Лукача, например, В.Ермилова, были обычно слабее, чем у его сторонников, а мнимая победа над его взглядами достигалась по преимуществу силовыми приемами – безапелляционным тоном, громыханием голоса. При этом порой с реверансами и оглядкой – будто охота шла на крупного и опасного зверя», – так комментировал в 80-е годы В.Лакшин дискуссии предвоенных лет⁶². Итогом проработочной кампании 1940 г. явилось закрытие журнала «Литературный критик».

Нападение Германии на СССР почти совпало с арестом Лукача. С 29 июня по 26 августа 1941 г. философ находился на Лубянке во внутренней тюрьме НКВД. Свое освобождение оттуда, причины которого не были Лукачу до конца ясны, всю оставшуюся жизнь он считал подарком судьбы, большим везением, скупясь при этом на воспоминания даже в своих предсмертных интервью⁶³. Как бы там ни было, суровое жизненное испытание, подробности о котором мы узнаем лишь сегодня, не поколебало коммунистических убеждений Лукача. До конца дней своих он продолжал считать СССР главным носителем социалистической перспективы, которая лишь одна была, по его мнению, способна вывести мировую цивилизацию из тупика. Критика сталинизма, его идейных основ и политической практики, сначала – в 1930-е – первой половине 1950-х годов – проявлявшаяся в

латентной форме⁶⁴, а затем, после XX съезда КПСС, открытая и более последовательная, заняла виднейшее место в наследии позднего Лукача. Но даже в последние годы жизни, подводя итоги, философ не стыдился своей позиции 30-х годов, когда поддерживал сталинский режим, видя в СССР ведущую антифашистскую силу. «В то время, – писал он, – каждому мыслящему человеку нужно было исходить из тогдашней всемирно-исторической ситуации: ...Советский Союз стоял перед схваткой не на жизнь, а на смерть с фашизмом. Что бы ни делала в этой ситуации партия, ...мы должны были быть безусловно солидарны с ней в этой схватке, и эту солидарность мы должны были поставить выше всего»⁶⁵. Хотя в своем понимании социализма Лукач не стоял на месте (его работы вдохновляли и идеологов «пражской весны», и итальянских еврокоммунистов), свои социалистические идеалы он сохранил до конца дней, до самого конца сохранялось и его скептическое отношение к западной демократии, ее перспективам⁶⁶.

Из тюрьмы философ вышел в те недели, когда немецкие войска прорывались к Москве. Эвакуировавшись осенью из столицы, он в декабре 1941 г. поселился с женой в Ташкенте. Две комнаты в коммунальной квартире в новом доме у Курского вокзала, полученные в 1938 г. стараниями Союза писателей (см. док. о жилищных условиях Лукача)⁶⁷. Лукач сменил теперь на «маленький глинобитный узбекский домик» на тихой улице в стороне от центра. Впервые в жизни венгерский философ оказался в восточном городе, где «даже на центральных улицах можно было увидеть и женщин в паранджах, и арбы, запряженные верблюдами или ишаками»⁶⁸. Еще в апреле 1941 г. Лукач восстановил свое членство в венгерской компартии. Из Ташкента он писал в Москву руководителю ВКП М.Ракоши: «мечтаю жить ближе к великим событиям наших дней. И я очень прошу Вас, если открывается возможность для более активного участия – не забывайте меня» (приложение, док. 41). Возвратившись в Москву в очень нелегкое время, в июне 1942 г., Лукач восстановился в штате Института философии АН СССР, где состоял до 1938 г., пока не сосредоточился всецело на литературной критике. «Рада за Вас, что Вы вернулись к философам: это делает Вас материально независимым от литературных «друзей» и от превратностей издательской конъюнктуры и, наверное, больше удовлетворит Вас, чем публицистика». – писала 6 сентября своему другу и учителю литературовед Т.Мотылева, редактировавшая в это время в Ташкенте сборник антифашистских статей Лукача «Борьба гуманизма и варварства» (Ташкент, 1943)⁶⁹. В Москве в самом конце 1942 г. Лукач в конференц-зале Института философии на Волхонке защитил завершённую еще в 1938 г. докторскую диссертацию «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества». «Лукач рассматривает ход развития молодого Гегеля не как “имманентную” эволюцию идей, а показывает, каким образом идеалистическая диалектика Гегеля возникла из попыток философски осознать факты капиталистического развития Англии, события французской буржуазной революции и противо-

речия немецкой общественно-исторической действительности». – говорил один из оппонентов, выдающийся логик и историк европейской философии В.Ф.Асмус⁷⁰. Обращение к философии Гегеля было для Лукача симптоматичным и символичным, ведь его примирение со сталинским режимом, носившее очевидный для того же Асмуса гегельянский оттенок, требовало глубокого внутреннего обоснования. Момент для защиты диссертации был выбран как нельзя более удачно. На словах признавая вслед за Лениным философию Гегеля одним из источников марксизма, сталинская ортодоксия с немалым подозрением относилась к великому немецкому идеалисту, в 1944 г. (не дожидаясь окончания войны!) резко раскритикованному в специальном партийном постановлении, осудившем «идеализацию» Гегеля в подготовленном к печати очередном томе «Истории философии», который так и не вышел в свет⁷¹. Монография Лукача о молодом Гегеле впервые была опубликована в СССР только в 1987 г. Однако в дни, когда гитлеровские войска находились под Сталинградом, идеологическим инстанциям было не до Гегеля и присвоение Лукачу докторской степени прошло без особых затруднений.

Главным своим делом до конца войны Лукач все-таки считал именно публицистику. Он работал для Совинформбюро, постоянно публиковался в немецком эмигрантском журнале «Интернационале Литератур Дойче Бляттер»⁷². Больше всего его в это время занимало осмысление исторических судеб Германии в XX веке. Анализируя идейные корни фашизма, философ пытался понять, каким образом нация, давшая миру Канта и Гегеля, Гете и Шиллера, смогла совершить столь невиданное в мировой истории грехопадение. Прусский бюрократизм, поначалу сыгравший известную положительную роль в преодолении феодальной патриархальности старой Германии, постепенно превратился не только в мертвящую, сковывающую общество окостенелость, но и в совершенно выхолащенное, чисто формальное образование, не способное сдержать натиск необузданных темных инстинктов, звериного начала в человеке. Подобно герою Т.Манна Ашенбаху («Смерть в Венеции»), чья пруссаческая вымуштрованность при первом же серьезном испытании легко уступила напору «подпольных» душевных страстей, Германия бисмарковской выучки не смогла создать сколько-нибудь надежных преград на пути наступления наркотически притягательной иррациональной стихии, способной (как в рассказе того же Т.Манна «Марио и волшебник») загипнотизировать многие тысячи людей. Не реставрация в прежнем виде либеральной традиции веймарской Германии, сметенной Гитлером с необычайной легкостью, и не восстановление «духа пруссачества» (который, кстати, пыльным цветом потом расцвел в ГДР), а поиски подлинной демократической альтернативы, имеющей свои истоки в немецкой культурной традиции – в этом видел Лукач путь к духовному выздоровлению немецкой нации, при том, что его представления о демократическом идеале оставались достаточно аморфными.

60-летний философ и критик Дёрль Лукач вернулся 30 августа 1945 г. в родной Будапешт в момент, когда еще не до конца прояснились перспективы послевоенного развития не только Венгрии и Центральной Европы, но и всего европейского континента. Отношения СССР и его западных союзников по антифашистской коалиции переживали «медовый месяц», внушая многим европейцам надежды на теперь уже вековечное торжество принципов мирного сожительства на истерзанном двумя мировыми войнами континенте. Лишь бомба, сброшенная на Хиросиму 6 августа, смутно предвещала наиболее зорким наблюдателям скорое начало нового соперничества сверхдержав за свою гегемонию в мире, чреватого очередными войнами. Все-таки вера в возможность договориться была пока еще сильнее, чем опасения новых угроз.

Зарождение в 1920-е годы фашизма и его последующее утверждение в Италии и Германии, равно как и экономическая депрессия 1929–1933 гг. обозначили кризис современной индустриальной цивилизации, поставили человечество перед необходимостью совершенствования не только механизмов регулирования экономики, но и существующих политических систем. Особенно насущной стала задача выработки надежных средств, способных предотвратить широкую эспансию крайне правой идеологии в обществе, и первый взгляд отвечающем демократическим принципам⁷³. Другой вызов, слева, был брошен либеральной демократии со стороны большевистского режима СССР, достигшего – хотя и ценой огромных человеческих жертв – весьма высокого промышленного, военного потенциала, что наглядно продемонстрировало роль СССР во второй мировой войне⁷⁴.

Тотальный крах гитлеризма в результате войны открыл пути для претворения в жизнь новых моделей общественного устройства. Осмысляя пережитой опыт, извлекая уроки из свершившегося, различные политические силы послевоенной Европы (христианско-демократические, либеральные, социал-демократические, коммунистические и т. д.) предлагали разные проекты реформирования довоенных систем. Причем результаты свободных парламентских выборов во многих европейских государствах, включая Францию, Италию и даже Британию, рост численности левых партий свидетельствовали о серьезных сдвигах влево, произошедших за годы войны в сознании населения стран, переживших войну.

«Победоносно завершившаяся война коренным образом изменила ситуацию в мире. Я сам вернулся домой после четвертьвековой эмиграции. Я чувствовал, что мы вступили в абсолютно новую эпоху, когда, как и во время войны, возможен союз всех сил демократии – и социалистов, и буржуазных демократов – в борьбе с реакцией», – вспоминал Лукач в 1957 г.⁷⁵ Летом 1946 г. венгерский философ получил приглашение участвовать в представительном форуме европейской интеллигенции в Женеве, организованном по инициативе всемирно известного дирижера и музыковеда

Э. Ансерме. Для участия в этой конференции были приглашены ведущие интеллектуалы разных стран Европы⁷⁶. Тема встречи была сформулирована емко и лаконично: «Европейский дух». Предстояло осмыслить опыт военных лет, оценить перспективы дальнейшего развития общеевропейской культуры. После долгого перерыва, связанного с пребыванием за «железным занавесом», Лукач снова включался в международную философскую жизнь. Его дискуссии с немецким экзистенциалистом К. Ясперсом и близким к экзистенциализму представителем феноменологии французом М. Мерло-Понти по широкому кругу философских и общегуманитарных проблем (тотальность в общественном бытии и сознании, роль разума, идея прогресса в истории человечества) находились в центре внимания участников форума. В послевоенной атмосфере переосмысления многих ценностей, поиска новых духовных ориентиров в Лукаче выдвинули наиболее значительно живущего представителя современного марксизма, его своеобразную «витрину» на всеевропейском рынке идей. По справедливому замечанию венгерского историка-эмигранта Ф. Фейтё, «непримиримый враг упрощенчества, Лукач мог успешнее, чем кто бы то ни было, представлять марксизм «большого покроя» – во всем его отличии от вульгарного марксизма – перед «декадентскими философами» Ясперсом, Мерло-Понти и Сартром»⁷⁷.

Выступая в Женеве, Д. Лукач заявлял: «Мировая история предоставила... возможность политического, социального и идейного обновления демократии. Весь вопрос состоит в том, как использовать эту возможность»⁷⁸. Независимо от того, как понимал демократию и ее перспективы убежденный марксист Лукач, в стране, которую он представлял на женевском форуме, вопрос о разрыве со старым и выборе нового пути стоял с особой остротой. Ведь последний, наиболее верный сателлит фашистской Германии, позже других ее европейских союзников вышедший из войны, Венгрия переживала не только жестокую разруху (уничтожение 40% национального богатства), но и глубочайший морально-психологический кризис, связанный с поражением в войне и окончательной утратой иллюзий на пересмотр условий Трианонского мирного договора 1920 г., воспринимавшихся венгерским национальным сознанием как несправедливые.

В своих общих посылках Д. Лукач исходил из того, что вторая мировая война, уничтожив фашизм, вместе с тем не устранила тотального кризиса капитализма, органическим порождением которого и был фашизм как идейное и политическое явление⁷⁹. В развернувшихся по окончании войны по всей Европе поисках новых форм демократии он видел не что иное, как «попытку на основе хозяйственных, политических и общественных преобразований найти выход из... этого общего кризиса, включающего в себя кризис в идеологии и эстетике»⁸⁰.

Краеугольным камнем концепции Лукача стало противопоставление двух типов демократии: «формальной», вопреки всем провозглашаемому ею демократическим принципам и свободам все же «исключающей из всех

сфер государственной жизни непосредственное проявление народной воли», и «реальной», перестающей быть только лишь формой государственности и превращающейся «в действительный жизненный уклад народа»⁸¹. Гарантию господства народных интересов Лукач видел в широком использовании прямых, непосредственных форм демократии, в том, чтобы «как можно больше сфер государственной, общественной и культурной жизни превратилось в объекты непосредственной инициативы, непосредственного руководства, непосредственного охранения заинтересованных в них масс»⁸². Придавая первостепенное значение возникшим в разных странах на волне антифашистского движения новым политическим формам⁸³, Лукач в то же время указывал и на необходимость преемственности с довоенными демократическими (в том числе и парламентскими) институтами, отнюдь не в одинаковой мере развитыми в отдельных странах. Надо «выйти за рамки старого типа демократии и тем не менее его завоевания следует оборонять от нападков реакции», — писал он⁸⁴. При этом Лукач указывал, что создание новых форм демократии лишь в отдаленной перспективе способно привести к социализму⁸⁵. Политическая концепция Лукача, представлявшая собой одно из умеренных течений в идеологии венгерской компартии, вместе с тем не вступала в противоречие с общей линией партии, до поворотного 1948 г. продолжавшей из тактических соображений руководствоваться стратегией антифашистского народного фронта, хотя и не изменившей своей конечной цели — установления «диктатуры пролетариата» по приспособленным к венгерским условиям советским образцам⁸⁶.

Вернувшись на родину, Д. Лукач сразу же включился в общественную и духовную жизнь Венгрии. Он активно выступал как публицист, требуя от венгерской интеллигенции, до 1945 г. в большинстве своем далекой от активной борьбы с прогерманским режимом, расчета с «позорным» прошлым и признания необходимости коренного обновления демократии. Фундаментальные историко-философские и историко-литературные труды, большей частью написанные в эмиграции, публиковались и находили отклик не только в Венгрии, но и в Германии, а также в других странах. Осенью 1945 г. Лукач возглавил кафедру эстетики и философии культуры в Будапештском университете. Вплоть до 1948 г. это главное в Венгрии учебное заведение оставалось оплотом праволиберальных, правоцентристских, умеренно консервативных политических тенденций, и в той мере, в какой это было возможно в условиях советского военного присутствия, антикоммунистически настроенная профессура скрыто саботировала усилия левых партий по продвижению марксистов на кафедры. Однако в отношении Лукача такого противодействия не было, его авторитет как философа и литературоведа готовы были признать, пускай с оговорками, многие оппоненты коммунизма⁸⁷.

Оказавшись в эпицентре духовной жизни Венгрии в момент выбора новых путей общественного развития, Лукач должен был неизбежно поверить

собственные идейные построения практикой и оценить, в какой мере венгерская интеллигенция была готова хотя бы в более отдаленной перспективе принять те проекты социальной терапии, которые в конечном итоге вели к воплощению в реальности коммунистической идеи. Непредвзятый взгляд на место Лукача в литературном, культурном процессе Венгрии второй половины 1940-х годов, на восприятие его творчества венгерской интеллигенцией заставляет констатировать немалый разрыв между его политическими, эстетическими идеалами, с одной стороны, и реальным состоянием умов, с другой. Если в условиях СССР 1930-х годов теория «большого реализма» могла играть объективно положительную роль в преодолении советской эстетической мыслью пролеткультовских и вульгарно-социологических наслоений, то в послевоенной Венгрии такой задачи не стояло. Значительная часть интеллигенции (как «либеральной», так и левой) воспринимала лукачевские теории реальной демократии и «большого реализма» как часть, пускай и не самую одиозную, марксистской политической, эстетической ортодоксии, сковывающей многообразие проявлений творческого духа. Любое доктринерство, стремление подчинить живой процесс абстрактной схеме, сколь бы красивой и логически безупречной она ни была, вызывало опасения⁸⁸. В контексте литературной, культурной жизни Венгрии 1940-х годов со всей определенностью проявилось противоречие между позитивным значением Лукача как литературоведа, отстаивающего, грамотно интерпретирующего и умело пропагандирующего классические традиции в мировой культуре, и узостью некоторых его схем в применении к текущему творческому процессу.

В условиях, когда венгерская компартия уделяла первостепенное внимание задачам укрепления своей социальной базы, в том числе завоеванию творческой интеллигенции, политическая платформа Лукача, последовательно ориентированная на широкое единство антифашистских сил в борьбе за социализм, равно как и его эстетика (указывавшая на подвижную связь между мировоззрением и творческим методом, отличавшаяся большей гибкостью и более тонким пониманием специфики искусства, чем другие марксистские концепции в Венгрии) получали поддержку руководства ВКП. М. Ракоши и его окружение небезуспешно пытались использовать в своих интересах и огромный интеллектуальный потенциал всемирно известного философа, и его авторитет в кругах левой интеллигенции не только в Венгрии, но и за ее пределами. По справедливому замечанию зарубежного наблюдателя, «высокое диалектическое искусство, знание различных тенденций западной философии, тем более глубокое, что ему приходилось преодолевать их в самом себе, делали Лукача наиболее подходящей фигурой для роли адвоката *in extremis* ортодоксальной партии, которая еще не потеряла надежду привлечь на свою сторону интеллигентов, вкусивших сладость «декадентской культуры». Не был ли он воплощенным доказательством терпимости по отношению к ряду утонченных умов, доказательством

того, что им предоставится все же возможность сохранить свои международные связи и определенный уровень мышления и творчества, который клеветники режима объявили уже окончательно утерянными?»⁸⁹.

Однако к 1948 г. ситуация кардинально изменилась. Единство международного антифашистского лагеря дает трещину, кратковременный период мирного сосуществования быстро сменяется «холодной войной». Сталин и его окружение делают все, что в их силах, для форсирования социалистических преобразований в странах своей сферы влияния, установления в них родственных коммунистических режимов. Прочно утвердившись у власти, лидеры венгерской компартии отбросили идею единого «народного фронта» как утратившую актуальность. Одновременно они пересмотрели и основополагающие установки культурной политики. «Мы требуем от писателей точного знания марксизма-ленинизма», – заявлял в 1950 г. один из идеологов Венгерской партии трудящихся М.Хорват⁹⁰. Ранее, до установления монополии одной идеологии, руководство партии было вынуждено считаться с идейным плюрализмом среди творческой интеллигенции и в силу этого не гнушалось использовать в своих интересах довольно гибкую лукачевскую концепцию. Теперь оно уже не испытывало прежней тактической необходимости в этом. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить», – так, словами известного шекспировского героя, откомментировал впоследствии философ произошедшее на рубеже 40–50-х годов свое унижительное, сопровождавшееся разносной критикой отлучение от участия в разработке линии партии в отношении творческой интеллигенции. В условиях, когда политическая гегемония ВПТ была уже неоспорима, а ее оппоненты вытеснены с политической арены, партийное руководство без видимого ущерба для своей монополии на власть уже могло вопреки Лукачу позволить себе провозглашение курса на «единомыслие» в среде деятелей культуры.

Летом 1949 г., когда во утрашение любых проявлений оппозиционности в Будапеште готовился показательный судебный процесс по делу видного деятеля венгерской компартии Л.Райка, Лукач также попадает под прицел карательных органов. Лидеры партии М.Ракоши и М.Фаркаш 11 июля в беседе с эмиссаром ВКП(б) С.Заволжским не скрывали своих планов: «После окончания дела о Райке, заявил т. Фаркаш, возьмемся за идеологические вопросы. Прежде всего мы должны разоблачить идеалиста и космополита – Лукач Дьердь. С этой целью в центральной газете и теоретическом органе партии будет напечатано несколько статей по различным теоретическим вопросам. Затем будет вынесено решение Политбюро. Все трудности состоят в том, что у нас очень мало подготовленных теоретически товарищей»⁹¹. На проходившем за месяц до этого, 11 июня, совещании в МИД СССР, где речь шла о положении в Венгрии, отмечалось, что Лукач, в свое время критиковавшийся В.И.Лениным, «сейчас подвизается на идеологическом фронте Венгрии и в своих лекциях и статьях протаскивает антиленинские установки в вопросах эстетики, литературы и культуры». Из этого делался

вывод, что «развертывание идеологической борьбы в Венгрии против троцкистов и других антимарксистских элементов является насущным делом»⁹².

Так называемая «дискуссия о Лукаче» 1949–1950 гг. переросла венгерские рамки. Ее комментировали в западной прессе, некоторый отклик она вызвала и в СССР: в январе 1950 г. А.Фадеев на собрании актива Союза советских писателей подверг Лукача резкой критике за недооценку роли передового мировоззрения в творческой деятельности, пренебрежительное отношение к современной советской литературе социалистического реализма⁹³. Избежать более суровой участи философу помогли определенное покровительство главного идеолога партии Й.Реваи (ученика Лукача, хотя и неоднократно от него отрекавшегося)⁹⁴ и, в еще большей мере, принадлежность к московской коммунистической эмиграции, представители которой, как правило, избегали в Венгрии расправ.

Кампания по нейтрализации Лукача своей цели не достигла. Философ и в годы опалы сохранял значительное влияние не только на умы марксистски ориентированной интеллигенции, но даже на руководителей культурной политики. Посол СССР в Венгрии Е.Киселев докладывал 25 июня 1952 г. министру иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому: «В разное время я в тактичной форме обращал внимание гг. Ракоши, Реваи и Хорвата (руководителей Венгерской партии трудящихся. – А.С.) на то, что неразружившийся Лукач, бесспорно, мешает и тормозит развитие современной венгерской литературы по правильному пути»⁹⁵. Согласно посольским донесениям, «известный путаник, а по существу буржуазный националист» Лукач продолжал упорствовать в отстаивании своих прежних взглядов, ведя за собой значительную часть литераторов. Действительно, во многом именно с подачи Лукача Реваи, не удовлетворенный художественным уровнем венгерской литературы социалистического реализма, инициировал в 1951 г. кампанию борьбы со схематизмом. В качестве эталона литературы, пронизанной высокой художественной тенденциозностью и в то же время отвечающей высоким художественным критериям, Лукач выдвинул жизненно достоверную и психологически глубокую прозу Т.Дери, разрушавшую многие схемы и нормы вольным течением свободной авторской мысли. Неожиданное контрнаступление теории «большого реализма» грозило нанести серьезный удар по позициям нормативной эстетики, призванной обслуживать тоталитарный режим. Пришлось снова вносить коррективы в культурную политику: роман Дери «Ответ», напугавший ортодоксов неоднозначностью художественных образов, непостоянной «диалектикой души» главных героев, был подвергнут в 1952 г. суровой критике⁹⁶.

XX съезд КПСС (февраль 1956 г.) был воспринят Лукачем как начало коренного политического обновления и морального очищения мирового коммунистического движения, решительного разрыва с компрометирующими марксизм и идею социализма сталинскими методами. «Чем человечнее мы будем строить социализм, человечнее для нас самих, для нашей же

пользы, с точки зрения нашего развития, тем лучше мы будем содействовать окончательной победе социализма в международном масштабе... Потому что, если нам удастся сделать социализм привлекательным, он не будет больше пугалом для масс... Будем до конца откровенны: на Западе есть еще огромные массы рабочих, которые отшатываются от сегодняшних форм социализма, не говоря уже о широких крестьянских массах, об интеллигенции, чье отчуждение можно преодолеть делами», – говорил Лукач с одной из трибун в июне 1956 г.⁹⁷ В бурные октябрьские дни 1956 г. он стал министром культуры в правительстве И.Надя, а после наступления советской армии, предпринятого 4 ноября в целях свержения этого правительства, Лукач вместе с И.Надем и рядом его соратников укрылся в югославском посольстве. Выведенный оттуда обманном путем, он был насильственно вывезен в Румынию 22 ноября, получив разрешение вернуться на родину лишь в апреле 1957 г. Нежелание Лукача отмежеваться от И.Надя, обвиненного в предательстве и казненного в 1958 г., дало толчок новой его травле. Как и восемью годами ранее, эта кампания приобрела международный характер. Инициаторами ее стали руководители культурной политики ГДР.

Вплоть до октябрьских событий 1956 г. Лукач принимал самое деятельное участие в культурной и научной жизни Восточной Германии, выступал с лекциями, много печатался в литературных и философских журналах. Берлинское издательство «Ауфбау» в течение только трех лет издало и переиздало 13 книг с его работами. В апреле 1955 г. по инициативе И.Бехера, покровительствовавшего Лукачу, в ГДР широко было отмечено 70-летие философа, вышел в свет юбилейный сборник. Однако в конце 1956 г. смертельно напуганные венгерской революцией В.Ульбрихт и его окружение увидели в Лукаче главного разносчика идеологической крамолы. Эту версию поддерживало и советское посольство в ГДР. «Борьба с происками кружка Петефи затруднялась в ГДР тем, что здесь в течение ряда лет среди литераторов и философов буквально насаждался своеобразный культ венгерского литературоведа Г.Лукача», – так оценил роль Лукача посол СССР в ГДР Г.Пушкин в записке от 27 июля 1957 г., адресованной в МИД СССР⁹⁸. Министр культуры И.Бехер отодвигается на вторые роли, директор издательства «Ауфбау» В.Янка был арестован за связи с Лукачем и долгое время провел в заключении⁹⁹. Ряд публикаций лета 1957 г. положил начало новой «дискуссии» о взглядах Лукача, объявленных ревизионистскими. Из Восточной Германии кампания перекинулась в Венгрию, откуда – в Советский Союз. 18 июня 1958 г., через два дня после казни И.Надя, тогдашний главный идеолог кадаровского режима Д.Каллаи говорил представителю посольства СССР о желательности выступлений советской печати с критикой Лукача. «Сейчас не имеется никаких оснований для проявляемой советской печатью сдержанности в отношении освещения проводимой в Венгрии работы по борьбе с вреднейшей ревизионистской деятельностью Лукача. Если бы критику Лукача начали в Советском Союзе, сказал тов. Каллаи, а

потом она развернулась бы в Венгрии, то это дало бы возможность кое-кому говорить о «критике по указке Москвы», но даже и в этом самом невыгодном случае международное коммунистическое движение, несомненно, получило бы пользу. В действительности получилось так, что борьбу с лукачевским влиянием первые начали немецкие товарищи (в журнале «Айнхайд» летом 1957 г.), затем выступили венгры, сейчас готовятся итальянцы, и молчание советских товарищей может уже быть неправильно понято», – заметил он¹⁰⁰. Молчание, о котором говорит Каллаи, было недолгим. Уже в том же 1958 г. оно было нарушено целым залпом критических выпадов в адрес Лукача со страниц советской прессы. Редкий советский учебник по эстетике и литературоведению конца 1950-х – начала 1960-х годов обходился без критики в адрес венгерского «ревизиониста» Д.Лукача, принижающего роль мировоззрения в художественном творчестве¹⁰¹.

Критика Лукача в 1958–1959 гг. была еще менее эффективной, чем десятью годами ранее. 28 апреля 1959 г. Политбюро ЦК ВСРП, специально обсуждавшее вопрос о Лукаче, констатировало, что он сохранил немалое влияние на интеллигенцию¹⁰². Развязывая кампанию, партийное руководство рассчитывало, что Лукач, как в 1950 г., выступит хотя бы с частичной, ритуальной самокритикой. Однако этого не произошло. С конца 1950-х гг. в многочисленных интервью иностранным корреспондентам и в предисловиях к сборникам своих старых работ, все чаще переиздававшихся в Западной Германии, Италии, Британии, Франции, США, Лукач упорно делал акцент на критике сталинизма не просто как политической практики конкретного человека, но как определенной системы представлений о социализме и методов ее реализации. Идя в этом смысле гораздо дальше половинчатой хрущевской критики Сталина, венгерский философ вызывал раздражение более жестких коммунистических ортодоксов как у себя дома, так и за рубежом. Указав, что ряд выступлений Лукача в зарубежной печати «носит уже характер полного ренегатства», Политбюро ЦК ВСРП наметило активизировать критическую кампанию. Выдвигалась даже идея арестовать 74-летнего философа, и лишь нежелание вызывать излишнюю шумиху на Западе заставило власти отказаться от ее осуществления¹⁰³.

Надо сказать, что в западных странах отношение к Лукачу было довольно неоднозначным. Работа «Разрушение разума» (1954), характерное порождение духовного климата «холодной войны», вызвала по другую сторону «железного занавеса» негативный отклик. В этой книге Лукач пытался на большом конкретном материале проследить основные тенденции развития немецкой философии во второй половине XIX – первой трети XX века, показав преемственность в ее эволюции от Шопенгауэра через Ницше к Розенбергу и другим идеологам «третьего рейха». Речь шла о неуклонном усилении иррационалистических начал в «буржуазном» сознании новейшего времени. Многим либеральным оппонентам историко-философская концепция Лукача показалась крайне прямолинейной и упрощенческой, еще

более их шокировало искусственное объединение на платформе иррационализма фашистской идеологии и ряда современных философских течений. Под влиянием этой книги на Западе сложилось (или укрепилось) представление о Лукаче как о мыслителе, духовно капитулировавшем перед сталинизмом, поставившем свой незаурядный талант и огромную эрудицию ему на службу. Однако роль Лукача в событиях «будапештской осени» дала повод для новых переоценок места этого философа в современном марксизме. Многочисленные интервью Лукача зарубежным изданиям, посвященные выявлению философских основ сталинизма, осмыслению сущности и перспектив реального социализма, привлекая живой интерес западной публики, поддерживали о нем представление как о наиболее творческом, при всех противоречиях своего мировоззрения, продолжателе аутентичной марксистской традиции.

С весны 1957 г. живя почти безвыездно в Будапеште, философ работал над фундаментальными сочинениями, содержащими систематическое изложение проблем эстетики, этики, онтологии с марксистских позиций («Своеобразие эстетического», «К онтологии общественного бытия» и др.). Следует заметить, что если на Западе в 1960-е годы, на волне движения «новых левых», заставившего европейскую интеллектуальную элиту заново перечитать «Историю и классовое сознание», популярность Лукача достигает своего пика¹⁰⁴, в Венгрии и других странах соцлагеря духовная ситуация не очень-то благоприятствовала «моде» на идеи этого философа среди гуманитарной интеллигенции. Все сколько-нибудь реалистически мыслящие марксисты (включая самых неординарных представителей этого мировоззрения) должны были в той или иной мере ощущать свою ответственность за испытания, которые выпали на долю восточноевропейских народов за годы социалистических экспериментов. К тому же ярко выраженная антиавангардистская направленность концепции Лукача делала ее совсем не созвучной творческим устремлениям молодого литературного поколения в странах Восточной Европы, которое, сумев хоть ненадолго высвободиться из пут нормативной эстетики, интенсивно пыталось наверстать упущенное по части художественного экспериментаторства, активно осваивало новейший опыт западных литератур. При всем том моральный авторитет Лукача продолжал оставаться весьма высоким и каждое новое его выступление вызывало отклик венгерской интеллигенции. Так произошло и с его интервью, опубликованным главным партийным органом ВСРП, газетой «Непсабадшаг», в рождественском номере 24 декабря 1967 г. Венгерская общественность впервые узнала из него о примирении Лукача и партии, состоявшемся несколько ранее (15 августа 1967 г. Политбюро ЦК ВСРП положительно решило вопрос о членстве Лукача в рядах партии, куда он не был принят в 1957 г.). Кадаровский режим уже несколько лет шел по пути либерализации. 1 января 1968 г. в Венгрии вступал в действие новый экономический механизм, предусматривавший широкий комплекс мер по

сочетанию планового и рыночного начал в экономике, расширение самостоятельности предприятий, обеспечение некоторой свободы частнопредпринимательской инициативы в сфере обслуживания и легкой промышленности. Лукач не только всецело поддержал руководство ВСРП в его реформаторских начинаниях, но в ряде интервью, опубликованных в 1967–1968 гг. в ФРГ, Югославии, Чехословакии, попытался набросать именно политическую концепцию реформ, которой у Кадара, собственно говоря, в это время не было. Основной упор в ней делался на многообразии форм общественного контроля за действиями властей, обеспечении условий для широкого приобщения масс к управлению.

«Пражская весна» предоставила кадаровскому руководству лишний повод четче обозначить собственные установки, дать свой ответ на вопрос о пределах терпимости коммунистического режима, возникший в связи с развернувшимися как в ЧССР, так и в ВНР реформами. Идеолог режима Д. Ацел в апреле 1968 г. выступил с программным заявлением, в котором развил тезис о том, что ВСРП стремится не к установлению монополии своей идеологии, а лишь к ее ведущей роли в обществе. Допускалось существование в определенных рамках и иных идейных течений. Хотя предпочтение в отношениях с оппонентами отдавалось открытым спорам, не исключалась и возможность административного вмешательства. «Если кто-либо под предлогом дискуссии попытается создать политическую организацию или предпримет иные действия, нарушающие наши общественные нормы, мы ответим на это в соответствии с нашими законами... Против сознательно враждебных устремлений можно и нужно пользоваться административными мерами»¹⁰⁵. Таким образом, было принципиально заявлено, что плюрализм мнений отнюдь не перерастает автоматически в политический плюрализм. Там, где возникала угроза режиму, кадаровский либерализм напоминал о существовании границ. Четкое разъяснение основных постулатов своей идейной платформы казалось Кадару тем более своевременным, что развитие событий в соседней Чехословакии могло породить у иных из представителей венгерской интеллигенции ненужные иллюзии.

Лукач в который раз шел в своих помыслах дальше партии. В феврале 1968 г. высшие инстанции ВСРП, снова обсудив вопрос о Лукаче в связи с его многочисленными интервью, приняли решение не развертывать публичной критики, но попросить философа в беседах с зарубежными журналистами по возможности воздерживаться от выступлений по проблемам текущей политики и вообще сосредоточиться на «более полезной для партии» разработке вопросов эстетики, литературоведения, а еще лучше – на критике новейших течений буржуазной мысли¹⁰⁶. Подобного рода пожелание само по себе было индикатором новой ситуации в духовной жизни Венгрии, в корне отличной от той, что имела место в 1950-е годы. Уход от жизни в «чистое искусство» теперь казался властям уже не предосудительным, а желательным.

Вторжение в Чехословакию 21 августа 1968 г. Лукач воспринял негативно, не делая из своей позиции секрета. А ряд его учеников (А.Хеллер, Д.Маркуш и др.) подписали письмо протеста. Это принесло им определенные неприятности при том, что сохранявшийся пиетет кадаровских властей по отношению к живому классику современной философской мысли и уберег их до поры до времени от грубой травли.

После смерти Лукача его ученики пошли гораздо дальше своего учителя в осмыслении сущности послесталинского социализма и его перспектив. Монополия официальной версии марксизма оказалась под угрозой. Весной 1973 г. было принято постановление ЦК ВСРП о деятельности ряда философов школы Лукача, повлекшее их исключение из партии. Во второй половине 1970-х А.Хеллер и ряд других ближайших учеников Лукача эмигрирует из Венгрии. В постановлении 1973 г. впервые прозвучало противопоставление Лукача его ученикам, ставящим под сомнение основополагающие социалистические ценности.

Отношение официальной культурной политики в Венгрии к творчеству Лукача в 1970–1980-е годы весьма показательны для понимания характера кадаровского режима. Если в ГДР Лукач еще долго «ходил в ревизионистах», то в Венгрии власти предрекшие, обеспокоенные, по мере усугубления кризиса реального социализма, недостаточной конкурентоспособностью марксизма в споре с иными идеологиями, все чаще ссылались на него. Выходит собрание сочинений Лукача на венгерском языке, включившее в себя и его ранние, домарксистские работы. В 1985 г. очень широко было отмечено столетие со дня рождения философа. Однако и в это время наследие Лукача не было востребовано в полном объеме. Так, его самая поздняя работа, «Настоящее и будущее демократизации», появившаяся как отклик на события 1968 г. в Чехословакии, увидела свет только в 1988 г. Надо заметить при этом, что выборочная канонизация текстов Лукача коммунистическим режимом не способствовала повышению престижа его философии и эстетики в сознании «либеральной» венгерской интеллигенции, в будущем главного организатора и вдохновителя «смены систем». Впрочем, ознакомление с онтологией и эстетикой Лукача становилось уделом избранных. Что же касается его историко-литературных концепций, то они вызвали все большее неприятие; звучали обвинения (отчасти обоснованные) в предвзятом отношении ко многим сложным, неоднозначным культурным феноменам XX века, трактуемым Лукачем прежде всего как проявления иррационализма современной философской мысли. В 1977 г., незадолго до смерти, в родной Будапешт вернулся из Англии другой всемирно известный эстетик, А.Хаузер, соратник Лукача по «Воскресшему обществу» времен первой мировой войны. Поскольку его концепция отличалась большей открытостью к новейшим течениям в культуре, Хаузер на какое-то время становится знаменем тех, кого рационалистический ригоризм эстетики Лукача раздражал и отталкивал¹⁰⁷. Интересно также, что с критикой Лукача за узость

взгляда на современную «буржуазную» культуру была готова согласиться, исходя из сугубо прагматических соображений, и официальная марксистская (как венгерская, так и советская) ортодоксия эпохи застоя, одновременно продолжавшая обвинять его в «правом ревизионизме»¹⁰⁸.

На середину 1970-х годов пришла новая, хотя и не слишком долговечная волна интереса к Лукачу на Западе, связанная с выявлением в сейфах гейдельбергских архивов его ранних, неопубликованных рукописей по эстетике.

Несколько по-иному, чем в Западной Европе, а также в Венгрии, складывалась судьба наследия Лукача в СССР, где отношение к нему как к ревизионисту или, по крайней мере, «уклонисту» (сначала левого, а потом правого толка) было устойчивым начиная еще с 1920-х годов. К середине 1960-х годов критика «ревизионистской» эстетики венгерского философа утихает, сменившись многолетним замалчиванием его работ. При всей подчеркнутой марксистской ортодоксальности позднего Лукача, при всей его последовательной приверженности социалистическому выбору и достаточной лояльности «реальному социализму», сложившемуся в СССР и странах Восточной Европы, творчество выдающегося венгерского философа на протяжении многих лет неизменно внушало подозрения блюстителям идеологической чистоты со Старой площади. И основания для этого, вероятно, были. Один из столпов официозного литературоведения брежневской эпохи, А.Дымшиц, был прав, когда в 1968 г. писал в ЦК о том, что теория реализма Лукача расчищает пути «односторонне критическому направлению, наиболее отчетливо представленному у нас в ряде произведений, напечатанных в журнале «Новый мир» (где, кстати сказать, ученики Лукача, а также и ученики его учеников, обладают весьма определенным влиянием)»¹⁰⁹. Что правда, то правда. Ведущий советский марксист школы Лукача, М.Лифшиц, со времен МИФЛИ конца 1930-х годов входил в ближайшее окружение А.Твардовского, соратник Лукача по редакции довоенного журнала «Литературный критик» И.Сац состоял в 1960-е годы членом редколлегии «Нового мира», И.Виноградов был учеником М.Лифшица, В.Лакшин встречался с Д.Лукачем в Будапеште в середине 1960-х годов, о чем оставил воспоминания¹¹⁰.

Даже после того, как более либеральный кадаровский режим в 1970-е годы предпринял явную попытку интегрировать многие идеи позднего Лукача в свою концепцию социализма, отношение к венгерскому философу в Москве как к одному из мэтров европейского ревизионизма отнюдь не изменилось. Характерно, что даже весной 1985 г., когда весь мир отмечал столетие со дня рождения великого мыслителя (в общей сложности было проведено около сотни конференций), в идеологических отделах ЦК КПСС составлялись записки о том, что чрезмерное «выпячивание» Лукача ведет к принижению роли «ленинского этапа» в развитии марксистской философии. Эта мысль

отчетливо прозвучала и в санкционированной инстанциями юбилейной статье Б.Бессонова и И.Нарского в «Вопросах философии» (1985, № 3).

Если партийные идеологи считали Лукача правым ревизионистом, то в отношении к нему в литературных кругах (и со стороны отдельных философов) доминировал, как это ни парадоксально, совсем иной, во многом прямо противоположный подход. Лукача нередко пытались представить как твердокаменного догматика-марксиста, не способного в силу своей идейной закорючлости оценить многих новейших явлений в мировой литературе XX века¹¹¹. Для того, чтобы убедиться в несостоятельности или, по крайней мере, в односторонности такого мнения, отечественному читателю было бы достаточно самому взять в руки любую фундаментальную философскую или эстетическую работу Лукача. Такой возможностью у него, однако, долго не было. Публикация ряда крупных, причем последовательно марксистских трудов Лукача («Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества», «Своеобразие эстетического», «К онтологии общественного бытия») была предпринята в СССР лишь в конце 1980-х годов. Но к этому времени авторитет марксизма в сознании отечественной гуманитарной интеллигенции был низведен почти до нулевой отметки, так что выход фундаментальных работ Лукача явился, к сожалению, в известном смысле холостым выстрелом.

В Венгрии на рубеже 1980–1990-х годов Лукачу еще сильнее, чем когда-либо ранее, пришлось «отвечать» за прегрешения «реального социализма». Критика его философии, политологии, эстетики звучала со многих трибун. Кульминацией этого процесса явилось разрушение в Будапеште посвященной ему мемориальной доски хулиганствующими апологетами «либеральной» вседозволенности, требовавшими полного разрыва с наследием минувшей эпохи. Но к середине 1990-х годов ниспровержение идолов, неизбежное в пору смены систем, уступает место более спокойному, уравновешенному отношению. Наследие Лукача очищается от конъюнктурных политико-идеологических напластований, становится, как и во всем мире, предметом объективного, профессионального изучения в качестве одного из достояний истории европейской мысли XX века.

Бог истории, ее объективный разум, которому Лукач поклонялся на протяжении многих десятилетий и логику которого стремился разгадать силой своего незаурядного интеллекта, неоднократно насмеялся над философом. Так произошло, например, в 1930-е годы, когда развитие Германии не оправдало лукачевских ожиданий торжества разума над фашистским варварством. Точно также и в 1960-е годы поиски Лукачем демократической альтернативы сталинизму, казарменному социализму в рамках марксистской идеологии оказались безуспешными. Некоторые высказывания Лукача конца 1960-х годов, сделанные им не для широкой публики, дают основание предположить, что он вплотную подошел к мысли о нерепарированности социализма советского образца, крахе эксперимента, начатого в 1917 г. Но вер-

ность коммунистической идее и марксову учению он продолжал сохранять до конца, отказ от них был бы для Лукача равносильен признанию бессмысленности всей гигантской работы духа, проделанной им в течение семи десятилетий творческого пути. «Я знаю: скепсис и пессимизм в интеллигентских кругах вот уже более ста лет считаются чертами более аристократическими, чем вера в великое дело прогресса человечества – если даже формы проявления этого прогресса пока что весьма проблематичны», – заметил как-то Лукач на склоне лет¹¹².

Думается, что духовный опыт уходящего столетия останется исполненным без учета философских исканий в русле марксистской традиции, наиболее значительным представителем которой в середине и второй половине XX века был, наряду с менее ортодоксальными мыслителями Франкфуртской школы, венгерский философ, эстетик, литературный критик Дёрдь Лукач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Mann Th.* Die Forderung des Tages. Berlin, 1930, S. 114.

² Путь. Орган русской религиозной мысли. Париж, 1935. № 48. С. 10. Цит. по: *Ландор М.* Собеседник на всю жизнь // Вопросы литературы. 1998. № 2. С. 196.

³ Наиболее полная из имеющихся библиографий, выпущенная в 1983 г., а следовательно, не включающая работы последних 15 лет, насчитывает 2000 названий: *F.H.Lapointe.* Georg Lukacs and His Critics. An International Bibliography with Annotations (1910–1982). London, Greenwood Press, 1983.

⁴ В Венгрии конца XIX века существовали более благоприятные, чем в большинстве стран, условия для продвижения евреев по ступеням социальной лестницы. Причина этого кроется в этнической структуре Венгерского королевства, с которой были вынуждены считаться будапештские власти. Поскольку венгры составляли всего около 50% населения восточной (управлявшейся из Будапешта) половины дуалистической Австро-Венгрии, правительство сознательно стремилось увеличить удельный вес венгероговорящих в монархии за счет ассимиляции 5%-ного еврейского меньшинства, три четверти которого к началу XX в. были мадьяризованы. Решение этой задачи было возможно лишь при отсутствии каких-либо дискриминационных мер в отношении евреев. Однако, даже на общем неплохом фоне карьера Й.Лукача выглядела блистательно.

⁵ Из беседы посла СССР в Венгрии Е.Киселева с генеральным секретарем Центрального Руководства (ЦР) Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М.Ракоши. Донесение Е.Киселева министру иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому от 25 июня 1952 г. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 859. Л. 36.

⁶ *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon (Az interjúkat kész. Eörsi I. és Vezér E. Szerk. Eörsi I.). Budapest, 1989. 88–95. old.

⁷ *Ibid.* 99. old.

⁸ Составлявшие главную социальную базу консервативно-националистических сил выходцы из среднепоместного дворянства, постепенно приспосабливаясь к законам капиталистической экономики, видели в молодой еврейской буржуазии

преуспевающего, а значит, весьма опасного для них конкурента. Основания для этого, безусловно, были. Достаточно сказать, что уже в 1896 г. евреям, составлявшим всего 5% населения Венгрии, принадлежало 30% банковских вкладов. Острый политический кризис 1905–1906 гг. завершился компромиссом сторонников и противников системы дуализма и приходом к власти коалиции с участием националистически ориентированной партии независимости. С этих пор происходит корректировка политики в отношении евреев – благоприятствование сменяется некоторым сдерживанием. Принадлежность отца к будапештской элите отнюдь не помешала Лукачу испытать это на себе, когда на рубеже 1900–1910-х годов ему, хотя и под более благовидным внешним предлогом, было отказано в получении преподавательской вакансии в Будапештском университете.

⁹ Előszó a Magyar irodalom – magyar kultúra c. kötethez // *Lukács Gy. Curriculum vitae*. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 381. old.

¹⁰ Идея создания театра возникла у Лукача в результате поездок во Францию и Германию, сопровождавшихся ознакомлением с новейшими веяниями театральной жизни. Воодушевленный творчеством крупнейших режиссеров, Лукач по возвращении домой предложил своему другу М.Бенедеку подумать о путях реализации смелых театральных идей на погрязших в рутине будапештских подмостках. Юные энтузиасты связались с профессиональным режиссером Ш.Хевеши (в то время режиссер-ассистент Национального театра в Будапеште, Хевеши со временем, уже в 1920–1930-е годы, встал во главе этого театра и много сделал для повышения его эстетической культуры). Увлечшись предложением, молодой режиссер принял за работу. Первая премьера театра (4 одноактных пьесы) состоялась 25 ноября 1904 г. Проявив определенные организаторские способности, юный Лукач и его единомышленники смогли заручиться поддержкой ряда университетских профессоров, других представителей интеллигенции, не удовлетворенных состоянием венгерского театра. Актив общества «Талия» составила молодежь, в том числе будущие знаменитости – композиторы Б.Барток и З.Кодай, один из основоположников эстетики кино Б.Балаж. Председателем общества стал близкий друг Д.Лукача Л.Бапоци, сам Лукач вошел в художественный совет, занимался отбором пьес для постановки и их переводами. Его попытки попробовать себя в режиссуре завершились неудачей. Вместе с тем на склоне лет философ, с неизменной строгостью относившийся к раннему этапу своей творческой деятельности, достаточно уважительно отзывался о своем юношеском начинании, не только способствовавшем углублению его знаний о современной европейской драме, но и позволившем лучше постичь законы восприятия искусства публикой (*Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magánzsalagon*. 101. old). Опыт работы в «Талии» сказался уже через несколько лет в историко-литературных работах Лукача. Забегая вперед, заметим, что его первую большую литературоведческую монографию «История развития современной драмы» (1911) отличало особое внимание именно к социологическим проблемам литературы, воспринятым сквозь призму новейшей немецкой философии.

Четырехлетняя деятельность театра «Талия» неплохо изучена в венгерской литературе. Важно лишь подчеркнуть, что Лукач и его единомышленники ощущали глубокую потребность не только в обновлении репертуара, но и в завоевании более широкой публики. Впервые в истории венгерского театрального искусства «Талия» (кстати, никогда не имевшая никаких связей с культуртрегерским социал-демократическим движением) устраивала спектакли специально для пролетарской

аудитории. На примере этого театра, таким образом, хорошо видно, как венгерская элитарная культура рубежа веков в усиленном стремлении к разрыву с рутинной пыталась навести мосты к массам, не представляя себе без этого подлинного обновления.

¹¹ См. рецензию М.Зусман в газете «Frankfurter Zeitung» (сентябрь 1912 г.): *Der junge Lukacs im Spiegel der Kritik*. Bp., 1988. S. 272–276.

¹² Цит по: *Нурн К. Философская мысль в Австро-Венгрии*. М., 1987. С. 131.

¹³ Это отнюдь не означало, что художник через приобщение в своем творчестве к искусству преодолевал трагизм собственного индивидуального бытия. В относящихся к началу 1910-х годов набросках фундаментальной работы по философии искусства Лукач писал об извечной трагедии художников, когда «вся та завершенность, которую они придают своим произведениям, и вся та глубина пережитого, что перетекает из них в их искусство – все это остается для них самих чем-то бесполезным, и они оказываются еще более немыми и невыраженными, чем запертые в себе люди повседневности, и хотя их художественные произведения становятся в высшей степени чем-то чисто по-человечески доступным, сами же их авторы остаются несчастными и менее всего спасенными среди людей» (Цит. по: *Поцелуев С.П. Проблема «отчуждения» в философии молодого Д.Лукача*. Канд. дисс. М., 1992. С. 92).

¹⁴ *Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magánzsalagon*. 114. old.

¹⁵ *Lukács Gy. Curriculum vitae*. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 386. old.

¹⁶ См.: *Стыкалин А.С. Теория «высокого реализма» Д.Лукача в марксистской эстетической мысли 1930-х – 1940-х годов // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема*. М., 1995. С. 39–63.

¹⁷ На русском языке см.: *Новое литературное обозрение*. М., 1994. № 9.

¹⁸ Цит. по: *Дмитриев А.Н. Д.Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии (Франкфуртская школа)*. Канд. дисс. СПб., 1998.

¹⁹ «Теория романа» явилась частью этой задуманной работы.

²⁰ Интерес молодого Лукача к русской литературе не ограничивался творчеством Ф.М.Достоевского. Целый раздел в его «Теории романа» был посвящен Л.Н.Толстому, в котором венгерский философ также видел одного из создателей современной эпопеи. Лукач писал также об «Обломове» И.А.Гончарова. Привлек его внимание и философ Владимир Соловьев, не слишком известный в то время на Западе. В своей рецензии на сборник работ Соловьева, вышедший на немецком языке, Лукач сочувственно отзывался о стремлении русского мыслителя преодолеть западноевропейский индивидуализм, противопоставив ему идеал человеческих отношений, основанных на совсем других принципах. Однако ожидаемого философского эквивалента художественной прозы Толстого и Достоевского Лукач в трудах Соловьева не нашел, не скрыв при этом своего разочарования. Если немецкий философский идеализм, писал он, дополнял Геге, Шиллера, романтиков, то применительно к Соловьеву этого сказать нельзя, читатель находит лишь эклектическое смешение (хотя и довольно тонкое) античной и современной идеалистической философии (См.: *Хевеши М.А. Молодой Лукач и его интерес к русской культуре // DOXA. Philosophical Studies*. Budapest, 1985. № 4).

²¹ Семейное счастье Лукача с российской бомбометательницей оказалось недолговечным. Елена вскоре заводит роман с душевнобольным музыкантом, образуется треугольник. Последующая жизнь Елены Грабенко с двумя мужчинами в одной

гейдельбергской квартире была чем-то похожей на сожительство Маяковского с супругами Брик в Москве десятью годами позже: с кризисом цивилизации по всей Европе происходил распад моральных норм, освященных всей христианской традицией, рухнул «буржуазный» институт брака и семьи, отбрасывались в сторону любые предрассудки прежней этики, выкристаллизовывалась новая, совсем другая мораль, основанная на родстве душ, не обремененном какими-либо социальными узами. Дружеские отношения с Еленой Грабенко Лукач сохранял и в Вене начала 1920-х годов, когда уже навсегда связал свою судьбу с Гертрудой Боршгигер, спутницей жизни на протяжении более чем сорока лет. О дальнейшей судьбе Елены мало что известно. По версии исследовавшего ее биографию А.Н.Дмитриева, в 1924 г. она возвратилась в родной город Херсон, чтобы навсегда раствориться в водовороте истории. Вполне вероятно, что она сгинула в сталинских мясорубках.

²² Логос. Международный Ежегодник по Философии Культуры. Русское издание. М., изд-во «Мусагет», 1912–1913. Кн. 1–2. С. 275–288.

²³ Причины воодушевления, охватившего немецких интеллектуалов с началом войны, Д. Лукач попытался осмыслить в статье «Немецкая интеллигенция и война», написанной в те годы для журнала «Archiv für Socialwissenschaft», но опубликованной лишь в 1970-е годы: Text und Kritik. München, 1973. № 39–40; на венг. яз.: Valóság, 1974, № 11.

²⁴ *Weber Marianne*. Max Weber. A Biography. New York. 1975. p. 518–519.

²⁵ См.: *Fekete É.* Lukács György az első világháború éveiben // Valóság, 1977. № 2. 33–44. old.

²⁶ *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. 127. old.

²⁷ Цит. по: *Поцелуев С.П.* Проблема «отчуждения» в философии молодого Д. Лукача. С. 94.

²⁸ Цит. по: *Gluck M.* George Lukacs and his generation. 1900–1918. Cambridge (Mass.), 1985, p. 17. Вместе с тем, как отметил в дневниковых записях тот же Балаж, участники этих еженедельных встреч осознавали, что их собрания «имеют какой-то высокий смысл», они искреннее свидетельство «о нашем времени и нашем поколении» (*Ibid.*, p. 15). Почти полвека спустя Лукач сравнил своих друзей с кружком рассказчиков «Декамерона», пытавшихся найти убежище от ужасов войны (*Előszó a Regény elmélete c. kötethez // Lukács Gy.* Curriculum vitae. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 260. old.).

²⁹ В мае 1918 г. в Свободной школе духовных наук состоялась при активном участии Лукача дискуссия «о прогрессивном и консервативном идеализме», собравшая едва ли не весь цвет интеллектуальной жизни Венгрии, включая некоторых писателей. Ее отличал ярко выраженный антипозитивистский пафос. Смысл выступлений большинства участников дискуссии заключался в том, что в наши дни отнюдь не материалистическая (лишенная узких горизонтов, заземленная) философия, а напротив, обновленный идеализм может стать союзником социально-политического прогресса. Тяготение к левому флангу общественной жизни отличало «Воскресное общество» от некоторых современных ему германских антипозитивистских по духу интеллектуальных сообществ, например, кружка С.Георге, эволюционировавшего вправо, к консервативной системе ценностей.

³⁰ Характерно, что хотя М.Вебер серьезно интересовался русской литературой и особенно творчеством Ф.М.Достоевского, работа Лукача над книгой о Достоевском была воспринята им в штыки как занятие, уводящее в сторону от основного дела.

³¹ Цит. по: *Дмитриев А.Н.* Д.Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии (Франкфуртская школа).

³² *Marxista fejlődés: 1918–1930 // Lukács Gy.* Curriculum vitae. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1982. 289. old.

³³ *Lukacs G.* Gelebtes Denken // New Hungarian Quarterly. Vol. XXVIII. 1981, p. 76; *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. 56. old.

³⁴ *Marxista fejlődés: 1918–1930; Utam Marxhoz // Lukács Gy.* Curriculum vitae. 99–103. old.; *Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon.* В своих автобиографиях, писавшихся в СССР в конце 1930-х годов (конечно, более формальных и менее откровенных, нежели те, что вышли из-под его пера в десятилетие подведения итогов, в 1960-е годы), Лукач стремился показать собственную эволюцию к коммунизму как процесс не только длительный и постепенный, но и напрямую связанный с его ознакомлением с трудами классиков марксизма. «По своему мировоззрению я был идеалистом; я развивался в направлении от Канта к Гегелю. Война обусловила глубокий кризис моего мировоззрения, которое прояснилось лишь благодаря русской революции 1917 г. Я основательно изучал в это время произведения Маркса и все больше приближался к этой точке зрения», – писал Лукач 2 ноября 1940 г. (РГАСПИ. Ф. 455. Оп. 199. Д. 181. Л. 47). А в другой его автобиографии конца 1930-х годов читаем: «Война вызвала глубокий кризис в моем мировоззрении, под влиянием революции 1917 г. в России мой дальнейший путь стал для меня ясен. В 1918 г. я вступил в Коммунистическую партию Венгрии» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 177. Л. 6). Сознательные попытки Лукача «спрямить» свой путь к Марксу, предпринимавшиеся им в силу хорошо понятных причин в Москве конца 1930-х годов, нуждаются в некоторых комментариях. «Капитал» Д.Лукач впервые прочитал примерно в 1908 г., с самого начала высоко оценив Маркса как экономиста и социолога. Наряду с «Капиталом» ему были известны и некоторые другие работы Маркса и его последователей. При всем при этом марксизм как социальная теория и в годы первой мировой войны оставался на периферии его интересов. Достаточно привести свидетельство А.Хаузера о том, что на заседаниях Воскресного общества в течение трех лет Лукач почти не упоминал Маркса (Из беседы Д.Лукача и А.Хаузера по венгерскому радио 30 октября 1969 г. См. также: *Hauser A.* Találkozásaim Lukács Györggyel. Bp., 1978). Политический выбор, сделанный в конце 1918 г., предшествовал, таким образом, выбору мировоззрения.

³⁵ *Beszélgetés Lesznai Annával. Kérdező: Vezér E.* // Irodalmi Múzeum I. Emlékezések. Budapest, 1967.

³⁶ *Kassák L.* Az ember élete. Bp., é. n. 4. köt. 216. old.

³⁷ *Felvilágosításul // Vörös Újság.* 19. IV. 1919.

³⁸ *Kosztolányi D.* Mi tűnik el? // Színházi élet, 1919, IV. 13.

³⁹ *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. 165. old.

⁴⁰ *Lukács György védelmében. Felhívás // Megváltó viharban.* Az 1918–1919-es magyar forradalmak irodalmából. Bp., 1979. 540. old. В немецком журнале «Ди Вайссен Бляттер» письмо аналогичного содержания опубликовал Эрнст Блох. Он также защищал своего друга не как венгерского политика, а как выдающегося философа своего поколения (*Ibid.*, 542–543 old.).

⁴¹ Цит. по: *Дмитриев А.Н.* Д. Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии (Франкфуртская школа).

⁴² Там же.

⁴³ Представитель Франкфуртской школы Ф. Боркенау позже не без сарказма обратил внимание на удивительную способность Лукача соединять высочайшую философскую абстракцию с «грубейшим преклонением меняющимся распоряжениям центрального комитета». Идеи, претендовавшие на право стать путеводной звездой для рабочего движения, «провозглашались на языке, непонятном не только рабочему, но и всякому простому смертному, не вкусившему сладость учебы в Гейдельберге» (цит. по: *Дмитриев...* См. в этой работе глубокий анализ философского содержания и политического контекста «Истории и классового сознания»). Важно заметить вместе с тем, что предпринятое Лукачем обогащение марксистской парадигмы новейшими достижениями социального исследования (в частности, методологией и категориальным аппаратом Макса Вебера) ввело его работу в контекст духовных исканий современной ему немецкой социологии. Последовательное толкование Лукачем марксизма как теории, раскрывающей не просто механизм капиталистической эксплуатации, но более общие закономерности отчуждения человеческой деятельности, было шагом вперед в сравнении с интерпретациями идеологов II Интернационала. Как тонко заметил А.Н.Дмитриев, оно открыло перспективу определенной «деполитизации» марксизма, выведения Маркса-учения из ведомства политической идеологии рабочего класса. Маркс, воспринимаемый теперь не только как экономист и социолог, но прежде всего как радикальный философ, отныне стал гораздо более открыт для теоретических споров далеко за рамками пролетарского движения, к осмыслению его наследия широко обращаются представители тех идейных течений, которые сочетали теоретический радикализм с партийно-политической неангажированностью (Франкфуртская школа, а позже «новые левые»). Именно этот более свежий взгляд на наследие Маркса предопределил успех книги Лукача как явления философской мысли, оказавшего влияние на ее дальнейшее развитие.

⁴⁴ Новую ситуацию отразили решения V Конгресса Коминтерна (1924 г.). «Основное, что бросается в глаза при обозрении современной международной политической обстановки, это начало некоей демократическо-пацифистской полосы», – говорилось в проекте тезисов этого Конгресса. «На деле то, что происходит, отнюдь не является началом стабилизации капиталистического “порядка” на основе “демократии и мира”». Напротив, привлечение социал-демократов к власти в некоторых странах «свидетельствует о неустойчивости буржуазного владычества и о том, что нынешние “нормальные” времена на самом деле тянут в себе большие ненормальности для буржуазии и чреваты тяжелыми кризисами для нее». Фашизм и социал-демократия – это «правая и левая рука современного капитализма, надломленного первой империалистической войной и первыми боями трудящихся против капитализма». Прибегая к услугам социал-демократии, буржуазия стремится придать своему господству более или менее «народные» черты, создать видимость участия трудящихся в осуществлении власти. В то же время социал-демократические правительства (лейбористское правительство Р.Макдональда в Великобритании и др.) «могут являться шагом вперед в том смысле, что они будут свидетельствовать о прогрессирующем распаде буржуазного строя, об отсутствии целиности в политике господствующих классов». При этом задача коммунистов

заключается не в том, чтобы превозносить такие «рабочие» правительства, а в том, чтобы добиваться победы диктатуры пролетариата.

Как отмечалось в том же документе, «совершенно не исключено, что именно “демократическо-пацифистская” эра может ознаменоваться новыми трудностями для первого пролетарского государства. Нет никакого сомнения, что наиболее предательская часть “демократии” работает теперь над тем, чтобы создать в области международной политики единый фронт против СССР, дабы попытаться поставить победоносную пролетарскую революцию на колени». Отсюда извлекался следующий вывод: «чем затруднительнее и противоречивее становится положение международной буржуазии, тем более вероятной становится с ее стороны прямая военная авантюра против СССР. А соучастие социал-демократов в нынешних “демократических” правительствах только увеличивает опасность такой военной авантюры. Контр-революционные вожди социал-демократии в их безграничной ненависти и злобе к советской власти решатся на военные авантюры скорее, чем некоторые откровенные буржуа». В этой обстановке на первый план выходит вопрос о степени организованности пролетарских рядов и их партий, способных выступить единым фронтом в защиту СССР. Необходимое условие его решения – беспощадная борьба с любыми – правыми и ультралевыми – уклонами в коммунистическом движении. «Важнейшей задачей современного периода деятельности Коминтерна, – резюмировали составители документа, – является большевизация секций Коминтерна» (РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 12. Л. 55, 56, 58–59, 61–62, 63–64, 66, 80).

⁴⁵ *Lukacs G.* Chvostismus und Dialektik. Ausgabe der Zeitschrift Magyar Filozófia Szemle (Herausgegeben von L. Illés). Bp., 1996. Критику А.М.Деборина см.: *Деборин А. Г.* Лукач и его критика Маркса. М., 1924.

⁴⁶ По иронии судьбы и явному недосмотру товарищей по партии конспиративная квартира находилась в двух шагах от редакции «Ногата», где Лукача, конечно, не могли не помнить. Так что заезжему коминтерновскому деятелю пришлось прилагать дополнительные усилия для того, чтобы не раскрыть свое инкогнито в родном городе. Как видим, предреволюционное прошлое, которое Лукач стремился вычеркнуть из своей биографии с маниакальностью неопита, неумолимо вторгалось в его жизнь.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 170. Л. 195–196, 103.

⁴⁸ Впоследствии, в своем выступлении в дискуссионном «тезисах Блюма», организованной Институтом истории партии при Центральном Руководстве Венгерской партии трудящихся (ВПТ) в июне 1956 г., а также в интервью 1970 г. Лукач отметил нацеленность этих тезисов на поиски в рамках коммунистической идеологии более реалистической программы действий КПВ в конкретно-исторической ситуации конца 1920-х годов. Он подчеркивал также их роль в собственной духовной эволюции от ультралевого утопического мессианизма начала 1920-х годов к большому политическому реализму. Вместе с тем философ решительно возражал против преувеличения их значения как документа, якобы предвосхитившего идеи VII Конгресса Коминтерна (1935 г.) об антифашистском народном фронте, поскольку задача борьбы с фашизмом как с главной опасностью не была им еще в конце 1920-х годов осознана и не нашла в этих тезисах отражения. Дилемму «демократия или фашизм» Лукач вообще принципиально отрицал, ибо в дискредитированной «буржуазной» демократии ему виделось общественное состояние, непосредственно порождающее фашизм. См.: *Vita a «Blum-tézisek»-ről // Lukács Gy.*

Curriculum vitae. Вр., 1982. 171–227. old.; Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon (Az interjúkat kész. Eörsi I. és Vezér E. Szerk. Eörsi I.). Вр., 1989. 186–195. old. При том, что «тезисы Блюма» во многих случаях давали более глубокий анализ экономической и политической ситуации, соотношения классовых сил, внешней политики Венгрии, чем подавляющее большинство партийных документов того времени, они даже в случае своего принятия никак не могли, таким образом, ознаменовать собой коренного поворота в венгерском коммунистическом движении. Кстати сказать, в своих тезисах Лукач довольно грубо, вполне в духе коминтерновских установок, обошелся с социал-демократами, главными конкурентами коммунистов в борьбе за рабочий класс. С другой стороны, в «тезисах Блюма» едва ли не впервые были обрисованы контуры идеи «непосредственной демократии» как альтернативы капитализму, получившей развитие в послевоенных работах Лукача. Важно заметить, что оппоненты Лукача слева впоследствии то и дело обращались к «тезисам Блюма», пытаясь найти в них корни более поздних, «правую-уклонистских» ошибок философа (так произошло, например, в ходе массивной критической кампании, развязанной против Лукача в 1949–1950 годах).

⁴⁹ На протяжении всей своей долгой жизни М.А.Лифшицу (1905–1983) приходилось выдерживать нападки с диаметрально противоположных позиций. Объявленный в 1949 г. «безродным космополитом», резко раскритикованный в 1954 г. за статью в «Новом мире» «Дневник Мариэтты Шагинян» с ее «антилакировочным» пафосом, неоднократно лишавшийся права преподавания философии в московских вузах, исключавшийся из партии, Лифшиц в 1970-е годы предстал уже в ином амплиуа. Своей воинствующей непримиримостью к декадансу, иррационализму, мифотворчеству, а еще более бескомпромиссностью в спорах и язвительно-полюемическим, а иной раз даже оскорбительным тоном статей он в это время уже отпугивал советскую «либеральную» интеллигенцию, нередко видевшую в нем столпа официальной ортодоксии, если не откровенного мракобеса. Однако и в эти годы он оставался для блюстителей идеологической чистоты со Старой площади довольно неудобной персоной. Достаточно сказать, что он был почти единственным советским философом, признанным в еврокоммунистических кругах, воспринимавших его как аутентичного продолжателя марксистской традиции. Посмертно опубликованные работы Лифшица раскрывают его как тонкого исследователя классической литературы. Со времени дискуссии 1939–1940 гг. вокруг журнала «Литературный критик» за Лифшицем усилиями многочисленных недоброжелателей закрепилось прозвище эпилота Лукача. Однако последний в беседах с учениками неизменно подчеркивал их интеллектуальное равноправие. Лукач ставил в заслугу Лифшицу ни много ни мало реконструкцию всей системы эстетических взглядов Маркса и Энгельса, считал его работы в этой области классическими. 26 июня 1939 г., подарив Лифшицу экземпляр своей только что вышедшей книги «К истории реализма», в работе над которой тот принимал участие в качестве переводчика и редактора, Лукач оставил посвящение: «Прошло уже десять лет со времени нашей первой встречи, которая не совсем случайно совпадает с началом моей повой творческой деятельности. По поводу всего, что при этом возникает, у меня такое же чувство, какое было у одного из современников Шекспира, писавшего ему: «Я хотел бы, чтобы все, написанное мною, читалось в Вашем свете...» Прошу Вас, примите доброжелательно и это создание, при возникновении которого Вы также не остались безучастным» (Архив Д. Лукача в Будапеште).

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

⁵¹ Там же. Ф. 495. Оп. 20. Д. 930. Л. 27.

⁵² Lukács György levele Lesznai Annához // Élet és irodalom. Вр., 1978, dec. 23.

⁵³ В СССР эта монография была опубликована лишь в журнальном варианте: Литературный критик, 1937, № 7, 9, 12; 1938, № 3, 7, 8, 12. Как следует из документов Иностранной Комиссии Союза советских писателей, рукопись объемом около 20 п.л. была подготовлена к печати в Гослитиздате (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 83. Л. 31). В письме председателя немецкой секции ССП И.Бехера и членов бюро секции Г.Лукача и Ф.Эрпенбека руководителю ССП А.Фадееву от 28 марта 1939 г. говорилось: «Очень важная для всех писателей работа Георга Лукача «Исторический роман» – мы знаем, что проблема исторического романа стоит в центре писательских дискуссий за границей и о ней у нас уже неоднократно запрашивали – была снята с плана 1939 г., потому что только в конце 1939 г. должна выйти его книга «История реализма», которая уже больше года лежит в издательстве» (Там же. Л. 43. Речь идет о сборнике работ «К истории реализма». М., 1939). По имеющимся сведениям, монографическое исследование «Исторический роман» было предложено также издательству «Советский писатель» (Там же. Оп. 14. Д. 438. Л. 31). Ни в одном из издательств книга так и не вышла. Думается, что в ее изъятии из издательских планов могли сыграть свою роль два фактора. Во-первых, с подписанием в августе 1939 г. советско-германского пакта в СССР ограничивается издание книг немецких писателей-антифашистов, живших в советской эмиграции (см. док. 39). Во-вторых, на судьбу издания могла повлиять развернувшаяся в конце 1939 – начале 1940 гг. дискуссия вокруг книги Лукача «К истории реализма» (1939), в ходе которой его взгляды были подвергнуты критике за недооценку роли «передового» мировоззрения в художественном творчестве. Вероятно, по тем же причинам не вышли находившиеся в планах разных издательств книги Лукача «Реализм существенного и несущественного» и «Эстетика Шиллера» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 83. Л. 31; там же. Оп. 14. Д. 438. Л. 31). В книжном варианте работа «Исторический роман» впервые вышла лишь после второй мировой войны в Венгрии и Германии. См. на венг. языке: A történelmi regény. Вр., 1947. См. также англоязычное издание: The historical novel. London, 1962.

⁵⁴ См.: *Стыкалин А.С.* Концепции культурного наследия в послевоенной Венгрии (1945–середина 1950-х годов) // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после второй мировой войны). М., 1992. С. 170–239.

⁵⁵ О теории «большого реализма» Д.Лукача–М.Лифшица, составившей важный этап в развитии марксистской эстетики новейшего времени, см.: *Лукач Д.* Что такое новизна в искусстве? [Фрагменты] Публ. и предисл. В.Середы // Вопросы литературы, 1991, № 4. С. 36–70; *Стыкалин А.С.* Теория «высокого реализма» Д.Лукача в марксистской эстетической мысли 1930–1940-х годов // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С. 39–63.

⁵⁶ *Lukács Gy.* A realizmus problémái. Вр., 1948. 11–12. old.; *Lukács Gy.* Művészet és társadalom. Вр., 1968. 142. old.

⁵⁷ *Лукач Д.* Что такое новизна в искусстве? // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 45–46. Возможно и обратное. Писатель может сколько угодно называть себя приверженцем материалистического воззрения, но если в его произведениях «идеи не вырастают органично из их индивидуальной жизни, то бытие этих идей –

каковы бы ни были намерения писателя – становится независимым от героев данного произведения, а стало быть от реальности» (там же). Поэтому «если какой-нибудь современный писатель после поверхностного прочтения пары брошюр поверхностно усвоит марксистскую терминологию, это далеко не будет означать, что по идейному содержанию своих произведений он встал выше Шекспира, Мольера или Гете» (*Lukács Gy. Magyar irodalom – magyar kultúra. Vp., 1970. 540. old.*).

⁵⁸ *Ibid.*, 486. old.

⁵⁹ Лукач Д. Что такое новизна в искусстве? // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 56.

⁶⁰ Там же. С. 57.

⁶¹ «С отчуждением я замечаю, что в длинных и авторитетно написанных статьях в «ИЛ» (речь идет о выходившем в Москве германоязычном издании журнала «Интернациональная литература» – «Интернационале Литератур. Дойче Бляттер», где Лукач выступал в роли ведущего критика – А.С.) проявляется «литературное направление», которое чрезвычайно узко и формально определяет то понятие о социалистическом реализме, которое мы считаем нужным в нашей антифашистской борьбе», – писал Б.Брехт И.Бехеру в сентябре 1938 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Д. 70. Л. 15).

⁶² Лахтин В.Я. Воспоминания о Дьерде Лукаче // Иностранная литература. 1988. № 7. С. 231.

⁶³ «Мне довелось пережить одну из величайших в мире кампаний арестов, – вспоминал Лукач. – За решеткой я оказался в конце кампании, когда ее истинные мотивы уже не имели значения, и был под арестом в течение двух месяцев. Иначе как везением это не назовешь» (*Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. 228. old.*). К этому можно добавить, что приемный сын Лукача (сын его жены от первого брака), будущий известный экономист Ф.Яноши, прошел через сталинские лагеря.

⁶⁴ Одним из образцов подобной критики можно считать работу 1939 г. «Народный трибун или бюрократ». Критикуя бюрократизм как общественное явление, стремясь раскрыть его социальный механизм, Лукач выходил на проблему формальной и реальной демократии, пытался понять причины формализации, бюрократического заострения институтов, по своему первоначальному замыслу призвания служить рупором волеизъявления народных масс и средством их приобщения к управлению обществом. Само собой разумеется, возможности подвергать сколько-нибудь глубокому анализу даже такое обыденное явление, как бюрократия (наличие которой в социалистическом обществе никогда не отрицалось идеологией сталинского режима), были резко лимитированы в условиях СССР 1930-х годов. Несколько больший простор в этом плане открывался в Венгрии первых послевоенных лет – до поворотного 1948 г., когда в стране была установлена однопартийная коммунистическая диктатура. В 1957 г. в работе, впервые опубликованной на Западе, Лукач писал: «нам нужно было признать, что причины столкновения между обогащающим марксистскую культуру прогрессивным направлением и догматическим давлением деспотической бюрократии следует искать в системе Сталина и его личности... Поэтому я был вынужден вести за свои научные идеи партизанскую войну... Издание моих трудов я делал возможным путем начинки их ссылками на Сталина и свои взгляды, расходящиеся со Сталиным, я развивал по возможности самым осторожным образом...» (*Lukács Gy. Curriculum vitae. 229. old.*).

⁶⁵ Цит. по: Бессонов Б.Н., Нарский И.С. Дьердь Лукач. М., 1989. С. 146.

⁶⁶ О том, что Лукач и в конце 1960-х годов упорно придерживался принципа *tertium datur*, продолжая искать альтернативу как государственно-бюрократическому социализму, так и буржуазной демократии, свидетельствует его работа «Настоящее и будущее демократизации» (1968), фрагмент из которой «Демократическая альтернатива сталинизму» на русском языке см.: Коммунист. 1990. № 14.

⁶⁷ Относившаяся к кругу друзей Д.Лукача Т.Мотылева, в то время молодой литературовед, вспоминает: «Удивительно привлекательна была сама атмосфера этого дома, каждодневный систематический труд, полное пренебрежение ко всякой житейской суете, постоянное сотрудничество, можно сказать, сотворчество Дьердя Лукача и его преданной спутницы жизни, доброй, умной, чуткой Гертруд, разделявшей и его заботы, и его мысли» (*Мотылева Т. Вспоминая Лукача // Вопросы литературы, 1998, № 2. С. 211.*).

⁶⁸ Там же. С. 206.

⁶⁹ Мотылева Т. Вспоминая Лукача // Вопросы литературы. 1998. № 2. С. 202.

⁷⁰ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.

⁷¹ См.: О недостатках и ошибках в освещении немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. // Большевик, 1944, № 7–8.

⁷² Наряду с этим Лукач отдавал немало сил лекторской работе в антифашистской школе для немецких военнопленных в Красногорске под Москвой.

⁷³ Характерно в этой связи, что одним из стержневых направлений европейской общественной мысли становится критика идеологических установок и политической практики веймарской Германии, где защитные механизмы против наступления фашизма так и не были выработаны.

⁷⁴ Показательно, что даже в инструкции для офицеров американской армии, которым предстояло весной 1945 г. вступить на Эльбе в контакт с советскими войсками, черным по белому отмечалось: за годы войны «мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. Л. 42).

⁷⁵ *Lukács Gy. Curriculum vitae. 230. old.*

⁷⁶ В качестве представителей СССР организаторы форума хотели видеть Б.Пастернака и И.Эренбурга, которые так и не приехали в Швейцарию. Нам неизвестно, было ли послано им официальные приглашения, а также рассматривался ли вопрос об их поездке в Женеву высшими партийно-государственными инстанциями СССР. Об участии Лукача в женевской конференции см.: *Zoltai D. Lukács and the Geneva rencontres // New Hungarian quarterly. Vol. 26. № 98. Vp., 1985.*

⁷⁷ *Фейто Ф.* Венгерская трагедия, или антисоветская социалистическая революция. М., 1957. С. 101. В первые послевоенные годы Лукач участвовал и в ряде других представительных встречах европейских гуманитариев – в Италии, Германии.

⁷⁸ *Lukács Gy. Arisztokratikus és demokratikus világnézet // Forum. Vp., 1946. 11. sz. 214. old.*

⁷⁹ Этот кризис, говорил Лукач с трибуны женевского форума, восходит своими истоками еще к эпохе, последовавшей за Великой Французской революцией, когда возникло главное, до сих пор неразрешенное противоречие буржуазного мира – между формальным политическим равноправием и реальным экономическим, социальным неравенством. В своем женевском выступлении Лукач сосредоточился на четырех моментах, подтверждавших, по его мнению, наличие тотального

кризиса капитализма – он говорил о кризисе демократии, идеи прогресса, веры в разум и гуманизма (Ibid.).

⁸⁰ Lukács Gy. Irodalom és demokrácia (2. kiad.). Bp., 1948. 13. old.

⁸¹ Forum. Bp., 1946, nov. 214. old.

⁸² Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. Bp., 1948. 12. old.

⁸³ Речь, разумеется, шла прежде всего о странах с развитым движением Сопротивления – Франции, Италии, Югославии. Что же касается Венгрии, по словам Лукача, получившей свободу «в подарок от Красной Армии», то свое понимание стоявших перед ее обществом задач философ выразил еще за много месяцев до возвращения из Москвы, на заседании руководства компартии 28 сентября 1944 г.: «на плечи коммунистической партии ляжет громадная задача – ей нужно будет привести в движение венгерский народ», – говорил он (цит. по: *Urban K. Lukács György és a magyar népi demokrácia // A felszabadulás utáni történetünkről. 1. köt. Bp., 1987. 268. old.*).

⁸⁴ Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. Bp., 1948. 12. old., 23. old. Свою позицию Лукач конкретизировал в предисловии к опубликованному в 1946 г. в Венгрии сборнику работ Маркса и Энгельса об искусстве: «Хотя в буржуазной демократии имеются внутренние противоречия капитализма, все же каждый реакционный режим создает эти тенденции в более острой, искажающей форме». Таким образом, даже частичное освобождение народа делает возможным, чтобы «как можно меньшее из античеловеческого характера капиталистической культуры проявляло себя во вред человеческой культуре, во вред истинному искусству». В то же время в своей публицистике второй половины 1940-х годов Лукач проводил тезис об объективной заинтересованности реакции в использовании институтов старой, формальной демократии в борьбе с силами, выступающими за политическое обновление общества.

⁸⁵ Может быть, в силу того, что задачи построения социалистического общества Лукач не считал стоящими на повестке дня, понимание социализма в его работах 1945–1947 годов не конкретизировано. Оставаясь в рамках общих положений, он писал о социализме лишь как о тенденции общественного развития на более долгосрочную перспективу, делая при этом акцент на синтезе идеи реальной демократии и идеи социализма. Попытка более глубоко осмыслить феномен социализма была предпринята им уже позже, в работах и интервью 1960-х годов, в контексте критики сталинизма.

⁸⁶ Дискуссия 1946 г. с известным венгерским политологом И.Бибо о перспективах политического развития Венгрии отчетливо продемонстрировала специфику и известную ограниченность лукачевского понимания демократии. Реальная угроза для молодой венгерской демократии ему виделась только справа, тогда как опасность установления левозкстремистской диктатуры явно недооценивалась. Действительность, однако, в скором времени опровергла расчеты Лукача на безболезненную трансформацию реальной демократии в социализм. Важно заметить, что концепция реальной демократии и ее медленной эволюции в социализм формировалась в расчете на длительное сохранение союза антифашистских держав, торжество принципа мирного сосуществования в международных отношениях. Когда отношения держав-победительниц обострились (уже в 1946–1947 гг.), эта теория лишилась почвы под собой.

⁸⁷ Ученый совет Будапештского университета утвердил Лукача заведующим кафедрой на основании рекомендации философа-идеалиста Т.Тинеманна, написанной на следующий день после приезда Лукача, 31 августа 1945 г. Тинеманн ссылался на раннюю эссеистику своего протеже, а также на его познания в области немецкой «философии духа». См.: *Ambrus J. «Return Home with Hopes» // Hungarian Studies on Gyorgy Lukács (ed. by L. Illés, F. József, M. Szabolcsi, I. Szerdahelyi). Bp., 1993. Vol. II. Один из главных в Москве 1940-х годов экспертов по венгерской культуре референт Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) А.Кун (дочь репрессированного в 1938 г. Б.Куна) была недалеко от истины, когда в 1947 г. в записке руководящим инстанциям отмечала: «Лукач особенно завоевал уважение и пустил корни в реальную почву венгерской культуры, его вряд ли могут считать просто перелетной птицей, которая наспех свила гнездо, выпустила быстренько свои книги, заняла ветку и теперь чирикает. Нет, Лукач за это время сумел занять свое собственное место, сумел создать себе имя, с ним считаются как с крупнейшим теоретиком марксистского течения в Венгрии». См.: Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 17. Д. 126. Л. 209. Кстати, в той же записке содержалась резкая критика Лукача за нечеткость идейных позиций, недооценку современной советской литературы и особенно за «явно неудовлетворительную» линию журнала «Форум», фактически им редактировавшегося. Особое возмущение рецензента вызывала систематическая пропаганда в журнале творчества Т.Дери, в своей талантливой прозе глубоко и без прикрас отображавшего реалии послевоенной Венгрии. Опубликовав рассказ, в высокохудожественной (даже по признанию А.Куна) форме передающий животный страх венгерского обывателя перед Красной Армией, «журнал занял враждебную позицию уже не только в области искусства, но и в области политики» (Там же. Д. 129. Л. 65).*

⁸⁸ «Я наполняюсь лишь презрением к той сволочи, от Хонта до Шандора Гергея, от Реван до Лукача, которая у нас дома держат диктатором кино и литературу», – горько заметил в частном письме Б.Балаж, когда-то собрат Лукача по «Воскресному обществу» (*Вереи И. Идеалист и власть. Последние годы жизни Балаша – по письмам // Киноведческие записки. Вып. 25. М., 1995. С. 253*). В один ряд с Лукачем попали театральный режиссер коммунист Ф.Хонт, писатель-коммунист Ш.Гергей, печально известный своими крайними сектантскими, «рашповскими» взглядами на литературный процесс, а также главный идеолог ВКП И Реван.

⁸⁹ *Fejto F.* Венгерская трагедия. С. 100.

⁹⁰ *Horváth M. Lobogónk: Petőfi.* Bp., 1950. 215. old.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 148.

⁹² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 56. Л. 32.

⁹³ Правда. 1 февраля 1950 г.

⁹⁴ «Будучи ответственным за идеологическую работу в партии и в стране, Реван упорно выдвигает профессора Лукача, считая его самым образованным и авторитетным марксистом в Венгрии», – отмечалось в одном из донесений посольства СССР за 1950 г. (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 78). Министерство, возглавляемое Реван, – говорилось в другом донесении 1950 г., – на словах провозглашает борьбу за социалистическую культуру, но практическими результатами не показало, поскольку засорено последователями «троцкистствующего идеалиста» Д.Лукача, использующего недопустимую терпимость некоторых руководящих деятелей в

целях протаскивания своих теорий (Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 269. Л. 10–11). В процитированной выше записи беседы С. Заволжского с М. Ракоши и М. Фаркашем от 11 июля 1949 г. также говорилось, что в деле критики Лукача («на т. Ревани... мы положиться не можем») (Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 148).

⁹⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 859. Л. 36–37).

⁹⁶ Посольство СССР в 1952 г. приводило мнение некоторых работников культуры о том, что Лукач «сейчас занимает еще более твердое и высокое положение в области идеологической работы, чем до критики его взглядов в 1950 г.» (Там же. Д. 860. Л. 108) Это мнение воцело совпадало с впечатлениями сотрудников посольства о роли Лукача как «одной из реакционных фигур, вокруг которой группируются остальные скрытые представители буржуазной идеологии в общественной жизни Венгрии» (Там же. Л. 109). Согласно донесениям посольства, «есть основания считать, что именно Лукач явился вдохновителем рекламной шумихи вокруг идейно порочного романа Дери «Ответ» (Там же. Д. 859. Л. 183). «Особенно опасно влияние Лукача на молодые кадры венгерских писателей и критиков, которое имеет широкие размеры. В Союзе писателей Лукач является наряду с Верешем (П. Вереш – один из лидеров движения «народных писателей», видный общественный и политический деятель – А.С.) фактическим руководителем, определяющим политический курс Союза» (там же). Для понимания ситуации, сложившейся в литературной жизни Венгрии после утверждения в ней догматизированного марксизма, небезынтересно, с какого рода жалобами приходили в посольство СССР оппоненты Лукача. Один из них, Т. Ацел (молодой писатель, за слабый роман получивший в 1952 г. в СССР Сталинскую премию по литературе, а после событий 1956 г. эмигрировавший из Венгрии – А.С.), говорил, что благодаря эрудиции Лукача и его «умению без труда превращать зайца в слона и наоборот», «спорить с ним очень трудно, трудно разбить его демагогическую, но хитросплетенную аргументацию» (Там же. Л. 39).

⁹⁷ A haladás és reakció harca a mai kultúrában. // *Lukács Gy. Sorsforduló*. Szerk. Sziklai L. Bp., 1985. 85. old.

⁹⁸ Записка «О положении в Союзе немецких писателей». Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ, бывш. ЦХСД – Центр хранения современной документации). Ф. 5. Оп. 33. Д. 24. Л. 82.

⁹⁹ Az embermentés kudarca. A Lukács György-krimi // 168 óra. Bp., 1990. № 11. 22. old.

¹⁰⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 58. Л. 52–53.

¹⁰¹ Весной-летом 1956 г., на волне умеренной хрущевской либерализации, Институт философии АН СССР с разрешения высоких партийных инстанций пригласил Лукача осенью того же года посетить Москву и Ленинград и прочитать ряд лекций. Планировалось также опубликовать в русском переводе его большой историко-философский труд «Разрушение разума» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 24). Лукач с благодарностью принял приглашение. В ответном письме от 9 сентября он писал, что 12-летний период жизни в СССР «был для меня очень плодотворным в моей научной деятельности и я с радостью думаю о том, что снова увижу Институт философии, старых коллег и познакомлюсь с появившимися за это время молодыми философами. Я был бы также очень рад дать отчет Институту философии о моих последних работах (теория эстетического отражения).

Однако, с одной стороны из-за большого количества работы весной этого года я сильно запустил мою основную работу, с другой стороны этой зимой я должен принять участие в обсуждении реформы преподавания философии, так что эта

поездка едва ли может состояться раньше весны 1957 года. Я позволю себе, как только мне будет ясно конкретное распределение моего времени, еще раз написать Вам, чтобы согласовать мои планы с планами Академии наук и Института философии» (Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 355. Л. 9 – перевод, Л. 10 – немецкий оригинал письма). Как явствует из имеющихся документов, вопрос о поездке оставался открытым, по крайней мере, до конца лета 1957 г. и отпал сам собой с началом новой критической кампании (Там же. Л. 1).

¹⁰² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 198. Л. 67 (Записка в ЦК КПСС, подготовленная в секторе Венгрии отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, май 1959 г.). Историкам известно, что в 1958–1959 гг. университетская молодежь, даже совсем не приверженная марксизму, нередко фрондировала выступлениями в защиту Лукача. См.: *Csizmadia E. A magyar demokratikus ellenzék* (1968–1988). Bp., 1995, 29. old.

¹⁰³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 128. Л. 65–66 (запись беседы сотрудников посольства СССР Ю. Чернякова и В. Крючкова с зав. агитпропом ЦК ВСПИ И. Сирмай 5 мая 1959 г.).

¹⁰⁴ Ранние работы, которые венгерский мыслитель давно уже считал пройденным этапом своей духовной биографии, будучи переизданными на Западе, привлекли внимание философов разных ориентаций и, не в последнюю очередь, приверженцев экзистенциализма, от которого Лукач публично отмежевался еще во второй половине 1940-х годов (*Lukacs G. Existentialisme ou marxisme*. Paris, 1948). Опубликованный в 1960-е годы итоговый труд Д. Лукача «Своеобразие эстетического», своего рода квинтэссенция марксизма в эстетике, равно как и его последнее фундаментальное сочинение, посмертно изданное «К онтологии общественного бытия» снижали уважительное отношение в философской среде, но все же не могли сравниться по своему влиянию на умы с «Историей и классовым сознанием». Характерно, что и ученики Д. Лукача, представители весьма влиятельной в мире будапештской философской школы А. Хеллер, Ф. Фехер, Д. Маркуш, М. Вайда и др., работая с середины 1970-х годов в основном на Западе, довольно далеко отошли не только от идей своего учителя, но и от марксистского дискурса как такового.

¹⁰⁵ Népszabadság. 27. IV. 1968.

¹⁰⁶ Urbán K. Lukács és az MSzMP 1967/1968-ban // *Magyar Nemzet*, 1990, ápr. 2.

¹⁰⁷ Magázódva a marxizmussal. Hauser contra Lukács // 168 óra, 1993, 29. sz., 20–21. old.

¹⁰⁸ См. очень интересный в этом смысле документ – письмо А. Дымшица в ЦК КПСС 14 октября 1968 г. в ответ на запрос об отношении к творчеству Д. Лукача (РГАЛИ. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 652. Л. 69–80).

¹⁰⁹ Там же. Л. 76.

¹¹⁰ *Лакшин В.* Воспоминания о Дьерде Лукаче // *Иностранная литература*. 1988. № 7. С. 231.

¹¹¹ См., например: *Гулыга А.* В мире антиэстетики // *Литературная учеба*. 1987. № 5.

¹¹² Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 89.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- BGB – Bund des Geistigen Berufs (Союз работников умственного труда)
BPRS – Bund proletarisch-revolutionären Schriftsteller (Союз пролетарско-революционных писателей)
MEGA – Marx-Engels-Gesamtausgabe (Международное академическое собрание сочинений Маркса и Энгельса)
MASCH – Marxistische Arbeiterschule (Марксистская рабочая школа)
SDS – Schutzverband Deutscher Schriftsteller (Союз защиты немецких писателей)
- Арбплан – Рабочее содружество по изучению планового хозяйства в Советском Союзе (Arbeitsgemeinschaft zum Studium der sowjetrussische Planwirtschaft [ARPLAN])
- АССР – Автономная советская социалистическая республика
б/у – бывший в употреблении
ВАПП – Всероссийская ассоциация пролетарских писателей
ВКВШ – Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР
ВКП – см.: КПВ.
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей
ВПТ – Венгерская партия трудящихся
ВСРП – Венгерская социалистическая рабочая партия
ГУТБ – Главное управление госбезопасности
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГДР – Германская Демократическая Республика
ГКО – Государственный Комитет Обороны
ГОКП – см. ОКП
ИККИ – Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала
ИМЭ – Институт Маркса–Энгельса
ИМЭЛ – Институт Маркса–Энгельса–Ленина
ИНО ОГПУ – Иностраный отдел (разведка заграницей) ОГПУ
ИСИ – [Франкфуртский] Институт социальных исследований
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
КГБ – Комитет государственной безопасности
КИ – Коммунистический Интернационал
КПВ – Коммунистическая партия Венгрии (иногда: ВКП – Венгерская коммунистическая партия)

КПА – Коммунистическая партия Австрии
КПГ – Коммунистическая партия Германии
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
МВД – Министерство внутренних дел
МГБ – Министерство государственной безопасности
МГУ – Московский государственный университет
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
МОРП – Международная организация пролетарских писателей
МЭГА – см.: MEGA
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НРБ – Народная Республика Болгария
НСДПГ – Независимая социал-демократическая партия Германии
о/м – отделение милиции
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОКПГ – Объединенная коммунистическая партия Германии
п/п – подлинник подписал
ПСС – Полное собрание сочинений
РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей
РГО (RGO) – Революционная профсоюзная оппозиция (Revolutionäre
Gewerkschaftsopposition)
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической
истории
СДПВ – Социал-демократическая партия Венгрии
СДПГ – Социал-демократическая партия Германии
СНК (СМ) СССР – Совет Народных Комиссаров (Совет Министров) СССР
ССП – Союз Советских писателей
СТО СССР – Совет труда и обороны СССР
с/ч – следственная часть
УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР
УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР
УФТИ – Украинский физико-технический институт
ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности
Российской Федерации
ЦК – Центральный Комитет
ЦКК – Центральная Контрольная Комиссия
ЦПФО – Центральный планово-финансовый отдел
ЦХСД – Центр хранения современной документации

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ambrus J., 69, 74, 75, 128, 164, 214,
215, 216, 217, 225
Bahne S., 145
Bloch E., 144, 147
Bonc E., 151
Congdon L., 153
Csizmadia E., 227
Dupeux L., 143, 158
Eörsi I., 69, 75, 145, 213, 220
Fekete E., 216
Gallas H., 143, 144
Geréb A., 10
Gluck M., 216
Hajdu T., 10, 63
Hauser A., 217
Hook S., 148
Horváth M., 225
Illés L., 10, 139, 152, 219, 225
Jánossy F., 10
József F., 225
Jünger E., 161
Kändler K., 142
Kassák L., 217
Kosztolányi D., 217
Krausz T., 10
Landshut S., 145
Lapointe F.H., 213
Lesznai A., 217, 221
Mann Th., 76, 164, 213
Marcuse L., 146
Marx K., 145
Mayer J.P., 145
Mayer P., 145
Müller R., 10, 147
Na'aman Shlomo, 145
Rákosi M., 10
Rohrwasser M., 159
Sauermann U., 158
Strada V., 10
Szabó B.I., 152
Szabolcsi M., 225
Szerdahelyi I., 225
Szereda V., 10
Sziklai L., 10, 142, 149, 162, 226
Sztikalin A., 10
Urbán K., 224, 227
Vezér E., 69, 75, 153, 213, 217, 220
Weber Marianne, 216
Winkler H.A., 143
Zoltai D., 223
Zwengel R., 10
- Абрагам-Миронова Ц.Д., 141
Абрамович А.А., 141
Агранов Я.С., 86, 141
Ади (Ady) Эндре, 172, 179
Адоратский В.В., 86, 141, 191
Александров Г.Ф., 120, 162
Алпари (Alpári) Дюла, 70
Ананьич Б.В., 10
Андерсон К.М., 8
Анзельми, 65
Ансерме (Ansermet) Эрнест, 201
Анчаров, 87
Аплетин М.Я., 111, 116, 117, 156
Аполлинер (Apollinaire) Гийом,
178
Арсланов В.Г., 10
Асмус В.Ф., 123, 124, 163, 199
Ацел (Aczél) Дёрдь, 209
Ацел (Aczél) Тамаш, 226
Бабич (Babits) Михай, 179, 184, 185
Бакалов Г.И., 140
Баконьи (Bakonyi) Эндре, 106
- Балаж (Балаш) (Balázs) Бела,
107, 120, 147, 151, 152, 162, 163,
179, 180, 185, 187, 214, 216, 225
Бальзак (Balzac) Оноре де, 93, 131,
132, 142, 144, 164, 193, 194, 195
Банг (Bang) Герман, 169
Баночи (Bánóczy) Ласло, 214

- Барна (Barna), конспиративное имя
Бергманна Йожефа, 42
- Барта (Barta) Шандор, 107, 150,
152
- Барток (Bartók) Бела, 172, 184, 214
- Бауэр (Bauer) Бруно, 141
- Бахтин М.М., 166
- Башгаков Л.Ф., 58, 59, 77
- Бебрич (Bebrits) Лайош, 121, 162
- Белецкий В., 100, 101
- Белов (Георгий Дамьянов), 114, 161
- Бенедек (Benedek) Марсел, 169,
214
- Бенедек (Benedek) Элек, 169
- Бенке (Benkő Antal?) Антон, 51, 53,
65
- Беннинг Франц, 160
- Бергсон (Bergson) Анри, 178
- Бердяев Н.А., 166
- Берестнев И.М., 163
- Берестнев В.Ф., 123, 124
- Берия Л.П., 6, 10, 56, 76, 77
- Беркович Бертольд, 63
- Берне (Börne) Карл Людвиг, 99,
146
- Бернштейн (Bernstein) Эдуард, 145
- Беспалов, 97
- Бессонов Б.Н., 212, 222
- Бехер (Becher) Иоганнес Роберт,
31, 70, 101, 110, 111, 116, 117,
120, 122, 123, 143, 147, 149, 162,
206, 221, 222
- Бибо (Bibó) Иштван, 224
- Биллингер Карл (псевдоним
П.Массинга), 159
- Бирман, 87
- Биро (Bíró) Лайош, 144
- Биро-Розингер (Bíró-Rosinger), 148
- Блок А.А., 185
- Блох (Bloch) Эрнст, 98, 99, 144,
147, 171, 177, 217
- Блум (Блум) (конспиративное имя
Д.Лукача), 67, 68, 69, 81, 83, 84,
139, 140, 189, 190, 219
- Бокани (Bokányi) Дежё, 75
- Болгар (Bolgár) Элек (Алекс,
Александр), 70, 118, 121, 159
- Бондарев А., 97, 112
- Бониш (Бонис) (Bónis?), 54, 63
- Бордига (Bordiga) Амадео, 106, 150
- Боркенау (Borkenau) Ф., 218
- Боровков, 59
- Боровский, 42, 51, 52, 53, 65, 71, 75
- Борщев Т.М., 13, 14, 68
- Бочков В.М., 12, 13, 62
- Бозр (Boér) Ференц (Франц), 42, 71
- Бозр (Боэр) Эдит, 42, 51, 52, 53, 65,
71
- Браер Иллош (Броер Иллеш?), 29
- Бредель (Bredel) Вилли, 143
- Брехт (Brecht) Бертольд, 110, 143,
144, 149, 155, 196, 197, 222
- Бризе Р.К., 67
- Брики О.М. и Л.Ю., 216
- Броди (Bródy) Шандор, 169
- Брук М. ван ден, 157, 160
- Брушлинский В., 92, 93, 94, 144
- Бубер (Buber) Мартин, 168
- Бубер-Нойман (Buber-Neumann)
М., 142, 154
- Бунина, 113
- Бухарин Н.И., 140, 153
- Быховский Б.Э., 123, 124, 125, 163
- Бюхнер (Büchner) Георг, 99
- Вагнер (Wagner) Рихард, 144
- Ваго (Vágó) Бела, 70, 75, 106, 107,
150, 152, 154
- Вайда (Vajda) Михай, 227
- Вайль (Weil) Феликс, 145
- Вайнерт (Weinert) Эрих, 116, 117,
156
- Вайсберг Алекс (Александр
Семенович) (Weissberg-
Cybulsky), 107, 153
- Вальцель (Walzel) Оскар, 91, 143
- Вангенгейм (Wangenheim) Густав
фон, 120
- Вангуш Г.О., 141

- Варга (Varga) Енё (Евгений Самуилович), 7, 10, 31, 70, 92, 120, 162
- Варьяш (Varjas) Шандор. 92. 120. 162
- Васильев Н., 124
- Ваш (Vas) (Вейнбергер) Золтан, 107
- Вебер (Weber) Альфред, 91, 143
- Вебер (Weber) Макс, 143, 146, 166, 171, 174, 177, 178, 180, 188, 217, 218
- Вейгингер, 108
- Вейс Нандор (Фердинанд), 26, 68
- Вереш (Veres) Петер, 226
- Вереш И., 225
- Вернфельд А.С., 141
- Вертхаймер (Wertheimer) Адель, мать Д.Лукача, 168
- Виден (Wieden) Питер (Эрнст Фишер), 31, 70
- Видор (Vidor), Маришка, 64
- Визель. 56, 57, 58
- Виндельбанд (Windelband) Вильгельм, 155, 177
- Виноградов В.К., 160
- Виноградов И.И., 211
- Вирсинг Гизелхерт, 149
- Витфогель (Wittfogel) Карл-Август, 102, 118, 148, 161
- Витц, 103
- Влодзимирский Л.Е., 52, 77
- Волкова Н.Б., 8
- Вольфгейм Фриц, 151
- Воскресенская З., 161
- Воякина Н.Н., 8
- Вышинский А.Я., 153, 205, 213
- Габор (Gábor) Андор, 76, 102, 103, 107, 120, 147, 148, 149, 162, 163
- Габсбурги, 44, 168, 181, 184
- Галлас (Gallas) Хельга, 143
- Гальперн О., 162
- Ган-Зин Лиану, 141
- Гарай (Garai) Карой, 107
- Гауптман (Hauptmann) Герхарт, 169, 170
- Геббель (Hebbel) Фридрих, 112
- Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих, 45, 74, 80, 82, 114, 116, 124, 125, 127, 129, 130, 135, 141, 146, 148, 149, 163, 168, 178, 179, 181, 191, 193, 198, 199, 212, 217
- Гейне (Heine) Генрих, 93, 99, 131, 135, 146, 193, 195
- Геллер (Heller) Лайош, 63
- Гельдерлин (Hölderlin) Иоганн Фридрих, 93, 135
- Георге (George) Стефан, 106, 180, 216
- Гергей (Гергель) (Gergely) Шандор, 31, 70, 107, 120, 123, 152, 162, 225
- Гердер (Herder) Иоганн Готфрид, 112
- Герё (Герэ) (Gerő) Эрне, 31, 70
- Гесс (Hess) Монсей, 92
- Гете (Goethe) Иоганн Вольфганг, 68, 93, 131, 132, 135, 155, 168, 184, 193, 194, 195, 199, 215, 222
- Гидаш (Hidas) Антал, 53, 77, 128
- Гиршфельд А.В., 159
- Гитлер (Hitler) Адольф, 62, 98, 99, 102, 115, 118, 121, 149, 158, 160, 161, 192, 199
- Гойниш (Хайниш) Карл (Hajnis Károly?), 64
- Гольдман (Goldmann) Люсьен, 175
- Гончаров И.А., 215
- Горский Л.Ш., 103, 104
- Горький М., 114, 128, 133, 134, 135, 165, 170, 185
- Гофман (Hoffmann) Франц (Хофман Ференц), 54, 63, 64
- Гофман (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей, 195
- Грабенко Елена, 177, 215
- Грабовский (Grabowsky) Адольф, 117, 157, 158

Грейнер (Greiner) Йозеф, 121, 162
Гриб В.Р., 193
Гулыга А.В., 227
Гуляев П.В., 137, 157, 165
Гупперг Г.Л., 141
Гуссерль (Husserl) Эдмунд, 108,
141, 145, 155, 181
Гюнтер (Günther) Ганс, 147

Давыдов Ю.Н., 146
Дамянов Георгий, 156
Датт (Datt) Раджани Палм, 99, 146
Дёблин (Döblin) Альфред, 142, 144
Деборин А.М., 84, 86, 87, 95, 115,
137, 140, 141, 144, 156, 189, 192,
219

Денисов Н., 125
Дери (Déry) Тибор, 205, 225, 226
Джойс (Joyce) Джеймс, 133, 144,
196

Дзенигис Я.Э., 66
Дильтей (Dilthey) Вильгельм, 81,
155, 171, 185

Димитров Георгий, 6, 7, 10, 64,
117, 122, 136, 156, 161, 163

Дмитриев А.Н., 73, 215, 216, 217,
218

Дорофеев, 59
Дос Пассос (Dos Passos) Джон, 133,
144

Достоевский Ф.М., 97, 99, 127, 128,
134, 144, 165, 176, 177, 215, 217

Дункер Герман, 149
Дымшиц А.Л., 211, 227
Дьюи (Dewey) Джон, 147

Дювель О., 141
Дюркгейм (Durkheim) Эмиль, 178

Егер (Jäger) Ганс, 118, 145, 159
Еголин А.М., 116, 117, 120
Ежов Н.И., 75
Ермилов В.В., 197

Жид (Gidé) Андре, 146

Жолио-Кюри (Joliot-Curie) Ирен и
Фредерик, 153
Журавлев, 13, 14

Заволжский С., 204, 226
Зайдлер (Seidler) Ирма, 175
Зайдлер (Seidler) Стелла, 120, 123
Зайдлер (Seidler) Эрнэ, 107, 152
Залаи (Zalai) Бела, 40, 71, 178, 186
Зарайский, 96
Заруцкая Л.Л., 8
Зауэр Ф.А., 141
Зегерс (Seghers) Анна, 149
Земляной С.Н., 10
Зиммель (Simmel) Георг, 81, 144,
147, 155, 166, 170, 171, 172, 178,
185

Зиновьев Г.Е., 147
Зомбарт (Sombart) Вернер, 81
Зоммер (Sommer) Карл, 64
Зусман (Zusmann) М., 215

Ибсен (Ibsen) Генрик, 114, 170, 174
Иванов, 87
Иллеш (Illés) Бела, 163
Иллеш (Illés) Ласло, 9

Кадар (Kádár) Янош, 209
Калиничев, 136, 137, 165
Каллаи (Kállai) Дюла, 206
Каменев Л.П., 147
Каммари М.Д., 95, 96, 97, 144
Кант (Kant) Иммануил, 45, 114,
130, 199, 217
Канторович (Kantorowicz)
Альфред, 118, 160
Карикаш (Karikás) Фридеш, 107,
154

Каройи (Károlyi) Михай, 62, 153,
181, 182, 183, 184
Карш (Karsch) Вальтер, 144
Касрадзе К.М., 126, 163
Каутский (Kautsky) Карл, 150
Кафка (Kafka) Франц, 144, 196
Кафтанов С., 125

- Кашшак (Kassák) Лайош, 152, 179, 183
 Келен (Kelen) Йозеф, 152
 Келлер (Keller) Готфрид, 111, 112, 135, 155, 156
 Келлерман (Kellermann) Бернхард, 142
 Кельзен (Kelsen) Ханс, 37
 Кеменов В.С., 31, 70
 Керр (Kerr) Альфред, 169, 186
 Кёстлер (Koestler) Артур, 153, 160
 Кириллов, 38, 41, 43, 47, 75
 Кирлотин В.Я., 97
 Киселев Е., 205, 213
 Клейст (Kleist) Генрих фон, 99, 135
 Клопшток (Klopstock) Фридрих Готлиб, 112
 Книф Иоганн, 151
 Кодай (Kodály) Золтан, 172, 184, 214
 К эзлов Ф.Ф., 54, 55, 87, 141
 Кольман Э., 124
 Комаров В.П., 113
 Комор (Komor) Имре (Эмерих), 107, 154
 Комьят (Komját) Аладар, 71, 144, 148
 Кондрашин, 56, 57
 Константинов И.А., 49, 53, 54, 55, 56, 65, 75
 Коплениг (Koplenig) Иоганн, 31, 70
 Корвин (Korvin) Отто, 39, 40, 71, 80, 82, 115, 186
 Корш (Korsch) Карл, 106, 148, 150
 Костолани (Kosztolányi) Дежё, 179, 184
 Крейц Вернер, 160
 Крелс М.Е., 87
 Кропф В.М., 141
 Крючков В.А., 227
 Ку Фредерик, 106, 150
 Кукхоф (Kuckhof) Адам, 119, 149, 157, 161
 Кун (Kun) Агнеш, 225
 Кун (Kun) Бела, 29, 40, 43, 46, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 83, 107, 115, 151, 152, 159, 186, 187, 225
 Кун (Kun) Ирен (И.С.), 141
 Кунфи (Kunfi) Жигмонд, 72, 76, 184
 Курелла (Kurella) Альфред, 144
 Куусинен О.В., 161
 Кушнерев, 38
 Кьеркегор (Kierkegaard) Серен, 170
 Лакер У. (Laquer W.), 158
 Лакшин В.Я., 197, 211, 222, 227
 Ландау Л.Д., 153
 Ландлер (Landler) Енё, 46, 67, 69, 71, 73, 74, 76, 80, 83, 136, 139, 187
 Ландор (Lándor) Бела, 107, 154
 Ландор М., 213
 Ландсхут (Landshut) Зигфрид, 145
 Лао-цзы, 155
 Ласк (Lask) Эмиль, 178
 Ласло (László) Енё, 70
 Лассаль (Lassale) Фердинанд, 92
 Лауфенберг Генрих, 151
 Леви (Levi) Пауль, 151
 Левин Ф.М., 31, 70
 Левингер (Löwinger) Андор, 106, 154
 Лёвингер (Löwinger) – см.
 Лукач Йозеф, 167
 Левшин Б.В., 8
 Лейзер, 161
 Лейпунский А.И., 153
 Ленау (Lenau) Николаус, 112, 156
 Лендел (Ленгьел) (Lengyel) Дюла (Юлиус), 106, 107, 150, 152, 154
 Ленин В.И., 28, 44, 45, 69, 80, 82, 84, 86, 92, 101, 106, 115, 139, 141, 150, 156, 187, 189, 191, 192, 199, 204
 Ленц (Lenz) Макс, 160
 Ленц (Lenz) Фридрих, 112, 117, 118, 157, 158, 159, 160

- Ленц (Lenz) Якоб Михаэль
Рейнхольд, 112
- Леонгард В., 160
- Леонов М.А., 123, 124, 163
- Лесаж (Lesage) Ален Рене, 132
- Леснаи (Lesznai) Анна, 183, 193
- Лешницер (Leschnitzer) Ф., 120
- Либенсон, 32, 49
- Либкнехт (Liebknecht) Карл, 151
- Линкс Якоб (псевдоним Гейнца Поля), 148
- Липпай (Lippay) Золтан, 29, 69
- Лист Фридрих, 118, 160
- Лифшиц М.А., 31, 70, 141, 142, 144, 191, 193, 211, 220, 221
- Локош (Lökös?), 63
- Лосев А.М., 16
- Лосский Н.О., 177
- Лукач (Lukács) Йожеф, 47, 48, 76, 80, 81, 167, 168, 213
- Лукач (Lukács) Мария (Миши), 177
- Лукач (Lukács) Янош, 168
- Луначарский А.В., 87, 142
- Лунин А.Ф., 16
- Луппол И.К., 97
- Люксембург (Luxemburg) Роза, 44, 82, 151
- Мадарас (Madarász) Эмил, 120, 123, 162
- Маегов А., 95
- Майер (Mayer) Якоб, 98, 145
- Майерхоффер (Mayerhoffer) Георг, 29, 70
- Макдональд (Macdonald) Джеймс Рамсей, 218
- Максимов А.А., 123, 163
- Маленков Г.М., 10
- Малоу, 103
- Манн (Mann) Генрих, 99, 111, 156, 160, 186
- Манн (Mann) Томас, 31, 70, 76, 99, 111, 116, 130, 155, 156, 166, 178, 186, 190, 196, 199
- Маннхейм (Mannheim) Карл (Карой), 99, 146, 180, 185
- Мануильский Д.З., 142
- Маринич М., 125
- Маркс (Marx) Карл, 44, 74, 82, 84, 86, 87, 92, 98, 114, 115, 127, 131, 135, 145, 147, 148, 159, 188, 191, 217, 218, 219, 220, 224
- Маркузе (Marcuse) Людвиг, 99, 146
- Маркуш (Márkus) Дёрль, 210, 227
- Массинг (Massing) Пауль, 118, 119, 159
- Массинг (Massing) Хедде, 159
- Матейка (Mathejka) Янош (Иогани), 107, 152
- Матэ-Залаи (Máté-Zalai) Ольга, 40, 41
- Мах (Mach) Эрнст, 185
- Маца (Macza) Янош (И.А.), 107, 152
- Меринг (Mehring) Франц, 92
- Меркулов В.Н., 7, 12, 13, 62
- Мерло-Понти (Merleau-Ponty) Морис, 201
- Минаев, 50
- Митин М.В., 96, 112
- Михайлова Е.Н., 31, 70
- Михайлова-Дмитриева, 141
- Молотов В.М., 10, 30, 31, 70, 148, 150, 154
- Мольер (Moliere) Жан Батист, 222
- Мольтке Георг, 114, 156
- Мориц (Móricz) Жигмонд, 179, 184
- Мотылева Т.Л., 31, 70, 129, 164, 198, 223
- Мэнерт (Mehnert) Клаус, 117, 158
- Мюллер (Müller) Рейнхард, 141, 156
- Мюллер Карл, 105
- Мюнценберг (Münzenberg) Вильгельм, 143
- Надь (Nagy) Имре, 206
- Нарский И.С., 212, 222
- Наумов О.В., 8

- Некрасова, 12
 Никиш (Niekisch) Эрнст, 117, 149, 157, 158, 160
 Никодорф К.О., 141
 Николаевский Б.И., 145
 Нилаш (Нилош) (Гидаш Антал), 51, 53, 65
 Нири (Nyíri) Криштоф, 215
 Ницше (Nietzsche) Фридрих, 93, 125, 136, 207
 Новалис (Novalis), 171
 Нойман (Neumann) Гейнц, 88, 142, 143, 154
 Нормай (Normai) Эрнё, 154
 Оттвальт (Ottwalt) Эрнст, 143, 144, 193
 Пал (Pál) Юдит, 53, 77
 Панях В.М., 10
 Паннекук (Panneckeok) Антонин, 150
 Парадизова Р.И., 8
 Пархомчук Ю.В., 66
 Паскаль П.К., 141
 Паскевич И.Ф., 179
 Пастернак Б.Л., 223
 Пелузо Э.П., 141
 Переверзев В.Ф., 164
 Перенн Ж., 153
 Петефи (Petőfi) Шандор, 156, 206
 Пивненко, 75
 Пик (Pick) Вильгельм, 31, 70, 117, 123, 156
 Плеханов Г.В., 144
 Пливье (Plivier) Теодор, 116, 120, 123, 156
 Погань (Pogány) Йозеф, 76
 Подобедов, 59
 Познер В., 94
 Полани (Polányi) (Штрайкер) Лаура, 153
 Полани (Polányi) Карл (Карой), 153
 Полани (Polányi) Мишель (Михай), 153
 Поликарпов Д.А., 116, 117
 Польш (Pol) Гейнц, 148
 Поппер (Popper) Лео, 175
 Поцелуев С.П., 215, 216
 Прудников, 137
 Пруст (Proust) Марсель, 133, 196
 Пугачев, 26, 29, 30, 32, 33, 36, 38, 49, 50
 Пушкин Г.М., 206
 Пшеницын, 86
 Пятницкий О.А., 86, 140, 141, 191
 Раабе (Raabe) Вильгельм, 135
 Рабле (Rabelais) Франсуа, 132
 Радвани (Radványi) Ласло (Шмидт Йохан-Лоренц), 149
 Радек Карл, 151
 Райк (Rajk) Ласло, 71, 204
 Ракош (Rákos) Ференц (Франц), 33, 70, 71
 Ракоши (Rákosi) Матяш, 6, 7, 31, 70, 107, 119, 121, 122, 126, 198, 203, 204, 205, 213, 226
 Ранке (Ranke) Леопольд фон, 160
 Раушнинг (Rauschning) Г., 159
 Реваи (Révai) Йозеф, 69, 70, 104, 106, 107, 121, 142, 151, 205, 225
 Рейс Игнаций, 159
 Риббентроп (Ribbentrop) Иоахим, 148, 150, 154
 Риккерт (Rickert) Генрих, 155, 177
 Розвани, 120
 Розе, 103
 Розенберг (Rosenberg) Альфред, 96, 98, 144, 207
 Розенталь М.М., 31, 70, 123, 163
 Ройзман, 86, 87
 Рокитянский Я.Г., 8, 141, 156
 Романьчев, 54, 55, 56
 Ромашенко, 50
 Рор В.Е., 141
 Рубинер, 85
 Рудаш (Rudas) Бела, 51, 65
 Рудаш (Rudas) Ласло (Владислав Вильгельмович), 4, 6, 7, 9, 33,

- 34, 35, 36, 47, 49, 51, 53, 59, 65,
70, 71, 75, 76, 84, 100, 101, 121,
147, 148
- Руссо (Rousseau) Жан Жак, 132
- Рязанов Д.Б., 87, 115, 137, 141, 145,
148, 156, 191
- Самойлов Д.С., 155
- Самсонов, 152
- Самуэли (Szamuely) Тибор, 70
- Санто (Szántó) Золтан, 42, 71
- Санто (Szántó) М.Г., 141
- Сартр (Sartre) Жан Поль, 201
- Сафонов Г., 12, 13
- Сафронов Б.Г., 124
- Сац И.А., 142, 193, 211
- Сезанн (Cezanne) Поль, 173
- Секей (Секели) (Székely) Бела, 29,
69, 75, 107, 152
- Середа В.Т., 8, 221
- Серени (Szerényi) Шандор, 139
- Серов И.А., 12, 13
- Сиклаи (Sziklai) Ласло, 8, 10, 149,
162
- Сирмай (Szigmai) Иштван, 227
- Скосяков, 162
- Соловьев В.С., 215
- Соф, 87
- Спенсер (Spencer) Герберт, 173
- Ставский В.П., 150
- Сталин И.В., 6, 7, 10, 115, 141, 153,
156, 160, 161, 204, 207, 222
- Стендаль (Stendhal), 132
- Степун Ф.А., 177
- Стерн (Sterne) Лоренс, 132, 171
- Стриндберг (Strindberg) Юхан
Август, 170
- Стькалин А.С., 10, 215, 221
- Судоплатов П., 161
- Суслин, 54, 55, 56
- Табрисская Ж.А., 141
- Тальгеймер (Thalheimer) Август,
73
- Тарнопольский Ю., 172
- Твардовский А.Т., 211
- Тельман (Thälmann) Эрнст, 142,
143
- Тертуллиан (Tertullianus) Квинт
Септимий Флоренс, 182
- Тимар (Timár) Степан Бойлович
(Тимар Иштван), 4, 5, 9, 13, 43,
51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 62, 63,
64, 65, 66, 67, 75
- Тинеманн (Thienemann) Тивадар,
225
- Тиса (Tisza) Иштван, 167
- Тихомиров Р.Г., 67
- Тициен (Tietjen) Хайнц, 119, 161
- Товстуха И.П., 86, 141, 191
- Толстой Л.Н., 120, 127, 128, 134,
135, 144, 162, 165, 194, 215
- Трельч (Troeltsch) Эрнст, 91, 143,
146
- Уиц (Uitz) Бела, 163
- Ульбрихт (Ulbricht) Вальтер, 206
- Ульрих В.В., 54, 55
- Усиевич Е.Ф., 31, 70
- Фадеев А.А., 104, 105, 117, 150,
205, 221
- Файхингер (Vaihinger) Ганс, 155
- Фаркаш (Farkas) Михай, 204, 226
- Федотов П.В., 52, 57, 76
- Фейербах (Feuerbach) Людвиг, 93,
111, 135
- Фейтё (Fejtő) Ференц, он же Фейто
Франсуа, 201, 223, 225
- Фейхтвангер (Feuchtwanger) Леон,
146
- Фёрстерлинг (Försterling) Пауль,
161
- Фет, 99
- Фехер (Fehér) Ференц, 227
- Фильдинг (Fielding), 132
- Фишер (Vischer) Рут, 68, 106, 150
- Фишер (Vischer) Фридрих Теодор,
92
- Флиг (Flieg) Лео, 143

Фогараш (Fogarasi) Бела, 92, 120,
123, 150, 162
Фойт Г., 157
Фокс (Fох) Ралф, 133, 141, 165
Фрайер (Frayer) Ханс, 98, 146
Франк (Frank) Бруно, 186
Фрейд (Freud) Зигмунд, 178
Фрелих (Frölich) Пауль, 151
Фурман (Furman) Эмма, 88, 106,
142, 143, 149, 151
Фюлеп (Fülep) Лайош, 177
Фюрнберг (Führnberg) Фридль, 64

Хан, 107
Хай (Háy) Дюла (Гай Юлиус), 120,
144, 147, 162, 163
Хайдеггер (Heidegger) Мартин, 145
Хайду (Hajdu) Пал, 75
Хайду (Hajdu) Тибор, 63
Хайниш Карл (Hajnis Károly?), 66
Хайош (Hajos) Эдит, 106, 107, 151,
154
Харнак (Harnack) Адольф фон, 159
Харнак (Harnack) Арвид, 118, 157,
159, 160, 161
Харнак (Harnack) Мильфред, 119,
160, 161
Хаузер (Hauser) Арнольд, 174, 180,
185, 210, 217
Хаутерманс Фридрих-Георг, 153
Хевеши (Hevesi) Дюла, 71
Хевеши (Hevesi) Шандор, 214
Хевеши М. А., 74, 140, 215
Хеллер (Heller) Агнеш, 210, 227
Хетч (Hoetzsch) Отто, 117, 157, 160
Хиллер (Hiller) К., 159
Хильшер Фридрих, 117, 157
Хирошик (Hirossik) Янош, 83, 139
Хонт (Hont) Ференц, 225
Хорват (Horváth) Мартон, 204, 205
Хорти (Horthy) Миклош, 186
Хук (Hook) Сидни, 100, 147
Хусти (Huszt) Ференц, 42,
43, 69, 72

Цалкина, 49, 50, 53
Цвейг (Zweig) Арнольд, 31, 70,
108, 154, 155
Цельман, 86
Церер (Zehrer) Ганс, 149, 160
Цеткин (Zetkin) Клара, 151
Цобель (Czóbel) Эрнэ (Э.И.), 141

Черномырдик М.Б., 104, 150
Черных В., 12, 13, 14, 63
Черняков Ю., 227
Чехов А.П., 170

Шагинян М.С., 220
Шарапов Э., 161
Шаррер (Scharer) Адам, 117, 120,
156, 162
Шаш (конспиративное имя Серени
Шадора), 81, 139
Шварцвальд Герман, 37, 38, 48
Шварцвальд Евгения, 37, 38, 83
Шекспир (Shakespeare) Уильям,
184, 194, 220, 222
Шелер (Scheler) Макс, 145
Шенгар Альфред (Штейнер Карл),
151
Шенгар Альфред (Штенер Карл),
106, 151, 152
Шиллер (Schiller) Фридрих, 93,
108, 112, 116, 131, 156, 174, 193,
195, 199, 215, 221
Шиллингер (Schillinger) Ласло
(Ладислаус), 26, 68
Шильски, 103
Шимон (Simon) Йолан (Елан), 26,
68
Шиффер (Schiffer) Пал (Шифер
Пауль), 64, 66
Шкловский В.Б., 164
Шлейхер (Schleicher) Курт фон,
149
Шлюгер, 57, 58
Шмидер К., 117
Шмюкле (Schmückle) Карл, 141,
147

- Шомло (Somló) Бодог, 170
 Шопенгауэр (Schopenhauer)
 Артур, 136, 170, 207
 Шпальтер (Schpalter?) Франц
 (Ференц), 66
 Шпенглер (Spengler) Освальд, 141
 Шпет Г.Г., 141
 Штрайкер (Streiker) Ева, 107, 153
 Штрайкер (Streiker) Шандор, 153
 Штрассер (Strasser) Отто, 149, 158,
 159
 Шульце-Бойзен (Schulze-Boysen)
 Харро, 159, 161
 Шумпетер (Schumpeter) Йозеф
 (Шумпейтер Юзеф). 37, 38, 71
 Шюддекопф О., 149
 Эйнштейн (Einstein) Альберт, 149,
 153
 Эйслер (Eisler) Ганс, 68, 144, 149
 Эйслер (Eisler) Герхард, 68
 Энгельс (Engels) Фридрих, 45, 84,
 86, 87, 92, 115, 127, 135, 145,
 159, 220, 224
 Эрнбург И.Г., 223
 Эрнст (Ernst) Пауль, 119, 143, 144,
 147, 149, 157, 158, 178, 186, 217
 Эрпенбек (Erpenbeck) Фриц, 221
 Эрши (Eörsi) Иштван, 169, 178
 Эше, 103
 Эшман Эрнст Вильгельм, 149
 Юдин П.Ф., 31, 70, 87, 123, 124,
 141, 163, 191
 Юнгер (Jünger) Эрнст, 117, 119,
 149, 157, 158, 161
 Юстус (Justus) Пал, 42, 51, 52, 53,
 54, 65, 71, 75, 77
 Юхас (Juhász) Дюла, 179
 Янка (Janka) Вальтер, 206
 Яноши (Jánossy) Анна, 16
 Яноши (Jánossy) Ференц, 8, 10, 222
 Яноши (Яносси) (Jánossy
 Bortstieber) Гертруда, 16, 30, 31,
 68, 119, 120, 121, 123, 162, 216,
 223
 Янчо (Jancsó) Карой, 70
 Яси (Jászi) Оскар, 153, 171, 173,
 179
 Ясперс (Jaspers) Карл, 201

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3

Следственное дело Д.Лукача (июнь–август 1941 г.)

1. Справка о передаче следственного дела Д.Лукача в архив.....	12
2. Постановление об аресте	12
3. Постановление об избрании меры пресечения.....	13
4. Протокол обыска на квартире Д.Лукача от 29 июня 1941 г.....	14
5. Опись ценностей, изъятых при аресте.....	21
6. Квитанции о приеме на хранение документов и ценностей арестованного Д.Лукача.....	21
7. Протокол допроса Д.Лукача от 3 июля 1941 г.....	25
8. Протокол допроса Д.Лукача от 4 июля 1941 г.....	28
9. Протокол допроса Д.Лукача от 6 июля 1941 г.....	29
10. Гертруда Лукач-Яноши – В.М.Молотову. 8 июля 1941 г.....	30
11. Постановление о предъявлении обвинения от 12 июля 1941 г.....	32
12. Протокол допроса Д.Лукача от 13 июля 1941 г.....	32
13. Протокол допроса Д.Лукача от 13 июля 1941 г.....	33
14. Протокол допроса Д.Лукача от 15 июля 1941 г.....	37
15. Постановление старшего следователя Кириллова от 22 июля 1941 г. о принятии дела к производству.....	38
16. Протокол допроса Д.Лукача от 23 июля 1941 г.....	39
17. Протокол допроса Д.Лукача от 5 августа 1941 г.....	41
18. Протокол допроса Д.Лукача от 5 августа 1941 г.....	43
19. Копия протокола допроса Л.Рудаша от 11 июля 1941 г.....	47
20. Постановление об уничтожении материалов обыска от 3 июля 1941 г.....	49
21. Акт от 6 июля 1941 г. об уничтожении материалов, изъятых у Д.Лукача при обыске.....	50
22. Справка по следственному делу Д.Лукача.....	50
23. Выписка из протокола допроса И.Тимара от 9 мая 1941 г.....	52
24. Копия протокола судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу И.Тимара.....	54
25. Копия приговора Военной коллегии Верховного суда СССР по делу И.Тимара.....	55
26. Постановление о прекращении дела в отношении Д.Лукача от 20 августа 1941 г.....	56
27. Служебная записка об освобождении Д.Лукача из-под стражи.....	58

28. Справка об освобождении из мест заключения от 26 августа 1941 г.....	58
29. Справка об изъятии из следственного дела иностранных денежных знаков.....	59
30. Записка начальника I спецотдела НКВД Баштакова интенданту I ранга Боровкову.....	59
31. Талон ордера на освобождение.....	60
32. Расписка о получении личных документов.....	60
Примечания.....	62

ПРИЛОЖЕНИЕ. Д.Лукач в Советском Союзе (1929–1931, 1933–1945). Материалы к биографии

1. Биография Д.Лукача, подготовленная для составления примечаний и указателей к сочинениям В.И.Ленина.....	80
2. Письмо ЦК КПВ в ЦК ВКП(б) с просьбой узаконить пребывание Д.Лукача в СССР. 29 марта 1930 г.....	81
3. Автобиография Д.Лукача от 1 апреля 1930 г.....	81
4. Из стенограммы общего собрания партийной организации ИМЭ. 20 ноября 1930 г.....	85
5. Из записки О.А.Пятницкого И.П.Товстухе. 2 марта 1931 г.....	86
6. Выписка из протокола № 2 заседания Комиссии ЦКК ВКП(б) по проверке и чистке рабочих и служащих Института Маркса и Энгельса. 5 марта 1931 г.....	86
7. Из выступления А.В.Луначарского на заседании директората Института литературы, искусства и языка Коммунистической академии. 28 мая 1933 г.....	87
8. Справка Э.Фурман о Лукаче. 10 ноября 1933 г.....	88
9. Заявление Д.Лукача о получении им ученой степени доктора философии в Будапештском университете. [Май 1935 г.].....	91
10. Список научных работ Д.Лукача. [Май 1935 г.].....	92
11. Автобиография Д.Лукача от 16 мая 1935 г.....	93
12. Ходатайство В.Познера в квалификационную комиссию Института философии Комкадемии. 19 мая 1935 г.....	94
13. Характеристика Д.Лукача, выданная Институтом философии Комкадемии. [Май 1935 г.].....	95
14. А.М.Деборин Из отзыва на статью Д.Лукача «К истории возникновения национал-социалистической теории мифа». 31 мая 1935 г.....	95
15. М.Д.Каммари. Из отзыва на статью Д.Лукача «К истории возникновения национал-социалистической теории мифа». [Июнь, 1935 г.].....	96

16. Выписка из протокола № 3 заседания квалификационной комиссии Института философии Комакадемии. 20 октября 1935 г.....	96
17. Отзыв М. Д. Каммари о статье Д. Лукача «Фашизм и теория литературы в Германии». 25 ноября 1935 г.....	97
18. Выписка из протокола № 1 заседания литературной подкомиссии квалификационной комиссии Института философии Комакадемии от 28. XI. 1935 г.....	97
19. Из стенограммы выступления Д. Лукача в Институте философии АН СССР о положении марксистско-ленинской философии на Западе. 17 апреля 1936 г.....	98
20. Из стенограммы обсуждения в Институте философии АН СССР состояния марксистско-ленинской философии на Западе. 17 апреля 1936 г.....	100
21. Справка И. Р. Бехера о работе Д. Лукача в Германии. 10 мая 1936 г.....	101
22. Справка А. Габора о работе Д. Лукача в Германии. 19 мая 1936 г.....	102
23. Решение комиссии КПГ о переводе Д. Лукача в ВКП(б). 22 июня 1936 г.....	103
24. Запрос Л. Ш. Горского о возможности привлечения Д. Лукача к работе в Ленинской школе. 5 декабря 1936 г.....	104
25. Д. Лукач – А. А. Фадееву. 16 января 1937 г.....	104
26. Обращение немецкой секции ССП к А. А. Фадееву. 21 октября 1937 г.....	105
27. К. Мюллер – Д. Лукачу. 18 мая 1937 г.....	105
28. Информация Б. Ваго в отдел кадров ИККИ. 11 ноября 1937 г.....	106
29. А. Цвейг – Д. Лукачу. 30 мая 1938 г.....	108
30. Д. Лукач – в дирекцию издательства «Искусство». 21 июня 1938 г.....	109
31. Немецкая секция ССП – в дирекцию издательства «Искусство». 21 июня 1938 г.....	109
32. Б. Брехт – И. Р. Бехеру. [Сентябрь 1938 г.].....	110
33. Д. Лукач – в немецкую секцию ССП. 16 сентября 1938 г.....	111
34. Д. Лукач – М. Я. Аплетину. 29 декабря 1938 г.....	112
35. Приказ № 147 по Институту философии АН СССР от 19 ноября 1938 г.....	113
36. Распоряжение Президента АН СССР об освобождении Д. Лукача от работы в Институте философии. 13 декабря 1938 г.....	113
37. Справка отдела кадров ИККИ с рекомендацией восстановить Д. Лукача в ВКП(б). 15 ноября 1940 г.....	113

38. Автобиография Д. Лукача от 2 декабря 1940 г.	114
39. М. Я. Аплетин – А. М. Еголину. [Март] 1941 г.	116
40. Справка о деятельности Арбплана и Союза работников умственного труда в Германии, подготовленная Д. Лукачем для отдела кадров ИККИ. 4 апреля 1941 г.	118
41. Д. Лукач – М. Ракоши. 23 декабря 1941 г.	120
42. Д. Лукач – М. Ракоши. 3 апреля 1942 г.	121
43. И. Бехер – М. Ракоши. 22 апреля 1942 г.	122
44. Д. Лукач – М. Ракоши. 9 мая 1942 г.	122
45. Протокол № 1 заседания Ученого Совета Института философии АН СССР. 29 декабря 1942 г.	124
46. Протокол заседания счетной комиссии Ученого Совета Института философии АН СССР от 29 декабря 1942 г.	124
47. Постановление ВАК от 28 августа 1943 г. об утверждении Д. Лукача в ученой степени доктора философских наук	125
48. Из отчета зав. сектором истории философии Б. Э. Быховского о работе сотрудников за 1943 год. [Конец 1943 г.]	126
49. М. Ракоши – К. М. Касрадзе. 25 апреля 1944 г.	126
50. Отчет Д. Лукача о научной работе за I квартал 1944 г. 26 апреля 1944 г.	126
51. Отчет Д. Лукача о научной работе за 1944 г. 23 декабря 1944 г.	127
52. Автобиография Д. Лукача от 23 января 1945 г.	128
53. Отзыв А. Гидаша о Д. Лукаче. 10 февраля 1945 г.	129
54. Отчет Д. Лукача о научной работе за I квартал 1945 г. 22 марта 1945 г.	129
55. Т. Л. Мотылева. Георг Лукач – к 60-летию со дня рождения.	130
56. Калинин – Г. Димитрову. 7 июня 1945 г.	137
57. Гуляев – Прудникову. 12 июня 1945 г.	138
58. Отчет Д. Лукача о научной работе за II квартал 1945 г. 19 июля 1945 г.	138
Примечания	139
<i>А. Стыкалин. Дёрдь Лукач (1885–1971). Биографический очерк.</i> ..	166
Список сокращений	228
Именной указатель	230

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
Российской Академии Наук*

Научное издание

**БЕСЕДЫ НА ЛУБЯНКЕ.
Следственное дело Дёрдя Лукача.
Материалы к биографии.**

2-е исправленное и дополненное издание

Редакторы-составители *В. Середа, А. Стыкалин*

Обложка *М.И.Леньшиной*

ИД №01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 18.06.2001 г., 15,25 печ. л. Тираж 250 экз. Заказ № 87.

Цена договорная

Гипография ИППК «Логос» ВОС 129164, Москва, ул. Маломосковская, д. 8

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Следствие НКВД

Управление

Отдел

920393

ДЕЛО № 3085

По обвинению *Лукаш*
Георгий Осипович

Начато *30-й сентябрь* 1936 г.

В *1* т.с.м.х

Окончено *23-й август* 1936 г.

Том № *1*

После судебного рассмотрения и вступления приговора в силу, наступившее дело передано немедленно в распоряжение в 1-й Специальный отдел НКВД СССР (г.р. Москва). К делу должна быть приобщена копия приговора.

Передача находящегося в архиве материала следственных дел в такие органы или органы НКВД, хотя бы и временно, производится исключительно через Специальный отдел НКВД.

Составлены: в 1-й Спец. отдел НКВД и НКЮ Союза ССР. 1936 года.

Р19344

Судебная следственная дела оформляется по постановлению утверждаемым канцелярием соответствующего управления НКВД.

Арх. № *920393*